

Валерий Полежаев

Хакасия,

судьбой нам

дарованная...

21 ИЮЛ 2014

15 ДЕК 2016

02 НОЯ 2017

02 ФЕВ 2018

20 АПР 2018

26.890 (2Рос.Хак)
П-49

Валерий Полежаев

Хакасия, судьбой нам дарованная...

(рассказы краеведа)

ГБУК РХ
"НБ им. Н.Г. Доможакова"

Абакан, 2012 г.

УДК 908
ББК 26.890(2Рос.Хак)
П-49

П-49 Хакасия, судьбой нам дарованная.... – Абакан. 2012 г. – 288 с.

Книга финансируется за счет гранта РХ в сфере СМИ по тематическому направлению: «Развитие культуры, науки и искусства».

Автор – Валерий Полежаев.

Фото: Валерий Балахчин, Александр Колбасов, Валерий Полежаев.

Фоторепродукция на обложке художницы Тамары Ощепковой.

Отпечатано: ООО «Кооператив «Журналист»

655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Советская, 71, тел. (3902) 22 43-38

Тираж 500 экз. Заказ № 4418. Формат 60х84 1/16. Печ. л.18.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Валерий Полежаев – член Союза писателей России (1999г.). Являясь членом Союза журналистов СССР, а затем – членом Союза журналистов России, работал в газетах «Путь к коммунизму» (Усть-Абаканский район), областной, а затем республиканской газетах «Советская Хакасия» («Хакасия»), городской газете «Абакан», а также в журналах «Телесемь», «Они живут в Хакасии». Ныне – корреспондент независимой информационной газеты «Пятница».

Стихи, рассказы стал писать с 1971 года. Публиковался в районных газетах Хакасии, областной и республиканской газетах «Советская Хакасия» («Хакасия»), краевой молодежной «Красноярский комсомолец», Всесоюзном журнале «Агитатор», российском журнале «Тюркский мир». Его стихи, эссе, рассказы вы-ходили в региональных журналах «Стрежень»,

«Новь», «Абакан литературный». Является членом редколлегии общественно- ли-тературного журнала «Абакан», постоянным его автором.

Валерий Полежаев достаточно известен читающей публике как автор запоминающихся этюдов и очерков о природе, истории, археологии и этнографии Хака-сии, ее знаковых людях – поэтах, писателях, художниках, композиторах, про-свитителях...

Для художественного стиля писателя характерна художественная проникно-венность, выразительность, тонкое чувство родного языка, лирико-романтиче-ский стиль изображения окружающего мира, не лишённого порой загадочного, а то и мистического начала.

Валерий Полежаев – один из авторов стихотворного сборника «Я разгадал зе-леный стих...», детского журнала «Хоор-хоор», очерковых сборников «Память», «Время в лицах».

Его перу принадлежат книги «В любви есть привкус смерти» (1997 г.), «Первая женщина из Чилан» (1997 г.), «У злого времени в плену» (1998 г.), «Набат» (1999 г.), «Нечто, или горная мистика» (2002 г.), «Граница» (2006 г.), «Глухари на протали-нах» (2010 г.) и «Эдельвейс бирюзовой Катунь» (2011 г.), основу которой соста-вили лирико-философские зарисовки и очерки из цикла «О, Байкал!», которые в 2010 году были отмечены в Москве специальным призом жюри Всероссийского конкурса журналистов «Каждая капля воды имеет значение!», проходившего под эгидой экологической программы развития ООН.

Грантовая книга «Хакасия, судьбой нам дарованная...» - десятая книга Валерия Полежаева. Автор документально достоверен в своих рассказах о сакральных местах Хакасии и соседних республик – Тывы, Горного Алтая и Горной Шории, чтение его краеведческих эссе и очерков доставит читателю и чисто художе-ственное удовольствие.

Книга «Хакасия, судьбой нам дарованная...» может стать хорошим подспорьем студентам и школьникам в изучении регионального краеведения.

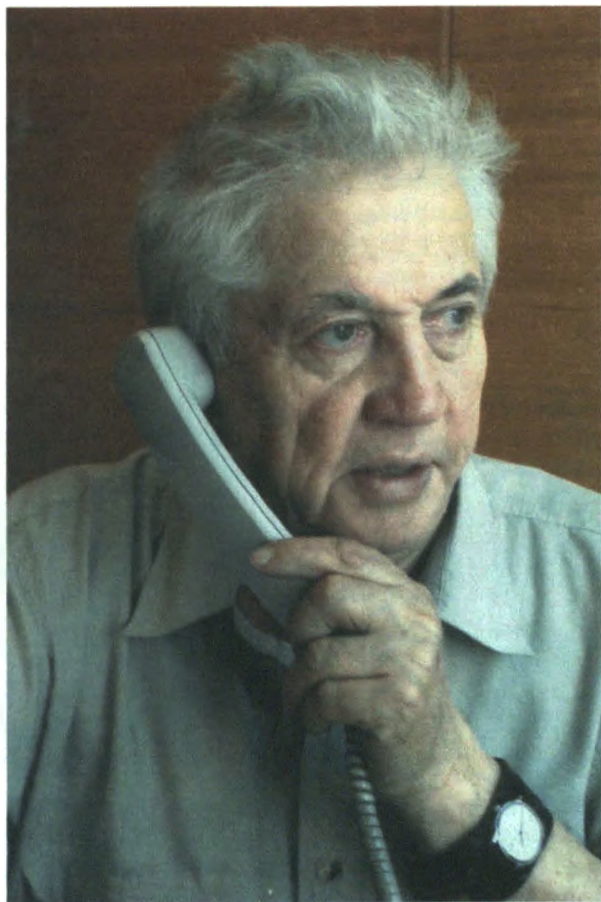
Эта книга писалась автором, членом Союза писателей России, по живым следам событий – писалась образно, в «картинках» и размышлениях, с тонким вкусом к родному слову, с познавательной заинтересованностью пытливого краеведа. Уже многих участников его, насколько исследовательского, настолько и поэтического повествования в рассказах, нет в живых. Но на страницах представленной книги они оживают: движутся, разговаривают, огорчаются или смеются, мечтают о свершениях на своей стезе, дарованной им Богом.

Валерий Полежаев, рассказывая об этих людях и событиях, практически не употребляет прошедшего времени: именно этим он достигает того, что называется «запекшейся кровью событий». Тем и ценны эти люди и эти события, в которых они участвуют, что все это преподнесено читателю без навязчивого вмешательства (и влияния!) автора. Читатель – он будто остается наедине с изображаемым в зарисовке, очерке, эссе...

Автор надеется, что его краеведческие рассказы будут интересны и ценны для всех читателей, кому близка историко-археологическая и этно-просветительская тематика этой книги, которую вы держите сейчас в руках, любопытна Хакасия древняя, заповедная, таинственная, семейными узами связанная с соседними (по духу и крови) Тувой, Горным Алтаем и Горной Шорией. Эти три, одной судьбы, республики словно ожерельем, украшают судьбоносную для всех нас, родную и впечатляющую по красоте природной, хакаскую землю.

Да, все наши четыре малые родственные республики на зеленой карте Сибири – исторически нареченные как один брат и три сестры. Это, по сути, одна большая этническая семья, дружно проживающая под единым солнцем тюркской истории на Саяно-Алтайском нагорье.

Это лишний раз подтвердили (лишний ли раз?!) все пять историко-археологических и этно-просветительских экспедиций, предпринятых энтузиастами программных путешествий под началом председателя товарищества «Национальная память» Юрия Николаевича Забелина, недавно ушедшего из жизни, которую он так любил... Экспедиций, предпринятых, помимо названных республик, еще и в Монголию, прародину рунических надписей – своеобразной камнеписной летописи древней нашей земли, – предпринятых благодаря его эрудиции, силы воли и желанию еще ближе узнать одноплеменные народы, их традиции, верования и культуру. Потому автор и посвящает этот свой краеведческий труд ему – неутомимому последователю сохранения в поколениях первородной национальной памяти – своей и родственной другой – тех людей, проживающих там, за Саянами...

Юрию Николаевичу Забелину, организатору пяти историко-археологических и этно-просветительских экспедиций по Хакасии, Туве, Горному Алтаю, Горной Шории и Монголии, его светлейшей памяти, посвящается эта книга, рассказывающая о неповторимом облике судьбоносной для нас солнечной Хакасии, которую он преданно любил, а также о трех других республиках Саяно-Алтая, являющихся семейным ожерельем для прародины тюрков – древней, заповедной и таинственной, и такой поэтически загадочно манящей неутомимых туристов не только нашей необъятной России, но и многих – многих стран заграничного мира...

Его кочевая звезда

(вместо предисловия)

... Я не стану менять ни строчки в этом мини-эссе, написанном в свое время – не буду, несмотря на то, что многое изменилось за эти быстрые годы, унесшие – безболезненно, тихо, – и самого Юрия Николаевича Забелина в мир иной, вечный. Он для меня, как и для многих его друзей, – всегда живой, и потому зачем все, ранее написанное о нем, менять на прошедшее время? Ни к чему ведь это!

Итак...

В Хакасии имя Юрия Николаевича Забелина известно хорошо, особенно в среде творческой интеллигенции. Он – директор бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей Хакасии, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Республики Хакасия. Во ВГИКе, который Юрий Николаевич окончил в 1955

году, его звали кочевником.

Он и родился-то прямо во время экскурсии отца с матерью из Дарасуна в Читу, т.е. в пути.

Будучи студентом, участвовал во многих экспедициях, в том числе и по следам легендарного Дерсу Узала. Снимался в фильме С. Герасимова «Сельский врач». Был знаком с В.Шукшиным, тоже в то время учившимся во ВГИКе. Василий Макарович советовал ему быть самостоятельным, делать все для того, чтобы добиваться своего, и занял у молодого Забелина два рубля в трамвае, которые так и не отдал...

Попал во ВГИК Юрий Забелин, понравившийся знаменитому советскому кинорежиссеру Ивану Пырьеву, тоже сибиряку, благодаря именно этому счастливому знакомству и случаю. Мало того: будучи в Москве, он первые месяцы жил не где-нибудь, а на престижной даче у великого мастера! И когда его спросили об этом и он ответил, авторитет Пырьева для экзаменационной комиссии сделал, конечно, свое дело. Судьба открыла талантливому (и удачливому!) молодому человеку художественные ворота в мир киноискусства. Так и хочется сказать: «Ай, да Пырьев, ай, да молодец!» И Забелину – тоже.

Дипломный сценарий художественного фильма Ю.Забелина «Грозовой дождь» впервые в истории ВГИКа сразу был взят «Мосфильмом» в работу...

Судьба распорядилась так, что по семейным обстоятельствам после Москвы Юрий Николаевич вернулся в родные края. И здесь, до открытия Абаканской телестудии, работал в газетах «Красноярский комсомолец», «Советская Хакасия», на областном радио, даже учителем в сельской школе. Ни дать ни взять – кочевник. Он и сейчас, в свои семьдесят лет, является мотором Союза писателей Хакасии, признанным краеведом-просветителем.

... А тогда, с первых дней появления студии телевидения в Абакане, стал работать редактором, и лишь позднее перешел на радио. «Мои репортажи по областному радио понравились и слушателям, и начальству», – улыбается он.

И здесь, в журналистском творчестве бывшего вгиковца, явно и талантливо проявился краеведческий интерес. Как редактор, он вел многолетний, пользующийся большим успехом, цикл передач на ТВ «Тропами первых исследователей» – о первых ученых-исследователях Хакасско-Минусинского края. В те годы на конкурсе радиожурналистов Сибири и Дальнего Востока в Иркутске, куда он представил свои работы, получил первую премию, только уже за цикл передач по

национальной тематике.

Никто не будет спорить, что крупным культурным, а также и перспективным историческим событием в жизни Хакасии стало возрождение национального праздника Тун пайрам в 1980 году. С идеей его возрождения выступил он, Ю.Н. Забелин. Он, обладая завидными организаторскими способностями, сплотил вокруг себя специалистов-энтузиастов, снял документальный фильм о первом Тун пайраме. За это подвижничество Юрий Николаевич недаром снискал признание, любовь и уважение хакасского народа.

За считанные годы, находясь в роли директора бюро пропаганды художественной литературы при Союзе писателей Республики Хакасия, наш кочевник выступил продюсером издания монографии «История Хакасии», книги Анатолия Преловского «Поэзия древних тюрков», а чуть позднее – и учебного пособия «Древняя письменность саяно-алтайских тюрков».

С 1996 года, опять же по инициативе неугомонного Юрия Николаевича, впервые в истории России, а также всего (!) тюркского мира, и это не сбросить со счетов, в Хакасии стали ежегодно проводиться Дни тюркской письменности и культуры. В них в последнее время активно участвуют министерства образования и культуры Республики Хакасия, а также представители научных институтов.

Кочевая звезда Ю.Забелина зовет его за собой. Наверное, поэтому в рамках этой инициативы он организовал и провел под своим руководством уже три Саяно-Алтайских этнопросветительских экспедиции: на древний караванный перевал – ворота в Центральную Азию – Шабан Дабага, в Горную Шорию, а также в Республику Тыва. Надо ли говорить, что все эти экспедиции имели осязаемый резонанс в научной и культурной жизни Хакасии и соседних с нею республик, были пронизаны восхитительной кочевой романтикой!

Сейчас Ю.Забелиным готовится четвертая Саяно-Алтайская экспедиция, на этот раз через Западную Туву в Горный Алтай, с посещением пограничных застав на границе России – Монголии. Эта экспедиция уже подтверждена грантом фонда Сороса.

Юрий Николаевич, внося заметный вклад в развитие культуры Хакасии, расширение ее связей с сопредельными республиками, заслужив общественное признание, не растерял своего энтузиазма, всегда полон новых творческих замыслов. А в свободное время так же, как в годы юности, любит бродить, охотиться, рыбачить. Нет, недаром прозвали его во ВГИКе кочевником!

PS: Так я писал о нем чуть больше десяти лет назад. Да, он осуществил и эту четвертую (Соросовскую) экспедицию, участником которой (и непременно!) я, как всегда, был, осуществил и экспедицию пятую – в Монголию... Были у него и последующие творческие кочевые замыслы, да возрастное угасание постепенно сузило его внешний (но не внутренний мир!) в границах стен комфортно обустроенной квартиры. Низкий поклон его жене, Валентине Григорьевне, которая как заботливая и терпеливая мать, все сделала для того, чтобы осенние дни жизни Юрия Николаевича были не пасмурными, а солнечными, как родная для него и неповторимая Ха-ка-си-я...

I. Хакасия: древняя, заповедная, таинственная...

1. Хакасия таинственная...

Нечто

Есть факты в нашей жизни, когда мы что-то не-пре-мен-но исполняем, но почему – объяснить себе не можем. Если факты поддаются объяснению, то оно кажется глупым. Или – невероятным, во что до конца нельзя поверить. Ведь так? Каждый, каждый из нас сталкивается с подобным! И откуда они, эти, если не обряды, то обычаи? А между тем мы их бессознательно, а некоторые с опаской, исполняем, боясь кого-то (ведь не чего-то!) прогневать!

Начнем, давайте, с порога. Через порог нельзя здороваться. Первое объяснение – к разлуке. Вроде бы – чепуха. Однако мы соблюдаем этот обычай! В русских сказках почему-то именно от порога клубок катится. По хакасскому поверью, на пороге нельзя рубить мясо, хотя и удобно. У всех народов считается: у домашнего порога есть свой

хозяин-дух. Невразумительное объяснение. Между тем мы не рискуем нарушить неясное!

Порог нужно держать в чистоте, нельзя его осквернять. И если мы перед тем, как перешагнуть его, шаркаем о коврик ногами – то это не совсем затем, чтобы была только чистой обувь. Ученые доказали, что этим самым движением мы снимаем с себя отрицательную энергию – перед тем, как войти в дом (квартиру, избушку).

Ну, а если человек надолго покидает родной дом? Что тогда? Мне рассказали, например, что известный контр-адмирал Бронислав Майногашев, многие годы проведенный в дальних морских походах и плаваниях, каждый раз перед выходом в море (океан) брал с собой от родного порога землю. Как известно, его морская биография благополучная и счастливая. Брал землю, чтобы вернуться домой? Конечно, так. Но почему именно от порога?

Все мы знаем богородскую траву. Почему именно ею окуривают дом (чаще обычно в деревнях), когда кто-нибудь умирает? Недавно стало известно, что именно дымящаяся богородская трава убивает сорок процентов микробов, находящихся в жилище. А помните, Андрей Вознесенский на смерть Василия Шукшина написал: «Занавесить бы черным Байкал, как зеркало в доме покойника»? Почему занавешивают черным зеркало в это время? Конечно, не только потому, что нехорошо увидеть еще и в зеркале гроб, находящийся в доме. А еще почему? Потому что при покойнике в зеркале отражается... параллельный мир. Трудно это понять, еще труднее в это поверить! Тем не менее – занавешивают зеркало.

Может, наука когда и найдет для подобных вещей вразумительное объяснение. Может быть. Ведь все мы знали и знаем про такое понятие, как «живая природа». Для меня это было связано, например, с ростом деревьев, растений, не больше. Но мы не можем услышать и увидеть, как говорит трава, как плачут цветы! И только специальные приборы подтвердили теперь это в сотнях экспериментов. Еще раньше человечество подобное узнало о дельфинах.

В хакасской мифологии есть богиня-мать Умай. На сороковой день (и у русских попробуй изменить этот обряд!) эта богиня забирает на небо душу умершего и переселяет ее... в цветы, траву, ягоду – словом, в живую природу. Вот почему у хакасов буквально священное отношение к природе, особенно у людей старшего поколения. И прежде чем срубить дерево или сорвать ягоду, нужно произнести: «Дай нам, Умай, немного ягоды, чтобы прокормиться». Обязательно надо по-просить!

Ну, раз уж заговорили о живой природе... За Аршаново есть Сарты-

ковская гора. А на той горе – колодец. Он – бездонный. Да, да. Брось камешек, брось огромный валун – звука падения не услышишь! Говорят, что когда-то туда, в колодец, на веревке спускался один смельчак узнать-проверить, что да как. Обратно на поверхность его так и не дождались. Наверное, когда-нибудь найдется разгадка и этого колодца. Наверное.

В гости к одному абаканскому литератору приехали якуты. Повезла их хозяйка на Салбыкский курган. Подвела к одному огромному камню, попросила приложить ухо. «Что слышали?» – спросила. И отец, и мать, и их дочь ответили одно: «Стук». Подвела она их к другому камню. «А тут слышим только свист и свист ...» – был ответ гостей из Якутии. Вы знаете, какой был первый камень? Ат-тас, камень коня. Под ним захоронено 160 коней. Таково предание. А второй камень каким был, знаете? Сыт-тас – плач-камень!

Мне, например, трудно приписать услышанные не только якутскими гостями, но и другими стук и плач – одному воображению.

А вот загадка, которая уже разгадана учеными. Почему древние курганы сооружались именно на тех местах, где они стоят под вечным небом до сих пор? Исследования показали: на этих местах из-под земли идет сильное излучение, которым уничтожаются всевозможные микроорганизмы. Ну, это сейчас наукой определено. А как наши предки знали об этом? Вот в чем удивительный вопрос-то.

Между прочим, коновязи те же хакасы устанавливали на местах доброй силы. Между прочим, давным-давно! А мы только сейчас узнаем об аномальных явлениях... Ну, это – попутно.

За Аскизом, на Базинской поляне, не один год праздновали Тунпайрам. Выбрано это место для народного празднества было, наверное, потому, что оно просторно, рядом – отроги гор, с которых можно наблюдать игры, гулянье... После первых же праздников летом на Базинской поляне стали появляться изумрудно-зеленые круги диаметром шесть-восемь метров, рядом – треугольник. Вспомните прекрасный фильм о таких же загадочных земных явлениях, в том числе на плато Перу... Может, и о Хакасии когда-нибудь появится подобный фильм, сделанный своими ли, заезжими ли операторами? А чабаны – те и раньше говорили, что на Базинской поляне всегда что-то непонятное происходит...

Мы скептически многому улыбаемся, потому что давно потеряли веру в что-то священное.

А теперь начнем с науки. Еще в школе мы узнали с вами, что небо

имеет семь атмосферных слоев: биосфера, ноосфера, стратосфера и т.д. Так? Между тем в языческой мифологии, которую до сих пор чтут мно-о-гие народы мира, несмотря на ее древность, уже было сказано именно (!) о семи небесных покровителях. Иными словами, каждый из семи слоев неба (воздух) имел (или, точнее сказать, имеет) своего духа-покровителя. Та же, допустим, богиня материнства и детства Умай у хакасов – хозяйка своего слоя небесного воздуха. Хозяйка! Цифра семь, конечно, магическая. Но вряд ли здесь можно говорить о совпадении!

Э, это еще цветочки! Все в республике знали художника Владимира Капелько – уже хотя бы потому, что он сделал эстампы, наверное, всех наскальных рисунков, которые были обнаружены в горах Хакасии. Эта работа, попутно заметим, по плечу только по-хорошему фанатичному человеку. Ему еще не одно поколение ученых скажет спасибо, поверьте! Но дело не в этом. Из сотен копий выделяется копия наскального рисунка со скалы у речки Малая Сыя. И что бы вы думали? На этом наскальном изображении – ракета (!) и... человек в скафандре! Я бы не ставил, поверьте, восклицательных знаков и неожиданных много-точий, если бы за этим не стояло ничего невероятного. Но в том-то и дело, что методом радиоактивного распада ученым удалось выяснить, что этим наскальным рисункам (зажмурьте глаза) – двадцать семь тысячелетий! Даже если ученые или я увеличили этот срок в десять раз, и человеку в скафандре и ракете, изображенным на скале древним художником, всего-то двадцать семь веков – суть дела не меняется, согласитесь!

И это все – на какой-то речонке в Хакасии – Малая Сыя!..

Так откуда человечество пошло и есть? От обезьяны, что ли, развилось? А может, нас до сих пор проводят на летающих тарелках те, что когда-то забросили на Землю особь, созданную по образу и подобию Божьему? Конечно, это уже чепуха-философия... Но не мог же художник каменного века видеть человека в скафандре и современной конфигурации – ракету. Ведь не мог!?

Не-е-т, в мире есть Нечто...

Горные мифы

Здесь, в пойме Белого Июса, среди родовых стел и кустов черемухи, день казался тихим и радостным. Белое солнце зимы заставляло жмуриться, а в глазах плясало миллиардами малиново-голубых искорок снежное поле...

Июс, кристально чистый (сквозь толщину воды был виден донный зеленый лед), струился молчаливо – величественно. «Э-эх! Приехать бы сюда летом!» – думалось и думалось.

Вскоре за белоснежными в желтых ковылях холмами показался приземистый улус Топанов. Раньше, говорят, тут было рядом местечко Золотой Ручей. В начале XX века в центре его стояла на взгорке церковь. С трех сторон ее окружали священные горы. Пришло время – умер шаман Золотого Ручья. По местному поверью, одежда шамана не должна оставаться там, где он жил. На священном дереве, где обитал дух хозяина одной из гор, одежду шамана развесили. А потом на веки вечные она была спрятана в глубокую пещеру Кошкулак (в переводе с тюркского – ушки горы).

И стали с тех пор твориться кошмарные чудеса в Кошкулакской пещере! Альпинисты, спелеологи из Абакана, Томска знают это и по себе, и понаслышке. В лучшем случае тот, кто спускался в пещеру, чувствовал мистический страх перед непонятно чем. Кто-то натыкался в многометровой глубине на желтые человеческие скелеты, которые вдруг возникали из темноты... Кто-то, не успев потерять сознание, видел шевелящееся чудище подземное с большими зелеными глазами. А тот, кто зрел самого умершего шамана, живым выглядывающего из-за скалы подземной, – тот уже не поднимался на поверхность...

Что это – предания? Мифы? Кошкулакская пещера хранит свою кошмарную подземную тайну. Не каждый и сейчас отваживается спуститься в нее. «Разум плющится, крыша срывается», – говорят люди знающие. И звуки доносятся из холодной и сырой утробы страшной пещеры – отдаленные, методично повторяющиеся.

В этих ширинских землях раскинулся Чоохчил-аал (ныне аал Трошкин). Раскинулся, глазу видно, у Большой горы. В начале XX века аешинцы под руководством Бориса Тачеева возвели на горе церковенку. Тогда повсеместно в Хакасии продолжалось введение христианской религии. И верующие люди близлежащих улусов, аалов и сел сносили в церковенку иконы. Особенно усердствовали в этом те, кто был стар и одной ногой стоял уже в могиле. Для них, считалось, это был пропуск на тот свет.

И случилось вдруг в аале неладное: в одно лето, как гласит предание, громом побил всех домашних коров. Люди недоумевали: не оттого ли, что были преданы, в угоду христианству, языческие Боги? Другие считали наоборот: оттого, что верующие безоглядно не отдались в руки нового спасителя Иисуса Христа. Лет не двадцать ли назад

в аале Трошкин встретился я с бывшим директором местной школы, тогда уже находившимся на пенсии, историком и археологом Виктором Ивановичем Коковым. У него на этот счет было вполне реальное объяснение:

– Тогда, в начале века, вскоре после открытия церковенки, пропала с иконостаса главная икона, – сказал он. – В ее раму-оклад был вмонтирован камень-самоцвет, а над изображением святого царствовал нимб – сияющий ореол. Ходили слухи: в каком-то городе продали эту икону... И разразился гром небесный!

Объяснение-то реальное. Но как так случилось, что сразу после побывало громом всех местных коров? Не один я закусываю губу...

До войны, был случай, местные подростки прострелили в церковенке одну из икон – так их осуждал весь аал. Помнили люди тот давнишний необъяснимый, но карающий гром. А последние иконки вынесли с горной церковенки в конце пятидесятих годов XX века... Сейчас у местных жителей в головах бродят, как дрожжи, робкие мысли: а не возвести ли заново церковенку Большой горе? Ведь нельзя безнаказанно позорить и гневить Всевышнего! Только ветер пока гуляет и воет на останках разрушенной церковенки, до которой не сразу и доберешься-то.

А кому не известна в Хакасии гора Сундук? Слава Богу, что она моим глазам впервые предстала уже не во взрослые пресные годы, а еще в загадочном волнующем детстве. Родова моя по отцовской линии проживала в Андроновке (ныне Ужурский район) – там, за горой Сундук, если ехать по железной дороге в Красноярск. В девять лет я и увидел впервые показавшуюся из-за речного тумана далекую сиренево-розовую гору, соседями которой были облака – кучевые, величавые.

... Просматриваю один из последних номеров альманаха «Хакасия: культура, отдых, туризм». В нем правомерно говорится, что о Сундуках сегодня можно услышать и прочитать множество появившихся совсем недавно легенд и всевозможных мистических историй. Однако, мол, реальная история этого места намного интересней придуманных для привлечения туристов легенд. Но дело-то в том, что на Сундуках реальность – она плотно переплетается с мистикой!

Центральной и самой выразительной частью гряды, считает кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии ХакНИИЯ-Ли Ю. Есин, безусловно, является гора Первый сундук. У нее довольно сложный рельеф, образованный из нескольких гребней. Они сходятся к одной вершине, увенчанной огромным, видимым издалека, камен-

ным останцем практически прямоугольной формы – самым большим из представленных «сундуков». Окончательный ответ на вопрос о времени строительства стен на Первом Сундуке и использования этого сооружения могут дать только будущие археологические исследования.

Да, Сундуки – уникальное и все еще таинственное место Хакасии! И то: ведь гора Сундук – хранительница древности земли. Что ни говори, предки хакасов знали, где остановить своих коней! Об этом говорил мне однажды Юрий Николаевич Забелин, когда мы ехали с ним и некоторыми представителями культуры Хакасии в Уйбат, к камню Мессершмидта... Так вот. Меня всегда интересовало и интересует, откуда название? Считается, и вполне правомерно, что оно – тюркского происхождения. Русское слово – «сундук» – в данном случае этимологически образовалось из сочетания двух слов: сунь тут! Есть и другая, древне – русская основа уже другого глагола – «скрыть»: скрыня. Не будем спорить: это два ручья одной реки. Гора Сундук, считают многие ученые, была как граница, как предупреждение врагу. Иначе сказать, она была наблюдательной горой.

По преданию в Средние века тут жил-был Красный богатырь (вспомните цвет горы Сундук!) – Силигол. И богатырь, и красавец!

Предание-то преданием, но до сих пор вокруг Сундука, на его склонах находят каменные укрепления, вполне реальные, как и огромные плоские глыбы гранитного камня, поднять которые не под силу и нескольким людям! Высота этих укреплений – два метра. К тому же окружающие пригорки имеют свои маленькие сундуки – почти копии горы Сундук.

Как пишет Ю.Есин, точное время строительства этого грандиозного «укрепрайона» пока неизвестно. Предположительно стены могли быть построены в эпоху бронзы. Но продолжать использовать уже готовое сооружение в оборонительных целях в период военной опасности можно было и позднее. Например, по гипотезе новосибирского историка и археолога С.Г. Скобелева, именно здесь мог находиться загадочный «каменный городок», неоднократно упоминаемый в русских документах XVII века при описании «Кыргызской земли», как тогда называли Хакасию. Именно возле каменного городка на реке Июс проводились съезды представителей всех кыргызских княжеств и их союзников, принимавших наиболее важные решения, касавшихся отношений с другими народами и племенами.

Если Сундуки были оборонительным сооружением (а это, наверное,

все же было именно так), то они выполняли, само собой разумеется, и функцию сторожевую. Говорят, еще на памяти тех, кто жил в начале XX века, было: если на озере Беле виден огонь, возжи его и на горе Сундук! Это подтверждает характер горы как сторожевой. Можно ли представить, сколько столетий (если не тысячелетий) горе Сундук и озеру Беле? Ведь огонь зажигали при приближении опасности, а это было в да-а-лекие времена! И чьими руками – богатырскими или простыми человеческими – были заготовлены дрова и береста, хранящиеся до сих пор в каменных норах Сундука, – Бог весть!

Исследования последних лет свидетельствуют, что почти на всех вершинах горной гряды Сундуки и у их подножия имеются следы пребывания наших предков – наскальные рисунки, развалы стен горных крепостей и святилищ, а также курганы, стелы и менгиры. Наиболее древние из них появились не менее 4 000 лет назад, в эпоху становления скотоводства и использования первых орудий из меди и бронзы.

Самые интересные и легкодоступные наскальные рисунки горной гряды Сундуки находятся на горе Четвертый Сундук. Сверху они защищены от дождя созданными природой скальными навесами. Рядом с рисунками расположена удобная для проведения различных обрядов каменная площадка. Здесь на скальных породах представлена целая галерея образов позднескифского времени и хунно-сарматской эпохи.

Обращает на себя внимание, что на этом скальном святилище численно, по крайней мере, абсолютно преобладают изображения людей. Стиль наиболее ранних человеческих фигур, связанный с традицией наскального искусства тагарской культуры скифской эпохи (VIII – III вв. до н.э.), отличается высокой схематичностью и статичностью.

В расщелинах горы Сундук, где хранится столько тайн, если пристальнее взглянуть, то можно узреть и древние писаницы! Доисторические люди, согласно этим писаницам, считали: откроешь сундук – там живая вода. Кто из мужчин попьет ее, – будет богатырем...

Горная мистика (как еще назвать?!) холодной Коцкулакской пещеры, мифы Большой горы, горы Сундук... Кто обнажит их, кто развеет густеющий туман столетних преданий, пещерный кошмар сегодняшних дней? Неужели все унесла кристальная вода Белого Июса, сквозь толщу которой загадочно мерцает донный зеленый лед? Не знаю. Я мистически побаиваюсь этих, кем-то стойко охраняемых, загадок бытия.

Хакасия – Мекка для археологов, или Тайны священной горы

Пожалуй, стоит начать с того, что в июле 2004 года государственная археологическая служба Хакасии отметила свое тринадцатилетие. Число хоть и «несчастливое», но этот полевой сезон археологи проводили как никогда насыщенно, с обнадеживающей перспективой.

В то время уже одиннадцать лет начальником археологической службы в республике являлся Валерий Порфирьевич Балахчин. Как же он пришел в эту науку, «вооруженную лопатой»?

– К археологии меня тянуло с детства, – говорит он. – Когда подрос, поступил после школы в Абаканский педагогический институт, на физико-математический факультет: исторического тогда просто не было. Активно увлекался фотографией археологических памятников Хакасии. Так постепенно и перешел от физиков-математиков в археологи. Многое мне дало самообразование...

Археология – действительно занимательнейшая наука, которой нельзя не увлечься. Как уже сказано, в том году в свой полевой сезон археологи Хакасии, и не только, занимались интересными изысканиями на нашей древней земле. Одно из таких мест – Изыхский угольный разрез, где тогда после непродолжительного перерыва вновь были возобновлены археологические работы. Ведь на этой священной горе – множество памятников древней культуры, которые до сих пор таят свои вековые тайны.

... В тот год основные изыскания велись на месте вскрышных работ Изыхского угольного разреза. Этим занимались студенты ХГУ им. Н.Ф. Катанова и бывшие его выпускники начала девяностых годов XX века. Руководили ими кандидат исторических наук института истории и права Валерий Серафимович Зубков и старший преподаватель Александр Иванович Поселянин.

Уже пятый год совместно с археологами Хакасии на месте раскопок находилась тогда и антрополог Красноярской медицинской академии Татьяна Рейс.

Что уже обнаружено на горе? Здесь вскрыт один из самых древних пластов земли – палеонтологический. История сохранила отпечатки окаменевших растений, в том числе и лиан, стволов деревьев, достигающих в диаметре до метра. Выявлен также слой земли, насчитывающий 30-50 тысяч лет. В нем обнаружены не только каменные орудия древних людей, но и остатки костей носорогов и даже мамонтов!

А на поверхности земли находится курган с коллективным захоронением древних людей. Здесь, по предварительным подсчетам, было погребено около ста человек. Еще предстоит разгадать загадку этого захоронения! Всего же археологи ведут раскопки на территории, составляющей полгектара. Эти работы начались в 2003 году. А вообще абаканские археологи пришли на Изых еще в 1989 году, предварительно заключив соответствующий договор с руководством угольного разреза.

Как сказал тогда Валерий Порфирьевич, где-то через месяц все работы на обнаруженном коллективном склепе будут закончены. А пока... Пока требует своих исследований вся остальная прилегающая к склепу территория. Заняться этим выразили желание ученые-археологи из Новосибирска, Иркутска и даже Санкт-Петербурга. Так что, думается, священная гора еще не раз удивит ученый мир своими тайнами!

Между прочим, по концентрации и разнообразию древних археологических памятников с Хакасией невозможно даже и близко сравнить ни один регион России. Да что! В мире, и то таких уникальных мест едва ли насчитывается свыше пяти... Легко теперь представить, в каком регионе, богатом историей и археологическими памятниками, мы живем! Иными словами, за археологическим туризмом в Хакасии – большое, интересное будущее.

Параллельно с раскопками на Изыхской горе подобные работы ведутся и в Усть-Абаканском районе, близ бывшего племзавода «Московский» – в тридцати километрах. В 2004 году здесь начались основные раскопки Татарского кургана, по размерам и значимости сопоставимого разве что с Большим Салбыкским курганом. Кстати: Большой Салбыкский курган начали исследовать почти шестьдесят лет тому назад. Теперь вот – Татарский, расположенный недалеко от своего уникального собрата.

Здесь все работы в том году возглавлял заведующий археологической лабораторией ХГУ им. Н.Ф. Катанова Александр Иосифович Готлиб, при участии представителей Сибирского отделения Российской академии наук, а также немецких археологов, которые испытывают жгучий интерес к древностям хакасской земли.

Вот и получается, что Хакасия является настоящей Меккой для археологов как Абакана, так и всего мира. Ведь в том же Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартыанова хранятся экспонаты, взятые у хакасской древней земли, подобных которым нет и в самом петербургском Эрмитаже.

Впереди у археологов Хакасии непочатый край работы – может, на десятилетия, а то и века. То-то еще преподнесет сюрпризов ученому миру наша древняя земля!

Каменная книга доисторического бытия

В земле – наши корни ... Согласитесь: для такой науки, как археология, эта истина звучит в прямом смысле. Все еще загадку хранящие древние курганы, реальность и мистика гор, уходящие вглубь верований народа, наскальные рунические письмена с подчас загадочными рисунками... Они, как нередко и результаты археологических раскопок, дают ход вечерним чувствованиям и утренним мыслям.

Обо всем этом думал я, когда проходили дни празднования 50-летия Хакасской археологической экспедиции. Да, зачастую новые открытия скорее дарят не ответы на вчерашние вопросы, а факты, сначала вызывающие недоумение. И получается: прошлое трудно поддается чтению, как будущее – прогнозированию.

Я вовсе не наивный человек. И если удивляюсь новыми для себя сведениями из той же археологии, то это больше говорит прежде всего о моей искренности. Ну, допустим: до сих пор я не знал, что «скифы» в переводе с греческого – это «варвары», точно так же «динлины» – тоже «варвары», но уже в переводе с китайского. После этого историко-романтическая строка из Блока «Да, скифы мы...» стала такой банально оголенной!

Или вот: откуда произошло слово «мавзолей»? Оказывается, был в Греции такой правитель Мавзола. Когда он умер, его погребли в гробнице. Она стала называться: гробница Мавзола. Вот и появилось потом слово «мавзолей».

Курганы, они ведь тоже своего рода мавзолеи. Для меня, опять же, было внове услышать, что изначально они были пирамидами, и только под воздействием веков округлились. А я, допустим, все считал, что холмы эти – изначально насыпались округлой формы...

Четыре каменных изваяния, поставленные по углам кургана, обозначают четыре части света, причем узкими торцами они расположены строго по линии восток – запад. Значит, еще двадцать пять веков назад наши предки знали части света! Вот только не догадывались еще, наверное, что Земля совсем не квадратная и плоская, а кругленькая.

И вообще, курганы – уникальное явление! И не только потому, что они предшествуют даже Окуневской культуре. Это – образ мира, созданный для погребенных под (все-таки!) пирамидой, обрамленной каменными изваяниями. Это, наконец, – святилище. И пусть в представлениях древних мир казался квадратным, а не глобусным, – он был Божественным... И потому сейчас мы не можем уже смотреть на каменные столбы курганов как на каменных замаскированных шаманов. А ведь бытует еще такое их понимание!

Археология – наука, вооруженная лопатой. Уж куда вернее сказать! И цель этой науки – не раскопки, как многие считают. Они – всего лишь средство археологии.

Вот какую загадку, например, преподнесла наша археология. Считается, что чуть ли не прямыми потомками хакасов явились тюрки. Где же существовал первый тюркский каганат?! Возможно, и на территории нынешней Хакасии. Но (!) археологического подтверждения присутствия тюрков именно на этих землях пока нет. По крайней мере, захоронение тюрка с конем – не тюркская особенность! Она куда более древняя и, скорее, является принадлежностью одной из горно-алтайских народностей. Ведь намного раньше тюрков, уйгуров на наших землях жили тагарцы.

Почему же погребение тюрка с конем – не тюркская особенность? Оказывается, войска древних тюрков состояли вовсе не из конницы, а... пехоты! Так где же прародина тюрков?!

По крайней мере, трудно сказать, что в Хакасии. И знаете еще, почему? На месте нынешнего села Чапаево существовал Абаканский дворец. Несколько лет назад его остатки были уничтожены при строительстве дамбы. Одно осталось известно наверняка: дворец был каменным. Нынешние каменные холмы – это нередко древние развалившиеся дворцы. Из камня древние хакасы строили и другие сооружения: крепости, защитные валы... Между прочим, в том числе и Салбыкский курган! А если уж найдены древние каменные города, дворцы, крепости и так далее, то о кочевом образе жизни прежнего местного населения безоглядно говорить не приходится. А это, извините, уже в корне меняет наше с вами мировоззрение на историю хакасского народа.

И что тюрки – не прямые предки древних хакасов, говорит еще следующее: тюрки-то строили глинобитные города, а не каменные! Существовал такой древнетюркский город – Балык. А ведь корень этого слова – бал – означает: глина. Это еще одно подтверждение сказанно-

му, только из области языка, этимологии слов.

Теперь самое время поговорить о языке (в этом смысле). Древнехакасское государство не было однопольным! И нынешний хакасский язык – это язык не тюрок, а скорее – кетов, ненцев и даже... иранцев! Ибо в нем встречается разная лексика – южно-самодийская (северо-центральная), арабская и так далее. Кстати, о присутствии лексики иранского языка в хакасском... Подтверждение этому стала каменная руническая надпись, найденная вблизи озера Беле. Так где же, где была прародина тюрок?

История листала и листает свои каменные страницы. Древние хакасы, которыми правили кыргызы, причем самые знатные рода (вот откуда у некоторых хакасов встречаются рыжие волосы и голубые глаза), в свое время разбили уйгуров. Их государство крепко, простиралось и заняло территорию от Северной Монголии до Иртыша. И потому Ермак, столетия спустя, шел вовсе не в неведомые земли и вовсе не по неведомым путям.

Именно в это время Древнехакасское государство активно развивало свою торговлю, осуществляя это сотрудничество с другими странами через... Новгород. И это – не догадка! В девяти городах Древней Руси, оказывается, найдены древнехакасские вещи – сбруи, железные штыри для пробивания дырок в кожаных изделиях (для шнурков, например). Это выявили раскопки, проведенные на Смоленщине, Урале, на реке Оке, в Новгороде, далеко южнее и западнее его. Время, «отрытое археологической лопатой», – XI-XII века. Это торговое сотрудничество опять же можно подтвердить посредством взаимопроникновения религий, языка. В каменных рунических надписях, найденных на территории Хакасии, присутствует и санскритская, буддийская лексика. Где сооружались буддийские храмы, как не в Туве или Монголии, граничащей тогда с Древнехакасским государством? Буддийская лексика осела в словах народов, живущих не только в Хакасии, Туве, но и на Алтае. Об арабской лексике, присутствующей в каменной рунической надписи, найденной у озера Беле, уже говорилось.

Спят курганы темные, солнцем опаленные... Спят – и хранят, все еще хранят свои замысловатые загадки! Вот, допустим, сколько столетий ученые не могли расшифровать орхоно-енисейскую письменность? Почти целых семь столетий! Необработанное каменное изваяние символизировало умершего человека. По тому древнему времени где могло осесть слово? Только высеченное в камне. Именно таким путем письмо пришло в поминальный обряд.

Почему же орхоно-енисейская письменность долгие века оставалась неразгаданной? Ученые, ломая голову, читали ее справа налево, слева направо... А эти рунические надписи единственно следовало читать... сверху вниз или снизу вверх! Такая манера письма восходит еще к доорхонской. А орхонская, в свою очередь, на век-два древнее енисейской письменности. Однако так-то вот...

Мавзолеи, скифы... Это что-то юго-западное. Мы же пусть останемся динлинями. А вместо мавзолеев у нас – курганы под вечным небом. И пусть неизвестна еще прародина тюрок, как пропавшая Атлантида. И хакасы – пусть не прямые потомки тюрок, а, возможно, результат антропологического смешения ранних кыргызов с динлинями, потом – теми же тюрками...

Всему – свое время: найдется разгадка и этому. Русские – тоже ведь не белых чистых кровей! Вспомните пушкинское: «Копни любого русского поглубже, и там найдешь...». Помните? Поэтому я, совсем не закупоренный в свою национальную скорлупу человек, не мог внутренне не согласиться со словами доктора исторических наук И.Л. Кызласова, сказавшего, что любая нация не имеет ни начала, ни конца, и никогда не существовала в чистом виде. Это – бесконечный процесс, идущий, как река, в берегах смещения разных национальностей. Нет и не может быть, одним словом, «застывших», обособленных наций.

В земле – наши корни...

Это и буквально, и иносказательно, конечно. Словом, в истории. А история – она и на камнях писалась. Причем, и это особенно важно, в разное время. К примеру, многие считают, что наскальные рисунки, найденные в Хакасии, появились еще в раннюю железную эпоху. Увы, это касается не всех рисунков! Многие из наскальных изображений появились не так давно, в XVIII–XIX веках, и именуются шаманистскими. Почему? Да потому, что подобные художества на камне появились в качестве ответной реакции местного населения на распространение в Хакасии в то время христианского православия.

Все это и многое другое теперь доказано ею же, археологией, – наукой, вооруженной лопатой.

Ожившие камни

...Во время визита бывшего президента СССР М. С. Горбачева в Хакасию планировалось посещение им краеведческого музея в Абакане. Люди, отвечающие за охрану президента, осмотрели каждый уголок музея: все было готово. Но посещения не состоялось. Почему? Оказы-

вается, в самый последний момент (посредством СЭС) было выявлено: в музее – высокий фон радиации, особенно в зале монументальных каменных изваяний. Вполне возможно, не это стало главной причиной срыва посещения. Но именно тогда была обнаружена в стенах краеведческого музея радиация.

Август 1990 года. Музей посетила художница из Алушты. Она впервые тогда и почувствовала, что от каменных изваяний исходит какая-то сила. «Можно, я поговорю с ними?» – обратилась она к научной сотруднице, природоведи Л. Г. Угдыжековой. А потом высказала такую гипотезу. Хакасия – место древней цивилизации. Люди, умирая, оставляли свое тело в курганах, душу – в небе, а ее энергию – в изваяниях. Поэтому они и «заговорили» сегодня с людьми. Но почему тогда столько лет молчали? А кто у нас, скажите, до этого открыто поднимал вопрос о существовании биополей? Или изваяния «заговорили» потому, что попали под крышу и лишились непосредственного контакта с Космосом? Их это возмущает, наверное, и они сигнализуют об этом.

Январь 1991 года. В краеведческом музее побывала экстрасенс международного класса З. С. Горелова. Уже с порога она ощутила в себе возрастающее беспокойство. Потом услышала гул. Началось покалывание между пальцами. «Я ощущаю влияние каменных скульптур на себе, – сказала она. – Они обладают каким-то огромным биополем. Возможно, со временем могут обрушить и потолок здания». (Кстати, он весь в трещинах, подтекает).

Сентябрь 1991 года. Музей посетил художник из Киргизии Ж. Кадрамов, изучавший наскальные рисунки. Когда он оказался в зале каменных изваяний, его начало раскачивать, появилась зевота, из глаз брызнули слезы. Он никак не мог объяснить, какая сила воздействует на него.

Декабрь 1991 года. Подобные же признаки «подмены себя» ощутил в зале древнего искусства Хакасии народный целитель П. В. Шигалаков. На этот счет он высказался более определенно: «Нельзя держать столько много каменных изваяний в одном зале. Их суммарная энергия огромна. Люди могут заболеть».

Тем, что вдруг стало происходить в музее, заинтересовался доктор исторических наук, профессор Яков Иванович Сунчугашев. С помощью специального прибора он определил огромное биополе каменных идолов. Больше того: выявился перекрест биополей всех изваяний, некий их вихрь.

Февраль 1992 года. Я. И. Сунчугашев пришел в музей с геофизиком В. Фоминых. При помощи магнитомера они замерили магнитное поле

зала каменных статуй. Стрелку резко зашкалило. Но прибор сломанным не был. Выйдя на улицу, они убедились в этом.

Март 1992 года. Рассказывает Л. Г Угдыжекова:

– На экскурсию пришли члены клуба биоэнергетиков из Абакана. Я, как всегда, проводила экскурсию. Вдруг уже в зале каменных изваяний, за спиной, я услышала внезапный не то крик, не то вой. Обернулась: одну из женщин сильно качало. Она упала на колени перед древним изваянием и продолжала рыдать и буквально выть.

Другая женщина вдруг спросила себя вслух: «Что со мной?». И стала отряхивать пальцы, как будто налипло что на них. «Мне хочется кричать», – выдавила она. Из зала эта женщина вышла вся в слезах.

Спустя некоторое время женщины эти вернулись в заколдованный зал, и у скульптур «Хуртуях-Тас» и «Ким-Тас» оставили березовые веточки, «покормили» Каменную старушку и Каменную лодку. Затем помолились за то, чтобы древние духи не наказывали их за неожиданное вторжение в зал.

После этого случая Я. И. Сунчугашев решил создать комиссию из ученых, которые бы на научной основе выяснили, что же происходит с музеем? В комиссию вошли геологи, геофизики, этнографы, представители санэпидстанции. Они старались найти общий язык с древними духами, поселившимися в каменных изваяниях, но ничего из этого не вышло: менгиры требовали своего возвращения на исконные места под открытым небом!

... С Людмилой Георгиевной Угдыжековой, сами понимаете, не без мистического волнения, вхожу в зал монументальных каменных изваяний. У Каменной лодки вижу засохшую березовую веточку... «А Каменную старушку, олицетворяющую женское плодородие (символ материнства), – говорит моя спутница, – недавно «поили» молочком».

Верить или не верить? Верю, что взрослые люди в детский садик в музей играть не станут. Значит (вглядываюсь в каменные глаза старушки), в ней что-то есть? И тут у меня немеют коленные чашечки, а плечи прокалывает методичная резкая боль.

Прикасаюсь рукой и лбом к каменному изваянию. Холода камня не ощущаю.

– Я вам расскажу короткую историю о «Хуртуях-Тас», – полушепотом почему-то говорит Людмила Георгиевна. – Одна женщина долго страдала бесплодием. Пришла сюда, разговаривала с ней, покровительницей женского плодородия. Она ей послала сына ...

Из музея я вышел сам не свой.

«Х-Т», мать всех матерей

«Хуртуях-тас»... Сравнительно невысокая стела, всего 3 метра 2 сантиметра, из них 90 сантиметров – под землей. Серый, с оттенком красной глины, цвет. Этой стеле неизвестно, сколько веков, хотя Э.Б. Вадецкая и другие археологи датируют подобные памятники Окуневской культурой, т.е. началом II тысячелетия до нашей эры. Остается удивляться, как «Хуртуях-тас», состоящая, в принципе, из спрессованного песчаника, сохранилась на ветрах времен, их дождей, морозов и зноя, до наших дней. Сейчас ее вес составляет ни много, ни мало – 2 тонны 608 килограммов. Нет, об этой стеле не скажешь, что с нее сыплется песок!..

Изваяние зафиксировано было, как сообщает в своем проспекте Л.В. Горбатов, научный сотрудник МУ «Анхаковский муниципальный музей под открытым небом «Хуртуях-тас», в 1722 году Даниилом Готлибом Мессершмидтом. Действительно, в описаниях путешественников и ученых, начиная с XVIII века, часто встречается упоминание об «Улуг Хуртуях-тас» и обрядах, проводимых около Матери Матерей. В каждом из этих описаний говорится о том, что каменная Хуртуях – Великая Богиня, и с ней нужно обходиться соответственным образом.

Современный обряд заключается в следующем: как и прежде, нужно обойти вокруг изваяния три раза, открыв к нему свои ладони, и обратиться с почитанием к Великой Матери Матерей. После этого следует положить в траву, к ее ногам, принесенные подарки. Местные жители утверждают, что пищей она может воспользоваться, когда ей заблагорассудится. Удивительно то, что обряд поклонения за века не претерпел серьезных изменений. Еще в доисторические времена охотники и путники останавливались возле «Улуг Хуртуях-тас» для неперенных поклонов Богине. А желающие иметь детей обходили древнюю скульптуру три раза и обращались к ней с молитвой:

Наша Белая каменная Мать!

Все звери имеют детей,

Все птицы имеют детей,

Все рыбы имеют детей,

У всех людей есть дети, -

У меня одной нет ребенка...

Помоги мне стать матерью!

Это происходило в незапамятные времена, на берегу зеленоглазого Абакана, вблизи нынешнего аала Анхаков... И Великая «Хуртуях-тас»

откликнулась! Тому есть тьма примеров, в том числе и современного летоисчисления. Но то было, когда Великая каменная бабушка стояла на своем историческом (родовом!) месте, в Аскизских степях... Но она стала совсем другой – злой и непредсказуемой, когда по воле людей, признающих только одно пространственное и временное измерение на Земле, то есть которое мы видим и ощущаем своим зрением, слухом, осязанием и обонянием, была перенесена со своего знакового магического места в стены реального музея – Хакасского республиканского... И вот тут-то «Хуртуях-тас», с виду молчаливая и недвижимая, вдруг «заговорила», тем самым грозно дав понять людям, что есть еще и другой, параллельный мир, откуда она пришла и какой она мистически представляет! Нет, люди, конечно, его не видят, но вот она-то и есть его земное олицетворение. А чтобы это было понятно реальным посетителям музея, Богиня устроила настоящее светопредставление.

А случилось это – да, в начале девяностых годов XX века – будто «Хуртуях-тас» почувствовала скорое свое освобождение из кирпичных стен музея – туда, под открытое Космосу и Ей небо! И она решила ускорить свое освобождение, как бы сама себе даруя возвращение «на круги своя». Я тогда, работая заведующим отделом культуры республиканской газеты «Хакасия», и совсем не атеистически относящийся к горной мистике духов древней земли, на волне поднявшегося шума по долгу и по душе поспешил к месту удивительных событий. Вскоре на свет появилась заметка примерно такого содержания...

«В Абакане, республиканском краеведческом музее, случилось то, что можно сравнить, наверное, со светопредставлением. В зале древнего искусства Хакасии буквально «заговорили» с посетителями монументальные каменные изваяния. Некоторые, особенно эмоциональные люди, перед седьмым каменным изваянием «Хуртуях-тас» вдруг начинали чувствовать резкое беспокойство, слышать степной нарастающий гул, ощущать явственное покалывание между пальцами... А на одну посетительницу каменный идол (так тогда и написал) произвел такое впечатление, что она упала на колени и... по-волчьи завывала!..

Предварительное исследование показало, что древние монолитные изваяния обладают мощным магнетическим полем. Остается тайной, что заставило заговорить камни...

Могу свидетельствовать: при встрече с упомянутым изваянием у меня онемели коленные чашечки, появилась острая, прокалывающая

боль в плечах. Правда, до крика не дошло. Но другие-то кричали...

Я поспешно покинул зал».

Эта публикация моя, рассказывающая об удивительном случае в краеведческом музее, каким-то образом была перепечатана в одной Горно-Алтайской газете... Сейчас к этому я бы добавил следующее. Выйдя тогда из музея, я вспомнил вдруг одно из произведений М.Е.Кильчичакова, которое так и называется «Ожившие камни»! Он, выросший в десятках километров от аала Анхаков, что, знал или пророчествовал по поводу камней, которые «ожили»?! Как тут ни рассуждай-домысливай, а факт остается фактом. Ну, а насчет эмоциональных людей... Тут стоило сказать о них гораздо выше: это люди, имеющие открытость, связь с Космосом. А значит, с другим, пусть и виртуальным, но энергетическим миром. Ведь про «не эмоциональных», людей-интеллектуалов еще Владимир Маяковский сказал вполне однозначно: «Кто ясен, тот просто глуп». Так-то, мол, вам!

Насчет того, что я тогда Каменную старуху обозвал «идолом», мне откликнулось уже в наши дни, но об этом – чуть позже.

А пока... В конце июля 2011 года я вместе с коллегами и своей семьей побывал в аале Анхаков, на встрече с Великой «Хуртуях-тас», в наши дни вернувшейся на свое исконное историческое (и магическое!) место. К стеклянному, открытому всем сторонам света, павильону, где царствует Богиня, ведет асфальтовая дорожка. Несколько ступенек вниз, уже внутри светлого павильона, – и мы у ног Матери Матерей. Здесь, на траве у изваяния, – конфеты, склянка с молоком, печенье, сувениры... И тебя пронзает такое ощущение, что ты сейчас находишься под присмотром всепроникающего мощного каменного духа.

Памятник «Улуг Хуртуях-тас» признан чудом Хакасии и является одним из наиболее посещаемых в республике музеев под открытым небом. Инициатива возвращения этого памятника старины исходила от совета старейшин хакасского народа. В 2003 году сюда, в Сагайскую степь, и вернулась Мать Матерей. Воздействие влаги и мороза губительны для скульптуры, высеченной из хрупкого и подверженного эрозии спрессованного песчаника. Поэтому для сохранения уникальной стелы от негативного влияния окружающей среды в степи требовалось построить какое-то закрытое сооружение.

... Сейчас я стою со своими спутниками внутри павильона, у Каменной бабушки, и даже не представляю, сколько специалистов разных направлений трудилось над разработкой этого выставочно-

го павильона! Ведь нужно было выполнить множество требований: выдержать традиционный хакасский стиль, учесть пожелания шаманов, ученых, инженеров, геофизиков, почвоведов, климатологов, искусствоведов, музейных сотрудников, местных жителей, наконец!.. Учесть, чтобы ненароком снова не «запереть» священную силу и не навредить магической скульптуре!

... Я напряженно вглядываюсь в фигуру Богини. Лицо олицетворяет (простите за тавтологию) верхний мир, космос... В средний мир, короткий, символизирующий человеческое пребывание на Земле, перетекают из мира верхнего молочные реки. Ниже пояса уже царствует мир подземный, «правильный», как считает Каменная бабушка. Здесь разлилось молочное необъятное озеро. Кто, по преданию, имеет в земной жизни мало грехов, тот, омывшись в этом озере, омолодится душой и примет новый образ жизни – загробный...

Нашим гидом по музею стала Галина Тюкпиекова, педагог по образованию, музейный сотрудник по душе. Она многое порассказывала нам о Хуртуях-тас, чего не найдешь в проспекте, который является все-таки официальным документом.

– Матери Матерей для задобрения ее духа приносили на ритуальный стол жертвенного барашка – белого, с черной щекой. Сейчас этот обряд остался только в народной памяти...

В день музей под открытым небом посещают где-то до двухсот человек, в выходные дни «главенствуют» новоявленные супружеские пары – до восьми и больше. «Вот до вашего приезда, в субботу, у нас тут было десять молодых пар, – говорит Галина. – Прося у Хуртуях-тас детей, они обязаны искренне верить ей. Не редкость у нас и те супружеские пары, что прожив многие годы, так и не смогли завести сына или дочку. Они молят об этом Богиню, и есть случаи – она им помогает!»

Галина – живая, расторопная, не жадная на исповедальные истории, связанные с Матерью Матерей, скоро ушла в служебное помещение, чтобы явиться перед нами в традиционном хакасском женском наряде. И стало сразу как-то теплее, уютнее, сказочнее в музее, и она сама, довольная собой, с гостеприимной искренней улыбкой повела нас на воздух, к своеобразному шаман – дереву: высоченному кряжистому тополю, который стоит чуть поодаль, за бревенчатым навесным мостиком через оросительный канал, заросший по краям сочной зеленой травой.

– Вот, смотрите, – указала она на могущественный тополь, – это чу-

додейственное дерево, которое, как и сейчас, стояло когда-то рядом с Хуртуях-тас под этим степным небом. Но тогда оно, не одно столетие назад, было небольшим, а сейчас – четыре метра в обхват. Обязательно надо подержаться двумя руками за его кору: перестанет, если болит, болеть голова, в норму придет пониженное или повышенное давление.

Светило яркое степное солнце. Яркая национальная одежда на Галине шелковисто отблескивала своими «загоревшими» под солнцем оранжевыми, малиновыми, золотистыми, изумрудными цветами, бьющими даже в зажмуренные наши глаза. Особо выделялось своей яркостью синее пого... Галина, довольная произведенным впечатлением, улыбалась. А мы, как и многие посетители до нас, оставляли под царственным тополем монетки, чтобы по этой же сухой, протоптанной сотнями, тысячами ног дорожке, однажды снова посетив Богиню, вернуться, подойти и сюда, к этому кряжистому шаман – дереву...

Ну, а теперь обещанный эпизод, связанный с тем, что я когда-то Великую каменную Хуртуях-тас назвал «идолом». Она обиделась! Видать, не только одним таким словом недопустимо прикасаться к Богине. К ней прикасаться, уже в буквальном смысле слова, запрещают легенды, таким образом оберегающие ее во все времена. Местные жители не помнят того, чтобы ее мазали какими-нибудь веществами... И вообще: любое прикосновение к святыне накладывало на человека дополнительные обязательства. А я вот не только когда-то прикоснулся к ней незаслуженным словом «идол», но и сейчас, при новой встрече с Матерью Матерей, опрометчиво, и не виртуально, а реально прикоснулся к ней, да еще двумя руками! И последующие факты моего пребывания на территории этого музея я волей-неволей связываю с этими двумя своими оплошностями. Как бы там ни было, но вскоре, выйдя из павильона и направляясь к шаман – тополю, я потерял, да и все тут, ручку, которой заносил в блокнот интересные мне факты. Затем, перед оросительным каналом, у меня упал и опасно стукнулся о камень сотовый телефон. Ну, а еще, если хотите, вдруг ни с того, ни с сего, пропал и сам блокнот – размером с ладонь всего... Что, скажите, было мне думать? Конечно, я все эти проделки отнес на действия загадочной (и злопамятной, получается?) Хуртуях-тас. Я места не находил себе, ища свою журналистскую пропажу... Обойдя не один круг по местности с выжженной травой у павильона и на том берегу, где разбросал многолетние ветки-сучья тополь, показавшийся мне теперь тоже не в меру загадочным, я наконец-таки нашел свой блокнотик в

его корнях, поросших пикулями...

Наверное, своими действиями, бывшими и нынешними, я подвиг Хуртуях-тас к ответным, которые она посредством своего мощного магнетического поля применяет к человеку, так или иначе прикоснувшемуся к Ней, – то есть накладывает на него какие-то свои дополнительные обязательства. Если я, паче чаяния, заслужил их, – Бог даст мне силы быть достойным их земного исполнения.

О князьях, балбах и... самогоне

(Из бесед с доктором исторических наук И.Л. Кызласовым)

С таким эрудированным человеком, как Игорь Леонидович, познакомиться – счастье. По работе мне трижды довелось быть рядом с ним: в Минусинском краеведческом музее имени Н.М. Мартыанова, на Салбыкском кургане, в Хакаской писательской организации. Ну, были еще разговоры «на ходу», в автобусе по дороге и т. д. Самые любопытные факты, рассказанные Игорем Леонидовичем мимоходом, старался записать в блокнот. Перечитал и решил познакомить других с этими записями. Высказывания ученого исторически обогащают, расширяют кругозор. Наконец, они просто любопытны. Итак...

* * *

О, вы знаете, Минусинский краеведческий музей – один из уникальных в мире. Здесь собрание скифской бронзы представлено богаче, чем даже в Эрмитаже. Кроме того, в прекрасной каменной галерее музея находятся два изваяния с руноподобными надписями (самыми древними!), которых нет ни в одном музее мира...

Почему, спрашиваете, дело в камне? Они переживают века. Это было самой надежной «тетрадью». А два названных чудных камня, кстати, были найдены в долине реки Уйбат и у села Знаменка Боградского района.

Древние тюрки видели мир в трех измерениях: божественном, земном и загробном. На каменных изваяниях все это было выражено в символах. Если, например, каменная скульптура выпукла, проще сказать – беременна, значит, это символ зарождения жизни. Если же вдруг вы увидите на камне изображенный человеческий рот не вверх, а вниз – это символ поглощения, т. е. смерти. Ноздри, понятно, символизировали ветер, воздушную стихию. А знаете, почему у некоторых каменных изваяний круглое лицо и на нем – три глаза? Нет, это не изображение причудливого циклопа! Круглое лицо означало солн-

це, а три глаза – утро, обед и вечер. Иными словами, восход, зенит и закат солнца.

* * *

Как вы думаете, какое слово древнее: князь, каган или царь? А ведь через слова можно восстановить историю, ее хронологию. Исконно русское слово – «князь». Но, оказывается, до IX века русских князей, не только тюркских вождей, тоже называли каганами! По-тюркски, получается. Потом только пришло слово – кнезе. А цезарь (в дальнейшем – царь) пришло на Русь позднее, из Византии.

* * *

Меня часто спрашивают: а кому ставили каменные изваяния? В Хакасии – князьям (каганам), в Монголии – вождям государства. Женщины исключались. Причем каганы-герои изображены в камне конкретно, с мечом и чаркой. Еще встречаются в енисейско-орхонских местах балбы – неотесанные камни. Они символизируют души врагов, которых убил герой.

* * *

Согласитесь: многие знают, что одни народы пишут справа налево, другие, как мы, слева направо. На Орхоне древние писали же «от неба» – сверху вниз, а на Енисее в те же времена – снизу вверх, «к небу». По этому главному признаку легко различить границы орхонских и енисейских территорий, расселения древних тюрков. Кстати, первый алфавит появился там, в Монголии, второй – здесь, на Енисее.

Но (иронично улыбается) не надо принимать каменные рисунки за древнюю азбуку! Азбука – за пределами резьбы и вырубки! Писание, в отличие от рисунка, – курсивное, округлое.

* * *

Сейчас – заметили, большая тяга к изучению своей истории, особенно коренных народов. Прекрасно! Только не надо ограничиваться поверхностными знаниями. А они уже «культивируются». Например, название реки Абакан некоторые переводят как «Медвежья кровь». На самом деле у названия этой реки – древнекитайский корень – «айбу»! Сравните: Абакан, Обь, Табат, Уйбат...

Енисей. Сейчас эту реку называют еще Инысай. Это тоже старинное, конечно, название, но не тюркское! Инысай – так называли реку эвенки,

а русские это название «привезли» с собой с Севера. По-тюркски же название этой реки – Кем. Сравните тувинское – Улуг-хем.

Кстати, уж и про название Республики Тува. Сейчас ее называют Тыва. Но самое древнее название – Тва.

***

Как-то я задался вопросом: откуда в Хакасии название села – Матур? Оказалось, все просто, если копнуть древность. Раньше на этом месте и вокруг жила маленькая нация – моторы, с ударением на первом слоге.

***

Турки – жители Турции... Это слово произносится так в русской транскрипции. Сами же себя они называют – турки. Поэтому за поколения в сознании народа выработалось понятие, что Турция – центр тюркского мира. Отсюда у них сейчас и «скромное» желание – подчинить все другие тюркоязычные народы.

***

Ну, а теперь исторический факт «на закуску»: в мире проживает тридцать тюркских народов, и только три из них – хакасский, тувинский и алтайский – научились в свое время гнать самогон из... молока.

2. Курганы

Хранители вечности

Серое небо с лохматыми, разорванными облаками. Сильно бьют сквозь ветер в лоб, щеки, губы редкие крупные капли осеннего дождя. Я один – кажется, не только в степи с гнущимся под неровным ветром ковылем, но на всей земле – стою под огромным, движущимся над запрокинутой головой небом.

Я – и курганы... Они тут, под облаками. Такое чувство, что вместе с ними я прожил здесь, в не нарушаемом никакими звуками земли, кроме ветра и дождя, пространстве – века и века... Это ощущение я стараюсь удержать в себе, чтобы крепче слиться со степной вечностью. Я весь уже, кажется, проникся охватившим меня чувством темной глубины времени.

Глаза мои, следящие за плывущим в хаосе небом, невольно распахиваются шире. Орел! Да, орел! Он – как, наверное, и вчера, и тысячу лет

назад, воспарил над потревоженной ветром степью и делает круг за кругом – все шире, шире... И растворяется в бесконечности пространства – низкого от близко плывущих над землей клубящихся туч.

Моя душа ликует. А курганы – опускаю голову и смотрю на неприютные серые изваяния – молчат. Молчат! Они мне кажутся суровыми. Время тоже, вероятно, – суровый обитатель земли. Не наложило ли оно на эти плоские щербатые надгробия, поставленные у подножия холмов давно уже умершими и неизвестными мне смуглокожими людьми, свой властный отпечаток?

И разом пропадает в размышлении иллюзия вечности времени, слияние меня с этой бескрайней и равнодушной, в сущности, степью. И я вновь, уже медленно и неохотно, как после сна, ощущаю возвращающуюся будничность бытия. И крупные резкие капли октябрьского сиротского дождя, летящие беспорядочно мне в обветренно-остывшее, отрешенное лицо, окончательно выводят меня из забвения, и я на них злюсь.

И эти курганы в степи с этой минуты уже не вызывают во мне коленопреклоненного ощущения. Я уже на них смотрю безынтересно, как на камни, установленные перед музеем под открытым небом. Там, в светливом и шумном городе, эти камни (именно камни), а не хранители вечности в бескрайней степи, навсегда лишены, увы, для нас своей загадочной силы древности, основанной на человеческом воображении.

Салбыкский курган

1. Под вечным небом

Автобус свернул на Биджу. Осень. Побежали за окном убранные поля с неприютным ветром. Дале-е-ко, у подножия горы, пасется серый, в яблоках, конь. А на горизонте синеют предгорья Батеневского кряжа.

Где-то позади, за Моховым, осталась средневековая крепость Оглахты. Ее и сейчас можно посмотреть: стены еще стоят. Остальное дорисовывает воображение. Но это – «пустяковая» древность по сравнению с курганами Хакасии, которые возникли в III–IV веках до нашей эры. Как подтверждают исследовательские раскопки, научные работы и предания, в сооружении курганов, как Салбыкский, участвовало все население.

Ученые подметили: курганы сооружались рядом с земными разломами – обычно на границе гор и степей. У Биджи как раз находится такой разлом земной коры. Сила аномалии здесь в четыре раза больше нормы! Тут и находится знаменитый на весь ученый и туристский мир Салбыкский курган.

Еще один удивительный факт: рядом с курганом – аномальные земные явления, а на самом кургане – благоприятный микроклимат. Достаточно побыть на Салбыке час-полтора, и вы получите месячный заряд здоровья и бодрости. Это обнаружили ученые-геофизики из Красноярска. Надо прижаться к любому из камней кургана спиной и поднять ладони навстречу солнцу.

Люди, жившие давно, подметили, что у камней свой секрет, влияющий на самочувствие человека. Усталость, слабость, головная боль – все проходит, если вы побываете на Салбыкском кургане. А творческие люди здесь черпают вдохновение...

На небе – холодные, спокойные осенние тучи. В ковыле застрял первый снежок. Белеют обнаженные березы справа от дороги. Но все поворачивают головы не направо, а налево: там, чуть впереди, начинается Долина Царей. Название пугает, заставляет задуматься о тьме истории. Неужели вот здесь, где сейчас чересполосица пашен и сеянных многолетних трав, где небольшое озерцо с камышом да стогом сена, давным-давно была священная Долина Царей?

Наш мысленный экскурс в древние века прерывает профессор, доктор исторических наук Яков Иванович Сунчугашев.

– Я вам расскажу одну забавную историю, связанную с Салбыкским курганом, – говорит он. – Как-то раз летом привез я сюда ученых из Франции, биологов. Подошли мы к камням, я начал рассказывать. Вскоре смотрю – около меня никого нет! А они разбежались и давай ловить... кузнечиков. Насекомые из Англии, Австралии у них есть, а сибирского кузнечика, видите ли, нет!

...Оживление на Салбыкском кургане началось в 1954 году. Приехал сюда из Москвы ученый Сергей Владимирович Киселев. Дали ему на все работы сто тысяч рублей, и он вместе с помощниками три летних сезона подряд вел раскопки. Помогал ему профессор МГУ Леонид Романович Кызласов. С нами же приехал на курган доктор исторических наук, сын Леонида Романовича – Игорь Леонидович. Его еще зовут «внуком» дедушки Киселева.

Неугомонный Яков Иванович Сунчугашев, только выйдя из автобуса, на деле решил показать всем магическую силу Салбыкского кургана.

На вытянутых руках он крепко держал биолокационные рамки, и их стрелки загуляли, как живые, вправо-влево. Интересное и не до конца изученное явление! Значит, есть на кургане энергетические силы. Выявить механизм их действия еще предстоит. А пока... пока дорожкой, «открытой» французскими учеными-натуралистами, идем от малого кургана к большому. «Французы здесь летом босиком ходили, прямо по колючкам, – говорит весело наш гид. – Это так они заряжались силой кургана».

Мы словно в степном каменном городке. Могучие изваяния – то в форме плиты, то соляного столба, то согнутой фигуры огромного человека – окружали нас. Вот каменное изваяние (по-хакасски – Тас-оба, отсюда и название речки Ташеба) высотой в пять-семь метров на глаз. Камень цвета красной глины. Наверху, в трещинах изваяния, растет не мох, не лишайник, а кустики величиной в ладонь, так напоминающие кедровую пушистую веточку. От осенних ветров и первых холодов кустарник стал серо-зеленым, с запахом морских водорослей.

На самом большом каменном изваянии, слева от входа в раскопанный курган, на камне сделана четкая надпись: «Большой Салбыкский курган сооружен в третьем веке до нашей эры над могилой знатной семьи Татарского племени. Имел 0,5 километра в окружности, 11,5 метра высотой. Раскопан экспедицией Академии наук СССР и ХакНИИЯЛИ под руководством С. В. Киселева, 54–56 гг. Охраняется государством».

Слышу оживленный разговор женщин. Одна говорит:

– Загадка какая-то: камни десятки тонн, поди, весят, и как их сюда притащили да поставили? Ведь кранов никаких у древних не было!

– Да и мощных машин – тоже! – удивляется вдогонку вторая. – И прикатить эти камни сюда было невозможно: ведь они не круглые!

Удивляются и ученые. Кругом в степи – известняк. До енисейского каменисто-скалистого берега кратчайшим путем – пятнадцать километров, до ближайших древних каменоломен в отрогах Батеневского кряжа – шестьдесят пять! Откуда тогда что взялось? Салбыкский курган – не единственное чудо Долины Царей: всего здесь двадцать курганов.

У каменных изваяний, как показалось мне, колдовала женщина в хакасском национальном костюме. Она опускала стебли ковыля в кружку с водкой и потом разбрызгивала ими ее по камням. Это оказалась дальняя родственница хакасского ученого с мировым именем Николай Федоровича Катанова – Елизавета Николаевна.

– Не в честь ли Николая Федоровича был назван ваш отец? – поинтересовался я.

– Не знаю, – просто ответила Елизавета Николаевна. – У нас все в родове почему-то были Николаи. А мой отец был родным племянником Николая Федоровича.

– И что же вы делаете? – спросил я, вспомнив ее «колдовство».

– Я делаю «сек-сек». Это у нас, у хакасов, так называется обряд приобщения живых к хозяевам кургана. Это знак памяти, уважения к ним...

Игорь Леонидович Кызласов – москвич. Он прилетел на Катановские чтения из столицы.

– Салбыкский курган – загадка времен, – говорит московский гость.

– Он идентичен египетским пирамидам, захоронениям древних на побережье Черного моря. Ведь если в Египте пирамидальные курганы строились из камня, то у нас, в Хакасии, – из земли. Это сейчас хакаские курганы пологие, больше напоминают холм, чем пирамиду. А строились они ведь пирамидальными! Это мало кто еще знает...

Вон там, у гор Батеневского кряжа, – и он показал рукой в сторону Ербинска, – проводились погребальные церемонии. А хоронили уже не усопших, как таковых, а их мумии. Их вносили в Долину Царей узкими каменными вратами.

Здесь, в степи, подарили нам бело-синие книжечки, составленные И.Л. Кызласовым, под названием «Пирамиды Салбыкской. долины». Это своеобразный путеводитель по кургану. Только сейчас, после возвращения из поездки, я открыл эту книжечку и прочитал первые фразы: «Небольшие, сбитые из фанерных щитов домики, по утрам уже покрывал иней. И хотя их обитатели топили железные печурки, тепла в этих временных жилищах было мало – на дворе стоял октябрь...»

Это было в 1954 году, иными словами, – почти 60 лет назад. Именно тогда впервые работала археологическая экспедиция профессора С. В. Киселева на Салбыкском кургане. Я раскрыл книжку, чтобы прочитать о раскопках кургана, больше узнать об этом загадочном сфинксе Долины Царей...

* * *

И совсем другой, неузнаваемый курган летней порой.

Ярко-малиновые «Икарусы» на шелковой зеленой траве под голубым небом с белыми роскошными облаками – не правда ли, замечательная картинка из цветного фильма памяти? Приятный ветерок, что колышет траву, из которой при виде «Икарусов» вылетают степные

жаворонок с щебетанием и посвистом, свеж после ночного дождя. Цветы – сиреневые, желтые, голубые, нежно-розовые...

– Июнь отстоял замечательный! – голосом, полным чувства, говорит Яков Иванович Сунчугашев, директор ХакНИИЯЛИ. – Вы только посмотрите, какое удивительное время в степи! Сколько прошло дождей, и трава успела взойти. А жаворонок – он словно славят летний полдень!

А еще говорят, будто ученые люди – сухари...

В Долину Царей приехали знающие, интересные люди. Это тюркологи, специалисты по сравнительному языкознанию, истории, археологии и культуре из институтов США и Монголии, Израиля и Турции, Горного Алтая и Хакасии, Новосибирской, Кемеровской областей. Все одеты по-летнему – пестро, разноцветно.

– Тюрки – народ древний на Земле, – на ходу объясняет любопытствующим Игорь Леонидович Кызласов, доктор исторических наук, снова приехавший из Москвы на семинар-симпозиум, на этот раз посвященный 100-летию дешифровки древнетюркской письменности. – Вы думаете, он появился в истории с азиатской саблей в руках, древний тюрк? Не-е-т! С копьем. Читайте Поликлета!

Мы – на одном из курганов Долины Царей! Ветерок. Вся степь – в щебете и пересвисте жаворонков. Закроешь глаза, прислушаешься – степная симфония. И.В. Кормушин, заместитель председателя национального комитета России по тюркской филологии, переводит рассказ И.Л. Кызласова представителям Турции. Американец, профессор университета штата Индиана Лари Кларк, присев на камень, задумчиво смотрит вдаль, на цепи отдаленных сине-сиреневых гор.

Через переводчицу – нашу, абаканскую, узнаю, что гость из США приехал сюда, чтобы изучить обычаи и традиции хакасского народа. Ему здесь все нравится. «Хакасия – о'кэй!» – произносит он и весело жмет мне руку.

Знакомлюсь с Батцэнгэлом из Улан-Батора. Он – из центра системных исследований традиций древних народов, их культуры, филологии. Нет Батцэнгэлу и сорока, но в Монголии он уже доктор, профессор. Стройный, аккуратный, подтянутый. Обменивается планами совместной работы с коллегами из Хакасии. Это приятно настраивает на взаимное деловое доверие.

В этом разноязычии, где турецкая речь соседствует с английской, монгольская – с еврейской и т.д. в душе возникает удивительное чувство единения, дружбы. Люди собрались здесь в Хакасии, чтобы еще

раз обсудить экологию культуры. Их волнуют, заставляют переживать одни и те же научные проблемы, в том числе – как сохранить древние рунические памятники на Земле, под вечным небом.

Этот семинар-симпозиум организовал институт языкознания тюркологического национального комитета России по языкам дружественных народов. Мне трудно представить, но профессор из США Лари Кларк, например, увлечен с юности изучением уйгурского, туркменского языков! И пребывание в Долине Царей для него – не экскурсия, а душевная молитва. Ведь видел я, как коленопреклоненно, соединив ладони перед собой, в застывшей позе пробыл не одну минуту уже знакомый мне Батцэнгэл. Как заряжались энергией Долины Царей гости из Турции, лепестками подняв над головой ладони к Солнцу...

Сходим с зеленого кургана. Ветерок словно заигрывает со степными гостями, и какие только ароматы цветов не приносит! Радужное настроение немного вспугивает Игорь Леонидович.

– Бойтесь змей! – нешуточно говорит он. – Ведь Долина Царей – живая! Тут, между прочим, и лисы живут.

Для него история – живая. И он здесь, в Долине Царей, – как добрый хозяин. Мы бы так и прошли мимо одного, выщербленного временем и ветрами каменного изваяния, находящегося у основания оплывшего кургана, если бы...

– Между прочим, – резко остановившись, заметил Кызласов, – на этом камне имеется руническая надпись. Подойдите поближе.

Здесь, у каменного изваяния, солнце было жарче, крапива раскидистей, и сразу подумалось о змеях. На камне, действительно, были нарисованы (зримо угадывались) верблюд и козел. Сверху на этих изображениях был нанесен крест.

– Верблюд и козел, – сказал Игорь Леонидович, – это символы языческого поклонения. Рисункам – несколько веков. А вот сверху начертанный крест – это нечто позднее, восемнадцатого века. Православный христианин, видать, окрестил символы языческих поклонений.

Никто не защитит этот исторический камень от времени. Но рядом с ним, думал я, нет даже специальной таблички! А ведь изваяние уникально. Любой, между тем, может подойти и разбить поверхность камня – потом ищи ветра в поле! Ведь вот над рисунками и руническими знаками кто-то уже написал (начертал): АБВГД... Как бы плюнул в лицо Истории, надсмеялся над учеными-тюркологами.

... Десять минут ходьбы – и вот он, знаменитый на весь тюркологический мир Большой Салбыкский курган. Вес каждого каменного извая-

ния – от 30 до 50 тонн! Между тем геологическая порода этих камней – не местная!!! Пусть не удивляет вас три восклицательных знака. Ведь двадцать четыре столетия назад действительно не было ни тяжело-грузных машин, ни вертолетов, которые могли бы сюда доставить эти многотонные каменные глыбы. Да и сейчас таких нет! Но они были доставлены! Кем, и при помощи чего?! Сейчас найдены каменоломни, где были к-о-о-г-да-то взяты эти глыбы. Одна находится за 15, другая – за 65 километров от кургана!

– ??? – удивленно вопрошают ученого лишь одни мои расширенные зрачки.

– Каменные изваяния возили сюда на волах, – спокойно и уверенно говорит всезнающий Игорь Леонидович, – а поворачивали глыбы при помощи забитых под основание лиственных пней.

Если внимательно всмотреться в каменный город, то увидишь, что, действительно, узкие грани изваяний смотрят на Восток и Запад, широкие – Север и Юг. Верхние оконечности всех вертикальных изваяний расположены на одинаковом уровне от земли. Каменная же ограда Большого Салбыкского кургана символизирует, оказывается, конец Света в виде вдалеке виднеющейся природной цепи гор.

Курган этот – как эпос древних в камне. Именно такое чувство рождается здесь.

Рядом с Большим Салбыкским курганом – дороги, по которым в степи нет-нет, да пробежит машина. Рядом (видно и глазу) – кошары, какая-то ферма... Но это еще – не беда. «Несколько лет назад, – рассказывает И.Л. Кызласов, – в каменной ограде кургана, где хватает травы и ковыля, местные чабаны надоумились пасти отару овец. Даже деревянные ворота сделали! Для чего, думаете? Чтобы самим в это время водку пить!»

Честно, я был ошарашен этим фактом. Но и сейчас, представьте, сейчас (!) на Салбыкском кургане не считаются с Историей. Как сказали мне, на этот раз «на язык» попали не чабаны, а Вершино-Биджинский сельсовет. Это по указанию «оттуда» на скорую руку был состряпан неказистый (но не в этом дело) деревянный туалет. Ту-а-лет – вот в чем дело! Он одиноко торчал прямо у вала кургана... Даже на огородах, и то такие «заведения» стоят подальше от глаз, в углу. А тут...

Большой Салбыкский курган овеян легендами. Кому-то он дает здоровую энергию, кому-то – отрицательную. И это могут подтвердить многие. На этой древней земле, прародине Белой волчицы, возможны любые чудеса. И мы не должны омрачать дух, образ кургана своими

непродуманными поступками.

В этот приезд, уже по традиции, на кургане был исполнен священный обряд уважения к предкам. «Ушедшие пусть прорастут цветами, а у гостей дорога будет светлой». Этот обряд великолепно показали актрисы Хакасского национального драматического театра Алиса Кызласова, Татьяна Майнагашева и Светлана Чаптыкова.

...На прощание я нарвал степных лазоревых цветов. С запахом солнца, роскошной свежести. Терпкие, яркие, выросшие под вечным небом, они будущим летом снова вернутся к нам.

Ведь древняя земля – вечная земля.

2. С: раскопанная тайна?

Утренний, в полосках розового солнечного цвета, Салбыкский курган встретил пустынным могучим одиночеством и вездесущим посвистом в степном воздухе неумных легких жаворонков.

– Они меня в четыре утра уже будят, – отвечая на приветствие и обратив внимание на наши задранные в небо головы, сказал, провожая жаворонков взглядом, Игорь Галкин – как уже через минуту выяснилось, сторож-охранник кургана. – Это теперь почти мои друзья.

Он вышел к нам навстречу под деревянную арку, под которой надо было пройти, чтобы попасть на территорию Салбыкского кургана. Я не был здесь уже лет десять, а мой старший коллега, бывший журналист центральной прессы Николай Журавлев, и того больше – почти пятьдесят лет! Сейчас это место не узнать: курган обнесен легкой сеткой со столбиками, перед которыми, в качестве меры противопожарной безопасности, опахана целинная земля. Музей под открытым небом называется: «Древние курганы Салбыкской степи». А раз музей – то есть вот и охрана, среди ковылей и дикой колючей акации есть и беседки для отдыха вблизи менгиров, есть и организованные экскурсии, и продажа буклетов и сувениров...

Игорь Галкин, охранник, вышел к нам в сапожках, джинсах, кожаной безрукавке и на голове – в большой ковбойской черной шляпе, которая так идет к его загорелому, обветренному лицу. И, добавлю, к широкой вольной степи, в панораму которой он в таком «прикиде» идеально вписывается. Здесь охраняет он заповедное место уже более трех лет, посменно с другими напарниками.

– Мне здесь нравится! – откровенно и мечтательно произнес он, осматривая, как будто в первый раз, своим внимательным взглядом окрест многовековых каменных глыб и провожая глазами взлетающих

почти из-под ног беспокойных трясогузок. Я почувствовал, что нам повезло: мы уже невольно вовлеклись в произвольную экскурсию человека по должности-то сторожа-охранника, а по душе – экскурсовода-любителя, – поэтического, наблюдательного и расположенного охотно рассказывать нам о своей жизни здесь и днем, и ночью.

– Правда, – оговорился он, – руководство запрещает мне это делать, но я научные данные не буду вам обсказывать, а лишь то, что нравится мне. – Он вдруг остановился и указал рукой на каменное красноватое изваяние справа: – Вот, смотрите, – там, на самой вершине стелы, особенно при косых лучах солнца, хорошо видна выточенная из камня голова человека: нос, глаза...

Я подозвал к себе Николая Устиновича и свою старшую дочь Лику, и мы все вместе, напрягая зрение, уткнулись взглядами в макушку испещренной ветром, дождем, снегом и временем, причем за тысячи лет! Действительно, на верхней оконечности стелы было узнаваемое очертание каменного лица, смотрящего в небо...

– А что, вы действительно не шутите! – утвердительно заметил я, хотя фамилия у вас, извините, юмористическая.

– Да, я Галкин, хотя и не Максим, – ответил он тут же, причем каким-то странным, лукавым тоном. – Но мы с ним родились, представьте, в один и тот же день – 18 июня! – словно отчеканил он.

Вся наша компания была приятно удовлетворена таким внезапным совпадением – точнее, почти актерской находчивостью Игоря.

Он был долгое время милиционером (недаром теперь вот здесь в охране), потом, в перестройку, нанимался, кем придется: плотником, сборщиком мебели... В своей сегодняшней работе он просто, я бы сказал, купается, отдавая ей всю душу и наслаждаясь общением с бесконечными посетителями Салбыкского кургана.

Во время недавнего празднования Тун – Пайрама в Аскизском районе принял участие в творческом соревновании, за свой Алтын-сарчин (Золотую коновязь) получил диплом за подписью министра культуры РХ С.А. Окольниковой. Теперь этот «Алтын-сарчин» стоит справа от входа на территорию кургана, и на него приезжающие повязывают синие, красные, белые ленточки (чаломы) – в знак доброго мира, светлого неба и душевной чистоты.

Салбык... Это теперь один из многих музеев под открытым небом в Хакасии, среди себе подобных: «Сундуки», «Казановка», «Хуртуях – тас», «Усть – Сос», «Малоарбатская писаница», «Полтаковский музей наскального рисунка», а также музеев под открытым небом в Ширин-

ском, Орджоникидзевском районах... И вроде много что известно о каждом из этих священных мест, каменных изваяниях, рунических надписях, наскальных рисунках, но не все еще «ожившие камни» заговорили, не все древние письма дешифрованы, не все наскальные рисунки прочитаны. Были или нет те же «Сундуки» первой в Сибири космической обсерваторией древних людей, сигнальной горной грядой? Или почему, например, доисторический художник на прибрежной скале речки Малая Сыя (в том же Ширинском районе) изобразил вдруг ракету и человека в скафандре? Да и что, на самом деле, унесли предприимчивые вандалы, проведя грабительские раскопки в XVIII веке здесь вот, на Салбыкском кургане, в западной его части, где до сих пор видны округлости ямы глубиной до пяти метров и диаметром до 20 метров? Или: почему нельзя дотрагиваться рукой до Хуртуях – Тас? Почему, наконец, Ташебинский Чаа – Тас является камнем войны и установлен именно в данном месте? Нет, конечно: ученые-археологи ответили уже на многие вопросы, но осталась, осталась явная, ощутимая недосказанность чего-то самого главного. А может, это и к лучшему? Ведь чудеса от объяснения тускнеют...

Что мы знаем о Салбыке?(Кстати, в переводе с хакасского – низина). Я познакомился, конечно, с проспектом С.А. Угдыжекова, составленным на основе изыскательских материалов и научных докладов исследователей Большого Салбыкского кургана С.В. Кисилева, М.А. Дэвлета, сам лично в Долине Царей, как еще называют это место, слушал, и не раз, интересные высказывания на археологические темы доктора исторических наук Игоря Кызласова из Москвы, сравнительно не так давно ушедшего от нас бывшего директора ХакНИИЯЛИ Якова Сунчугашева, который при мне исследовал этот курган, обходя его территорию с биолокационной рамкой... Но тайны – они остаются, иначе бы мы сюда не приезжали, чтобы почувствовать мощные темные биотоки доисторического времени, воочию увидеть 30 – 50-ти тонные каменные глыбы, которые (как?) сюда доставили и вертикально установили, казалось бы, люди какого-то там пещерного почти времени! И т.д., и т.п...

Но кое-что известно! Выдержка: «Есть царство Динлин. У людей в нем ниже колен растет шерсть, (у них) лошадиные копыта, (они) любят ходить». Исследователи полагают, что это «тележники». Термин этот хорошо известен по истории раннесредневековых тюркских народов. В ту пору в союз Теле входили и енисейские кыргызы (читай – хакасы). Именно с динлинами связывают Тагарскую археологическую

эпоху. Жилища у тагарцев были: юрты и конические шалаши, строения из дерева и камня, деревянные избы, рубленные «в лапу»...

А Большой Салбыкский курган, как сейчас установлено, был сооружен в V – VI веках до нашей эры. Основу этого грандиозного погребального сооружения составляют огромные каменные плиты, вкопанные по бокам квадрата со стороной в 70 метров. В древности многотонные глыбы возвышались над уровнем почвы на высоту двух метров, а по углам и сторонам каменной ограды многочисленные вертикальные монолиты достигали в высоту даже шести метров. О весе каменных исполинов мы уже говорили.

Нынешний вид Салбыка – так называемые руинированные остатки крупнейшего кургана бассейна Среднего Енисея – памятник той, Тагарской культуры. Он был раскопан в 1954 – 1956 годах экспедицией С.В. Киселева. Высота насыпи до раскопок была 11,5 метра, окружность – 496 метров. Земляная насыпь первоначально достигала высоты 25 – 30 метров (высота четырехэтажного дома). Вообще же в Салбыкской степи в радиусе почти пяти километров разбросано 56 курганов, пять из которых лишь немногим меньше Большого, а высота остальных главным образом 4 – 6 метров.

Знаете, что интересно? Когда я спросил Игоря Галкина, нашего невольного и радушного гида в столь ранний час июля, откуда на Салбык приезжают люди, он, махнув рукой, что означало: «Да отовсюду, и перечислять не стоит!», все же назвал адреса – нет, даже не наших, а зарубежных паломников. Ими оказались представители Италии, Голландии, Англии, Израиля, даже Австралии! «А германцы, – заключил Игорь Галкин, – дак те вообще здесь у себя, как дома!»

Интрига тут какая? Дело в том, что впервые описание Большого Салбыкского кургана было составлено в 1739 году – и кем бы вы думали? – ученым и путешественником, обрусевшим немцем Герардом Фридрихом Миллером! Я спрашиваю себя: почему именно они, германцы, и тогда, и вот сейчас так буквально и липнут к каменной истории Хакасии? Ну, хорошо бы, один этот пример. А то ведь в Уйбатской степи в том же XVII веке найден был камень Д.Г. Мессершмидта – так названный, потому что этот самый Даниил Готлиб и нашел его на территории нынешнего Усть-Абаканского района! Я спрашиваю себя – и не нахожу ответа!.. И теперь вот – эти слова Игоря Галкина: «А германцы – дак те вообще здесь у себя, как дома!» Что за такие чисто германские пристрастия к степной нашей истории? Кто поищет – и найдет ли мне (да и другим!) ответ на этот вопрос?

... Между тем мы продолжали прогуливаться по территории кургана, среди голубых ирисов и пахучего тысячелистника (символическое какое название-то в этом месте!), и наш «чичероне» говорил, радуясь за нас: «Между прочим, вчера, в воскресенье, здесь было масса народу – человек двести!.. Вы бы тут устали. А сейчас – свежо, безлюдно... Вам просто повезло. Так лучше, наедине-то с тишиной, историю ощутить».

И только он это сказал – на горизонте, среди придорожных замшелых камней, отдаленных мелких курганов, среди пикуль и колючей дикой акации, показался разноцветный комфортабельный автобус, – медленно, осторожно выруливающий по петляющей дороге к кургану. Вскоре из него осторожно, а лучше сказать, с уважительным благоговением, как будто на лунный грунт, ступила пестрая толпа иностранных туристов. Они взглянули на нас, потом, отходя и по пути перешагивая через зеленые чубы цветущих голубых ирисов, стали осматривать, как женщины осматривают новое платье в магазине-салоне, хранящие суровые тайны каменные стелы... Я изучал в школе, да и институте, немецкий язык и, конечно, сразу по твердо-грубой речи приехавших понял: «Да, опять они, немцы!», которые здесь «у себя, как дома». Лучшего доказательства слов сторожа-охранника, чем приезд сейчас именно этой группы, и не надо было искать и ожидать.

Вот и «зациклился» я на странном вроде бы вопросе: почему все-таки именно немцы чаще других бывают в хакасских степях – начиная, как видим, аж с XVII века!?

Ау, ученые!

Правда, эта встреча произошла, когда мы уже, считай, нагулялись по Салбыкскому раскопанному кургану и направлялись почти к выходу меж каменных столпов, на одном из которых Игорь (сам ведь открыл!), помните, вырезанное на камне когда-то и кем-то каменное лицо – на самом верху оплывшей теперь стелы.

– Здесь этой весной, в апреле, был большой степной пожар! – информировал между тем нашу группу наш добровольный гид, продолжая знакомить нас со своим степным царством. – Да-а... Я чуть не задохнулся в том сизом дыму! Сине-желто, огненно было все вокруг... Полыхала степь на целые километры. Потом, после пожара, когда осматривал обгоревшие пространства, – сколько вокруг птиц, увидел, задохнулось, сколько сусликов!

А тогда... что, думаю, делать? Укрыться решил здесь, в середке кургана. Прикинул: сюда, по крайней мере, огонь не достанет... И прав-

да, спасся! Моя собака со мной здесь тоже переседела, переждала огонь...

Между тем мы подошли, по «наводке» Игоря, к камню любви. Он сказал нам, чтобы каждый обнял его по очереди двумя руками и так постоял минуту – другую: «помогает это в делах сердечных!» Потом, трогая слегка качающийся на ветру ковыль (чий), он подвел нас к еще одному камню. Если у предыдущего были накинаны только монетки (все – наши, российские), то под этим, помимо них, на свисающих со стен колючих акациях, – те же самые красные, синие и белые ленточки. «Поблагодарите духов за гостеприимство, и с этими мыслями оставьте здесь монетку либо повяжите чалома в знак ответной благодарности...»

Мы, естественно, сделали это, и сделали с должным пристрастием в душе...

Этот обряд, оказывается, уходит своими корнями в глубокую историю! Не только мы и не только сейчас задабривали каменных (а значит, горных духов). Сотни, если не тысячи людей, долгое время трудились над сооружением Салбыкской гробницы. При раскопках кургана выяснилось, что у его угловых камней были принесены жертвы: доисторическими строителями были убиты трое взрослых людей, один из которых был связан, и один ребенок. Внутри каменной ограды был сооружен склеп в виде усеченной пирамиды. В гробницу вел ступенчатый, крытый досками, коридор, украшенный берестой. В маленьком, по сравнению с мощностью всего сооружения, срубе, похоронили старца-воина...

Раскопанный в хакасских степях курган, несомненно, является могилой человека, могущественнее которого XXV (!) веков назад в здешних краях не было никого. В этом смысле его можно было бы назвать царем Хакаско-Минусинской котловины (или племенным вождем). Но погребенный в кургане старец мог быть не только предводителем племени или племенного союза, но и могущественным жрецом, имевшим неограниченную власть над своими подданными. Рядом с останками царя археологи нашли скелеты шести других людей. Часть их была членами его семьи, а другие были специально, по случаю смерти царя, убиты...

Большой Салбыкский курган свидетельствует, таким образом, о существовании сильной власти Степного вождя и большом количестве зависимых от него рядовых членов того доисторического времени.

Мы в раздумье, молитвенном раздумье, отошли от камня жертво-

приношения, откупившись от горных каменных духов монетами...

На прощание, уже после той, лишней раз подтверждающей живой интерес западной нации к восточным степям, – той встречи с германцами, Игорь Галкин, пожав нам всем на прощание руки, тепло сказал:

– Вы еще приезжайте к нам – в сентябре там, после картошки... Можете даже переночевать у меня в служебной юрте или какой другой – вон их сколько теперь тут! – и рукой в радушном движении показал на действительно стоящие тут и там ни дать, ни взять, кочевые юрты. – Ведь утро-то раннее, еще когда только зарится, может быть просто очень прелюбопытным! Я вот на днях – ни свет, ни заря, проснулся, знаете, отчего?

Мы невольно приостановились, ожидая еще какую-нибудь поэтическую деталь из жизни этого увлеченного сторожа – охранника с открытой душой к людям.

– Проснулся – смотрю, а это в окошко удод клювом, знай себе, настукивает утреннюю свою песенку! Шустрый такой, любопы-ы-тный!

... Уже в дороге еще не раз вспоминали Игоря Галкина – человека в ковбойской черной шляпе. Пусть ему не попеняет за такое радушное обращение с нами руководитель музея – заповедника под открытым небом «Древние курганы Салбыкской степи» – тем более, что мы приезжали сюда по важному делу, связанному с выпуском фотоальбома о Хакасии и Сибири, и много сделали на этом месте интересных снимков. А с Игорем – с ним нам просто повезло! Говорят, его сменщик – совсем малоразговорчивый человек.

Казановка нашей эры

1. Камни-образы, камни-могилы...

... Я ехал сюда, ровным счетом ничего не зная о Казановке. Ну, знал, конечно, что это музей под открытым небом, но не мог сказать, что он – Хакасский республиканский национальный музей-заповедник, созданный в 1996 году в предгорьях Абаканского хребта на территории Аскизского района. Слышал, что директором «Казановки» был Леонид Еремин, до этого работавший заместителем министра культуры РХ. Ну и догадывался, конечно, что территория Казановки – это вам не голая степь, а практически сакральное место, где еще до нашей эры были насыпаны курганы и сооружены могильники, которые сохранились до наших дней. Но то, что их десятки, сотни – нет, не знал, не ведал!

И потому мне интересно было приближаться к этому месту, как интересно вообще приближаться к незнакомой, но легендарной территории...

С трассы Абакан – Абаза свернули к селу Казановка. Откуда название, поинтересовался у знающего человека. Оказалось, что село так было названо по фамилии главы семьи, которая первая поселилась на этом месте и, собственно, основало село. Порадовало глаз то, что здесь строится новая школа: значит, у Казановки – не только великое прошлое, но есть и настоящее, а значит, и будущее. По правую сторону, сразу за околицей, пошли огородные прясла, всюю цвела картошка. Где-то дальше, за буйной крапивой, слышалось отдаленное течение речки Аскизки, которую мы только что переехали по мосту... А слева, заслоняя, казалось, саму дорогу, стали вставать грудью крутые горы с кустами сизой волчьей ягоды. Солнце припекало, как и положено ему припекать в июле, и это приносило в душу дополнительную радость от путешествия.

Скалы дышали настоящим плывущим зноем, ароматными волнами наносило от зарослей цветущего розового шиповника, редких висячих кустов разморенной малины, желтых диких красавиц-лилий. В одном месте во время приближении нашей машины в скальную щель юркнула неуловимая ящерица, до этого, подняв головку и зорко всматриваясь неизвестно куда, гревшаяся на солнце. А если высунуть голову из окна, то вверх можно было увидеть парящих над вершинами гор степняков-орлов, которые кругами неторопливо, как пограничники, кружась друг за другом, то спускались к скалам, то медленно поднимались чуть ли не к белоснежным облакам... Они, эти, по сути, суровые, с могучими крыльями птицы, как будто охраняли подступы к великому прошлому Казановки, и неторопливо решали, пропустить или не пропустить в сакральное место новых людей...

Минут каких-то двадцать – тридцать, – и вот он, музей-заповедник «Казановка»! Наконец-то... Обрамляя сакральную гору Хызыл-хая, где (я уже знал) найдено много наскальных рисунков, изображающих шамана, его камлание, а также различных пляшущих человечков, – обрамляя и выйдя на пойменный простор, среди густой зелени ивняка поблескивала волнами-чешуйками речка Аскизка... «Рядом, среди скал, находится место, пользующееся дурной славой у местных жителей, – сказал, словно желая охладить мое настроение, сопровождающий экскурсовод. – Местные говорят, будто по ночам в этом месте со скал сходят горные духи...» Я люблю мистику, и потому эффект от ска-

занного был обратный: я стал все рассматривать по сторонам с еще большим интересом.

Мягкая, с колеями из высушенной на солнце травы, дорога, стертая, к тому же, колесами автомашин, привела нас к пряслу из обветренных досок, за которым, можно сказать, и начинался музей – заповедник под открытым небом. Отсюда, с высокого травяного плато, какой выразительный открывался вид на пойму Аскизки, величественную и таинственную гору Хызыл-хая, и далее – на турбазу «Казановка», построенную по типу старинного хакасского поселения и состоящую из двух десятков деревянных юрт, каждая из которых, чуть позже узнал, рассчитана всего на два человека... Это уже была Казановка нашей эры – тем более, что невдалеке привлеченные рабочие, утирая пот со лба, молча строили стоянку для автомобилей.

Я оперся на ограждение и, что называется, остался стоять наедине с собой. Мы только что, полчаса назад, проезжали село, и видели не то станцию, не то полустанок на железной дороге. Он называется, оказывается, «Исторический». «Молодцы, местные жители! – легко подумалось. – Уже одно это название у многих пассажиров поезда «Абакан – Новокузнецк» вызовет, конечно, любопытство, а там, может быть, появится и желание узнать что-то о Казановке, а потом и приехать сюда. Молодцы!»

А-ах! Какая красотища-то кругом! Выше поймы, на лесистых холмах, царят кряжистые и стройные, еще молодые пушистые лиственницы. Вкраплениями встречается сосна, иголками искрящаяся на солнце, лирически о чем-то шелестят в платьях-пестринках березы... Все это – здешние родовые деревья хакасов. А выше, уже на каменистых взгорках, щетинится колючими ветками карагана желтая, вьются такого же цвета стебли и цветки курильского чая, обособленно, небольшими семействами, нахохлился у камней кизильник черноплодный, выкинув навстречу солнцу свою темно-сизую волчью ягоду. А чуть позже я узнаю, как называется белый цветок-невеста, что увиделся мне не только в предгорье, но вскоре и на самой территории музея под открытым небом. Это, оказывается, срабиоза белая! Название-то – ну прямо как у причудливой океанической рыбы...

Нас никто не встречает... Прохожу мимо новых деревянных юрт, потом юрт, похожих на чумы – высоких, сужающихся кверху. Они выложены берестой, скреплены жердями: ни дать, ни взять – мы в XVIII веке! По пути встречаются кучки черных муравьев, из-под ног с жирным треском взлетает сытая саранча. Странно: она в полете – малино-

вого цвета!..

Навстречу нам выходит (слава Богу!), какая-то женщина в голубой тенниске, на голове у нее повязан от солнца светлый платок с зелененькими цветочками. Знакомимся.

– Клара Артамоновна Сербигешева, – со сдержанной улыбкой представляется она. – Заместитель директора музея-заповедника...

Ба! Такого человека нам и надо. Наша новая знакомая приглашает меня и моего спутника пройти в деревянную юрту – главную, как я понимаю, судя по экспозиции, представленной внутри. В центре, бросается в глаза, расположен очаг, обложенный тяжелой галькой с Аскиз-ки, над ним висит чугунный котел. На полках, опоясывающих внутренние стены, успеваю заметить стоящий самовар – наверное, начала XX века, берестяные туеса; у стыка граней стены, чуть в углублении, экспонируется маслобойка, знакомая мне еще по своему деревенскому детству, рядом, на возвышении, – ступа, сечка...

Клара Артамоновна перехватывает мой взгляд и, растирая занемевшие, видать, пальцы рук, поясняет:

– Это все мы потихоньку-помаленьку собрали у местного населения. Вон, смотрите, – жаровая, а рядом с ней – веялка. А вон в той стороне – ручная мельница. – Я смотрю на огромные жернова, верхний из которых со стертой ручкой, и думаю о том, как непросто было женщине (не мужчине же!) перетирать на этих каменных грубых жерновах твердую пшеницу. Но семью-то надо было кормить – теми же лепешками, а без муки их ведь не испечешь! – А гордостью нашей, – с некоторым воодушевлением продолжает наша собеседница, – является вот этот зеленый клепанный сундук, сделанный из железа, причем более ста лет назад! Ну, вы как раз на нем и сидите. -- От неожиданности я чуть было не привстал... – Нет-нет, сидите! – среагировала Клара Артамоновна. – Вы знаете, откуда он к нам попал? Из Абазы. И сделан был там в начале XX века, на Абазинском железоделательном заводе. Это ценный старинный экспонат!.. Да сидите же, не вставайте! – с теплой улыбкой осаживает она меня снова. – Он ведь железный!

Вскоре мы узнаем, что музей под открытым небом был заложен в феврале 1996 года, что две коревые юрты, то есть покрытые корой лиственницы (в одной из них мы как раз и находимся), были построены в 2010 году, причем вторая является подарком от ХГУ им. Н.Ф. Катанова, факультета декоративно-прикладного искусства. Следом были поставлены две берестяные (ну, те, что похожи на чумы), и еще вот недавно появился шалаш охотника. Между прочим, не зря: над кова-

ным сундуком, где я сидел, висела медвежья шкура, распластанная по стене во всей своей красе... А всего разных подобных строений на территории музея-заповедника уже восемь.

Узнали мы также и о том, что в штате «Казановки» – само-собой, директор, его заместитель (то есть наша новая знакомая), а также главный бухгалтер и научный сотрудник... Ну, а Леонид Валентинович Еремин, бывший директор, – он, по словам Клары Артамоновны, теперь является инспектором по ведомству «Росохранкультуры».

Я, конечно, немножко покривил душой, сказав вначале, что ехал в Казановку, практически ничего не зная о ней. Собственно, практически – да, так и есть, а теоретически – кое-что уже знал, предварительно познакомившись с трудами Леонида Еремина. Так вот... оказывается, на территории музея-заповедника насчитывается более двух тысяч памятников археологии! Самые ранние из них относятся аж к эпохе неолита, то есть их возраст превышает 6 000 лет! Это курганы, могильники, поминальники, кладбища (могильные поля) древних людей. Но не только, не только этот загробный мир! Здесь были построены древними людьми оросительные каналы, устройства для горной металлургии, даже крепости. А разве можно сбрасывать со счетов образцы их духовной культуры – петроглифы, стелы, встреченные уже нами по дороге сюда, а также каменные изваяния (с ними предстоит еще встреча), предметы прикладного искусства, наконец? Вопрос риторический, не более...

Клара Артамоновна, почувствовав мой интерес к наскальным рисункам, как только мы о них заговорили, неожиданно резво встала со скамьи и, сказав: «Сейчас буду!», вскоре явилась, держа в руках целую книгу-альбом этих самых наскальных рисунков. Показывая их мне и моему спутнику, загружала нас дополнительной информацией:

– Тут все наскальные рисунки – практически Окуневской эпохи – ну, третьего – второго тысячелетий до нашей эры. Но это еще, как говорится, – цветочки, потому что здесь, в Казановке, на скалах встречаются и рисунки, которые ученые относят аж к эпохе мезолита, то есть это, как минимум, семь тысячелетий до нашей эры!

Этого, конечно, я не знал, зато прекрасно был осведомлен о том, опять же благодаря Леониду Валентиновичу, что из 64 наскальных изображений 42 посвящены теме коня. Это свидетельствует о том, что коневодство у древних людей было основой жизни на протяжении многих тысячелетий. Кроме коней, на каменных поверхностях встречаются изображения домашних коз, овец, а также... колесницы. Сво-

еобразный «ключ» к пониманию того, что это изображен подземный мир! Рядом с колесницей – ни кто иная, как собака. А собака – она в мифах мно-огих народов мира выполняет исключительно функцию охранника, причем не реально живого, а мертвого, то есть подземного мира. Иными словами, древние люди будущей Казановки верили в загробную жизнь – впрочем, как и их древние все современники (и соплеменники).

У Клары Сербигешевой, как заместителя директора музея-заповедника, были, конечно, свои дела, и мы это понимали по ее о чем-то постоянно думающему взгляду, если можно так сказать. Поэтому мы лишь поинтересовались у нее, где нам сейчас лучше всего побывать?

– А проедьте в сторону могильника Анчил чон, – также заинтересованно, а не по – казенному равнодушно ответила она. – Там есть что посмотреть, чему удивиться. А потом, по приезде, я вам кое-что расскажу еще об этом своеобразном могильнике, ладно?

Мы кивнули в знак согласия.

На «УАЗике» ехать не пришлось и десяти минут: перед нами вскоре раскинулась, я бы сказал, долина мертвых – слева за высохшим оросительным каналом – не из тех ли доисторических лет? Как знать! Среди ковылей, убито спящих под жарким солнцем, то там, то здесь встречались, подстать мертвящему окружению, ядовитые растения: черная чемерица, черная белена, опустившие свои головки ниц к прожженной суглинистой земле. Один раз мне попало под ноги три-четыре соцветия едкого лютика – уже засохшего и едва узнаваемого сейчас, в середине июля...

– Ну и ну! – стал сокрушаться я вслух. – Мало того, что вокруг, смотри, – сплошные могильники, так еще вот эти – черт бы их побрал! – ядовитые растения...

– Как сказать! – улыбнулся нехотя, разморенный, как чемерица, полуденным солнцем мой провожатый. – В малых дозах эти растения, сам знаешь, являются лекарственными.

В ответ я вяло поморщился, тоже изнывая от палящего солнца: «Пожалуй, так...»

Между тем, перейдя заросший сухой травой ров, мы сразу же оказались на кладбище древних людей – кладбище, большей частью разрытом, вплоть до крайних углублений. Мрачно-розовые гранитные плиты квадратно обступали то или иное захоронение, которое, в свою очередь, тоже было закрыто последующей гранитной оградой. Три крупных могилы располагалось в центре. Они были огорожены

словно влитым в землю и тоже крупным гранитным плитняком. Главы родового племени покоились тут? Далее, по окружности от этого и других центральных захоронений, шли где до семи, где до двенадцати могил, обнесенных плитняком, уже замшелым по гранитным краям. Это, надо думать, – были захоронения домоладцев умерших глав знатных семей? Пожалуй, так, решили мы, потому что по окраинам этих захоронений, дальше, уже располагались абсолютно малюсенькие каменные ящички, длиной всего-то до полуметра! Де-ти?.. Дети (или внуки) тех, кто был погребен ближе к центру? Страшная догадка осенила меня. Она заключалась в том, что, скорее всего, вместе с умершими (своей или на поле брани) смертью вождей этих родовых кланов, насильственно потом были убиты и захоронены рядом также и оставшиеся домоладцы, и их бедные детишки... Да что! Таковы, и это мы прекрасно знаем из этнической истории, действительно были жестокие обычаи древних, особенно знатных людей. Мало того: хоронили, в придачу к ним, знатым лицам, еще и коней, и доспехи, и наложниц, и слуг-кыштымов... Древние – они же безоглядно верили в загробный мир и, значит, им все это, сопутствующее в реальной жизни, должно было пригодиться и на том свете. Так они считали!.. Лишний раз в эту минуту подумалось мне о том, что языческие времена – они были времена страшные, если не сказать – дикие, нечеловеческие.

Нам после этого как-то скоро расхотелось ходить по долине мертвых – тем более, фотографировать то, что осталось от древних захоронений. От них, этих молчаливых захоронений, веяло языческой жестокостью, особенно если с какой-то опаской и жалостью лишний раз вдруг снова взглянешь – невольно взглянешь – еще раз на детские, в пятьдесят сантиметров-то всего (!), погребения... Их-то, малых, за что было брать с собой в подземный мир, заживо, как ягнят, с кровью умерщвлять перед тем, как предавать суглинистой безжизненной земле? За что-о?..

Мы, потрясенные и убитые увиденным, хотя все это было и происходило тысячелетия и тысячелетия назад, тем не менее покинули этот, по сути, страшный могильник Анчил чон. Даже выпрыгивающая из сухой горячей травы малиновая саранча, которая еще утром казалась экзотической, теперь вызвала у меня раздраженную брезгливость, как будто, если судить по цвету, была обрызгана той давней алой кровью невинно убиенных младенцев...

В научной литературе после я вычитал, что могильник Анчил чон, оказывается, представляет собой особый тип погребения, и тем отли-

чается от остальных. Здесь можно увидеть могилу в виде каменного ящика с круглой оградой из вертикально поставленных гранитных плиток, или такое же по конструкции погребение, где ограда составлена из горизонтально положенных плит. Есть могилы в виде обычных ям, обложенных камнями. А тут же рядом – могилы в виде ям, но в обрамлении круглой ограды из вертикально стоящих плит, и каменные ящики с прямоугольной оградой.

Да, окрестности села, отчасти бывшего, Анчил чон, – одно из самых насыщенных памятниками археологии мест на территории музея-заповедника «Казановка». Могильнику, расположенному здесь, и который мы только что посетили, не повезло, оказывается, дважды. Месть, Божья кара за младенцев? Как бы там ни было, в 1960-е годы Бирикчульский леспромхоз провел через него дорогу на Бейку. А спустя несколько лет археологический комплекс был разрезан оросительным каналом... Стоп, стоп!.. Значит, мы переходили засохший глубокий ров, что называется, нашей эры, а не тех давних тысячелетий, как тогда подумалось? Видать, так. Между тем, современным оросительным каналом (добавим: советского времени) полностью или частично было разрушено тогда более двадцати погребений, возраст которых превышал 3 000 лет! Спасательные (до времени вынужденные) археологические раскопки проводились первым отрядом Средне-Енисейской археологической экспедиции из Санкт-Петербурга... Об этом с профессиональной болью и пишет в своем эссе о «Казановке» ее бывший директор Л.В. Еремин.

... На обратном пути мы завернули к горе Хызын-хыр, неподалеку от которой тоже раскинулся «город мертвых» – могильник Читы-хыс. Более ста пятидесяти курганов, созданных около 2 500 лет назад, представляют, да, внушительное зрелище! Это все-таки, слава Богу, не раскопки древнего кладбища... Потому мы и свернули сюда. В лучах пламенеющего солнца (Леонид Еремин пишет «угасающего солнца») камни курганов действительно стоят, подобно армии молчаливых воинов. Здесь, у курганов Читы-хыс, можно увидеть камни, напоминающие голову коня (вспомните наскальные рисунки!), а также человеческую фигуру, тагарский остроконечный шлем. Какое значение придавали создатели курганов месторасположению камней-образов, – пока неизвестно, признается Леонид Валентинович. Не дает пока ответа на этот вопрос и содержимое курганов. В устройстве подкурганных могил видно разнообразие. Вероятно, погребальный обряд у сибирских скифов менялся каждые три – четыре поколения. Впрочем,

оставим эти незаконченные размышления ученым...

Возвращаясь к машине, я думал о тех тяжелых и грозных веках, над которыми, как и сейчас, вечным солнцем сияло синее, как гляцевый шелк, и разморенное июлем небо. Иногда, встретив по пути лопух-татарник или подкоренник, я на ходу срывал их жесткие верхушки и машинально тер бесчувственными пальцами. Так же машинально смотрел я и словно не замечал белесый ковыль, раньше называемый в этих местах куком... Мысли мои были да-а-леко-о! И лишь взревший мотором «УАЗик» вывел меня из забытья, похожего на легкое оцепенение, и вернул к современной Казановке – Казановке нашей эры. И сразу стало как-то легче дышать и...жить.

Клара Артамоновна Сербигешева уже поджидала нас у главной коревой юрты. Взглянув исподлобья на наши со спутником словно осунувшиеся лица и узнав о впечатлении, которое получили мы, и особенно при посещении долины мертвых – Анчил чон, она не замедлила поделиться и своими на этот счет горестными наблюдениями.

– Знаете, в 1996 году сюда, в долину мертвых, приезжала одна археологическая экспедиция, – неторопливо начала Сербигешева. – Она делала раскопки как раз там, где вы были, – на Анчил чоне. Все пораскопали, как следует, и все увезли с собой в Санкт-Петербург – тоже, как следует... И концы в воду, что называется. Между тем там были найдены любопытные, с точки зрения археологии, изделия из погребальных каменных ящиков, были найдены и останки предков, захороненных еще не четыре ли тысячи лет назад!.. По крайней мере, все раскопанные могильники – они были не позднее Тагарской (железной) эпохи. А это, как минимум, более 2 000 лет назад... Пусть даже так. Как-то опустошенно чувствуешь у себя на душе после этого...

– Наука требует... – вставил было свое слово мой спутник-экскурсовод из Абакана.

– А-а!.. – только и махнула с досады рукой наша гостеприимная, но теперь вот тоже взволнованная хозяйка. Между прочим! Оказывается, когда построят школу в селе Казановка – ну, ту, которую мы проезжали, направляясь сюда, Клара Артамоновна станет работать в ней учителем истории. Услышав от нее это, я сказал вслух, нисколько не преувеличивая:

– Вашим будущим ученикам явно повезло! Вы их вырастите, как говорится, патриотами своей земли.

Странно, но Клара Артамоновна, такая разговорчивая, тут вдруг засмущалась...

– Скажите, а как часто бывают здесь, в Казановке, туристы? Из каких краев-областей наезжают? – обратился я минуту спустя к ней.

– Туристов наезжает сюда со всех концов страны, причем всяких возрастов – от дошкольников до студентов институтов и университетов, до седовласых ученых. Были вот на днях томские студенты-музейщики, отпускники – они практически каждый день тут и, как правило, из разных городов. Нет, не только из Хакасии и Красноярского края. Едет любопытный народ из Кемерово и Новокузнецка, Новосибирска и Санкт-Петербурга, из Москвы... Не-ет, – протянула собеседница, – тут скучать некогда! – и она, как всегда, снова по-доброму улыбнулась – на этот раз, правда, с легкой тенью усталости...

Перед недалеким уже отъездом мы разошлись каждый кто куда, лишь хозяйка (для нас хозяйка) Казановки осталась в главной корековой юрте что-то поменять в экспозиции, как объяснила она. Мой спутник удалился на берег Аскизки, а я пошел через всю территорию музея-заповедника к зарослям черемухи, которая своей красотой еще поутру привлекла меня, – пошел, на ходу рассматривая разнообразные травы и цветы... Внизу, когда подошел, под тенью душистой черемухи, разморенной все еще горячим послеполуденным солнцем, грозно гудели неутомимые шмели-бомбовозы, и весело, перескакивая с камня на камень, бежала маленькая, но бойкая речушка. Я на всякий случай сорвал три-четыре стебля конского щавеля, чтобы отбиваться от шмелей, если придется. Но тяжело и грозно гудящие шмели меня не тронули. Под журчание безымянной речушки я невольно стал рассматривать полевые цветы, так густо цветущие сейчас вокруг, в середине горячего лета. Узнал касатика-пикульку, тонкий синий ленок узнал, нежно стелющуюся, с вкраплениями розовых мелких цветочков, богородскую траву... Названия остальных цветов мне были неведомы. По возвращении в юрту я спросил у Клары Артамоновны, какие цветы еще произрастают на территории музея-заповедника.

– О, у нас – богатая растительность! – оживилась она, выпрямляясь. – Ну, например, синяя степная астра, желтоцветная володушка, термопсис, да... А еще чебрец, по научному тимьян, подмаренник желтый, гониолимон...

– Ого, какие названия вы знаете!

– Это все – от моей бабушки... Вот уже названный гониолимон – он розовато-лилового цвета. Да! Есть даже эдельвейсы – правда, не горные, а степные. Ну так что с того?! Они такие невзрачные с виду, скромные ... А вообще на здешних землях ученые насчитали более

100 видов сосудистых растений. Полыни – и той-то целых пять видов: холодная, седая, метельчатая – ну, что на веники хозяйки ломают... – и она взглянула на нас глазами победительницы.

– А скажите, Клара Артамоновна, – не удержался я. – Скажите, имеет ли какое-нибудь название-то речушка, что пробегает сразу за изгородью заповедника – там, на дальнем краю, под черемухой?

– Вы там были, я так понимаю, да?

Я кивнул, добавив:

– Уж не безымянная ли она?

– Да нет, что вы! – был скорый ответ мне. – Этот бойкий, веселый ручей – он так и называется: Ве-се-лый!

Мы все дружно заулыбались, готовые перед этим, переглянувшись, уже, как дети, прыснуть со смеха... Но удержались из приличия. Вот не ждали-не гадали, к слову сказать, что в лице Клары Артамоновны встретим прямо-таки задушевного собеседника, если не сказать больше – друга.

Прощай же, бесценная и таинственная Казановка! Ты подарила нам сильные, горькие и добрые, впечатления. «Как хорошо, – под конец невольно подумалось, – что мы живем, слава Богу, не до нашей эры, а в эре нашей, цивилизованной.

Но историю, какая она бы ни была, все-таки надо знать – хотя бы потому, чтоб ценить сегодняшнее настоящее и беречь неповторимое прошлое.

2. К: близкая и далекая

(Из записок старшей дочери Лики Краско)

Маршрут в прошлое

Эта летняя поездка, охватившая мою душу кольцом смутных прозрений и неуловимых чувств, случилась внезапно, неожиданно, вдруг. Далекая от археологии, равнодушная к загадкам древней Хакасии, я брала с собой фотоаппарат и диктофон «на всякий случай», скорее, по профессиональной привычке, без цели зафиксировать факты или дать впечатлениям «перекрыть» сознание. Однако я недооценила ни собственную восприимчивость, ни величие тайн, сокрытых в хакасской степи.

Сплошные эмоции!

Это июльское утро началось для меня весьма нетрадиционно – утром. Выхожу во двор – ни души! Лишь дворник подметает у соседнего дома. Воздух – в теплом солнечном тумане, похоже, днем будет изрядное пекло. «Фома, поверила прогнозам погоды, – лениво думаю я, наряженная в джинсы. – Спасибо, хоть не в куртке вышла...».

Однако возвращаться – плохая примета, к тому же может быть всякое – вдруг «кратковременный дождь» сбудется? Главное – поскорей купить бутылку «Флэша» в дорогу (обедать мы будем в Аскизе, поэтому «о хлебе насущном» я не забочусь).

До археолого-этнографического музея-заповедника «Казановка», расположенного непосредственно в Аскизском районе, примерно 127 км от Абакана. Машина у нас быстрая, домчит без проблем. Поприветствовав своих спутников, отстраняюсь и включаю плеер. Разговаривать или молча пялиться на мелькающие за окном до боли знакомые пейзажи не хочется. Закрываю глаза...

Мы проезжаем Хан-Куль, аалы Райков, Доможаково... Постепенно дорога обретает этнические черты – в сухой степи начинают встречаться менгиры, небольшие курганы. Мы минуем Аскиз, и до заповедника уже рукой подать, а мне не сидится на месте. Диапазон эмоций широк – от тихого восхищения до почти детского восторга. «Боже, как красиво! Потрясающе! Андрей, останови, пожалуйста!!!»

Под небом лета

Поскольку указатели по пути от села нам ни разу не встретились, наша маленькая экспедиция едет в некотором смысле по наитию. Такое положение вещей лишь добавляет загадочности царящей вокруг атмосфере. Пейзаж изменился разительно, мы словно спрятаны от суеты мира молчаливой и величественной стеной гор.

Я воодушевленно делаю кадры, солнце слепит глаза. Кажется, горы, неровные, надломленные, покрыты сизым бархатом и велюром всех оттенков зеленого. Невольно вспоминается истина хасидов о том, что время стоит на месте, уходим мы, люди...

Наш путь оказался верным – мы подъезжаем напрямик к большому щиту, до музея под открытым небом – несколько сотен метров. Просторная территория огорожена невысоким забором, уже издали заметны несколько юрт. Под открытым небом лета... Когда видишь панораму – ярко-синяя река, огибающая выступ высокой скалы, теку-

щая среди изумрудной зелени куда-то вдаль, к линиям гор, призрачных, темно-голубых – захватывает дух. И нет предела восхищению...

Хакасский республиканский национальный музей-заповедник «Казановка» был создан в феврале 1996-го. В 60-80-е годы XX века территория будущего музея-заповедника, которая составляет ни много ни мало 18,4 тысяч га, была исследована археологом Яковом Ивановичем Сунчугашевым. Здесь выявлено более двух тысяч памятников археологии. Самые ранние из них относятся к эпохе неолита, их «возраст» превышает 6 тысяч лет.

Атмосфера вечности

Юрты в долине Кюг, куда мы и стремились, появились лишь год назад. «Люди здесь бывают разные – от доцентов до студентов. Туристы приезжают со всего мира», – говорит заместитель директора «Казановки» Сербигешева Клара Артамоновна.

В штате музея работают пять женщин, их трудами юрты «обустраиваются». В самой главной (так я назвала ее для себя) – очень уютно. В центре – очаг, над ним в крыше дымовое отверстие (тунук). Здесь же стоят железный треножник и казан, лежат поленья. На стенах – шкуры, национальная одежда. Много полок с разной домашней утварью, аккуратно расставлены ступа, самовар, туески, чашки, медная посуда.

«Откуда так много старинных вещей?» – оглядываясь по сторонам, спрашиваю я Клару Артамоновну. – «Экспонаты мы собираем тщательно, – отвечает она. – Слева от вас, например, стоит сундук, которому больше ста лет. Бывает, люди из окрестных деревень приносят очередной раритет, дарят».

Полюбовавшись напоследок замечательным «альковым» и узорами на подушках, подумав «Вот это да!», я выхожу навстречу палящему солнцу (мои джинсы!!!). Манят небольшие чумы – конические шалаши из жердей, покрытые берестой и корой. Они смотрятся, как отличная декорация для съемок исторического фильма о кочевом народе.

Чум из коры похож на увеличенную в десятки раз мутовую шубу. Забавно. Какой чистый воздух! Невдалеке весело бурлит горная река Кюг. Среди травы у берега – прекрасный синий цветок. Впечатления и ощущения меняются, словно в калейдоскопе, и вдруг...

И вдруг меня накрывает атмосфера. Чувство невероятной защищенности и покоя. Кажется, все вокруг пронизано не только солнечным зноем и стрекотом кузнечиков, но и голосами вечности. Ты просто переполнен этим необъяснимым ощущением...

С того света...

По пути в историко-культурный комплекс «Улуг Хуртуях Тас» (день долог, мы успеем и туда) водитель то и дело жмет на тормоз, и мы, схватив фотоаппараты, снимаем изломы гор или менгиры, коих в «Казановке» – множество.

Мои спутники не преминули остановиться и у раскопанных могильников. «Иди, посмотри на это!» – повстанческий крик самого «дохожего» из нас нарушает тишину вокруг. «Я же не гот, мне кладбища неинтересны», – мотаю головой я. Однако после пары-тройки минут уговоров со вздохом повинуюсь и лезу на поросшую колючками возвышенность.

Могильное поле тянется сотни метров. Трудно себе представить, каким оно было в первозданном виде – от захоронений остались лишь выжженные солнцем участки с пучками степной травы, обложенные плитняком.

Эти вытянутые прямоугольники абсолютно разного размера вызывают чувство неясной тревоги и печаль. Мы спускаемся к дороге, наш фотограф щелкает очередной кадр и смеется: «Я назову эту фотографию «Они вышли с того света»! Неплохо?» Что тут скажешь – в десяточку!

Под дождем и снегом

Встреча с «большой каменной старухой» (так дословно переводится с хакасского название святыни) не могла не будоражить мое воображение. Я слышала немало историй о ее магическом воздействии на судьбу женщины. Ближе к сути, Улуг Хуртуях Тас – это «Мать всех матерей», или «Чрево земли». Уже несколько тысячелетий женщины из разных уголков мира молят ее о рождении ребенка. «И, ты знаешь, помогает!..» – что и говорить, такие слова не нуждаются в комментариях.

Согласно археологическим данным, стела из песчаника была вкопана в землю около 6 тысяч лет назад на месте геологического разлома, где отмечено мощное излучение особой энергетики. В древности на таких биоэнергетических участках проводили магические обряды.

Судьба степной богини непроста. До 1954 года Хуртуях стояла в Сагайской степи, под дождем и снегом. Опасаясь, что памятник древней культуры может разрушиться, археолог А.Н. Липский привез изваяние в Хакасский краеведческий музей. Полвека (до 2003 года) каменное божество находилось в Абакане.

Возвращение

В столице Хакасии паломничество к матери матерей не прекращалось. В память от городской жизни на стеле осталось большое жирное пятно. Женщины выполняли обряд – мазали высеченный на камне рот сметаной. Почему допускалась такая вольность – не понимаю.

В 90-х годах на съезде хакасского народа вопрос о возвращении древней богини в степь зазвучал очень настойчиво. Хуртуях стремительно теряла свое таинственное тепло. Возвратили памятник в родные места только после четырехкратного обращения Совета старейшин хакасского народа.

Чтобы защитить «каменную бабу» от разрушения, над ней построили стеклянную юрту, в которой поддерживается постоянная температура. Хакасы утверждают, что могучая энергия менгира только начинает пробуждаться после многолетнего отсутствия в степи.

Сейчас древняя святыня хакасского народа Улуг Хуртуях Тас причислена ЮНЕСКО к мировому культурному наследию и оценена в \$1,5 млн. Историко-культурный комплекс, где расположена чудесная реликвия, входит в тройку самых посещаемых музеев Хакасии. Каменное изваяние находится в центре 35-километрового Аскизского могильника, самого длинного в Европе.

Мир ребёнка

Я вхожу в прозрачную юрту с трепетом. Солнце уже не шпарит лучами, свет мягкий, тёплый. Посреди «стеклянного дома» стоит Улуг Хуртуях Тас, взгляд ее обращен на восток, рот раскрыт в горестной песне, а на животе высечена личина...

У ног огромной степной богини (рост – 3 метра, вес – 2,6 тонны) лежат подношения: молочные продукты, талган, бусы, кольца. На ступеньках вдоль стен – цветы и мягкие игрушки. Сразу понятно, что ты очутился в маленьком мире матери и ребенка. У меня возникло неодолимое желание остаться один на один с божеством. «Прилюдно» не мечталось, мысли разлетались в разные стороны.

Сейчас, когда после поездки прошло больше месяца, хочется приблизиться к загадочному менгиру снова. Что меня манит – не знаю. Специалисты относят создание Хуртуях Тас ко времени возникновения шаманской космологии. Говорят, что «старуха» стоит и не слышит ничего, что происходит рядом. Однако как только женщина троекратно обходит вокруг нее, изваяние «оживает». Наука этому феномену

объяснения не нашла, да и возможно ли раскрыть тайну священной силы?..

Ташебинский чаатас

1. Раньше Киевской Руси...

Степь... Пожухлая трава в инее. С восходом солнца она мерцает миллиардами мокрых искорок. На взгорках то тут, то там охраняют покой степи накрененные от ветров столетий каменные стелы. Это – Ташебинский чаатас, расположенный на отчужденных землях Абаканской ТЭЦ. Земля здесь осталась еще все-таки не тронутой человеком. Это место с полным основанием можно назвать музеем под открытым небом.

Тогда, в сентябре 2002 года, исполнялось десять лет, как в Хакасии было образовано содружество «Национальная память». В него вошли министерство образования и науки РХ, министерство культуры, институт саяно-алтайской тюркологии ХГУ, ХакНИИЯЛИ, Союз писателей Хакасии. Рабочую группу «Национальной памяти» возглавил неутомимый краевед-просветитель, директор бюро пропаганды литературы при Союзе писателей Хакасии Ю.Забелин. Он стал инициатором всех мероприятий, посвященных Дням тюркской письменности и культуры, проводимых регулярно в Хакасии – единственном месте России в этом смысле.

– Да, Дни тюркской письменности и культуры – сердцевина деятельности содружества «Национальная память», – говорит Юрий Николаевич. – Впервые они состоялись в 1996 году в аале Чарков Усть-Абаканского района. Их тогда открыл Степан Павлович Ултургашев, возглавляющий ИСАТ. Это произошло у стел Уйбатского чаатаса. Теперь мы уже в седьмой раз празднуем Дни тюркской письменности и культуры. Мероприятие это состоится как раз на Ташебинском чаатасе. Честь открыть его мы опять предоставляем Степану Павловичу Ултургашеву. Здесь, у древних стел, будет проведен большой фольклорно-ритуальный праздник, который состоится 23 сентября.

Что же это за уникальное место, находящееся в черте города и чудом уцелевшее до наших дней? Обратимся к истории...

Да, на западной окраине Абакана, рядом с ТЭЦ, располагается археологический памятник, известный в научной литературе как Ташебинский чаатас. Он представляет из себя группу сконцентрированных на

небольшой территории каменных насыпей, обставленных по периметру высокими каменными стелами. В старину эти сооружения хакасы называли Чаатас, что означает в переводе на русский язык «камень войны». Согласно преданиям, каменные стелы появились здесь во время сражений эпических богатырей. Они, обладая невероятной богатырской силой, отламывали огромные камни от скал и кидали их в своих врагов. Камни, врезаясь в землю, образовывали скученное скопление длинных столбообразных стел.

Надо отметить, что подобный тип археологических памятников распространен в Хакаско – Минусинской котловине почти повсеместно, и многие из них в старину также назывались Чаатас и так же имели аналогичную легенду, объясняющую их появление. В силу своей выразительности, а также и потому, что на многих стелах высечены руно-подобные знаки (кстати, на Ташебинском чаатасе имелись такие), эти памятники привлекли к себе внимание исследователей уже во время первой в Хакасию научной экспедиции, возглавляемой Д. Мессершмидтом (1721 – 1722 гг.).

Именно на Чаатасе, расположенном на реке Уйбат, в окрестностях современного аала Чарков, этим исследователем была открыта орхоно-енисейская руническая письменность. Вторая научная экспедиция, побывавшая в наших краях в 1739 году и возглавляемая уже Г.Миллером, зафиксировала еще один знаменитый в науке Чаатас у села Копены (ныне оно ушло под воды Красноярского водохранилища). Здесь экспедиция встретила бугровщика, проживавшего прямо на могильнике и систематически его грабившего. Особо же необходимо отметить работу финской экспедиции, возглавляемой И. Аспелиным и трудившейся в Хакасии в 1887- 1889 гг. В составе этой экспедиции был археолог Гейкель, который в 1889 году произвел научные исследования на описываемом Ташебинском чаатасе. Это были первые научно зафиксированные раскопки памятника типа Чаатас, и именно он стал первым, который был археологически изучен среди аналогичных памятников.

Уже через несколько лет, в 1895 и 1898 годах, А. Адрианов, работавший от Минусинского музея, раскапывает здесь 12 «объектов». Кстати, этот исследователь и его коллега и современник Д. Клеменц ввели тогда в научную литературу хакасское народное название этих памятников – Чаатас.

На описываемом памятнике (уже в советское время, в 1936 г.) проводил свои исследования М. Герасимов.

В общем же на Чаатасах работали такие известные российские и советские археологи, как С. Теплоухов, С. Киселев, Л. Евтюхова, М. Грязнов, Л. Кызласов, Ю. Худяков и многие другие.

К настоящему времени по всей территории Хакаско – Минусинской котловины (территория современной Республики Хакасия и юга Красноярского края) известно 65 Чаатасов. Необходимо отметить, что за пределами этого региона аналогичные памятники нигде не встречаются, как и само их название. Правда, в последнее время на Алтае археологи выделяют похожие каменные конструкции.

Археологические исследования производились на семнадцати Чаатасах. Особо необходимо отметить работы С. Киселева и Л. Евтюховой, проводившиеся в 30-е годы XX века на Копенском чаатасе. В ходе их исследований, помимо других находок, были найдены золотое блюдо и золотые сосуды, на которых были искусно выполнены изящные растительные узоры и очертания сказочных птиц – грифонов, а также обнаружены бронзовые рельефные изображения сцены охоты. Эти находки получили в дальнейшем большую известность в научном мире. В настоящее время ни один учебник по археологии России не обходит их стороной. Считается, что эти произведения искусства являются творениями поместного мастера-ювелира. Изучение Чаатасов показало, что эти памятники являются захоронениями, которые были совершены в эпоху раннего Средневековья (VI – IX вв. н. э.). В частности, Ташебинский чаатас датируют VIII – началом IX вв. н.э. Если хронологически сравнить время сооружения этого погребального комплекса с общеизвестными фактами российской истории, то оно предшествует времени образования у восточных славян государства Киевской Руси.

Археологические раскопки могильников, называемых Чаатасами, показали, что это комплексы, в которые входят разнотипные погребальные сооружения, причем среди них имеются захоронения, относящиеся к так называемой Таштыкской культуре (I в. до н.э. – V в. н.э.). Сами же ранне – средневековые курганы изначально представляли из себя квадратную, прямоугольную, округлую или многогранную каменную ограду, выложенную из плашмя положенных плит. Выяснилось, что эти ограды могли иметь первоначальную высоту 1,7 метра и достигать в диаметре от пяти до 30 и более метров.

В частности, на Ташебинском чаатасе у исследованных А. Адриановым курганов эти ограды в разваленном виде достигали в диаметре 18 метров. Это дает право предположить, что изначально размер

оград был 12–14 метров. Считается, что эти ограды символизировали жилой дом для умершего, повторяющий конфигурацию жилья живых людей – многогранной или округлой юрты или прямоугольного дома. Как известно, до сих пор во многих хакасских аалах стоят оставшиеся от дедов обветшавшие шести – и восьмигранные юрты!

По периметру этих каменных оград на небольшом расстоянии симметрично устанавливались высокие столбообразные каменные стелы. Число их колебалось от четырех до двенадцати. На Ташебинском чаатасе А. Адрианов выявил самое большее их число – семь стел. У некоторых крупных курганов с юго-западной стороны две плиты несколько вынесены в сторону, образуя тем самым «вход», что может подтверждать назначение конструкции Чаатаса как жилья для мертвых. Кстати, многие стелы – это переиспользованные менгиры Окуневской культуры (нач. II тыс. до н.э.) с общеизвестными антропоморфными изображениями, выполненные в характерной для них стилистике. Такие имелись и имеются на описываемом Чаатасе, многие из которых увезены в Минусинский музей.

Внутри ограды обычно располагается квадратная или прямоугольная яма с округленными углами, покрытая каменными плитами и деревянными жердями. Ее стены обычно обложены деревянными столбиками. Пол мог быть покрыт берестой. На дне обычно располагалось одно – три скопления сожженных на специальном ритуальном огне (вне сооружения) костей погребенных. Иногда прах помещался в специальные сосуды-урны, берестяные коробки или мешочки. Сопроводительную жидкую погребальную пищу здесь же клали в горшководные сосуды, обычно грубо слепленные вручную. Напитки же оставлялись в могиле в высоких, изящно выполненных на гончарном круге вазах, имевших на стенках штампованный орнамент. В научной литературе такие сосуды обозначаются как «кыргызские вазы». Также в могилу обычно клали большое количество мяса овцы. Судя по костям, могли положить от четырех до семнадцати особей. Кроме овцы встречаются кости коровы и лошади.

При исследовании Ташебинского чаатаса из вещей были найдены: железные стремена, удила с псалиями, железные пряжки, шаровидная золотая пуговица. Надо отметить, что все подобные курганы попадают археологам уже в разграбленном состоянии, из-за чего обнаруживается мало находок.

В настоящее время общепризнанным фактом является то, что вышеописанные погребальные конструкции являются захоронениями

местной раннесредневековой элиты. В комплексе с ними имеются захоронения рядовых членов общества, они менее монументальны, без стел, а также много детских захоронений. Определяя этническую принадлежность Чаатасов, большинство ученых считает, что все они принадлежат енисейским кыргызам, проживавшим на протяжении всего Средневековья в степной части Хакаско – Минусинского края и впоследствии ставшими составной частью современного хакаско-го этноса.

Таким образом, на западной окраине столицы Республики Хакасия располагается кладбище местной раннесредневековой знати. Возможно, здесь захоронены воины, погибшие в бою, произошедшем зимой 710 – 711 гг., когда кыргызы отстаивали свою независимость во главе со своим каганом Барс-беком в борьбе с великой степной империей тюрков, возглавляемой родом Ашина. А возможно, дети погребенных здесь людей были участниками тех памятных событий, когда, выдержав изнуряющую войну с уйгурами, в 840 году кыргызы наголову разбили своих врагов и стали главенствующим этносом Южной Сибири и Центральной Азии.

... Так зарождался Кыргызский каганат, простиравшийся от берегов Байкала до Иртыша, зарождался уже со своей письменностью, металлургией, оросительными каналами... Именно о человеке того времени написал местный поэт следующие строки:

*Он не кочевник вовсе, а кузнец,
Каменотес, строитель, земледelec...
...За тысячу верст от Северной земли
Про этот город на Востоке знали.
О нем сложил поэму Низами,
Арабские историки писали...*

В тот год 23 сентября, в день осеннего противостояния Солнца, в Абакане, как и всегда, проходил фольклорно-ритуальный праздник. Надеемся, что Ташебинский чаатас, расположенный в черте города, со временем, но станет его достопримечательностью, а для горожан – настоящим историческим музеем под открытым небом.

2. Праздник у камня войны

В Абакане, как и во всех уголках Хакасии, немало замечательных, а порой и просто уникальных исторических мест. Одно из них находится в черте города, на отчужденных землях Абаканской ТЭЦ. Несмотря на прошедшие века, современную цивилизацию, здесь почти в пер-

возданном виде сохранился так называемый Ташебинский чаатас (в переводе – камень войны). По мнению Л.Р. Кызласова, доктора исторических наук, этот уникальный памятник – да, относится к раннему Средневековью и возведен был предками хакасского народа приблизительно в VI – VIII веках нашей эры.

Уникальность подобных памятников заключается в том, что они встречаются, как уже упоминалось, только на территории Хакасии и нигде больше в мире. Широко известен Копенский чаатас в районе Троицкого залива Енисея и чаатас Уйбатский, что охраняет покой степи близ аала Чарков Усть-Абаканского района. Последний, как известно, был открыт в начале XIX века немецким ученым-исследователем Даниилом Готлибом Мессершмидтом.

Позже хакасские Чаатасы исследовал (в 1840 году) Г.Ф. Миллер, ученый с мировым именем, написавший знаменитую книгу «История Сибири» в двух томах. Чаатасами также занимался ученый В.В. Радлов. Раскопки же их проводили, в том числе и на Ташебинском чаатасе, А.Адрианов и Д.Клеменц, сотрудники Минусинского краеведческого музея.

Осеннее утро... Под солнцем, взошедшим над степью, серебрится роса. Вот он, перед нами, Ташебинский чаатас. Каменные стелы от ветра веков чуть наклонены к земле. И непривычно их, посланцев Средневековья, видеть на фоне ТЭЦ, города. Но это сегодняшняя реальность, и с ней нельзя не считаться. Слава Богу, что ценнейшие памятники старины, несмотря на близость к Абакану, остались, с некоторыми оговорками, почти не тронуты урбанизацией.

... Мы шагаем, раздвигая пучки ковыля, по направлению к холмам, где покоятся стелы, с научным сотрудником ХакНИИЯЛИ Вячеславом Таракановым, археологом по образованию. И он, взглядываясь вдаль, не торопясь, рассказывает мне:

– Ташебинский чаатас, что сейчас оказался в черте города, раскинулся на небольших холмах среди степи. Стелы не совсем высокие и расположены как бы по углам незримого квадрата. Это – элитные захоронения каганов, возможно, Барс-бека, военачальников, воинов-героев, их сыновей. Предположительно здесь когда-то было поле битвы... Ведь Чаатас – это камень войны. Историческая литература относит эти памятники к кыргызам. Да и сами древние хакасы связывали их именно с этими захоронениями. Хотите, расскажу вам легенду?

И мой собеседник, в который раз оглядывая окрест, рассказал следующее. Народная память из века в век передавала новым поколе-

ниям легенду о том, что здесь, в районе нынешнего города Абакана, богатыри противоборствующих сторон схватились между собой не на жизнь, а на смерть. Они отрывали от скал каменные пики и кидали их друг в друга. Эти острые каменные копыя втыкались в землю... На их месте сейчас и возвышаются Чаатасы...

Ну, а теперь – реальные факты. Копенский чаатас отличается своей монументальностью. Недаром многие ученые-исследователи обращали на него свое пристальное внимание. Здесь были найдены золотые блюда, серебряные накладки на передние луки конских седел. Одна же из самых ценных находок – пластина с изображением всадника с луком, скачущим на коне и выпускающим стрелу в снежного барса. Все эти золотые украшения находятся теперь в государственных музеях Москвы и Санкт-Петербурга.

Кстати: пусть эти находки не беспокоят воображение людей, стремящихся к легкой наживе. Ташебинский чаатас давно был раскопан учеными, все ценное оттуда извлечено, и теперь это место является лишь символическим музеем под открытым небом.

... В честь открытия Дней тюркской письменности и культуры в Абакане, у Ташебинского чаатаса, 25 сентября 2002 года состоялся фольклорно-ритуальный праздник, организованный по инициативе директора бюро пропаганды литературы при Союзе писателей Хакасии Юрия Николаевича Забелина. Он же является и председателем оргкомитета содружества «Национальная память», которое было создано в республике ровно десять лет назад. Здесь, в степи, у ритуального костра, где звучали фольклорные песни и исполнялись древние танцы хакасов, Юрий Николаевич заметил, что Ташебинский чаатас – это неповторимая достопримечательность города, один из его замечательных исторических памятников. Шефство над сохранением Ташебинского чаатаса для потомков взяли на себя коллектив Абаканской ТЭЦ, а также педагоги и ученики городской школы № 14. Вполне резонно, подчеркнул мой собеседник, если отдельные уроки истории в той или другой школе Абакана порой будут проходить для учащихся здесь, в степном музее под открытым небом.

Да, Ташебинский чаатас теперь для горожан стал широко известен и так же ценен, как и многие экспонаты республиканского музея. Не будем забывать историю! И пусть у камня войны теперь будут проходить только народные праздники.

3. Горы

Там, в Караташско-Инейском заказнике...

1. Восхождение

Это было еще в советское время... Как это было? Экскаваторщик Геннадий Одаев, помощник машиниста комсомолец Николай Мининков, инженер проектно-конструкторского бюро Виктор Лихошвай, помощник взрывника Виктор Габрусенко, электрослесарь Анатолий Заикин совершили восхождение на Поднебесный зуб – одну из самых высоких горных точек Хакасии (2340 метров над уровнем моря). Это была не просто горная туристическая прогулка. Перед дружной пятеркой стояла определенная цель: посвятить восхождение 50-летию Хакасской автономной области и XXVI съезду партии и доставить на вершину памятный вымпел.

Инициативу проявили ребята сами. Идея восхождения всем понра-

вилась. Секретарь комитета ВЛКСМ Сорского молибденового комбината Александр Манджиев поддержал ребят.

– Идея хорошая, смелая, но надо посоветоваться со старшими.

– Я только «за»! – сказал секретарь парткома Ю. В. Бунин.

Он тут же связался по телефону с начальником рудника В. М. Столяровым, где работают ребята, и, вкратце объяснив ему суть дела, услышал в трубку утвердительное «Добре!».

«Мы начали собираться, – рассказывает Геннадий Одаев. – Анатолию Заикину поручили главное – изготовить из нержавеющей стали памятный выпел. На все ушло пять дней».

11 октября 1980 года комсомольцы двинулись в путь. До Караташско-Инейского заказника (96 км.) доехали. Дальше идти можно было только пешком. «Проводника решили с собой не брать – положились полностью на себя. Вскоре пришлось в этом раскаться. Без дороги, среди лесов и гор, группа, можно сказать, сбилась с пути. Напрямик до Поднебесного зуба – не больше 60 километров. Однако, чтобы преодолеть их, нам понадобилось пять суток! Только на шестой день показалась вершина, – говорит Виктор Габрусенко. – Вспоминается третий день похода. Погода испортилась. Повалил мокрый снег. Злой, пронизывающий ветер не унимался целый день. В десяти метрах ничего не было видно. На ночь разбили палатку. Наломали карагача, развели костер. Из растопленного снега получился на редкость вкусный чай. Утром проснулись от холода. У двоих из нас портянки даже к подошвам сапог примерзли». Наконец, они вблизи увидели Поднебесный, невольно остановились, пораженные его суровой красотой. Вершина могучей каменной гряды была покрыта шапкой облаков.

На вершине горы все с удовольствием скинули с плеч тяжелые рюкзаки. «Позади был трудный путь. Мы гордились тем, что доставили памятный выпел по адресу», – улыбается Виктор. На вершине их ждало, как все считают, настоящее открытие: маяк (геодезический тур), поставленный руками известного сибирского писателя-путешественника В. Федосеева! К этому туру и прикрепили ребята памятный выпел. Рядом с маяком они обнаружили гипсовый бюст В. И. Ленина, сделанный и доставленный сюда комсомольцами Кемеровской области.

...Спускались с горы уставшие, счастливые. Все чувствовали, что совершили туристическое восхождение не только на вершину. Поднебесный зуб в их понимании теперь навсегда стал своеобразным символом твердости, выдержки, воли, стал просто доброй памятью.

На обратном пути было время поближе узнать родной край, полюбоваться его красотой. Поразили ребят хрустальной чистотой горные озера. Как зачарованные, они долго слушали веселый шум многочисленных водопадов на речке Пехтерик. Их ждали порой неожиданные, но всегда радостные встречи с обитателями дикой природы. Они видели вблизи маралов, лосей, слушали на зорьке песню глухаря. На озере Голодном с интересом наблюдали игру стремительных хариусов. Раз наткнулись даже на медвежью тропу!

Да разве перечислишь все, что встретилось в походе, который продолжался восемь трудных, но прекрасных дней?!

2. В обнимку с облаками

Какая дорога самая легкая? Одни скажут – таежная тропа, другие – городской бульвар... Смотри, наверное, по тому, что больше к себе манит.

Как-то с группой геологов-изыскателей Красноярского института цветных металлов мне посчастливилось побывать в горах Кузнецкого Алатау. Посчастливилось, потому что такая возможность выпала впервые.

Побывать в сердце Караташско-Инейского заказника, да еще с интересными людьми, знающими свое дело, тайгу, повадки зверей.... О чем еще можно мечтать? Рядом с ними невольно чувствуешь себя увереннее. И, тем не менее, предстоящая близкая встреча с тайгой, альпийскими лугами, вечными снегами (а, может быть, и с косолапым хозяином тайги?) волновала, заставляла тщательно готовиться.

И вот мы в пути. Даже пасмурный день не омрачил приподнятого настроения. Так, наверное, устроен человек, что ветер странствия, пусть и небольшого, приподнимает его над обыденностью жизни, обновляет душу.

...Вы когда-нибудь слышали о голубых скалах? А о голубой воде? Мне, например, приходилось видеть Голубое озеро на Кавказе. Но то на Кавказе. А в Сибири, даже ближе – в Хакасии? Геологи свою радость открытий дарят людям. Благодаря спутникам не прошел я мимо голубых скал и голубых родников! Я увидел их, где течет подтаежная речка Инейка. В вечерних сумерках и отвесные скалы, нависшие над дорогой, и холодные-прехолодные родники и впрямь отливали голубизной. А рядом, словно обрамлением этой волшебной красоты, росли синие колокольчики.

– Из голубых родников грех воды не отпробовать, – подсказали гео-

логи-изыскатели. – Такая в городской квартире из крана не бежит.

Кстати, о речке Инейке. Здесь я как будто заново почувствовал такую простую истину, что все в природе взаимосвязано. Обмелей Инейка, и это, хоть немного, но все-таки отразится на полноводности такой реки, как Обь. Вы спросите, какая тут связь? Самая прямая. Инейка, на берегу которой мы стояли, впадает в реку Караташ, Караташ – в Июс, Июс – в Чулым, Чулым – в Обь. Прикинешь расстояние, какое преодолевает вода, и невольно поразишься. Как удивительно сочетаются в природе мало кому известная Инейка и Северный Ледовитый океан! Чтобы эта волшебная голубая нить никогда не прервалась, всем нам важно беречь растительность на берегах таких вот малых речек, у голубых родников.

Когда на берегу таежной, шумно-говорливой и порожистой реки Караташ мы разбили палатку и развели костер из сухостоя, было уже поздно. Наверное, каждый из нас в эту минуту почувствовал себя затерянной песчинкой в море тайги, в окружении неприступных гор, которые здесь часто покрыты седыми облаками. И только голос Софии Ротару, звучавший в это время из транзистора, – единственный, казалось, связывал нас со всем миром, шумной городской жизнью.

Наутро зябко было оставлять теплый спальный мешок, ступать босой ногой по холодной росе. Но где-то за дальними лохматыми горами сквозь тучи уже пробивалось солнце, а над головой то и дело весело порхала кедровка – вечная спутница бродящих по тайге людей. Собираясь на гольцы – и дальше, к Поднебесному зубу, где проходит водораздел между реками Красноярского края и Кемеровской области, мы то и дело поглядывали туда, куда предстояло подниматься по хребтам, покрытым лиственницей, кедром, усыпанными россыпями валунов каждый размером с дом.

Наскоро, но плотно позавтракав, мы с шестами в руках шагнули в бурлящий поток Караташа. Камни резали подошву, напористые струи валили с ног, но мы упорно передвигались вперед. Вот оно, первое испытание. Ноги после столь ледяной «ванны» долго растираем руками. То и дело нас жгут таежные комары, слепни. Но никто не жалуется: то ли еще ждет впереди?

Группа вытягивается цепочкой и медленно, среди болотных ручейков и папоротника высотой по грудь, движется вперед. Идем молча. Впереди, как минимум, три часа подъема в горы, и надо беречь силы. Но вот один из геологов-изыскателей заводит разговор про косолапого хозяина тайги. Повод для этого есть: на пути попалась рваная яма,

разрытая медведем совсем недавно. Наверное, в этом месте мишка «обедал».

– Несколько дней назад в этих местах я спускался с гор. Шел так же вот молча, ничего даже не напевал, – поделился с нами он. – А надо бы мне пошуметь, покричать! Тогда, смотришь, и с хозяином тайги не встретился бы. Он шуму побаивается. А то пришлось. Поднял я глаза – а он, смотрю, на тропе уже в сорока шагах от меня... Было не до смеха! Я – в одну сторону, а косолапый, слава Богу, в другую. Целый круг пришлось дать по горам, чтобы невредимым вернуться на стоянку.

Вдали от дома и семьи, в зной и дождь ведут свою нелегкую изыскательскую работу, подчас, как видим, и небезопасную, неунывающие геологи. Здесь, в горах Кузнецкого Алатау, с волшебным молоточком и компасом в руках они определяют запасы полезных ископаемых.

Эти залежи упрятаны природой далеко под землей и, наверное, поэтому в часы восхождения о них думалось изредка. А вот зримой красотой тайги каждый из нас восхищался поминутно. Доводилось ли, скажем, вам, не влезая на высоченный кедр, рукой срывать смолистую шишку прямо с верхушки? Это невозможно, скажете вы. И все-таки факт остается фактом. А разгадка проста. Мы, взобравшись на одну из отвесных скал, оказались, что называется, с глазу на глаз, всего в одном метре от вершинки могучего сибирского кедра. Один из нас, протянув руку, легко сорвал плод. А туда, вниз, и посмотреть было страшно – дух захватывает!

Во время похода неотступно думалось о фильмах «Хозяин тайги», «Дерсу Узала». И беспокоила мысль, что чего-то в моем восприятии тайги недостает. Чего же? Когда мы поднялись почти на вершину горы, где начинаются гольцы и перед вечными снегами отступает тайга, я увидел обыкновенную охотничью избушку – приземистую, с маленьким окошечком и низкой дверью. Только туг я радостно понял, что именно она-то и есть, если можно так сказать, один из важных штрихов моего представления о тайге. И таких вот маленьких открытий было много.

Тот, кто не поднимался по таежной, едва различимой тропе в горы, кто не блуждал в сырых распадах, тот никогда, наверное, не поймет, как важно человеку уберечь в походе ноги от ушибов и ссадин. Приходилось брести по водянистому мху, перепрыгивать с камня на камень, цепляться за ветки деревьев, кустарник. И если та же ветка, обломившись, тебя подведет, ты можешь за это дорого поплатиться. Порой ведь точку опоры ищешь почти на ощупь – тропа спрятана от

тебя по грудь зарослями папоротника, густой таежной травы.

Один из нас, оступившись, полетел было в ущелье глубиной шесть – восемь метров. И только большой рюкзак за спиной, застряв между острых выступов, спас неосмотрительного «скалолаза». Поэтому на вопрос, зачем люди ходят в горы, отчасти можно, наверное, ответить тем, что только здесь человек может проверить свои мышцы, выносливость, свою волю.

Вершина... Ее, как кто-то верно подметил, покоряют не только ноги. И душа человека участвует в этом покорении! Она словно обретает крылья, ликует, когда стоишь ты на вершине. Какой здесь воздух! Настоянный на разноцветье аромата тайги, пронизанный струями холодного ветра вечных снегов... Его пьешь, будто целебную воду.

Здесь, на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря, таинственно цветет в конце июля родиола розовая, или золотой корень, как его еще называют в народе, благоухают жарки. А у кромки вечных снегов, как в мае, задорно журчат десятки ручьев, и среди них, в зеленой траве, зреет маралий корень, розовеет бадан... А где-то там, за облаками, которые здесь, как и кедровые шишки, можно достать руками (и это не преувеличение), укрыт Поднебесный зуб. На его острой скале – да, находится тур, установленный известным сибирским путешественником-писателем Г. Федосеевым.

Спускаться с вершины, пожалуй, нисколько не легче, чем подняться на нее. Но об этом почему-то не принято писать. При спуске нам пришлось несколько поблуждать по таежным распадкам, пока, наконец, мы не вышли на знакомую тропу.

И когда уже поздней ночью, после восхождения, мы устало сидели у костра, а рядом шумно бурлил и пенился беспокойный Караташ, и выше берез поднимались искры от головней, я снова подумал о том, какая дорога все-таки легче. И сам себе ответил, отчетливо, уже навсегда уяснив: та, которую ты прошел!..

Млечный путь над Борусом

Хакасия – это и Борус в том числе. От знакомых не однажды слышал об этой пятиглавой горной вершине. И оставался равнодушным к восхождению на нее – как, впрочем, и к самим туристам-альпинистам, их фанатичному пристрастию. Ведь нужно запастись продуктами, снаряжаться, тащить этот унылый рюкзак... Не-е-т! Уж лучше в лес или на речку, как в детстве. Но вот прочитал повесть Владимира Солоухина «Прекрасная Адыгене» и подумал: а что мне туристы-альпинисты? На

Борусе стоит, наверное, побывать ради личных впечатлений. Исподволь заинтересовало и название. Вспомнилось лермонтовское написание Эльбруса: Эльборус. Сходство, хоть и частичное, в названии этих разных по географии и высоте гор – явное! И запало в душу: рано или поздно, а надо сделать восхождение на Борус!

Правда, специально для этого я ничего не предпринимал: обычно в таких делах полагаюсь на случай. И он, как это зачастую у меня бывает, куда как удачней представился. Делегация молодежи Хакасии, отбывавшая на Кубу для участия в XIV Всемирном фестивале молодежи и студентов в Гаване, решила совершить восхождение на горный хребет Борус, где среди вершин, носящих сибирские названия, есть две в честь Кубинской революции: пик Монкадо и пик Кубинских революционеров. Восхождение это возглавила руководитель делегации Надежда Васильевна Хайлова. Так, будучи уже потенциальным участником международного фестиваля, я попал и в группу восхождения на Борус. Ну, лучше и не придумаешь!

Еще согревало душу, вселяло в нее чувство уверенности то, что с нами на Борус «полезет» Олесь Грек, не раз уже там бывавший – впрочем, как и на Острове Свободы. Само собой, будет и сопровождающий. Но свои люди есть свои. С ними, думалось, как-то надежнее и веселее будет карабкаться черт знает куда пять, а то и семь часов кряду.

...Тогда, перед восхождением, меня волновало только одно: смогу ли с проверенными любителями горных восхождений не опозориться, и как бы играючи взобраться на Борус?

Лица других участников экспедиции, наблюдал, становились серьезнее по мере того, как мы, переехав Енисей, все ближе подъезжали на автобусе к началу тропы, где предстояло водрузить на плечи рюкзаки и под их тяжестью, сгорбившись, начать нудное многочасовое восхождение. Это тебе не как вот сейчас сидеть в уютном кресле и, покачиваясь, смотреть в окошко на густой лес.

Ну да лиха беда – начало!..

Это – тогда. А сейчас, когда я пишу об этом, первое, что меня интересовало, – это само название: «Борус». Поспрашивал у знакомых – оказалось: слово это никак не переводится на хакасский язык. Вроде бы не может быть такого! Позвонил В.Г. Карпову, знатоку хакасского языка. Он сказал: «Да, в слове «Борус» нет хакасского корня». Правда, Венедикт Григорьевич добавил, что в хакасском языке есть слово: «Пурус». Что оно, думаете, означает? Мутный, серый. Как-то не вязалось это с заснеженным, чуть ли не ледниковым Борусом. Может, из-за

туманов?.. Но все это – опять лишь предположения.

Позвонил друзьям-писателям. Г.Г. Казачинова вспомнила, что в языке, на котором говорят, например, индусы, есть слово: «Пуруш», что означает – «высокий», «божественный». Так-так... Это уже было что-то более-менее приемлемое. А! Есть же еще хакасско-русский историко-этнографический словарь под редакцией профессора, доктора исторических наук В.Я. Бутанаева. Заглянем-ка туда. Наконец ноготь упирается в слово: «Пурус». Оказывается, по Бутанаеву Борус – это имя хакасского Ноя, спасшегося во время Всемирного потопа. По легенде; сюда, к горному хребту, он пристал на плоту. Еще Виктор Яковлевич добавляет, что Борус – это место происхождения шаманских тесей (духов).

Я сразу подумал о приюте Пелехова, который находится у кромки та-яния снегов, сбегающих с хребтов Боруса. Альпинист этот погиб. Духи не пустили его в свои пределы?! Лишь название приюта осталось за ним...

Не исключаю: есть, наверное, и другие версии происхождения названия Боруса. Для меня, например, не кажется случайным совпадение названия Боруса с Эльбрусом. Многоязыкими были люди, населяющие некогда древние хакасские земли!

Многоязыкой является и современная Хакасия. Вон в нашей группе восхождения сколько и русских, и хакасов, и корейцев, и украинцев.

Между тем дорога, уже грунтовая, шла все выше и выше. Автобус, урча, наконец, медленно развернулся на травянистом кольце. Все, дальше колесам пути нет. Ножками придется, ножками. Все мы – кто со смехом, кто молча – в считанные минуты переоделись в туристическое снаряжение, водрузили на спины горбатые рюкзаки, которые в долгом пути будут тяжелесть с каждым километром...

На лесной тропе – прохлада. Кто-то на ходу глотает родниковую воду из бутылки... Рановато! Кто-то уже успел снять с себя одного, а кто уже и двух клещей. Нет, тут не соскучишься! Шаг, другой, а в мыслях одно: как это ничтожно мало по сравнению с тем, сколько еще предстоит пройти! А уже за спиной, между тем, не один километр подъема. У кого на лбу – испарина, у кого – уже горячий пот. И когда мы дотянули-таки до первого привала, мало кого порадовало его юмористическое название: «С легким паром!»

И вот уже – таежная узкая тропа с переплетенными корнями деревьев, поваленными лесинами, постоянно нарастающим крутым подъемом – на Борус! Смотрю на часы: прошли-то всего час с небольшим.

Впереди, значит, целых четыре, а то и больше часов этого однообразного, может, даже и тошного подъема. Слава Богу, что есть привалы. Дотянули до второго. Его название тоже не без юмора: «Пеньки» Да, мы все почти повалились на траву и сидим, опершись спиной о рюкзаки, как пеньки... Донимает занудная мошкара, которая липнет к глазам, жгут руки и лицо неотвязные слепни... С каждого уже сбежало порядочно горячего пота, а путь впереди будет все круче и круче.

«Вперед, веселей!» – (наигранно?) восклицает вроде внешне неунывающая Надежда Васильевна. А я вспоминаю, слыша эти слова, перевод одной древней рунической надписи: «Бодрствуя, путешествуй!» Наверное, только так, иначе отстанешь. Но даже демонстративно бодрствовать – сложно, когда и шага (!) нельзя ступить, не изловчившись, по этой горной, виляющей в траве тропе. То, аж в глазах рябит уже, эти толстые корни деревьев, то камни в три обхвата, которые надо обходить, то журчащая под ногами родниковая вода... Это пить ее вкусно, а перепрыгивать через ручьи с рюкзаком... Нет, свободно, с улыбкой здесь вышагивать ну никак не получается! И зачем вместе со всеми потащился?

Привалы, между тем, учащаются, время отдыха – удлиняется. Слава Богу, что по краям тропы встречается синенькая жимолость – дотянешься, сорвешь ягодку – и в пересохший рот. Какая кисленькая-то эта жимолость!

Еще один привал.. Еще... Слышу, говорят: впереди – курумник. Значит, тропа просто-напросто исчезнет среди валунов, и придется вскарабкиваться на них, балансировать, перепрыгивая с одного на другой. И так – сотни и сотни метров! А силы на исходе, рюкзак же... Взял бы и сбросил его хоть сейчас – до того лямки оттянули плечи! А крутизна подъема по курумнику, говорят, такая, что видны запотевшим глазам только облака на его вершине.

...Уже начинало смеркаться, когда мы часов в одиннадцать июльского вечера стали преодолевать курумник. О-го-го! Валуны оказались такими, что наша цепочка разорвалась, затерялась среди огромных, выше роста человека, серых, с лишайниками, каменных глыб. Борус выкатил, нагромоздил эти валуны нам навстречу, как последнее нам испытание, что ли? Мне показалось, что чуть ли не с километр преодолевали мы это хаотичное нагромождение камней.

Наверху курумника, на одном из покоренных валунов, уже сидел Олесь Грек и вытирал кепкой раскрасневшееся лицо. «Молодец, Олесь!» – подумал я, памятуя о его солидном возрасте.

К приюту Пелехова, еще час петляя по лесным склонам и травянистым ложбинам Боруса, мы подошли почти в полночь, в звездной темноте. А у меня все еще стояла перед глазами огромная каменная осыпь – отвесная, с громоздящимися друг на друге глыбами. Силы были, да, на исходе, но надо, надо было взять этот последний каменный высотный барьер на пути!

На вершинном ветру дышалось глубже, горной прохладой освежало лицо...

Теперь впереди нас ждал только ночлег. Спасительный.

В полной темноте в избе-бараке с нарами мы расположились кто где: на лавках, на полу, у холодной печки... Самые неленивые, пришедшие с палатками, – на воздухе под кедрами, в кронах которых мерцали мохнатые звезды.

Все, все без исключения устали, но силы на костер, гитару, песни еще, оказывается, были! Мы к молодежи не пошли, а устроились поодаль. На камне-валуне высотой по грудь снарядили на газетах стол, и я, Олесь Грек, Надежда Васильевна и их друзья радостно подняли первый тост за то, чтобы Борус был к нам не суров, а благосклонен... Стало легко, весело, и я укорял себя за то, что во время подъема нет-нет да подумывал: и зачем я, задрав штаны, поперся сюда за студентами?! Наверное, это надо было сделать ради вот этих звездных минут – в прямом и переносном смысле слова, когда мы у гостеприимного камня почувствовали, что совершили в жизни еще одну прекрасную победу над собой: поднялись над суетой! И все было уже позади...

Как близок Млечный серебристый путь! Какие крупные шевелящиеся звезды! Вселенская тишина царила над едва угадываемым ночным Борусом. Загадочная луна будто процеживала звездный воздух. И бесшумно летел в немыслимой высоте светящийся спутник. Теси, невидимые духи гор, преподнесли, видать, в подарок нам эту счастливую ночь. И когда я теперь вспоминаю свое восхождение на суровый и прекрасный Борус, я прежде всего и больше всего вспоминаю именно эти драгоценные минуты.

... Утро было целебным, солнечным. На фоне белых облаков и до яви в зрачках ощутимого голубого, в горах, воздуха наша группа начала восхождение на одну из вершин Боруса: пик Кубинских революционеров. Впереди ребят и девчат ждала крутая, с осыпями, извилистая каменная тропа, осевшие вечные снега, оттаявшие под неробким июльским солнцем.

Я – не большой любитель больших восхождений. Скорее – роман-

тичный философ, созерцатель. И потому моим местом дневного отдыха стала «Венеция»: так называют здесь изумительный по своей чистоте и красоте живописный уголок природы. Снега. Водопады. Цветущие жарки. Кедр, на которых уже сизовеют шишки. Тут до них, привстав на цыпочки, можно свободно дотянуться рукой.

Борус, этот хакасский Ной, видимо, не зря именно сюда пристал на плоту во время Всемирного потопа.

...Теперь, находясь в дороге в тех краях и видя на прозрачном горизонте бело-голубые вершины пятиглавого Боруса, я невольно улыбаюсь себе: я там был!

Нет-нет, да друзья снова тянут меня подняться на снежный хребет.

Я отказываюсь.

И вовсе не потому, что это тяжело. В памяти уже осталось неповторимое впечатление!

Да к тому же: у нас в Хакасии много и других горных вершин, которые возможно покорить...

Так стоит ли повторяться?!

Синий Самбыл, или Восхождение к Шамбале

Все началось с того, что мне позвонил Юрий Николаевич Забелин, директор бюро пропаганды литературы при Хакасской писательской организации, наш краевед-просветитель, и по-дружески пригласил в экспедицию на Самбыл.

– Самбыл... Что-то не слышал про такую вершину в Хакасии, – сказал я. – На Поднебесном зубе был, на Борусе тоже, а Самбыл – он где?

– Это, дорогой ты мой, в Таштыпском районе, у границы с Тувой. Уникальная вершина. Ты что!..

– Как же вы на нее... наткнулись? – спросил я Юрия Николаевича, уже не удивляясь его очередному открытию и уже созревшей идее: непременно побывать на Самбыле. Не удивляясь потому, что у Забелина, настоящего подвижника культуры, любое просветительское начинание, такова его натура, не откладывается в долгий ящик.

– Очень просто, дорогой. Я же в прошлом – учитель географии, до сих пор люблю смотреть карты. На этот раз и наткнулся на интересное название: Самбыл... А ведь это слово созвучно... Шамбале!

Связался тут же с Олесем Греком, стал ему говорить об этом. Он заинтересовался: «А может, эта вершина находится на любопытном

меридиане?» Я начал сверять. И что ты думаешь? На меридиане Самбыла, да, расположена столица Тибета–Лхасы. Совпадение? Хм-м... Начал рыться в книгах. Ну и, представь, выяснил, что в Средние века на территории Азиатской России, в Сибири, Древняя Хакасия была единственным образованием, обладающим государственностью! Триста лет (!) это государство имело посольские связи с Китаем и Тибетом! Триста!..

Как тут было не вспомнить книгу «Поэзия древних тюрков» Анатолия Преловского, помнишь? Так вот, на одном из камнеписных памятников с Алтын-Кёля (он старше «Слова о полку Игореве» на 400 лет!) есть фраза: «Ирен Улугом звался я, послом ходил в Тибет». Это – прямое подтверждение идейного влияния Тибета на Древнехакасское государство.

Понимаешь, не телефонный это разговор, но уж начал, так ... Словом, возникла версия, что вершина Самбыл стоит как раз на древней караванной посольской дороге! И дорога эта пролегает почти по куполу горы, так как кругом – скалы ...

Я был «заражен»!

При встрече с Юрием Николаевичем дополнительно еще узнал, что в 1618 году через таежное поселение Арташ прошел первый посольский караван в сто лошадей. Этот караван вел Иван Петлин – посланник в Китай по приказу Сибирского воеводы (от имени царя и Российского государства). При Иване Петлине был целовальник Лука-толмач, присягатель перед иконой (находящийся при государственной казне) – скорее всего, из крещеных татар! Россия именно через них впервые узнала пешую дорогу в Китай. Ка-ко-во? Оказывается, вплоть до шестидесятых годов XX века этот древний путь использовался еще и для перегона скота из Тувы в Хакасию – сарлыков, овец, лошадей. Уже не так значимо и романтично, тем не менее!...

Я, не мешкая, дал согласие на участие в этой экзотической экспедиции.

– Юрий Николаевич заразил этой идеей и меня, – говорил мне позже председатель комитета по туризму при правительстве РХ Валерий Степанович Сидорчук. – Он ведь написал письмо в правительство с просьбой оказать помощь и содействие в проведении этой экспедиции! Председатель правительства Алексей Лебедь поддержал просьбу и даже, знаю, сказал: «Если бы не дела, вместе с вами поднимался бы на Самбыл!».

Это так. Более того: насколько я знаю, по просьбе общественности

Абакана и Абазы у правительства РХ есть даже намерение – в устье реки Джебеш, на пересечении дорог, построить часовню в честь древнего караванного пути. Это непременно стоит сделать! Ведь здесь, под Абазой, проходила одна из северных веток Великого шелкового пути! Мэр Абазы Петр Васильевич Гаврилов, думается, ведь тоже не останется в стороне от этого историко-патриотического начинания.

... В Абакане ранним утром 21 июля 1999 года на Первомайской площади нас провожали: активный «горовосходитель» Хакасии В. Анцупов, его сподвижники – энтузиасты К.С. Метелкин и О.Н. Чертков – ну и, конечно, генеральный директор фирмы «Абаканавтогаз» Александр Брониславович Роleder – ведущий спонсор экспедиции. На душе было немножко не по себе: я помнил, как непросто в свое время дался мне Борус! Но, глядя на провожавших нас, я им тоже не завидовал: уж лучше – в дорогу, ибо «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал».

* * *

Аскиз... Таштып... Абаза... У солнечного въезда в город нас ждал мэр Абазы, дополнительные (или основные?) участники экспедиции, вездеход под управлением Евгения Петровича Заркова, директора АО «Абазинский пивзавод» – нашего, как оказалось, главного всезнающего проводника, и ...автоматчик с АКС Анатолий Шипинцев, бывший абаканский омоновец, воевавший в Афганистане. При нем был и пистолет Макарова. О-го ... «Едем далековато, в тайгу, – объяснил он мне, – буду охранять вас от случайных людей, может, медведей, других хищников». На душе стало надежнее, веселее. «Нешуточная, однако, экспедиция-то!» – подумалось.

В шумной группе встречающих я увидел постоянного автора «Хакасии» краеведа М.П. Захарова. «И вы с нами на Самбыл?!» – «Да... да... Позвонил вот мне несколько месяцев назад Забелин. Говорит, помощи проложить маршрут от Абазы до Самбыла... К кому обратиться? Так я вышел на Евгения Петровича, познакомил его с Юрием Николаевичем – и вот, пожалуйста!»

Смотрю, от вездехода ко мне идет старый, но, честное слово, не стареющий знакомый уж который год Вилен Васильевич Андрияшев – директор музея рудного дела в Абазе, заслуженный работник культуры РСФСР. «И вы?!» Я искренне обрадовался. «Я уж старичок, надо же кому-то и балластом быть в экспедиции». – «Вилен Васильевич, без шуток?» – «Вот, Евгений Петрович и меня тоже пригласил в экспеди-

цию. Я ж талисман! Как вездеход пройдет без меня в тайге?"

И мы приобняли друг друга, оба радостные.

У стелы «Абаза» мэр города всем, кто успел подставить хрупкие стаканчики, разливал брызжащее шампанское: «За удачную экспедицию! За часовню в Артасе!»

Автоматчик Толя Шипинцев в форме омовца весело покуривал, глядя на нас – с каким-то неуловимым воинским достоинством. Мы были детьми в его глазах, что ли, видевшем афганские бои и участвовавший в них?..

А Татьяна Немкова, «свободный фотохудожник», то и дело сновала между нами, ища свой кадр. Татьяна Павловна провела, насколько мне было уже известно, персональные фотовыставки в Абакане, Саяногорске, Кызыле и даже – Москве. «Теперь готовлю портреты людей Хакасии, пейзажи для фотовыставки в Нью-Йорке!» Она не шутила, судя по ее глазам. Ну, а в экспедицию ее «притянул» Забелин. Конечно он, кто же еще!

... Мост через говорливый абазинский Абакан. Мы – на вездеходе. Едем с удовольствием. Впереди – неизведанное. Галина Григорьевна Казачинова, председатель правления Хакаской писательской организации, облокотясь о рюкзак, о чем-то задумалась. Конечно, ее тоже, как и всех нас, волнует еще предстоящее завтрашнее восхождение.

– Что призадумалась так глубоко, Галина Григорьевна? – спрашиваю. – Поделитесь...

– Да вот думаю о том, что меня, как женщину, которая, естественно, слабее мужчин, некоторые в городе пытались напугать прямо-таки восхождением. Устанешь, мол, не выдержишь... Но почему? Это ведь, скорее, будет восхождение духовное! Человек – он так устроен, что постоянно будет стремиться к высотам.

Уж на что я думала, что знаю Хакасию, имею о ней конкретное представление... А вот, оказывается, не все представляла, не знала Самбыла. Этот переход для меня – как в свое детство, когда в душе живет постоянное стремление что-то открывать.

На Канжульском перевале, на котором я не раз до этого бывал, вездеход свернул с асфальта и остановился. Внизу, далеко внизу, были видны кроны сосен, которые едва шевелил горный ветерок. А далеко, на синем горизонте, зубчато рисовались горы. «Вон та вершина, что правее, и есть Самбыл» – сказал подошедший ко мне Евгений Петрович Зарков.

Я ко многому был готов, но не думал, что «это» будет так далеко и

высоко! Синий Самбыл, тем не менее, был реальностью, и нам предстояло совершать восхождение именно на эту вершину!.

Самбыл... Это слово можно прочесть и как составное из двух: сам был. Ну, это моя версия. По-хакасски же это название – Сымбоол, и переводится как безмолвие, спокойствие. Если же брать за основу название Шамбала (действительно, близкое по звучанию к слову Самбыл), то перевод будет несколько другим: чистая земля. Внутренняя смысловая схожесть, тем не менее, есть, не правда ли? Загадочная, однако, вершина!

... Вездеход наш шел уже по лесовозной дороге: камни, лужи, по сторонам цветет розовый иван-чай. Впереди (надо же) дорогу переходит капалуха с выводком. Татьяна Немкова останавливает машину и с фотокамерой, крадучись, смотрю, уже приближается к неожиданным гостям... Куда там! Выводок с мамашей словно растворяется в зарослях березняка: как будто нам все привиделось. С одной стороны – разочарование, с другой – нечаянная редкая радость от встречи с глухарьиной семьей. Кто-то, повеселев, вспоминает хуторок «два Семена», который мы только что проехали, и говорит с завистью, в каком хорошем, чистом месте жили и охотились в свое время два брата...

А по сторонам уже простираются покосы абазинцев: копешки, стога, мечущие сено люди, дымок обеденного костра у шалаша... По всему видно, что сенокосники здесь днюют и ночуют в эту страдную пору, солнечную и сухую. Так бы и сам покосил-пометал да посидел вечером у костра, да поночевал бы в шалаше! Эх!..

Все. Лесовозная дорога кончается, дальше след – едва видимый в траве, по которому ездят охотники да заготовители кедровых орехов. И вот – мы... Сопровождавшие нас «Газели» с грузом, который мы перекладываем в вездеход, поворачивают назад, в Абазу, и мы враз остаемся один на один с тайгой. Выручай, если что, Евгений Петрович, проводник наш единственный за рулем единственного вездехода!

Хорош вездеход, хорош оказался и водитель! Урча и замирая, переваливаясь с боку на бок, накреняясь (до испуга в сердце), проваливаясь в болотную жидкость, ГАЗ-66 медленно, но верно переезжал хлипкие таежные мосточки, нависшие над речкой Карасибо, по ее валунам, бухаясь о них задним мостом... Переваливался через поваленные пихты, лиственницы, упавшие на тропу от сильного ветра. А если дерево в хвое было не объехать, Евгений Петрович лебедкой, установленной на машине, оттаскивал препятствие в сторону. Приходилось нам и пилить крупные бревна, чтобы убрать их с дороги, на которой часто

встречались то круглые валуны, то могучие корни кедров, на которых вездеход тяжело подпрыгивал, сотрясая всю нашу будку. Не двадцать ли с лишним раз перебрались мы с берега на берег неукротимой реки, бегущей то вдоль стены пихтача, то замшелого-зеленой каменной стены скал! Только раз, всего один раз Зарков ссадил всю нашу экспедицию, боясь завалить машину в Карасибо: проезд между скалой и речкой был таким узким, что по нему не разъехались бы и две телеги.

Наконец, передышка... Таежно-речная прохлада остужает наши разгоряченные дорогой тела. Какая вкусная хрустальная вода! Леденящая-я!

«Вот, где мы находимся, и проходила караванная дорога,» – говорит Евгений Петрович. В этих таежных зарослях, среди кедрача и пихт, трудно в это поверить. Но именно здесь, да, проходил посольский путь. Какая ж глухомань!

Карасибо ... Так речка называется на картах Хакасии. Исконное же ее название – Харасиг (в переводе с хакасского «черная рыба»), то есть хариус. Речка эта берет начало попутно из пяти озер, что расположены под гольцами Самбыла. Тут, по тайге, проложили себе русло реки Изынжуль, Чехан. Последняя, сливаясь с Карасибо, впадает в Джебеж, а тот уж – в Абакан, так нам знакомый.

О Пюрогораке, логе красного волка, остались яркие воспоминания. Сейчас вот начался Березовый лог. Здесь, у реки, стоит охотничья избушка – говорят, охотника Рожнева с Абазы. Стол у входа, внутри – лежанка, фанерная коробка с сухарями, солью, сахаром, на окне – керосиновая лампа, в углу – железная печка. На бревенчатых стенах – надписи перочинным ножом: «Мы идем на Кантегир. Привет, Барнаул – 88», свежая зарубка – 1999 года... Мне все видеть это интересно, потому что в такой глуши таежной охотничьей избушки я не видел еще.

Обедаем (вкусно!) всей группой прямо здесь, у избушки, расстелив клеенку на траве. После некоторых разногласий приходим к выводу: ночевать как можно ближе к вершине – насколько сможет наш проводник провести по тайге вдоль Карасибо свой вездеход. И представьте: после мы проехали на колесах еще целых шесть километров! Дороги практически – никакой. По времени на это ушло не два ли часа? Под кедрами, где справа шумела все та же Карасибо, а слева преградила путь скала, вездеход вынужденно и уже окончательно останавливается. Все! Вблизи, среди карликовых березок, я заметил таксационный столб № 155–156, которым лесники метят свои кордоны (кварталы). При-еха-ли!

Костер, разбивка палаток, разговоры под стволами кедров ... Абсолютно трезвый ужин и отбой – под прохладным звездным небом. Я рискнул и, пройдя заросли смородины и раздевшись, охолонул свое уставшее от тряски разомлевшее тело в ледяной Карасибо. У-у, красотища-то какая! Свежий и бодрый, побарахтавшийся в воде, возвратился к костру, где наш шаман Валерий Степанович Топоев уже проводил ритуал очищения. В таежной звездной тишине это было, действительно, сказочное действо. Колдовство! Мне стали понятны древние люди, близки по духу... Ритуал – такое же, наверное, таинство, как и сама природа.

Время спустя я подошел к Евгению Петровичу, пожал ему руку: «Вы не просто водитель, а прямо-таки мастер езды по бездорожью! И еще – какой! Надо же, куда завезли. Чуть ли не на вершину!..»

– Ну, до нее еще – часы и часы подъема... – был ответ.

Кто же он, Евгений Петрович? Мне было интересно это знать. Ну, что он генеральный директор АО «Абазинский пивзавод», я уже говорил. А до этого его жизнь, увлечения? «Отец – туляк, – сказал просто он. – А я всю жизнь почти проработал в Абаканском рудоуправлении – слесарем, потом начальником участка, заместителем директора рудника... По жизни же – водитель-любитель. Вот в 1993 году взял себе в Новосибирске «ГАЗ-66»: люблю путешествовать по своему краю! С Виленом Васильевичем Андрияшевым, нашим именитым краеведом, вывезли из Анзасского ущелья как-то мониторы, задвижки, так называемые королевские болты – то есть полностью гидроустановку тридцатых годов ... Он же – музейная душа!

Я, знаете, действительно большой любитель техники. В свое время водил даже танк «Т-34». А по этому маршруту на машине – второй лишь раз. Прежде – на лошадях, пешком. Бывало, до сорока километров проходили в день, хотя кругом сплошь тайга – а не Невский проспект.

Да, завтра будем подниматься. Это где-то километров пятнадцать. Часов за шесть должны взять вершину. Ну, а на спуск уйдет не больше трех часов, – прояснил он ситуацию.

Спокойный, основательный, рассудительный он – Евгений Петрович. Здесь, в тайге, особенно чувствуешь надежность таких людей.

* * *

Спали в палатках, слушая шум вершинных кедров, в хвое которых поблескивали звезды. Утром в пять – подъем. Завтрак – и вот уже мы

группами уходим за проводником по одному ему известной тропе из палаточного лагеря к заоблачному Самбылу.

Замечательное ощущение свободы, затерянности, оторванности от всего мира. Замечательное! На первом привале привелось дать интервью «ГТРК Хакасии». На вопрос Людмилы Расташеновой «зачем я здесь?», отвечаю примерно так: «я – человек крайностей в хорошем смысле слова. Люблю уединение, размышления и – путешествия, яркое общение с людьми...»

Через Карасибо переходим мостик из бревен, поросших мхом, лишайником. На мостике растут даже карликовые березки, кедровый подрост. И кто его здесь так давно строил?! Где-то неподалеку свистят кедровки, и я на миг задумываюсь о том, что где-то неподалеку могут притаиться дикие козы, маралы, может даже шастать медведь. Все они водятся в окружающей меня тайге.

Какая изумрудная, прозрачная в белом кипении вода в Карасибо! Но мы – в движении. Тропа, едва заметная в траве или мху, ведет то через осинник, то мимо пихтача, встречаются тут и там кедровые заросли орешника, дальше группа островерхих елей со свисающим мхом. На ходу (некогда!) срываю хоть и спелую, но горькую жимолость, наклоняюсь за алой брусничкой, невольно вдыхаю аромат смородиновых кустов, заполнивших берега ледяной Карасибо.

... Очередной подъем длится около получаса, и вот ... дремучий, хмурый кедровый и пихтовый лес – толстые высокие стволы, с веток свисает годовалый мох, лишайник ... Здесь, и только здесь, понимаю, может жить баба Яга, Леший.

Прохладная пугающая тишина. Все – как в сказке или на картине Васнецова. Чу-у!

Заросшее ряской безымянное озерцо. Ни гнуса, ни комара, ни мошки! Ни слепней...

Группы идут, не видя друг друга, растянулись, только иногда перекликаются, и эхо уходит в горы, которые перед нами растут на глазах. А еще ид-ти-и. И даже время от времени встречающиеся пустые стоянки орешников с крышами, столами и кучами прошлогодней шелухи – не снижают сказочного впечатления. Задерешь, остановившись, голову вверх – и вот они, блестят смолой на солнце увесистые шишки. Воздух – прохладный аромат, а внизу где-то беспрестанно шумит-бурлит Карасибо. Под ногами – медвежья пучка, кукольник, бадан, папоротник – в зависимости от того, идем мы по таежной прогалине, под могучими кедрами или вдоль речки.

...Уже в пути три часа. Прошли больше половины подъема. Своей группой, которую возглавляю я, трижды сбивался и трижды на тропу выводил своих людей я же. Татьяна Немкова все фотографирует, отстает, идет одна без группы, но держится на глазах. Я смотрю на небо – тучи – не тучи... «Дождь вроде хочет – и стесняется,» – точно подмечает Михаил Павлович Захаров.

На небольшом альпийском лужке, перед очередным затяжным подъемом, встречаю два жарка – это в конце-то июля! А посмотришь вверх, в серо-синие расщелины скал, – и видишь языки снега – серобелые, величавые. На подъеме же начала встречаться – нет, не трава, скорее – кустарник под названием кошара (ни разу до этого не слышал и не видел его). Оказывается, редкое средство от давления! Ядовитое, и если настой будет густой, можно отравиться. Маралий розовый корень цветет вовсю, уже попадаются и маленькие звездочки-цветочки золотого корня. И вовсю листвится переспелая черемша. Мы ее срываем на ходу. Еще вкусная!

При небольшом спуске, где мы снова блудим (тропка вообще исчезает из-под ног), новая стоянка орешников: сараюшка из жердей в накат, накрытых целлофаном ... Идет мелкий тихий дождь, точнее сказать – моросит. У входа в стоянку две бочки: оказывается, для варки пантов марала. Внутри – подвесная полка для банок с продуктами, кровать из жердочек, короб под ягоды... Чье все это?

Здесь мы и делаем еще один, третий по счету, привал – с чаем (уже дымит костер), сухарями, арахисом, медом, сахаром, шоколадом. Поедаете всего этого мало, а сыт. Думаю: идешь – жарко, посидел, даже у костра, – захолодевает спина. Горы!

Валентина Николаевна Тугужекова, директор ХакНИИЯЛИ, вспоминает, что во время вчерашнего камлания она, медитируя, увидела светящуюся вершину Самбыла в виде головы. Туловище – подножие горы. И ободок над горой... Сперва он был красным, потом – желтым. «Может, дальше – вход в Шамбалу?!» И она обвела всех нас вопрошающим взглядом.

Подъем! Во, солнце появилось! Еще одна радость – впереди сразу – небольшой спуск. Убыстряют шаги даже отставшие. «Под гору и свинья-рысак!» – весело шутит Евгений Петрович. Кто может, тот хохочет. Некоторые приустиали уже.

Самбыл все ближе ... Альпийская поляна марального корня. Нам Петрович говорит, что ни одна лошадь не пропустит ни одного цветка этого ценного растения. Интересное наблюдение! Ведь он сюда под-

нимался когда-то, держа за повод коня (или лошадь).

Снова небольшой привал... Они становятся все чаще и чаще. Отдыхаю на мшистом камне. До этого видел кедр, комлем «сидящий» на каменном столе-глыбе, и только три кряжистых корня, обнимая скальную породу, уходили под нее в землю. А вон ... снова кедр, растущий на камне! Сколько чудес в природе! А это что? Ого... Медвежья лежка неподалеку от кедра – дремучего, как наш завершающийся XX век. Сухая земля, жухлая трава. Выцарапанная черными когтями яма ... Наш проводник определяет, что хозяин тайги, скорее всего – прошлогодок, был здесь вчера, когда мы примерно медитировали у костра. Как-то сразу тянет поозираться вокруг...

Все выше, выше ... Больше уже встречается выступающей из земли скальной породы. Кедр пошел ниже, зато ольхи – целые заросли. «На горе стоит ольха, под горою -- вишня!» -- радостно напеваю вдруг я. Именно на горе! Это меня почему-то приводит в восторг. Наверное потому, что так прав стихотворец. Или потому, что я в этом убедился именно сейчас? Скорее и то, и другое. Еще встречается и жимолость, и даже ... подберезовик! Ну и ... ну – и сыроежка, и масленок! А ведь уже начинается курумник, как на ладони и гребни синих гор, которые мы видели так издалека с Канжульского перевала. Но тогда они были на горизонте, а теперь – перед глазами. Вы-со-ко взобрались!

– Ми-шка-аа! Миш-ка! Мишка! – вдруг вопит кто-то – то ли от испуга, то ли от радости. Все замирают... На склоне соседней горы слева, километрах в полутора, около чего-то белого – черный лохматый медведь! Бинокль пошел по рукам и ... разо-чаро-вание. Но облегченное, неискреннее какое-то! Здесь, на высоте, именно медведь и мог нам пригрезиться. На самом же деле медведем оказалась ... черная коряга, завалившаяся на белый камень. Словом, что ждали, то и увидели. Ах ты, братец-бинокль! Но в тайге говорят: пусть у медведя будет своя дорога, у человека – своя. И слава Богу!

Идем дальше, успокаиваясь. Чуть выше нас – два удивительных кедра. Один – в шесть сросшихся стволов, другой – в четыре. Оказывается, в тайге, помимо ветра, кедр «высаживают» и птицы-кедровки (сейчас тоже слышен их писк-свист). Они зарывают в мох орехи, порой забывая об этом, и кедр так, кучкой, семейством, и прорастают на свет Божий.

Позади уже подъем в десять-двенадцать километров! Еще остается, значит, три-четыре километра ... Но каких! Подъем – больше тридцати градусов, и уже по горной тундре, меж обломков скал.

Вот он, наконец, виден и Самбыл!!!

Виден...

Тащимся, все более и более вдохновляясь. Последний километр... Последний кедр на пути – всего каких-то шесть метров высотой. Редких комаров сменили непонятные мухи с разноцветными глазами. Дует свежий горный ветер. Облако на гребне дальних гор. Мы ближе к небу или земле? Масса птиц вокруг. Неумолчный свист, щебет. Еще несколько кустов волчьей ягоды, пучков цветущего дикого лука и ... голыцы.

Ну, уж тут-то, когда кругом все – как на ладони, и рядом Самбыл, – тут мы почти все осмелели, побросали своего верного проводника Заркова, и я первый, Антонина Семеновна Тутатчикова, заместитель директора турбюро ПСК «Монолит», вторая – рванули шустрее других вверх. Откуда только взялись силы! Ведь столько их уже истрачено... И другие группы при виде (вот она!) вершины Самбыла рассыпались, и – кто во что горазд! «До-хо-дим!» – так отмечен этот радостный момент в моем путевом блокнотике.

Ах, вершинный ветер!

Еще раз измеряю «на глаз» расстояние: до вершины остается каких-то семьсот метров. В душе – усталое, но ликование. В эту минуту почему-то думается о том, что нам, восходящим, да и другим таежникам чаще встречается почему-то все-таки медвежий помет, а не сам медведь. Вот опять попался он нам, чем-то напоминающий то ли конские катыши, то ли коровьи лепешки. Помет – словно медвежья метка: не забывайте, мол, в чьих владениях находитесь! Помет свежий, омытый сегодняшним дождиком ... Невольно опять оглядываюсь вокруг, шаря глазами по кустарниковым зарослям: а вдруг покажется ухо косялапого?!

Надо же, еще встретился кедр! Высотой всего по грудь. Уж теперь наверняка – последний. Каменная застывшая река с валунами, нагроможденными временем, затрудняет идти напрямик. Сворачиваем на звериную тропу...

Звериная тропа чем-то мне не нравится. И я снова – где карабкаюсь, где осмотрительно перепрыгивая, в числе первых четырех (Сергей Сазонов, оператор студии «ТВ-Абаза», его сын Санька и автоматчик Анатолий) оказываюсь уже в десятках метров от (у-у, какой теперь желанной!) вершины Самбыла. На последних шагах срываю три невзрачных белесых цветка, похожих на горные эдельвейсы. Оказывается, это они и есть!

* * *

Все! Наконец-то все!.. Здравствуй, Самбыл!!! Что там, по обратную твою сторону, где уже простирается горная Тува? Горы, горы... Но более пологие, с серыми отеками лавтаками снега. В ущелье меж гор – безымянное озеро. Из него выбегает речка, скачущая по камням. До нее где-то около километра, и звука журчащей и бурлящей воды не слышно. Безмолвие. Не Кантегира ли это начало? Ведь он – отсюда, из этого водораздела.

Смотрю на часы: вышли из лагеря в семь десять утра, сейчас – тринадцать двадцать. Подъем, значит, преодолели за шесть часов и десять минут. Высота – 2.348 метров.

Иду с другими по гребню горы. Один каменный тур, второй, третий... Знаки границы! Оказывается, это пограничные туры были установлены здесь после заключения Кяхтинского (Бурейского) договора между Российской и Китайской империями аж в 1727 году. Они и обозначили раздел территории: народы северных Саян отошли к России, южных – к Китаю. Мне верится в древность укладки (свыше ведь 250 лет!) этих туров – и не верится. Просто подобные каменные туры я видел нынче на границе Красноярского края с Тувой. Неужели этим турам, выглядевшим так свежо и ново, все-таки столетия?

Уже все в сборе, все покорили Самбыл! У самого высокого каменного тура, чуть ли не в два человеческих роста, наша экспедиция устанавливает на флагштоке государственный флаг Республики Хакасия. Под автоматный салют мы все кричим «Ур-ра-а!» Мне этого впечатления оказывается мало, и я салютую еще нашему восхождению выстрелом в воздух из пистолета «Макарова», который дал Анатолий. Вот теперь – здорово!

Уже разгорается ритуальный костер, сучья и палки для которого мы захватили еще при восхождении. Валентина Егоровна Белоглазова, секретарь-референт бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей Хакасии, раздает всем яркие ленточки красного, голубого и белого цветов, символизирующие кровь, ясное небо и чистые помыслы. Мы их, как метки, привязываем к острым каменным выступам вершины – в знак поклонения перед белыми духами твоими, Самбыл!

Я присаживаюсь у костра с Валерием Степановичем Топоевым – шаманом, оберегающим нашу экспедицию. В его роду многие были шаманами.

– Сымбоол... Самбыл... Шамбала... Что все-таки это такое, на ваш взгляд?

– Шамбала, по сути, – это чистая земля, название мифической страны, – неторопливо говорит Валерий Степанович, шевеля прутиком разгорающийся с дымком костер. – В этой стране существа (белые духи?) занимаются саморазвитием до состояния «Будды», когда эти существа чувствуют себя уже пробужденными, просветленными. И наступает тогда состояние нирваны – то есть «сознания в вечном покое».

Между тем... между тем интерес у меня не столько к Шамбале (это-иллюзия), сколько – побывать на уникальной горной вершине, чтобы зарядиться ее энергией, набраться силы. Ведь по преданию Будды, его учения, у каждой горы есть хозяин, у которого – своя свита. Если гора светлая, то на ней обитают божества. Постоянные божества бессмертны, они заботятся о живых существах. У них есть свои пристанища на земле. Возможно, на этом вот Самбыле. Непостоянные же божества смертны, они за три дня уже чувствуют свою смерть

Я про себя отметил, что нахожусь сейчас в каком-то мистическом состоянии. И вызвано оно было не только что услышанным от шамана. Ночью в лагере, перед восхождением, когда еще не спал, я слышал странные звуки. То явственно (!) доносились до меня голоса разговаривающих где-то неподалеку в горах людей (вокруг – никого не было), то я слышал, как с кем-то разговаривает Юрий Николаевич Забелин, хотя он в это время (я заглянул под кедр, чтобы убедиться в этом) крепко уже спал (!), то странным эхом, приближаясь и отдаляясь, множилась чей-то хохот, то, наконец, в воздухе чьи-то шаги явственно хлюпали по журчащей воде...

Что это было? Может, кто-то «списал» эти дневные звуки – наши и других людей, когда-то здесь бывших, и теперь отражал в зеркале атмосферы?! Скажу более того: когда Татьяна Немкова уже в Абакане отпечатала цветные снимки, то на некоторых из них, где мы были запечатлены во время медитации у костра вечером в лагере, – так вот у плеча или над головой кого-нибудь из нас мы легко различили на снимках... белые колечки (белые духи?) Не они ли и отражали в атмосфере загадочные звуки?

Шамбала, говорят другие, – это безымянное светлое озеро, окруженное пятью остроконечными горами в форме цветка Лотоса. «Вы были близко к Шамбале, – сказал мне один знакомый, прослышав про нашу экспедицию. – Близко, но не в центре ее! И в этом ваше, право, счастье. Ведь истории известны факты, когда в поисках Шамбалы экс-

педииции... исчезали».

С этим высказыванием не разнится мнение одного абаканского рериховца, который на пресс-конференции, уже после нашего восхождения, утверждал в запальчивости, что искать Шамбалу не отважились даже Её ученики... И потому, мол, нашу экспедицию ну никак нельзя назвать экзотической.

Я не фанатик Рериховского учения, и для меня восхождение было исключительно чисто экзотическим желанием, то есть вполне земным... Но вот эти ночные бластящиеся, и явственно, загадочные звуки... Куда от них уйти? Ведь это было! К тому же, забегая вперед, скажу, что при медитации у ритуального костра на вершине Самбыла я «увидел» (!) хозяина горы, то есть его голову с белой бородой, а потом и танцующих смуглых девушек в белых хитонах. Девушки «ушли» в сторону Тувы, а голова хозяина Самбыла «ушла» внутрь самой горы. Каково, а?

Уже этой же осенью, когда в Абакан приезжал из Москвы доктор исторических наук Игорь Леонидович Кызласов, он, узнав, куда ходила наша экспедиция, сказал, мне передавали: «Да, они (т.е. мы), были в районе Шамбалы». Ученый лучше нас знает, наверное, что подразумевает под своим высказыванием.

А пока ... Пока мы кружком сидели у костра на вершине Самбыла и тихо переговаривались, ожидая шаманского ритуала, с удовольствием вдыхая запах казавшегося здесь таким домашним, дыма от разведенного огня.

– Как здесь легко и здорово! – продолжила прерванный разговор Валентина Николаевна Тугужекова, директор ХакНИИЯЛИ. – Ведь где-то здесь, в Центре Азии, на стыке Хакасии, Алтая и Тувы, и находится, действительно, Шамбала – священное место. Здесь!.. Это, прежде всего, конечно, духовное место. Его ищут, ищут люди, которые посвятили себя духовному возрождению, собственному совершенству.

Наше восхождение – это символ, оно поможет нам, особенно в преддверии третьего тысячелетия. Наше «тонкое тело» наберется новых сил.

* * *

На вершине Самбыла остался стоять на флагштоке государственный флаг Республики Хакасия. Нам было жаль прощаться с ним! Мы долго оглядывались, уже спускаясь с горы, чтобы еще раз посмотреть, как он гордо, обозначая наше пребывание на Самбыле, колыхается на вершинном холодном ветру ...

При физическом движении, при спуске с горы, появились и земные, обыденные мысли. Да, мы возвращались в лагерь древней караванной посольской дорогой, которая в недавнее наше время служила обыкновенной уже скотогонной тропой, начинавшейся в Туве и кончавшейся в Артасе под Абазой. Помните? За этой тропой следили, когда она была нужна для перегона скота из Тувы в Хакасию. Но с постройкой автодороги Ак-Довурак–Абаза и появлением в Кызыле своего мясокомбината надобность в тропе отпала. Ничто теперь реально не напоминает в горной тайге об этом времени. И слава Богу!

Белый хозяин Самбыла (видевший нашу экспедицию?) будто «позаботился» о нас, и когда совершалось священнодействие у ритуального костра шаманом, окутал облаком, поднявшимся снизу, все-все вокруг, оставив нетронутым только гребень горы. Не было видно уже нам ни тайги внизу, ни соседних гор. «Как мы найдем обратную дорогу? – без шуток думалось, наверное, каждому. – Заблудиться, потеряться тут – в два счета».

Мы остались на вершине наедине с небом, отрезанные от земли обетованной облачной прочной завесой. Но (это тоже прелюбопытный знак), когда ритуал был закончен и надо было уже спускаться с горы, плотные облака внизу просветлели до белой кисеи и, наконец, растаяли буквально на глазах... Путь назад, в мирскую жизнь, где «шум городов и потоки машин», был нам открыт.

Мы переглянулись.

...Так где же мы были? А? Неугомонный наш Вилен Васильевич Андрияшев еще там, среди кедров, в лагере под Самбылом, передал крохотный листочек, мелко исписанный карандашом, в руки руководителя экспедиции Юрия Николаевича Забелина. Тот листок не прочитал разве что только нелюбопытный. «Из слов Ивана Васильевича III, что распространил свое влияние до Имауса: ... Под Имаусом Птоломей ... понимал ту меридиальную систему гор, которая, по его представлению, делила Азиатскую Скифию, то есть Северную Азию, на две части – Западную и Восточную по сю и ту сторону Имауса. Страленберг пытался доказать, что под Имаусом Птоломей понимал Саянский хребет. (Мазили Маиз означает: лед). Как и Гималаи (HimalaVa) от санскритского слова – снег (hima) и жилище (alaVa), то есть снежное жилище, снежный хребет».

Далее в записке ученого-краеоведа шла ссылка на литературу ...

Тобой, Имаус, интересовался даже Птоломей! По тебе разделил границу между Россией и Китаем Иван Васильевич III...

Самбыл – одна из твоих светлых вершин! И вовсе не потому, что снег здесь лежит круглый год, просто хозяин твой добрый, и его охраняет свита белых духов. Мы их чувствовали! Видели даже. И благодаря им вернулись, ощутив перед этим твою величественную белую нежность, удивившую нас напоследок... Потому и не стали мы пропавшей экспедицией.

Ергаки

1. Известные...

... Ни для кого не явится открытием, если скажу: есть мир реальный, а есть мистический. Ергаки в высшей степени имеют и то, и другое измерения. Впервые я увидел Ергаки, Ойское озеро в 1975 году, когда с одноклассником проехался до Кызыла, второй раз – с отцом и матерью на «Жигулях», и уже со своей семьей – в 1981 году... Потом были частые поездки в Кызыл, где живут наши родственники. Теперь Ергаки для меня – не только зубчатые горы, но и одноименный природный парк. И надо же было именно здесь разбиться на вертолете губернатору Красноярского края Александру Лебедю!.. Я видел «бугорок» на проводе линии ЛЭП, поперек тянувшейся в этом месте над дорогой Абакан – Кызыл. На высоте всего лишь нескольких метров (!) лопасть заднего винта «схватила» как раз в этом месте, над дорогой, натянутый провод, и вертолет кувыркнулся на мерзлую землю... Реальная история, но произошедшая – нет, не в аномальной, а действительно мистической зоне, о чем речь ниже...

Ергаки, по сути, находятся почти на середине Усинского тракта, связывающего Хакасию и Туву. Сейчас это место стало достопримечательностью: здесь находится горно – лыжная база отдыха «Ергаки». Директор ООО «Ергаки» Виктор Викторович Верьясов предоставил мне двухдневную путевку для ознакомления с ней, и вот я – в краю ослепительно белого снега, тишины и вечнозеленых елей.

Перед этим поинтересовался у Виктора Викторовича, с чего все началось, как вдруг возникла в горной тайге лыжная турбаза?

– Все произошло случайно, – объяснил он. – Как-то раз мы с друзьями, прихватив лыжи и сноуборды, отправились было покататься на Гладенькую, но узнали: база на время закрыта. Не терять же выходных! И покатали на машинах на Ергаки. У обочины дороги, где находится дорожный участок, смотрим, стоит мужик со снегоходом. Он сказал:

«Здесь, парни, отличное место для активного отдыха!». Мы действительно весело провели день на Ергаках. Уже на обратном пути решили: построим тут домик, баньку и будем каждый выходной приезжать сюда отдыхать! Какая здесь природа, какой воздух и Ойское озеро – рукой подать!..

Это было самое начало. Вскоре Виктор Викторович решил построить на облюбованной заимке несколько домиков для отдыхающих. Для этого надо было получить разрешение главы администрации Ермаковского района Б. И. Ситникова. Визит к нему обернулся удачей, и в Ергаках дело, как говорится, пошло в гору.

– Правда, к нам часто, бывало, подходили старые альпинисты и говорили: «Ничего у вас не получится!», – вспоминает Верьясов. – Но мы считали по-другому. Ведь Усинский тракт – место хоть и отдаленное, но оживленное. Тут постоянно курсируют автобусы в Туву, Монголию. Непременно найдутся поклонники горных лыж и сноубордисты, сторонники активного образа жизни. Ожидаемое произошло!

... В свой мартовский приезд на турбазу «Ергаки» я встретил у ее ворот десятки машин – как оказалось потом, – из Абакана, Кызыла, Кемерово, Красноярска, Новосибирска... На мангалах румянились в легком дымке шашлыки, топилась баня, шум, смех и визг стоял у двух подъемников на вершину лыжных трасс протяженностью в полтора километра каждая... В нескольких деревянных домиках, в том числе и двухэтажном, я уже знал, проживает до 150 человек ежедневно. А вечером в кафе было праздничное застолье в честь 8 марта и дискотека. Вышел на свежий воздух – над головой острая луна, мохнатые звезды, таежная темень ночи и светящиеся снега, снега, снега...

В Абакане, кабинете В. В. Верьясова, на стене красуются (иначе и не скажешь) десятки благодарностей, в том числе и от главы Ермаковского района Б. И. Ситникова: «за эффективное оздоровление детей района и содержательный отдых», а также фотографии хозяина с прежними губернатором Красноярского края Александром Хлопониним, председателем правительства РХ Алексеем Лебедем, а также музыкантом из Санкт-Петербурга Борисом Гребенщиковым, краевыми политиками, российскими тренерами по вольной борьбе и горнолыжному спорту, зимнему ориентированию... Да что! Теперь на Ергаках – одна из главных баз тренировки сборной России по зимним видам спорта, в том числе и олимпийских спортсменов. А летом здесь – одно- и многодневные пешие походы в «Каменный город», на горные озера и ключи... И все это началось совсем недавно – тогда, в

2003 году, случайно...

– Теперь я бываю на турбазе с друзьями практически каждый выходной, – улыбаясь, говорит Виктор Викторович. – Покатаешься с гор, смоешь усталость в баньке – и заряд бодрости на всю рабочую неделю!

... Уезжая, я успел поговорить со многими отдыхающими: золотодобытчиком из Магадана (!), актером из Первоуральска, молодой мамой с двумя детьми из Кызыла, группой студентов из Абакана, медвежатником из Горной Шории, случайным московским знакомым, приехавшим с женой сюда «за экзотикой», и стало и без того понятно: у Ергаков – светлое будущее, причем как в прямом, так и переносном смысле.

Но, оказывается, у Ергаков есть и тайное, даже эзотерическое прошлое!

2. ... и неизвестные

Из откровения посвященного Тибетского Ламы Лобсанга Рампы: «Из Лхасы... мы двигались все время на север. Сколько дней продолжалось наше путешествие? Отсчет времени потерял для нас значение... И все это время в пещерах Тибета было сокрыто Знание. И все это время среди гор..., далеко на севере..., находился заброшенный, никем не охраняемый город, в котором были погребены самые ценные в мире Знания. Этот город ждал, пока в него придут те, кто сможет понять их и воспользоваться ими. И когда они пришли, их взорам открылся ЛЕЖАЩИЙ... ЧЕЛОВЕК». Эта выдержка из откровений Тибетского Ламы приведена в одном из выпусков журнала «Приключения. Открытия. Путешествия», посвященном Ергакам. Выпуск полностью называется так: «Ергаки» созданы руками человека. Человека Великой Цивилизации».

Не спешите иронично улыбнуться про себя! Именно в Сибири, на юге Красноярского края, в горах Западного Саяна, и находится горный массив Ергаки. Визитной карточкой этого нагромождения причудливых скал на площади свыше 100 квадратных километров является он, «ЛЕЖАЩИЙ ЧЕЛОВЕК», иначе говоря, – скальное образование под названием «Спящий Саян». Со всех сторон явно видно, что это фигура человека. Лоб, горбатый нос, как у индейца, подбородок, губы, прямые волосы. Какое-то нагромождение камней можно интерпретировать как сложенные на груди руки, а дальше торчащие скалы – как ноги. Даже на расстоянии 20 километров (!) легко определить, что форма лица «Спящего Саяна» не является случайным сочетанием отдельных

скальных образований. По своим размерам он сопоставим разве что с «марсианским сфинксом»: и у того, и у другого лица обращены к небу. Сколько загадок, но и сколько удивительных совпадений!

Стена «Спящего Саяна» словно «охраняет» одну из крупных глыб, название которой знает любой старожил этих мест. Он, как и карта, скажет, что перед нами – горная фигура «Мать Саян». Эта (природная ли?) скульптура не меняет своих очертаний века!...

Тибетский Лама говорит о заброшенном, никем не охраняемом городе, в котором погребены самые ценные Знания. А вспомните, как еще иначе называют горный массив Ергаки? «Каменный город»! И за этим кроется тайна, открывающаяся лишь посвященным... Но она доступна и простому человеческому взгляду!

Здесь, на 614-ом километре федеральной автомобильной дороги «М-54», в трех километрах от Усинской трассы, сотрудниками географической экспедиции НПО «Геоэкология» обнаружено гидротехническое сооружение – плотина искусственного происхождения, которая перегораживает горный ручей... Форма плотины в плане такая же, как и у Саяно-Шушенской ГЭС! Это сооружение имеет дугообразный, выпуклый в сторону истока ручья, внешний вид. Протяженность дуги – 750 метров, ширина у основания – 150 метров, на вершине – 50 метров, высота – до 40 метров. Это почти половина высоты Красноярской ГЭС! При этом плотина на Ергаках перегораживает русло ручья, как и положено, в узком месте. «Если эту искусственную плотину построили, то Кто и Когда?!» – задается вопросом автор Д. Т. Туэло. Учитывая максимальный возраст растущих здесь кедров (120 лет) и плюсуя годы уже отживших и сгнивших стволов деревьев, то получается, что плотина в Ергаках построена не позже 1585 года. А вот на вопрос «Кто?» пока можно с изрядной долей уверенности ответить: явно не пришлые казаки, не кочевники-хакасы хана Кучума, не тувинцы и не киргизы, ушедшие с берегов Енисея на лошадях и верблюдах на дальний юг... Но кто-то владеющий «тяжелой горной техникой».

Но никаких признаков подъездных путей экспедиция не обнаружила, да и вообще есть ли на свете марка экскаватора или крана 500-летней давности, что способны поднять ... 500 тонн! Между тем остатки искусственной плотины – реальность, и она держала в свое время объем воды 22 500 тысяч кубических метров! Для наглядности: этим количеством воды можно напоить в течение года 170 000 человек! Так познаваем ли до конца реальный мир, если его познавать только реальными мерками?

Дальше. В трех километрах от этого гидротехнического сооружения, на высоте 1660 метров, находится «Висячий камень». Все туристы, бывавшие на Ергаках, непременно были и здесь. Огромная глыба, прозванная лягушкой, весом около 500 – 600 тонн, стоит на ребре, да еще покатою (!) плоскости и, кажется, тронь пальцем – ухнет вниз, сметая все на своем пути перед обрушением в пропасть. Но этого не происходит, хотя желающих спихнуть глыбу, даже с помощью 10-тонного домкрата, было более чем достаточно... Эта фигура, как и другие скальные образования («Парабола», «Кит», «Дырка от бублика», «Черепаша», «Крокодил», «Кот», «Арка», «Дьявольские башни» и т. д.), вовсе не игра природы. Они, изваяния, созданы Разумом. Вот только каким?..

В моем книжном шкафу есть объемное издание: «Тайная доктрина» Е. П. Блаватской. В этом эзотерическом труде, в разделе «Антропогенезис» (том 4), читаю: «... Кто же, если не великаны, могли когда либо поднять подобные массы... и распределить их в... порядке..., и установить их на такой точке равновесия, что кажется..., они едва касаются земли... Самые огромные среди них являются, очевидно, реликвиями атлантов...». И то: если сейчас на Земле есть лилипуты, то почему когда-то не могли быть Великаны?

Автор выпуска «Приключения. Открытия. Путешествия» ссылается на Г. Борева, Д. Сора, М. Шазала, всем известного писателя В. Гюго, которые тоже свидетельствовали в пользу древних цивилизаций гигантов, обрабатывавших горы своими руками. Это период 10 000 – 13 000 лет до н. э. Самое же приемлемое свидетельство о том, что человеческие племена были высоко цивилизованы и руководили ими гиганты, позже объявленные Богами, дает нам книга книг – Библия.

Так чьими же руками сотворены Ергаки, такие известные и неизвестные?

Позарымская трагедия

Жизнь, говорят, не вычеркнешь из жизни. Несмотря на подстерегающую опасность, люди с рюкзаком за плечами все равно, конечно, будут штурмовать горы, спускаться на веревке в ледовые колодцы, мечтать о новых непокоренных вершинах. Ведь как песенно утверждал Владимир Высоцкий, «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал».

Так-то оно так, но для увлеченных альпинизмом или спелеологией людей куда как важно практически каждую минуту не забывать о надежной страховке себя и друзей. Если это хоть на одно мгновение упу-

скается из виду, беда, как правило, не заставляет себя долго ждать.

Трагедия, о которой сейчас будет рассказано, могла бы и не случиться, если бы... Да, впрочем, что теперь! Пусть же этот трагический случай хотя бы станет лишним (лишним ли?!) напоминанием о том, что в походе, особенно горном, нужно всегда и все делать для того, чтобы сберечь себя и свою команду. Ведь счастье, согласитесь, – не только покорить вершину, но и вернуться домой!

...Это случилось в горах Западного Саяна 13 февраля 2007 года. Семь красноярских лыжников-альпинистов вышли к горной речке Позырым, и решили по замерзшему ледовому водопаду спуститься вниз, в каньон... Помните слова опять же из песни Владимира Высоцкого про альпинистов?

*Надеемся только на крепость рук,
На руку друга и вбитый крюк,
И молимся, чтобы страховка не подвела...*

В этой истории получилось все наоборот: подвел и вбитый крюк, и многое другое. В результате из семи туристов в живых осталось только трое...

Вершина горы Карагош – самая высокая в Хакасии: 2938 метров. Она находится рядом с границей Хакасия – Тува. Здесь из горного озера Лу-Коль берет начало коварная шумливая речка Позарым, длиной всего в шесть километров. Несколько ниже она впадает в одноименное озеро, которое находится южнее вершины Карагош. Несмотря на свое кратковременное течение, Позарым имеет 700-метровый перепад воды: она берет свое начало на высоте 2300 метров, а впадает в нижнее озеро на высоте уже лишь 1600 метров. Своими экстремальными характеристиками эта горная речка и привлекает к себе туристов из Хакасии, Красноярского края, да и всей Сибири.

Красноярские альпинисты-лыжники, отправляясь в поход, не тщательно и не до конца изучили особенности этой местности, а тем более русло речки Позарым, имеющей водопады... Маршрут их похода был третьей категории сложности, и не допускал, таким образом, спуска по ледовому водопаду. Но сибирские туристы, поддавшись азарту, пошли на это. Выйдя на лыжах к реке и наткнувшись на замерзший водопад, они решили по нему на веревках спуститься вниз. Но в этот день удача была не на их стороне! Они, к слову сказать, и не могли знать, что перед ними – ледяной спуск в каньон высотой не 25 метров,

как было обозначено на их карте, а...80! Винить красноярцев в этом незнании опять же трудно: даже на карте Генерального штаба Вооруженных Сил России, как потом выяснилось, не указан этот второй водопад высотой в 80 метров!.. Впрочем, день 13 февраля для красноярцев был явно не их, и беда в данном случае все равно произошла бы с ними и на менее опасном, 25-метровом водопаде.

Судьба?

... Туристы вбили два крюка не в лед, что было бы надежнее, а в растрескавшуюся от сырости и времени скалу. Причем руководитель группы допустил непоправимую ошибку: он не проверил надежность крепления альпинистского снаряжения. Дна каньона речки Позарым тоже не было видно: его скрывала от глаз альпинистов нависшая ледовая шапка. А надо, надо было убедиться хоть визуально, куда приведет их спуск на веревках!.. Этого, увы, тоже сделано не было. Оказалось, их веревки были, на ту же беду, очень коротки для 80-метрового спуска. И если бы все складывалось вначале удачно, красноярцев все равно бы чуть ниже ждала драматическая, если не трагическая, ситуация. Все равно! Но беда случилась гораздо раньше...

На спуск в каньон первыми пошли четыре человека: руководитель, его два друга и одна девушка. Крепление крюка, выполненное неосновательно, не выдержало, и на первых же метрах спуска зацеп сорвало, и руководитель группы под крики ужаса тех, кто остался наверху, бесшумно ушел вниз... Другой, второй крюк, не выдержав двойной нагрузки, тут же с треском тоже вырвался из скальной трещины. Уже в предсмертном падении, теряя сознание от ударов об лед, руководитель альпинистов-лыжников (беда не приходит одна!) зацепил и остальных трех альпинистов, и они все уже теперь вместе окончательно сорвались в невидимую ледовую пропасть...

Скалы лишь отразили оборванные крики и стук тел о лед...

Первой, не приходя в сознание, на холодном льду, не продержавшись и часа, скончалась девушка. Трое мужчин – с травмами головы, поломанными ребрами, разрывами внутренних органов мучительно умирали еще в течение трех-четырёх часов. Спасти их в любом случае было уже невозможно. Разорванные рюкзаки, переломанные лыжи валялись в беспорядке тут же...

Трое альпинистов-лыжников, оставшихся в живых, не помня себя, сверху в обход спустились вниз. Их ужас, когда они увидели шевеля-

щихся и умирающих в агонии товарищей, трудно передать... Когда все кончилось, нужно было, преодолевая слезы и сердечную боль, что-то предпринимать. Один остался, в конце концов, на месте трагедии, а двое отправились за помощью. Они не знали прямой короткой тропы до трассы Абакан – Абаза – Ак-Довурак, и решили добираться до людей по своим прежним следам. Верх взяло неписанное туристское правило: самая короткая дорога та, которую ты знаешь.

Почти двое суток (!) шли они, проведя одну холодную ночь в тайге, до турбазы «Снежный барс», откуда накануне вышли в поход. По пути второй лыжник отстал от первого, и не известно, чем бы все кончилось, если бы не спасатели!

Рассказывает 36-летний Павел Гриднев, спасатель международного класса Южно-Сибирского поисково-спасательного подразделения МЧС России:

– По тревожному сигналу тогда же, 13 февраля, мы вылетели на вертолете на заданный маршрут. Но погода спутала все карты, и нам пришлось вернуться от Абазы снова в Абакан. Конечно, мы тогда еще не знали, живы или нет попавшие в беду туристы из Красноярска, и кому из них требуется срочная помощь. Жили одними предположениями. Лишь на второй день смогли мы добраться на вертолете к месту происшествия.

Это время – с обеда 13 до утра 14 февраля – спасатели, тем не менее, не теряли даром. От поселка Большой Он, что за Абазой, в сторону реки Позарым была отправлена группа спасателей под руководством Сергея Прусса.

– Мы взяли с собой в провожатые местных охотников, – вспоминает он. – На снегоходы погрузили все необходимое – средства жизнеобеспечения, продукты. При нас был и медработник... Нам предстояло пройти 110 километров бездорожья. Двинулись вверх по руслу реки Большой Он. Снежные заносы, остроконечные ледовые торосы то и дело преграждали путь, и приходилось брать в руки лопаты, топоры, другие подсобные средства.

По дороге случилось непредвиденное: один из снегоходов, на котором находилась рация, ушел в полынью. На 20-градусном морозе пришлось «искупаться» в ледяной воде и много повозиться, чтобы спасти рацию и сам снегоход...

Ночевали в палатках... Наутро в небе увидели вертолет: это лете-

ли наши к месту случившегося. Нам оставалось пройти еще где-то километров 30, и тут по спутниковому телефону получили команду: остановиться и ждать дополнительных указаний. Потом последовало распоряжение: выйти на след второго туриста, отставшего от своего напарника, и при обнаружении доставить его на турбазу «Снежный барс». Эту команду мы и выполнили. Пришлось, понятно, приложить всю смекалку и силы.

... Вертолет приземлился в трех с половиной километрах от Позарымского водопада, где случилась трагедия: горная местность, каньоны мешали сесть ближе. Так произошло, что оставшийся с погибшими альпинист-лыжник сам вышел к вертолету. Случайно, потому что он, несколько потеряв надежду, уже направлялся тоже в сторону «Снежного барса», по следам товарищей. Что его ждало, обессилевшего душевно и физически, он не знал...

– Приземлившись, мы разбились на две группы, – говорит Павел Гриднев. – Первая ушла вниз по каньону к речке, чтобы проторить тропу для вывозки погибших туристов. Им предстояло преодолеть по горному склону километров пять. А другая группа на веревках стала сверху спускаться по ледовому водопаду на дно каньона. Увы, мы, следуя данным карты, тоже не знали, что нам предстоит спуск высотой в 80 метров, а не 25! Шапка льда, нависшая над пропастью, совсем не давала возможности реально оценить глубину каньона. Словом, мы тоже, следом за красноярцами, могли попасть в коварную ловушку. Правда, веревки наши были длинными, и все, в конце концов, обошлось, но времени – то на это ушло гораздо больше, чем мы предполагали! В результате получилось так, что первая группа спустилась на дно каньона как раз в то время, когда снизу туда подходила уже и вторая, преодолев по бездорожью 5 километров.

Что было делать? После некоторых раздумий мы решили так: лучше погибших вывозить отсюда на санях «Ока» по нижней тропе, пусть и 5 километров, чем их подымать на веревках на высоту 80 метров: это же не 25 все-таки метров! Уже темнело, и нам пришлось, оставив погибших, одним вернуться к месту посадки вертолета. Ночевали в палатках. Можно себе представить, какой это был сон... Там, на дне речного каньона, оставались погибшие туристы, и нам то и дело мерещились их лица, тела...

Утром мы снова вышли к месту их гибели. Пришлось дважды совер-

шать туда спуск и оттуда – восхождение, чтобы доставить всех четверых к месту прилетевшего вертолета. И опять случилось непредвиденное: река на нашем пути образовала полый водный проем, и пришлось потратить немало времени, чтобы сделать деревянный настил. Но все обошлось... А там, внизу, на месте падения четырех альпинистов-лыжников, мы оставили, спрятав под скалой и завернув в палатку, их оставшиеся порванные, в крови, вещи...

В Абакан Павел Гриднев вместе со своими товарищами по поисково-спасательному отряду вернулся к вечеру 15 февраля. Он запомнил только, как у вертолета ходил, тяжело вздыхая, прилетевший из Красноярска чей-то отец, как стояла, ничего не соображая, заплаканная вся какая-то женщина...

Ошибаться альпинистам, как и саперам, нельзя – разве что один только раз... Но эта единственная ошибка, как правило, – смертельная.

4. Пещеры

Провал, однако!

Про американские каньоны читал я у Василия Пескова в его известной книге «Земля за океаном», написанной с Борисом Стрельниковым. Понравилось! А тут – местный, Туимский каньон – единственный, наверное, в Хакасии. Правда, не природный, искусственный, да и не каньон вовсе, в строгом смысле этого слова, а провал, однако! Провал, созданный по воле человека. Но все равно! Могу свидетельствовать: озеро Рица в свое время не произвело на меня такого впечатления, как Туимский провал. Там, на юге, красота как на картинке. Здесь же – грубая, зримая, захватывающая дух.

Эта высокая гора – и лесистая, и каменистая, – находится за огородами Туима. И сразу странное, непонятное впечатление производит: высокая, бугристая, а вершины – нет. УАЗик, урча, постепенно взбирается на гору. Кто-то в перелесках собирает грибы, невдалеке пасутся коровы... А там, где синеет перевал на Улень, прошлой зимой, расска-

зывали, медведь гнался за маралом...

Идем по сухой траве и не надышимся прохладным осенним воздухом. Пахнет палым березовым листом, встречаются молоденькие белянки. Где-то бурно перекликаются косачи, как будто что-то не поделили. Топорщится к солнцу заячья капуста, попадаете на глаза красная, с сизым налетом, волчья ягода. И солнышко на голубом небе – такое умытое после дождика!

Маленькие каменистые городки сменяются березовыми перелесками. Тропинка петляет уже в кривых лиственничках, и вот прямо под ногами, неожиданно, «без всякого предупреждения» – Туимский каньон. Мы застываем на месте и даже чуть-чуть пятимся назад. Еще бы! Два-три шага – и земля отвесно уходит вниз. Метров семьдесят – скальный обрыв – ровный и тем страшноватый. Тогда было – ни ограждения, ни таблички. Ложусь на край провала и боязливо заглядываю вниз. Перед глазами – веточка папоротника, а за ней – ничего... Дыхание замирает, а точнее, становится судорожным.

Но красотища – то какая! Чувство опасности, кажется, усиливает это чувство красоты. Каменный провал с многометровыми прожилинами руды черного и зеленого цвета – молибдена и меди – в окружности около километра! Противоположная рваная отвесная стена – стометровой высоты, с березкой на вершине, кажется близкой. А до нее – сотни и сотни метров. На дне каменной ямы – остроугольные камни величиной с машину – валуны. А посредине – таинственное темное озеро метров пятьсот в длину и триста – в ширину. На солнце вода моментально становится изумрудной – зеленая медная руда дает ей свой цвет. И какова глубина этого озера – никто не знает, ибо еще никто не измерял это могучее и красочное чудо.

Обвожу глазами размеры провала. В скальных породах по окружности насчитываю девять черных дыр. Это штольни бывшей шахты. Они кажутся с высоты маленькими: человек на коленях пролезет, и только! На самом же деле их величина такая, что когда-то в них проходили подземные тепловозики с шестью вагонетками. И опять глаза притягивает загадочное озеро. Говорят, зимой оно несколько не замерзает. Вот тебе и на!

– Пойдем отсюда, – убеждает водитель. – А то тут высота такая, аж подташнивает.

Действительно, долго полюбоваться красотой Туимского провала невозможно. Душа отходит, когда под ногами – твердая земля, а взгляд устремляется не в яму огромной величины, а на дальние синие горы.

Да, место это, считай, не огорожено: на подходе только ржавая проволока да поваленные столбики. А метров за двести – табличка: «Стоять! Опасная зона. Проход запрещен».. Но это все – остатки от того времени, когда шахта была еще действующей. «Несчастья в провале пока не было», – говорит наш «чичероне», журналист районной газеты Василий Иванченко. Но местным властям, думается, надо позаботиться о том, чтобы обезопасить эту каменную яму.

Шел тогда 1986-й год.

...Когда-то на месте каньона был рудник «Киялых-Узень». В пятидесятых годах добывали здесь рудокопы молибденовый и медный концентраты. Сначала шахта была открытой: выбрали верх, полезли под землю, в глубинные рудные жилы. И там все выбрали. А в середине руда осталась, да ее уже и нельзя было взять: мог случиться обвал вершины горы. Словом, при небогатом содержании руды, где она разрабатывалась, шахту эту в середине семидесятых годов и закрыли. Промышленное значение в это время приобрело Сорское месторождение цветных металлов.

Теперь уже не всякий знает, отчего обвалилась шахта «Киялых-Узень» – то ли от взрыва, то ли сама. Не будем гадать и мы. Но обвалилась. Грандиозное, видать, было это светопреставление! Некоторые тогда утверждали о разломе земной коры у Туима, искали продолжение этого провала. Ученые из Москвы и даже Китая, говорят, взялись изучать, было, это сибирское чудо... Потом все поутихло.

А провал остался. Как свершившийся факт. И кто приезжает сейчас в Хакасию, непременно, оказавшись в Ширинском районе, побывает на Туимском провале, ставшем достопримечательностью. Особенно красив он сейчас, осенью, в окружении цветного леса.

Красив и страшен...

PS: Эта зарисовка, в каком виде вы ее сейчас прочитали, была написана в середине 80-х годов XX века. С тех пор многое здесь изменилось! Туимский провал стал местом паломничества туристов – особенно тех, кто любит и умеет прыгать с многометровой высоты на тарзанке вглубь провала. Моя младшая дочь, Ирина, год назад вместе с абаканскими спелеологами, которые обучили ее искусству джампинга, тоже испытала это острое чувство полета к изумрудному озерку, таящемуся на дне провала и обратному взлету к небу и подъему на поверхность обрушенной когда-то горы...

Увы, мне такой риск уже не по летам!

Тайна Кошкулакского подземелья

Сперва – присказка. Сказка – впереди... В Хакасии есть загадочное и уникальное место – долина Белого Июса. Я бывал на его берегах в районе сел Ефремкино и Малая Сыя. Оказывается, во времена оледенения, считают ученые, именно здесь, в районе Ефремкино, остановился ледник. Спустившись в долину Белого Июса, ледник перекрыл реку, и выше по ее течению на пятьдесят километров вытянулось озеро... Ледниковая подпруда, как пишет В.Е. Дмитриев, автор книжки «В лабиринтах пещер, гор и истории», образовалась, как минимум, 200 000 лет назад! В период оледенения темнохвойная тайга Кузнецкого Алатау «спустилась» на равнину. А это значит, что человек эры палеолита той же, допустим, соседней Малой Сыи, был знаком с лесом, его обитателями: при раскопках грота Проскуракова, что расположен рядом с Ефремкино, были найдены останки мамонта, лося и бурого медведя!

Да, заселил нынешние ширинские пределы древний человек очень давно. Как пишет автор уже названной книги, находка в районе Малой Сыи позволяет с уверенностью говорить о том, что произошло это, по крайней мере, не позднее восьмидесяти тысяч лет назад. Эта территория не пустовала и несколько тысяч лет спустя (34000). Причем, что удивительно, здешнее население отличалось высокой культурой. В позднем палеолите жители древней Малой Сыи, например, читали не только звездное небо, но и календарь. А ведь для его создания нужен был огромный опыт наблюдений и, что не менее важно, интеллект!

Отроги Кузнецкого Алатау, расположенные в Хакасии, до сих пор таят много загадок, особенно подземных. От Малой Сыи по дороге в Ефремкино встретится вам пещера Ящик Пандоры. В свое время нашлись энтузиасты разбирать ее завалы. В пустотах был найден глиняный горшок, которому, как оказалось, около двух тысяч лет! Значит, древние люди обитали в гротах этой пещеры. Воодушевленными «копателями» было пройдено под землей... тринадцать километров! Сейчас, чтобы преодолеть (в темноте!) это расстояние, требуется не менее двух суток. Ящик Пандоры теперь – вторая по длине пещера Сибири. И она – у нас под боком, в Ширинском районе.

Как временное убежище, древними людьми использовалась и пещера Археологическая, расположенная в километре от устья реки Малая Сыя. Найдена она была, как и Ящик Пандоры, по куржаку над заваленным скалами входом... Осмотр грота поразил первопроход-

цев. Пол его был «умощен» глыбами, между которыми виднелись кости. За пять последующих лет в этой пещере было найдено и около десятка черепов древних людей.

В середине же Археологической исследователи подземелья наткнулись на четыре кострища, вокруг которых валялись кости различных диких животных и костяной наконечник гарпуна. Дальше – больше. Найден был и наконечник стрелы, и не какой-нибудь, а бронзовый.

Как же в свое время образовалась скальная преграда при входе в пещеру? Наверное, однажды произошел каменный обвал, и это временное убежище стало семейным родовым склепом.

А теперь от присказки, создавшей вам определенное настроение, к сказке...

Естественно, я в этих пещерах не был и вряд ли буду. Все сказанное – мизерная выборка из приведенной книжки В.Е. Дмитриева. Что с того? Меня просто заинтересовала эта «подземная тема», и ее продолжение я случайно нашел года три назад в одной из газет, в других источниках. И больше всего, сами дальше поймете – почему, привлекло мое внимание аномальное Кошкулакское подземелье.

...Оно расположено в этих же краях – правда, несколько в стороне от названных пещер. Кошкулак с хакаского переводится очень красиво: парные ушки. Есть и другая интерпретация названия – ушки горы. И действительно: на склоне этой Кошкулакской горы находятся два входа, которые практически сразу соединяются в общую горизонтальную галерею, выводящую в обширный грот. Мне приходилось бывать в подобной пещере, расположенной в скально-меловой горе близ Анталии, на берегу Средиземного моря.

Внешне Кошкулакская пещера – безобиднейшее место, как, впрочем, и ее название, тоже ничего тяжелого не обещающее... Ну, есть в подземелье вертикальные колодцы. В первом гроте, у сталагмита – скопление угля, из которого, правда, торчат... кости. Одно закопченное место, другое, третье... Обгоревшая береста. Значит, в пещере временно (или постоянно?) тоже обитали древние люди. По кострищам, углю, костям можно догадаться, что здесь ими было съедено очень много мяса. Скорее всего, на этом месте нашими предками совершались какие-то культовые приношения. Возможно, духам гор? А может, сталагмиту, внешне очень похожему на фаллос, который многими народами боготворится как символ рождающего начала природы? Одно точно: как показал радиоуглеродный анализ углей, эти подношения, в том числе и человеческие, совершались в Кошкулакском подземелье

более двух тысяч лет назад.

Все это более-менее объяснимо... А дальше начинаются тайны, которые, конечно, тоже можно объяснить, в свою очередь, аномальностью этого древнего горного места. Об этом с уверенностью говорил мне в свое время Сергей Михайлович Тотышев, тогда сотрудник ХакНИ-ИЯЛИ, трижды побывавший на Кошкулакской вершине. Сами-то тайны, конечно же, объяснить можно... Но почему они устойчиво имеют одни и те же образы-призраки, одинаково действующие на психику совершенно разных людей? Людей, побывавших (осмелившихся побывать!) в Кошкулакском подземелье, причем в совершенно разное время?!

Вот ведь какой темный ларчик –то: эти Парные ушки! О Кошкулакской пещере уже много веков идет недобрая слава. В переводе на русский – с какого-то, правда, неведомого мне языка, она называется еще «Пещера Черного дьявола».

Прибегну к одному из газетных источников, где было сказано: «Инициатива научного исследования Кошкулакской пещеры и вообще мест, где есть следы древних культовых площадок с аномальными свойствами, принадлежит директору Новосибирского института клинической и экспериментальной медицины академику АМН СССР В.П. Казначееву».

В конце лета 1989 года состоялась экспедиция ученых этого института в загадочную и зловещую Кошкулакскую пещеру с грудой полуистлевших человеческих и звериных костей. Эта экспедиция была шестой по счету. Участники ее тоже заметили существование необычных явлений.

Вот пример. Ученый А. Каманов, участник еще пятой экспедиции, приводит рассказ старшего научного сотрудника ИКЭМа А. Трофимова, не раз спускавшегося в эту таинственную пещеру: «Вдруг мне стало как-то не по себе, возникло чувство тревоги. Волнение нарастало. И вот я, который никогда не был трусом, уже трясусь весь, как осиновый лист. Панический страх! А чего боюсь – сам не знаю. Потом ребят расспрашивал: с ними происходило то же самое».

О подобном сообщил и И. Барановский, участник шестой экспедиции: «Побывавшие в Кошкулакской пещере рассказывали мне, выдавшему виды, не менее удивительные истории. В какой-то момент их вдруг охватывал беспричинный панический страх. Забывая обо всем, бросая снаряжение, люди со всех ног мчались, обгоняя друг друга, на выход, к свету. Уже потом, придя в себя, никак не могли объяснить: что

же случилось? Ведь это не новички – бывалые спелеологи, которые на своем веку повидали пещеры куда посложнее этой!»

Повторяюсь: в Кошкулакской пещере я не был и вряд ли буду. Но, хоть и в самолете, хоть и краем, я целых двадцать минут летел над ночным Бермудским треугольником – известнейшим аномальным местом Атлантического океана и всего мира, и мне знакомы чувства, испытанные учеными, только уже в Кошкулакской пещере: та же тряска, тот же необъяснимый страх...

Чем больше ученые интересовались пещерой, тем чаще они встречали людей, испытавших на себе ее магическое воздействие. А что же сами ученые мужи? Они тоже «имели» это паническое влияние подземелья! Тот же И. Барановский сообщает: «Было это еще в 1985 году. Сотрудник нашего института Константин Бакулин с группой спелеологов обследовал гроты Парных ушек. После нескольких часов работы люди потянулись к выходу. Константин шел последним. Закрепил веревку на специальном поясе, обхватывающем грудь, и приготовился к подъему.

Вдруг он почувствовал на себе пристальный взгляд... Первое побуждение было – бежать! Но ноги словно оцепенели. Посмотреть, что творится за спиной, было безумием. И все же, будто в состоянии гипноза, повинувшись чьей-то чужой воле, он повернул голову и увидел... пожилого шамана. Метрах в пяти. Развевающиеся одежды, мохнатая шапка с рогами, горящие глаза и плавные, зазывающие движения руками: мол, иди сюда, иди за мной!

Бакулин безотчетно сделал несколько шагов вглубь и тут, словно сбросив чары, начал отчаянно дергать за веревку... Больше, – сообщает далее И. Барановский, – Бакулин в пещеру не спускался, но еще долго шаман являлся ему во сне и... звал за собой!

В Кошкулакской пещере рядом с гротом скелетов соседствует грот Призрак, в котором, как свидетельствует уже названный нами А. Каманов, находится хозяин грота, который наказывает нарушивших его покой тем, что является им во сне, а то и наяву в образе человека в диковинных развевающихся одеждах, и жестами манит смельчаков вглубь.

Недаром в разговоре со мной о тайнах Кошкулакской пещеры Сергей Михайлович Тотышев обронил: «Вот почему спелеологи, да и все, кто решился-таки спуститься в это загадочное подземелье, должны идти в одной связке. Поодиночке спускаться в колодец нельзя: хозяин грота уведет ...»

«Если сам факт галлюцинаций можно еще как-то объяснить, – за-

мечает А. Каманов, – необычностью обстановки, давящей на психику атмосферой замкнутого темного пространства, – то что стоит за повторяемостью одних и тех же видений разным людям, особенно – во сне?!»

Что?..

Ледник, в свое время остановившийся на ширинской земле в этом аномальном месте, назадавал людям многих поколений слишком немало темных вопросов. Но, может быть, это не зря? Может быть, это и хорошо, что не все в подлунном мире можно пока объяснить?

Чудеса ведь от объяснения тускнеют...

Так пусть тайное и останется тайным. По крайней мере, пока. Всему – и явному, и тайному – отмерен свой срок на Земле.

Спуск к ...смерти

«Во всем соблюдай меру!» – гласит латинское изречение. Особенно это важно для туристов, которые зачастую ну просто обожают экстрим, забывая при этом о надежной страховке, таящейся опасности. Случай, о котором будет рассказано сейчас, – это своего рода предостережение для многих других, чтобы они не повторили ошибки, которую сделали, к великому сожалению, новосибирские спелеологи, опрометчиво пренебрегши элементарными правилами поведения в походе высокой категории сложности....

... Более семи лет назад, в феврале 2005 года, в пещере «Ящик Пандоры», что находится в Ширинском районе, на большой глубине засыпало камнями, глиной и известковой породой двух туристов-спелеологов из Новосибирска. Одного удалось спасти в первые часы, другой погиб под завалом тяжелой мученической смертью. Его тело спасатели Красноярска и Абакана смогли откопать только на десятые сутки.

Существует легенда. Жила-была на свете девушка Пандора, и в один из дней к ней обратился с просьбой сам Бог: «Пандора, я передаю тебе на хранение ящик. Когда он мне понадобится, я приду за ним. Только не вздумай открывать его!». Женское любопытство взяло верх, и Пандора однажды открыла этот ящик, чтобы узнать, что там. Из ящика вылетело темное Зло и пошло гулять по свету... Уж не знаю когда, но местные жители окрестили свою горную пещеру «Ящиком Пандоры», то есть – ящиком Зла. С давних времен и по сей день она, увы, оправдывает свое название.

...Несколько лет назад в Ширинском районе вышла книга исследователя аномальных пещер Хакасии В. Е. Дмитриева. В один из при-

ездов в Шира я встретился с его помощниками по изданию книги «В лабиринтах пещер, гор и истории» Александром Туровым и Василием Иванченко, и они мне кое-что рассказали об этом загадочном подземелье. Оживлю воспоминания.

Пещера «Ящик Пандоры» находится в 4 километрах вниз по течению Белого Июса. Подойти к ней от поселка Малая Сыя можно, следуя по дороге на Ефремкино, после чего подняться ко входу в пещеру по днищу карстового (известкового) каньона. Долгое время этот каньон был известен по малым пещеркам со следами пребывания древних людей. Самая большая имела название «Широкая». Высота входа – в рост человека, ширина – 10 метров. По щебнистому полу можно спуститься в достаточно высокий и широкий грот и пройти 40 метров. Все. Здесь карбонатные натёки разрушены временем, своды обрушились, кое-где выветрились. Смотреть нечего, но... При исследовании пещерных льдов ученые выявили, что в глыбово-щебнистых завалах зимой образуется куржак. Значит, из-под земли поступает теплый воздух и, возможно, ниже находится неизвестная карстовая полость? Нашлись энтузиасты разбирать завалы. И вот за отгребённым щебнем, в малой пустоте, люди наткнулись на глиняный горшок, которому, как оказалось... 2 тысячи лет! Из глыбного завала тянуло воздухом... Эти раскопки были начаты в марте 1981 года и закончены осенью того же года. За это время было прокопано 25 метров хода. Но тупика так и не было: тяга воздуха снизу стала еще ощутимее!

Ход упирался в стенку, и этот завал перекрывал канал, уходящий вбок. Копатели расположились друг над другом по круто наклонному ходу. Самый нижний добывал камень и передавал его вверх. С каждым днем тяга воздуха...увеличивалась! Наконец появилась возможность посветить фонариком в узкую щель и заглянуть вглубь. Там виделось какое-то расширение. И вновь камни поднимались наверх... Дальше копателей ждало открытие: круто наклонная галерея-спуск! Пройдены первые сотни метров... Вновь пришлось и зубилом, и кувалдой разбирать очередные завалы. Но длительный труд окупился сторицей: на сегодня пещера имеет протяженность уже 13 километров! Обратите внимание на число «13», между прочим...

Сейчас «Ящик Пандоры» – вторая по длине пещера в Сибири. Чтобы пройти ее, понадобится двое суток. Но и сегодня эта пещера не пройдена целиком! Так на цифре «13» все и остановилось. Что это: предупреждение копателям, подземным туристам?

Рядом, примерно 100 метров ниже по каньону, расположена пеще-

ра Мышиная, где живут стаи летучих мышей. Что там дальше: самостоятельная полость или соединение с «Ящиком Пандоры»? Вероятнее всего – последнее. Решение этого вопроса еще ждет своих исследователей. И на этом, в прямом смысле, тернистом пути энтузиасты-спелеологи, охочие на открытия, порой навсегда теряют своих друзей. Трагический случай с новосибирскими туристами-спелеологами – из этого разряда...

– Они копали один из ходов «Ящика Пандоры», – говорит завуч по учебно-воспитательной работе МОУ дополнительного образования детей детско-юношеской спортивной школы по спорту и туризму г. Абакана Вера Хорошавина, – и попали под обвал... Словом, оказались в ненужном месте в ненужное время, как у нас говорят. Новосибирцев спасали в том числе и мои воспитанники, работающие сейчас в Южно-Сибирском поисково-спасательном подразделении МЧС России.

... Тогда, 2 февраля 2005 года, группа туристов-спелеологов из Новосибирского госуниверситета в составе руководителя Артема и его друзей Павла, Наташи и Алены, спустившись на глубину 170 метров, с интересом осматривали незнакомую им пустоту. Ведь в «Ящике Пандоры» до сих пор есть места, где еще не ступала нога человека! На время туристы, казалось, забыли об опасности. Ведь перед ними был необследованный загадочный восходящий ход, и они стали подниматься по нему, все вверх и вверх, упираясь ногами в распоры, выступы... Они прекрасно знали, что горы от времени разрушаются, а пещеры – растворяются, потому что состоят из карстовых, легко поддающихся сырости и воде, пород. К тому же им, конечно, было известно и то, что рядом с «Ящиком Пандоры» находится рудник «Коммунар», где время от времени проводятся взрывные работы. Регулярные, хоть и время от времени, сотрясения земли постепенно сказываются-таки на внутреннем состоянии пещеры... Но, чувствуя, что можно открыть для себя новый, неизведанный ход, новосибирцы поддались искушению, азарту. Они же не могли знать, что этот восходящий ход находится уже в процессе разрушения. Едва заметные движения ног спелеологов сорвали сверху накопившуюся массу камней, глины и известняка, который и обрушился на группу... Первым шел Павел, которого завалило основной массой, отделив его мертвой стеной тяжелой осыпи от остальных членов группы. Он успел укрыться в ничтожно малой нише, стоя на коленях под нарастающим завалом. Артем, шедший следом, оказался с краю завала. Девушкам, идущим на некотором отдалении от мужчин, удалось уйти от надвигающейся груды камней и известко-

вой щепенки, и они самостоятельно, атакованные ужасом увиденного и парализованные боязнью за судьбу друзей, выбрались потом все-таки наружу.

...Артем тоже попал в локальную пустоту и поначалу мог не только переговариваться с Павлом, но и видеть его. Но нарастающий гул обрушивающейся массы извести, камней и грязи вскоре закрыл щель между ними, и попавшие в беду спелеологи могли только переговариваться... Это продолжалось часа три-четыре. Потом Артем все слабее и слабее слышал доносившийся из подземелья затухающий голос Павла. Вскоре звуки совсем прекратились... Слезы обрушившегося горя душили руководителя экспедиции, который и сам не знал, что ждет его самого в ближайшие часы: спасение или долгая мучительная смерть? Не знал он, конечно, ничего и об Алене и Наташе: сзади была уже непроходимая для него стена гулкого и шуршащего, все прибывающего завала...

Дальше предоставим слово Ивану Горлову, спасателю Южно-Сибирского поисково-спасательного подразделения МЧС России, непосредственно принимавшего участие в спасении жизни попавших в беду туристов:

– На то время я работал второй лишь день в подразделении, – вспоминает он. – К нам поступил тревожный звонок. Как потом оказалось, выбравшиеся самостоятельно из «Ящика Пандоры» Алена и Наташа на попутке доехали до рудника «Коммунар» и сообщили о беде. Сперва они вызвали на помощь горно – спасательную часть рудника, потом звонок полетел к нам, в Абакан. Мы быстро погрузились на «УАЗик», «КамАЗ» и выехали в назначенное место. С собой везли много снаряжения, настроенные на самое худшее: домкраты, разжимы, другое гидравлическое оборудование.

Где-то за 4 часа мы доехали до пещеры. Стоял жуткий, за 40 градусов, мороз, и было уже темно. Но там, на дне «Ящика Пандоры», попавшие в беду люди ждали нашей помощи, и медлить было нельзя ни секунды. Девчонки уже вернулись к завалу, но дополнительной информации сообщить не могли. То, что мы знали, передавалось через многих людей, чужие уши и уже не несло верной, надежной информации. Мы готовились, повторяю, к самому плохому...

Первыми спустились к завалу на глубину около 200 метров, по низким ходам, мои друзья, опытные спасатели Алексей Щекотов и Павел Гриднев, еще человека три-четыре. Руководителя группы, Артема, удалось – таки спасти. Ему, можно сказать, повезло: он находился

близко к краю завала, и его откопали за несколько часов. Он стоял в нише на коленях и боялся сделать малейшее движение, даже кашлянуть. Сырость и температура не выше плюс 4 по Цельсию могли докопать его сами по себе за несколько дней, если бы мы его не откопали. А на Павла упал весь груз многотонной осыпи. Сперва он задышался, а потом постепенно его, еще живого, задавило осыпью – даже грудную клетку расплющило...

Новосибирца Павла спасатели из Абакана, а также Сибирского регионального отряда из Красноярска откапывали почти 10 суток, днем и ночью, работая в три смены. Ребята ночевали в поселке Малая Сая, и с дороги до пещеры, а затем на ее дно каждый раз добирались и спускались больше полутора часов, и начиналась тяжелая, в холоде и темноте, лишь при свете фонарей на касках, работа – вручную, камень за камнем... Для спуска, а затем подъема требовалось до 5 спасательных веревок...

– Особенно трудно было первые часы, – говорит, вспоминая, Иван Горлов. – Я не сравниваю эти часы с подвигом, но мы находились под постоянной опасностью нового обвала в этой восходящей нише. Случись что – моих товарищей могло завалить так же, как и погибшего Павла из Новосибирска.

Абаканские и красноярские спасатели вынимали обвалившийся грунт день и ночь, в ладонях передавая камни величиной с глиняный кувшин, известковые слитки, глину... На пути встречались и глыбы размером в шкаф. Тогда все вместе они налегали на такую махину и, как могли, отодвигали ее в сторону. Порой спасателям казалось, что время сместилось, и в сутках не 24, а все 36 часов... Сверху, между тем, продолжало сыпаться. Им приходилось, после расчистки, использовать не только нижний, но и два боковых хода. А узких мест было, хоть отбавляй: так называемые калибры, мокрые и грязные «шклевы», «шкуродеры»...

– Да, наша работа была тяжелой и опасной, – продолжает Иван Горлов. – И это я говорю не для красного словца. Но работа эта была и творческой: способы преодоления завала менялись практически на каждом метре, приходилось вести подземную раскопку, не опираясь на заученные стандарты...

В это время руководитель группы Артем и Алена с Наташей уехали в Новосибирск, и вместе с ними оттуда приехали отец погибшего Павла и его друзья по турклубу.

Тело Павла, безжизненное и расплющенное, мы достали из под за-

вала и подняли наверх – да, лишь на десятые сутки. Он лежал на студенной земле, накрытый целлофаном. Отец, как потерянный, ходил и ходил, и ходил около... На все это было тяжело смотреть. Прибывшие новосибирцы помогли нам достать из «Ящика Пандоры» наше гидравлическое оборудование, другое снаряжение. Все было кончено...

...Я, находясь под впечатлением услышанного, молча смотрю на Ивана. К слову сказать, он с 7 класса, целых 10 лет, занимался в Абаканском городском детско-юношеском центре туризма, и восемь раз за это время вместе с группой, как и новосибирцы, спускался в пещеру «Ящик Пандоры». Приходилось бывать и в экстремальных ситуациях, но все, слава Богу, обходилось.

– Мы вот с вами сейчас разговариваем, – заметил мой собеседник, – а в это время в «Ящике Пандоры» находится, как минимум, две-три группы спелеологов – туристов. Они едут к нам со всех городов Сибири – Красноярска, Таштагола, Новосибирска, Иркутска, Томска... Трагедии, случающиеся в этой пещере Зла, не останавливают энтузиастов подземного туризма, хотя все прекрасно отдают себе отчет в том, что любая пещера – это враждебная человеку среда. Здесь, в крошечной темноте и тишине, остро чувствуешь, как мерцают твои глаза, режет в мертвой тишине уши... А еще прибавьте к этому низкую температуру воздуха, стопроцентную влажность...

Двадцатишестилетний (на время той беседы) Иван, немного помолчав, добавил:

– Я доволен, что попал в такой надежный поисково-спасательный отряд. Начиная от опытного руководителя Петра Борисовича Столбуна и кончая рядовым спасателем, мы все в любую минуту готовы выехать по тревожному звонку к месту трагедии. Про таких людей, с какими я работаю бок о бок, говорят: с ними можно идти в разведку. Но лучше, когда таких трагедий, какая произошла в 2005 году в «Ящике Пандоры», не происходило бы. Я желаю всем спелеологам-туристам одно: знать край, но не падать!

5. Озера

Солнечные ванны Шира и немного... северного сияния

Шира... Произнося это слово, вовсе не думаешь как-то об одноименном поселке (райцентре), и не о названии самой станции, где идет постоянная (особенно летом) ротация приезжающих на курорт и подлечившись, уезжающих обратно домой... Думаешь не об этом, а о нем, зеленоглазом озере Шира! Что оно значит в отдыхе и лечении людей, бывающих здесь практически со всех уголков России? Для одних это – загар на серо-зернистом песке (или горячем лежаке), восторженное купание в зеленых волнах живительного озера; для других – прогулки напару по тенистым курортным аллеям, сидение в кафе, дискотека в местном Доме культуры; для третьих – ежедневный, по часам, прием целебных ванн и слабительной ширинской водички; для четвертых – пляжный волейбол, теннисный корт; для пятых – непременно по-

сещение местного, могущего удивлять своим разнообразием (от ягод до копченой пеляди и т.д.) базарчика, чем-то напоминающего приморский; для шестых – поедание сладкого мороженого под зонтом на площадке открытого летнего кафе, покупка брелоков, ярких сувениров; для седьмых – пиво с пахучими, горячими шашлыками чуть ли не на самом берегу озера, среди голубых пикулек; для восьмых – утреннее, расслабленное и бессмысленное времяпрепровождение на борту лодки с любимым человеком, с которым не расставались всю ночь... Впрочем, стоит ли дальше все рисовать? Иными словами, у каждого – свое Шира!

Для меня, например, это – практически все, что уже перечислено. Незабываемы алые закаты над водой, плескучий шум волн, омывающих корни утренних березок, забежавших нечаянно в воду, соленый запах полуденного солнца, чтение любимой книги у палатки, когда некуда спешить, кроме как в очередной раз освежить свое тело в зеленоватой воде, так напоминающую мне черноморскую, сголуба, у берегов Хосты... И если я лето-другое пропущу и не побываю в Шира – я словно чего-то потерял, мимо чего-то прошел, вовсе не желая этого, обокрал себя ни за что, ни про что...

На Шира меня сперва брали с собой родители, потом бывал я там, уже студентом, со своей девушкой из этого же, Ширинского района, годы прошли – приезжал и приезжаю с семьей: женой и детьми. Доводилось здесь бывать и на фольклорных фестивалях, других праздниках, встречаться по журналистской работе со специалистами здравоохранения, ездить к местным художникам... И всегда непременно, конечно, все оканчивалось взбодряющим душу, оздоравливающим купанием в дорогом сердцу озеру!

Будучи еще в студенческом стройотряде, который строил районную больницу, я не раз вместе со своими однокурсниками приезжал под вечер на Шира, чтобы искупаться после бойкого рабочего дня. Шел 1973-й год... Почему я упоминаю эту дату? Запомнилось, потому что: зайдешь по грудь в воду, взглянешь вниз на пальцы ног, и увидишь розоватые ногти! Я, конечно, не о ногах, а о том, насколько еще тогда была прозрачной, насколько незамутненной первозданная вода целебного озера! Сейчас же, зайдя по грудь в воду, вы не разглядите сквозь всего метровую толщину ширинской воды розовые ногти на своих пальцах ног, вот в чем дело. Не разглядите! Вода будто слегка насыщена мыльным раствором, который делает ее какой-то усталой, непрозрачной. Ученые бы сказали: озеру трудно уже осуществлять

собственными силами реакриацию минеральной воды своей... Оно, возможно, уже не справляется с наплывом всевозможных примесей! И то сказать: не так уж и давно, в восьмидесятые годы, по-моему, у кого-то из правящих чиновников местной власти хватило ума направить коммунальные стоки от населения прямо в целебное озеро! Просто и грубо говоря, все, что человек сливал, находясь в туалете, в унитаз, прямиком попадало, пройдя еще и ржавые трубы, в незащитное озеро. Ле-чеб-ное о-зе-ро! Что это, если не повседневный ужас?! Слава Богу, в наши дни, по-моему, уже давно построены в Шира очистные сооружения, и будущая жизнь озеру, таким образом, хоть с этой стороны спасена, надо думать. Развивается на берегах Шира спектр лечебных услуг здравницы, насыщенной становится ее инфраструктура, оснастка лечебных корпусов, на местах работают надежные, проверенные временем специалисты своего дела.

А что касается поселка Шира... Он возник в 1914 году как железнодорожная станция (при строительстве дороги «Ачминдор»). В поселке сейчас проживает около десяти тысяч человек, во всем же Ширинском районе – в три раза больше. Сейчас на территории района, и слава Богу! находятся три участка заповедника «Хакасский», в том числе «Озеро Шира». Они занимают всего-то два процента площади района. Зато какая польза от этого! В данном случае к факту этому приложима пословица: «Мал золотник, да дорог». Можно считать, что богато одаренной земле, которую правомерно называют краем озер (и каких!), заслуженно повезло, когда они, наконец, попали во внимание «ока государева», и стали, наконец, охраняемой территорией.

Озером Шира интересовались люди с давних времен. Но особенно – в конце XVIII века. «Эскулапы меня транспортировали на Широ, почка оказалась не в порядке. Не знаю, будет ли толк от Широ, пить (ширинскую воду? – авт.) едва ли буду». Автор этих строк – ученый, исследователь археологических памятников Енисейской губернии Иван Тимофеевич Савенков. Он был и директором Красноярской учительской семинарии, в свободное время увлекался шахматами. Так вот: он пишет эти строки не кому-нибудь, а основателю Минусинского музея – Николаю Михайловичу Мартыанову! Письмо это было написано в 1889 году. Летом того года Савенков по настоянию врачей едет лечиться на озеро Шира. Но в голове он вынашивает планы не только своего лечения, но и тщательного изучения чудо-озера.

Не так давно, лет пять назад, я встретился со своей коллегой по журналистской работе Натальей Калеменовой, которая изучала ар-

хив Минусинского музея имени Н.М. Мартыанова – те конкретно документы, касающиеся исключительно озера Шира, его истории. Она одарила меня своим трудом, и мне сейчас грех не воспользоваться этим ценным материалом – по крайней мере, в тех случаях, которые показались мне наиболее интересными. Так вот...

Иван Тимофеевич Савенков и стал тем человеком, который по поручению Общества врачей Енисейской губернии, провел первое научное исследование озера Шира. Приехал он сюда в июне. В то время приезжавшие на лечение проживали, в основном, в аале Торина, который располагался практически на месте нынешних корпусов Ширинской здравницы. Лечили на озере больных от малокровия, так называемой бледной немочи, хронического ревматизма, женских заболеваний, от импотенции, цирроза печени, различных кожных высыпаний, общего ожирения, мигрени, туберкулеза, даже, извините, от сифилиса, т. е. чисто французской болезни. Это в те-то еще годы! Что ж, природа-матушка постаралась над озером Шира, потрудились над ним! Здесь очень популярна была глауберова соль, которую получали путем выпаривания ширинской воды. Такую соль, кстати, можно было купить даже в аптеках Москвы и Санкт-Петербурга! И ширинскую воду разливали в емкости, и тоже поставляли в аптеки. И ее брали весьма охотно, поскольку слава о целебности этой воды распространялась значительно быстрее, чем сама эта водичка. Почему я целебную воду все время называю водичкой? О, это та еще вода-а! Выпив ее (допустим, перед завтраком), знай – успевай только перекусить за столом: неровен час – «до туалета не дошел, а процесс уже пошел». Не дай Бог, конечно, если эти слова действительно можно будет сказать лишь в прошедшем времени! Зато как оздоравливает эта ширинская водичка пищевод и кишечник, как благотворно действует она на вес, точнее – его желанную потерю – и говорить излишне!

Интересен факт, который я процитирую буквально по тексту Натальи Калеменовой: «Как же добыть из глубины озера чистую целебную воду? В 1895 году какие-то предприимчивые люди соорудили «доморощенное» устройство для забора воды с глубины озера. Они заплывали на лодке подальше от берега, опускали в воду это устройство и поднимали чистую воду. Она пользовалась большим спросом у больных прямо на берегу – брали ее нарасхват...» А вот подземную минеральную воду Шира для лечения начали использовать лишь в шестидесятые годы XX века, когда были пробурены первые скважины на территории курорта. Увы, не обходилось без самолечения! Многие,

видя улучшение самочувствия у других, рьяно брались мазаться привозной, из ближайшего озера, шунетской грязью, да не раз в день! Да еще взახлеб пили и пили целебную воду... Люди просто забыли, что от всех болезней не может быть только одно лекарство!

И тогда специалисты задумались: а от каких конкретно болезней следует ехать лечиться на озеро Шира? И вот сельский доктор из Минусинского уезда П.М. Попов стал первым врачом, который стал серьезно изучать целебные свойства ширинской воды. Потом и другие врачи последовали его примеру. В 1894 году в результате этого Общества врачей издало «Наставление для лиц, купающихся с лечебной целью на оз. Шира». Многие пункты этого наставления не потеряли своей актуальности (и понятного интереса!) и сегодня. Любопытны некоторые пункты – ну, например: «Купаться вообще следует один раз в день; только лицам, особенно крепким и хорошо переносящим купанье, возможно купаться два, даже три раза в день». Или: «Для слабых, малокровных и нервных лучше всего послеполуденные часы». Еще: «Во время купания при волнениях озера нужно волнам подставлять спину, а не грудь». И еще: «После купания необходима прогулка, а после согревания тела и легкого утомления можно выпить рюмку легкого виноградного вина и легко позавтракать». Ну, и последнее: опять «Слабым, малокровным и нервным, у которых реакция после купания не наступает (тело не согревается – авт.), или появляется с трудом, можно прямо по выходе из воды выпить вина и лечь в постель, чтобы согреться». Ну, слава Богу! Хоть тут-то у «слабых, малокровных и нервных» все же есть, есть-таки преимущество перед здоровыми! Можно прямо на берегу – того... А в наше время – так подобное, считай, практикуется поголовно как среди ипохондриков, так и атлетически сложенных мужчинок: прямо на пляже, у кромки воды, выпить да закусить, снова выпить да и снова закусить!.. Кстати, в те времена слово «пляж» не было в русском языке – по крайней мере, в землях ширинских. Оно место именовалось хорошим русским словом – купальня.

Вскоре озером Шира заинтересовался врач и общественный деятель Енисейской губернии Владимир Михайлович Крутовский. Он, судя по характеру, оправдывал свою фамилию, действовал напористо, часто выступал перед коллегами с новой инициативой. В своих работах Владимир Михайлович, кроме замечательного состава солей озера, обозначает еще два очень важных преимущества Ширы, как курорта. Первое: «...оно расположено почти в центре Сибири, вдали от всяких других европейских и азиатских курортов, и является пун-

ктом, куда для лечения могут стекаться больные с обширного района восточной и западной Сибири». Второе: «... озеро не представляется ничтожной лывой, как это часто бывает, не маловодный источник, а огромное водовместилище, глубокое и широкое, чистое. Редко возможно найти другое с подобными же физиологическими и физическими свойствами воды, исключая морских водовместилищ...» Иными словами, Крутовский напрямую сравнивает озеро Ши́ра с тем же, допустим, Черным морем! Недаром позже он назовет Ши́ра «...маленьким континентальным морем Енисейской губернии»!

Ну, а то, что он говорит об озере, как огромном «водовместилище», а не лыве, так это факт не только визуальный, но и поддающийся, понятно, реальному измерению. Так вот, в издании «Сокровища культуры Хакасии» приводятся параметры озера Ши́ра: его овальное водное зеркало протянулось на девять с половиной километров при наибольшей ширине около пяти километров. Другими словами, это огромная природная солнечная ванна в летнее время «работает» для тысяч и тысяч отдыхающих! Недаром сюда едут поправлять свое здоровье из многих городов нашей страны, и не только нашей...

Кстати, интересно сравнить, допустим, конец XIX века и конец века XX – в смысле посещения курорта людьми этих двух времен, разделенных целым столетием! Так вот в 1891 году, например, здесь лечилось всего 94 человека из дворян и чиновников, 21 купец, остальные – мещане, домовладельцы и зажиточные крестьяне. А почти спустя столет, в шестидесятые годы прошлого века, на курорте «Озеро Ши́ра» проходило лечение (также за год) уже 6 000 человек, а в середине восьмидесятых годов численность отдыхающих достигла и того больше: 13 500 человек! И сегодня курорт пользуется большой популярностью у жителей не только Хакасии и Красноярского края. Не только!..

А как же иначе! Еще в 1926 году, представьте, голодном и холодном, профессор Томского технического института И.В. Геблер доказал, что по своему составу ширинская вода близко подходит к знаменитой баталинской воде Кавказских Минеральных вод. Кавказ – он для сибиряков далеко-о, а Ши́ра – вот оно, рядом... Почему бы не воспользоваться-то – по крайней мере, основной массе населения?!

Если вода в озере целебная, то и глина на дне его тоже весьма, значит, полезна. Так рассуждали многие больные, и стали натираться ширинской грязью, набирая ее вблизи берега. Но бывалые курортники, конечно, пользовались грязью только из озера Шунет, взятую из его глубин, а не у берега. Находится оно в десяти километрах от озера

Шира. Шунет, таким образом, можно по праву назвать первой в Сибири грязелечебницей! Люди не богатые, но жаждущие исцеления, принимали грязевые ванны прямо на берегу Шунета. А для людей побогаче грязевые ванны устраивали на самом курорте. Там-то, в соответствующих условиях, были, понятно, установлены деревянные, железные, медные, эмалированные ванны. В них наливали грязь, привезенную из озера Шунет. Но вскоре озеро взяли в аренду другие люди, и цены на грязь поползли вверх, а потом ее вообще запретили брать. Так постепенно запасы грязи в озере не только восстановились, но и увеличились. Сегодня вновь можно увидеть на его берегах – по всему видно, обеспеченных людей, вымазанных в целебной грязи от пяток до макушки. Чрезмерно, конечно... Не надо так много грязи, господа!

А что же ширинская грязь? – задается в своем труде вполне закономерным вопросом названная уже мною Н. Калеменева. Возможно, что и ее, эту грязь, когда-нибудь станут применять: запасы-то ее просто огромны! Но для этого нужна хорошо продуманная технология – не прошловековыми же самолетами доставать ее со дна! И поднимать с большой глубины эту грязь надо так, чтобы не замутить воду в целебном озере.

... Давно ушло то время, когда на курорт стремились попасть люди независимо от своего заболевания, которым они страдали. Но за время существования здравницы во многом уже усовершенствованы (и это продолжается до сих пор) методики лечения многих заболеваний, которые, при использовании целебных грязей и воды курорта, наиболее эффективно действуют на болевые точки организма человека. Хронические гастриты, язвенная болезнь желудка, хронические гепатиты и холециститы – все эти и подобные им заболевания медленно, но верно поддаются лечению. Обретают надежду на выздоровление и больные сахарным диабетом, глаукомой, псориазом...

Я рассказываю сейчас об этом, а сам словно вижу гуляющих по вечерним аллеям отдыхающих. После начатого курса лечения в них не просто уже узнать тех унылых людей, только что еще прибывших на курорт. Они стали другими, и почти не отличаются от тех, кто приехал сюда просто позагорать и просто покупаться. Иными словами – отдохнуть, причем не только на берегу зеленоглазого озера, принимая солнечные ванны, но и с пивком под шашлычок. А что? Туристы – они и есть туристы, хоть с Новгорода, хоть даже вот и с самой Дудинки, что прошли сейчас мимо меня, обмахивая себя веточкой вяза и любуясь закатом над свинцово темнеющим перед жаркой и звездной июль-

ской ночью зеркалом засыпающего озера. А я – я вот думаю совсем даже о другом: о том, что с удовольствием полюбовался бы – и еще как полюбовался! – в той же Дудинке переливающимся в зеркально-цветном колыхании царственным северным сиянием!

Голубые глаза Беле...

... Однажды, вылетая из Абакана в Адлер, к Черному морю, я был поражен красотой, открывшейся передо мной в иллюминаторе. «ТУ – 154», набрав уже изрядную высоту, все еще, казалось, шел на подъем. И вдруг в овальное окошечко я увидел голубоглазое озеро. Его два огромных блюда сверкнули на солнце, нежно переливаясь дымчатой голубизной. «Надо же! – тихо восхитился я. – Озеро – и такое восхитительно голубоглазое!» Это было оно, Беле, сразу узнаваемое и с такой вот пятикилометровой большой высоты.

Беле... Оно находится к северу от озера Шира. Это, сейчас только узнал, – самое большое озеро во всей Хакасии. И самое красивое! Вода этого удивительного озера по своему составу очень близка морской. В более пресной части Беле водится аборигенный вид окуня, который не встретишь ни в одном другом месте мира. В 1976 году сотрудники Хакасского рыбозавода, я знаю это, запустили в озеро малька кеты. Эта рыба хорошо акклиматизировалась. А несколько лет спустя «прописку» в озере получила и нежная форель.

Беле, да, состоит именно из двух половин, соединенных между собой узким проливом. Площадь озера – 75 квадратных километров, протяженность береговой линии – 66 километров, максимальная глубина – до 50 метров! Это наш местный Байкал – и так ведь можно сказать. Среди местных жителей бытует легенда, в которой рассказывается о том, что хозяин озера сердится, когда в нем начинают ловить рыбу... Ведь она – не какая-нибудь, – аборигенная, однако! Причиной возникновения этой легенды могли стать большие водовороты, которые действительно возникают время от времени на озере. Вот ведь что!..

Единственная речка, впадающая в Беле, – это Туимка. Берега озера и часть его акватории (это я вычитал уже после) являются участком заповедника «Хакасский». Озеро расположено – и это тоже здорово! – на миграционном пути перелетных птиц, поэтому на его берегах находят временное прибежище и богатую кормовую, извините за казенное слово, – базу более 130 видов птиц! Это (зажмурьте глаза!) бело-

снежные лебеди, несколько видов крупных белых гусей, а также уток, горбоносых турпанов, куликов... Залетают сюда и белые цапли, и что совсем уж невозможно представить – даже розовые фламинго!.. Доведется ли когда-нибудь увидеть их, а?

Да, озеро состоит из двух родственных своих половинок! А на перешейке, что между двумя половинами озера, находятся остатки крепости тагаро – таштыкского времени. На ее южном крепостном склоне найдено пять писаниц, датируемых от II века до н. э. до Средневековья. С нее, прибрежной горы Чалпан, открывается всеохватывающая панорама степного простора, самих озер Беле и Чалпан, редких, но красивых лесных массивов. У подножия горы по всей округе, между прочим, много древних памятников, захоронений. Об этом вкратце сказано, например, в издании «Сокровища культуры Хакасии», которую я сейчас держу в руках. Да что сказано: я сам лет семь назад прогуливался по тем загадочным древним местам!

У меня есть свои воспоминания о Беле! В свое время отец, бывая (в шестидесятые годы XX века) здесь на озерной охоте, непременно привозил домой крупных и тугих белокрылых гусей, весело и гордо держа в руках связку из трех диких и красивых птиц. А там, на этой горе Чалпан, он с друзьями-охотниками выливал из нор огненно-рыжих лисиц с повадками, как он говорил, степных волков... Сейчас просто невозможно представить, что когда-то на Беле можно было охотиться! И дело не только в том (хотя и в этом, разумеется), что теперь здесь охраняемая и оберегаемая территория заповедника «Хакасский». Беле в наши дни – это еще и одна из ярких визитных карточек нашей Хакасии, куда стремятся вездесущие туристы не только из всей Восточной Сибири!

Когда я работал в областной газете «Советская Хакасия», ставшей потом республиканской «Хакасия», то вместе с редакционным водителем мы пару раз ездили на Беле – туда, где сейчас находится курортно-оздоровительная зона, в так называемое форельное хозяйство, и привозили оттуда два-три целлофановых мешка вкуснейшей, после прямой засолки, и нежнейшей форели. Однажды (был уже поздний вечер), водитель спутал дорогу, и мы часа полтора плутали с включенными автомобильными фарами по берегам двух этих огромных голубых озерных глаз. То-то мы тогда на своем горьком примере поняли, каково оно, это полустепное озеро Беле! И то: теперь-то я, конечно, осведомлен из краеведческой литературы, что протяженность береговой линии этого озера ни много, ни мало, – целых шестьдесят ки-

лометров! Здесь, помимо прибрежных дорог и редких заболоченных мест, очень много песчаных и песчано-гравийных пляжей и вообще удобных во многих отношениях мест для купания. Может, мне часто не везло, но все-таки один раз с семьей я накупался в озере и назагорался на его берегу вдосталь; в другие же приезды как-то все было неуютно на Беле: дул и дул прохладный ветер, поднимая волны, а те, в свою очередь, поднимали со дна мутную, каштанового цвета, донную муть, и тогда до голубой линии воды с белыми барашками волн приходилось плыть далековато от берега... Но Беле – оно стоило и стоит этого!

У самого большого, целебного и красивого озера Хакасии есть своя легенда. Как же ей, действительно, не быть-то? Это только безымянные озера не имеют своей родословной, пусть и сказочно-легендарной. А Беле – оно же озеро царственное! Так вот... В далекие времена там, где сейчас раскинулась водная гладь Беле, рос дремучий лес. И скрывалась в том лесу огромная птица, крылья которой были настолько сильны, что, задевая деревья, выворачивали их с корнем, а при полете от нее во все стороны лились горячие лучи. Все, кого они касались, падали замертво...

Один лишь могучий богатырь согласился помочь людям и избавить их от Огненной птицы. Три дня и три ночи мастерил себе отважный воин из тысячи лиственниц крепкий лук и острые стрелы, и отправился черной ночью, чтобы птица его не увидела, на охоту свою удачу пытаться.

Вскоре услышали испуганные люди страшный грохот – то сошлись в схватке могучий богатырь и огромная птица! Убил он-таки птицу, но и сам погиб... Упали оба они на землю – все кругом затряслось, а от той страшной птицы такой огонь начался, что не только земле – небу стало жарко! И вот, когда леса и земля полыхнули белым жаром, то стало вокруг так магнетически светло, что народ вскричал: » Бело! Бело! Бело!»

Много дней бушевал огненный ураган и выжег подчистую все живое. Люди бежали оттуда, и все просили у Богов прекратить пожар. Смиловались Боги и послали на землю голубые ливни, потушившие огонь... А в том месте, где упали богатырь и птица, образовались два огромных красивых озера. Возлюбленная богатыря пришла на берег, где погиб ее верный друг, и горько заплакала... От ее слез одно озеро, где погиб богатырь, и стало соленым...

Вот такая она, у озера Беле, драматическая и красивая легенда. Ну,

легенда-легендой, а вода в озере по солевому составу действительно близка к черноморской, и поэтому здесь смогли люди в свое время – в конце XX века – акклиматизировать ценную кету и форель, за которой мы когда-то и ездили на редакционном «Москвиче-412»...

Кстати, еще о названии. Беле... Это непонятное для русских название озера обозначалось по-разному: то Бильо, то Биле, то Беле... Что же, действительно, если не брать во внимание трагическую и одновременно красивую легенду, означает название озера? В одной из брошюр я вычитал, что в топонимическом словаре ученого В.Я. Бутанаева приводится такое объяснение. Дело в том, что рядом с озером – да, находится гора Чалпан. В старину у нее было совсем другое название – Пило таг, т. е. Оселковая гора. Оселком, в свою очередь, называется мелкозернистый абразивный камень, который используется для доводки режущих инструментов после заточки. Такое название дали горе потому, что здесь издавна добывали камень (вспомним и плиты крепости!), используемый и в качестве оселков. Гора Пило, по Бутанаеву, и дала название озеру. Со временем хакасское слово «пило» в произношении русских людей стало звучать как «беле». Что ж, может быть вполне и так. Но мне как-то ближе более поэтическое, чем бытовое происхождение названия этого прекрасного царственного озера.

Как бы там ни было, а рыба в озере плавает (я имею в виду окня), все-таки аборигенная, то есть эксклюзивная в своем роде, а значит, почти что сказочная! Но рыба, тем не менее, – это вовсе не главное, по крайней мере, в новейшей истории озера! Как и в других соленых озерах Хакасии, в Беле есть и лечебные грязи. Благодаря ее целебным свойствам, уже после одного даже дня отдыха на Беле у вас исчезнут мелкие ранки и царапины, пройдут головные боли, «съедятся» и мозоли на пятках...

На днях, гуляя по Абакану, в сквере на улице Ленина купил альманах «Хакасия: культура, отдых, туризм». На его гляцевых страницах встретились и справочные строчки о Беле. Собственно (и в этом убеждать никого не надо), Беле сейчас – одно из самых посещаемых озер Хакасии. Его площадь – восемьдесят квадратных километров, т. е. почти в четыре раза больше, чем водная гладь соседнего пресного озера Иткуль! Как мне в иллюминатор самолета было не увидеть такие огромные голубые глаза Беле! Они занимали – занимали целиком, все округлое окошко, и даже нет, никак все равно не вмещались в его овальные контуры!

Глубина у озера, несмотря на прекрасные пологие пляжи, достигает

десятки-таки метров, помните? Десятки! Много, видать, слез пролила возлюбленная богатыря, оплакивая его кончину в схватке с огненной птицей! Горько-соленая вода настолько минерализирована слезами той легендарной красавицы, что этот естественный водоем Хакасии, являющийся ее голубой гордостью, является еще и самым большим минеральным водоемом, причем во всей Восточной Сибири! То-то здесь, среди палаточного города, завсегда можно встретить отдыхающих из Красноярска и Кемерово, Иркутска и Новосибирска, Кызыла и даже Норильска... Одно переживание: сохранить бы, при таком-то наплыве загорающих туристов, в чистоте и первозданном виде экологическое равновесие прибрежной полосы и голубую ауру самого уникального озера. Сказочная легенда должна остаться не только в народных преданиях!

Беле (повезло ему и в этом, или повезло нам?!), расположено в красивойейшей межгорной долине, где невысокие увалы соседствуют с ассиметричными возвышенностями (сопками). Они, кстати, похожи, как правильно пишет один из авторов альманаха, на давным-давно потухшие вулканы, создавая при этом своеобразный пейзаж, напоминающий Сицилию или африканские там ландшафты. Не знаю – не знаю: просто в Африке или на Сицилии я не бывал, хотя на нескольких схожих южно-турецких озерах – да, был, где тоже, между прочим, как и мы, турки разводят ценные породы рыб. Остается поверить на слово автору...

Ну, а растительность в окрестностях озера – она действительно скудная: кроме синих пикуль и белесого ковыля, да июньских лазоревых цветов здесь мало что еще встретишь из ландшафтных прелестей... И потому пологие склоны холмов, где растут тонкоствольные красавицы-березы, здесь радуют всех особенно: в этих тенистых рощах любят бывать отдыхающие.

Озеро представляет интерес не только для любителей пляжного отдыха. Знатокам (или поклонникам) древностей интересно будет побывать у бывшей, поросшей быльем, Средневековой крепости, увидеть своими глазами, поднявшись на гору Чалпан (где мой отец выливал из нор степных лисиц), – увидеть петроглифы, которым сотни и сотни лет. А на южном склоне упомянутой уже древней горы находится доисторическая писаница. По данным археологических исследований, здешним наскальным изображениям более 4 000 лет! На горе, несмотря на толщу вселенских лет, находятся еще останки крепости, возведенной в период феодальных завоеваний. Стены ее сооружены были из мас-

сивных и прекрасно сохранившихся плит песчаника, положенных (вообще только как и кем?) плашмя друг на друга. Глядя на это сооружение, невольно подумаешь – в который уже раз! – о загадке возведенных Египетских пирамид – да что! – того же Салбыкского кургана.

Да и само озеро Беле – оно ведь, между прочим, до сих пор остается полностью не изученным. Его тектоническое происхождение (получается, забудем опять на время о красивой легенде?!) дает повод предполагать о сложном подводном строении чуть ли не волшебного все-таки озера... В нем, как в прекрасной женщине, таится какая-то неразгаданная загадка!

В свое время мне, как и другим участникам этно-археологической экскурсии по Хакасии, рассказывал об этом доктор исторических наук И.Л. Кызласов, время от времени приезжающий на свою хакаскую родину из Москвы. Сюда, к слову сказать, все хотел снарядить двухдневную экспедицию и краевед-просветитель Ю.Н. Забелин, не раз делившийся со мной своим замыслом, да не суждено было этому сбыться, увы... Каждому из нас отмерено свое время!

... Что сегодня представляет из себя слегка оцивилизованный берег обживаемого Беле? Туристические палаточные лагеря разбиваются тут каждое лето. В одно из них мы с женой отдыхали в таком лагере. Да, все тут для этого есть: вагончики и палатки, дрова для костра и мангалы, кафе и «гагазинчики». И вечером – а точнее будет сказать, и ночью, здесь не скучно – правда, если вы не хотите спать. Музыка танцплощадок не умолкает до самого убойного утра. А если еще проходит на сценах тут какой-нибудь очередной фестиваль, то пиши – пропало: поспать уж точно ну никак не получится! Это здорово, хотя, сами понимаете, не всем. Мне, например, от такой «вальпургиевой» музыкальной ночи оставалась одна головная боль, а утром, тем не менее, надо было садиться за руль, чтобы ко времени вернуться в Абакан – к привычной обстановке и делам. Ну да Беле – курортная почти зона. И ничего, брат, тут с нами, русскими, не поделаешь!

Да, да!.. Желających поправить свое здоровье и насладиться прохладной соленой, практически морской водой на берегах Беле с каждым годом становится все больше и больше. Повышается, правда, и качество (и ассортимент) оказываемых услуг. Все чаще можно встретить здесь людей, на глазах у всего пляжа горделиво занимающихся серфингом, полетами на мотодельтоплане – как в той же, к примеру, Анталии, на берегу Средиземного моря, где тоже доводилось наблюдать мне это красивое и восхитительное зрелище. Правда, стоит высказать

одно-единственное сожаление насчет того, что не все «водные спортсмены» – увы и ах! – заботятся порой о безопасности своего активного пребывания на голубоглазой воде, из – за чего иногда подвергают опасности здоровье, а то и саму жизнь некоторых (без мотора) беззаботно отдыхающих, зачастую семьями, с детьми, приезжих людей...

В 2012 году мне не удалось съездить на Беле. Но как сейчас я вижу его синий-пресиний водный простор с легким завитком белоснежных волн, слышу утреннее порханье расчерчивающих небо бакланов, чаек...

Беле – оно манит и манит к себе! Значит, встреча, и не одна, еще будет с тобой впереди, легендарное Беле, будет дорогая встреча с твоими бездонными голубыми глазами, смотрящими, со сверкающей искоркой в зрачках, – на тебя, выжидательно замершего, остановившись перед броском в прохладные, но все-таки ласковые доисторические волны...

Иткуля блеск алмазный...

... Мне восемь лет. Я одет в белую панаму, вельветовую, с застежкой-молнией, курточку, такие же, черного цвета, штанишонки и резиновые сапожки. Отец с другом-охотником (и рыбаком!) вытаскивают из голубой люльки «Иж-56» удочки, сумки, малоизвестные мне спиннинги. Я уже понимаю, что к чему, но рыбачить мне, знаю, не дадут: я просто еще не умею ловить рыбу на удочку: тем более – окуней. Губенки мои, чувствую, сжимаются от досадной обиды на возраст – тогда, когда я с легкой завистью смотрю на крепкие руки отца и вижу, как умело он готовит снасти к рыбалке... Ладно! Хоть с собой на рыбалку взял, и то хорошо. Посмотрю, какую рыбу они будут ловить с другом. Смотришь, окуня в бидон дадут сбросить, банку червей поднести там... И я успокаиваюсь тем, что приехал же вот все-таки на рыбалку, взяли меня, и буду прямо на берегу рядом с отцом и дядей Мишей, который хитровато и весело – видно, загодя радуясь чему-то, время от времени молодцевато поглядывает на меня. А ну их!.. И я отворачиваюсь, надувшись.

Здесь все – не как у нас в Сону. Там – горы, лес, черемша и покос, цветущая черемуха за околлицей, а тут – голые холмы с камнем и яркое всходящее солнце. Я так замерз этим ранним темным утром, пока мы ехали сюда, что улыбаюсь теперь солнышку, но так, чтобы это не заметили взрослые. А то подсмеиваться начнут еще! И я, разминая ноги, бегом спешу к воде. У-уу! Какое огромное озеро-то! Дальний берег,

что правее, – почему-то серо-синий, хотя там растет зеленый лесок. А слева и справа от меня – огромная-преогромная вода, и ой какая глубокая! Но чистая-то!

Я уже стою на краю берега, прямо у воды. Мой взгляд невольно упирается туда, где метрах в пяти – семи от берега должно шевелиться гранитно-песчаное дно. И вдруг глаза мои сами собой расширяются: о-ку-ни! Сколько много окуней! Они целыми стаями, спокойно шевеля своими красивыми, скрасна, плавниками, никуда не торопятся уплыть. Все на виду, как в аквариуме, что у моего друга Вовки стоит на окне в спальне. Сколько их? – десять, двадцать, пятьдесят? Мно-о-го!.. Они, эти живехонькие рыбы, замерли, словно находятся в слюде. «Закидывай удочку, вон сколько их! Сразу, небось, клюнут!» – обомлев от увиденного, с восторгом думаю я. Вот это да! Я с отцом уже ездил на озеро Теплое, что под Сорском, и на Дикое ездил – за карасями, окунями, пескарями там... Но чтобы сквозь воду видеть живую рыбу, и так много... Нет, такого никогда еще не было! Так вот, наверное, почему так дядя Миша веселится себе! И папка какой-то загадочно-молчаливый и тоже улыбчивый...

Какая чистая, как из колодца прямо нашего, вода, едва успеваю подумать я и тут же отбегаю в сторонку: отец с дядей Мишей, о чем-то весело переговариваясь, словно не замечая меня, тоже бодро спускаются к берегу.

... Так я впервые увидел и таким запомнил в детстве озеро Иткуль. Я потом не интересовался, вплоть до юности, где оно находится, и потому ничего не знал о его расположении. Но вот эта картинка с того утра – она навсегда осталась в моей памяти: зеркально чистая вода и шевелящие в ней плавниками стаи гордых невозмутимых окуней...

Теперь я знаю, что существует легенда о богатыре Ита, который здесь, на озере, победил когда-то Духа Воды. В честь богатыря люди и прозвали его именем – Ита-куль – большое и красивое озеро, что находится, и это уже не легенда, прямо за горой поселка Жемчужный Ширинского района. Пресная, вблизи мягко-серебристая, издали – синяя вода Иткуля может претендовать на сравнение с Байкалом, пусть и гораздо миниатюрнее по размеру – как если бы рассматривать его в перевернутый бинокль. Но это же сравнение-то с Байкалом!

Богатырь-озеро, если смотреть на него с берега, – внушает невольное обожание. Чувствуется и его размах, и его глубинная мощь. И то: Иткуль имеет площадь целых двадцать два квадратных километра, а глубину – потягается местами и с Каспием: до шестнадцати метров! На

три – пять метров нырнешь вглубь – и то кажется лихо, а тут... Это вам не в Ташебе искупаться или там на Ханкуле.

Иткуль, как и Беле, которое по глубине я называю местным Байкалом, тоже называют тем же – правда, маленьким Байкалом, только имея ввиду уже не глубину Беле, а прозрачные и чистые воды самого Иткуля. Между прочим, если на время забыть о легенде, то в переводе с хакасского это название означает не что иное, как Собачье озеро... Вот уж никак не приму я этого истолкования! Самое чистое озеро Хакасии – и собачье?! Полноте! Кстати, почему его так называли, никто уже и не помнит... Но, оказывается, есть у озера и другое название – Илигколь, то есть «Озеро пятидесяти». По легенде (опять же, по легенде!) хозяин озера забрал к себе пятьдесят прекрасных девушек из свадебного кортежа, когда те, раздевшись, решили искупаться в озере. Что ж, вполне замечательная легенда!

Можно порадоваться тому, что большая часть и этого легендарного водоема, как и прилегающая к нему территория, – законные владения заповедника «Хакасский». На берегу озера создан опорный пункт и визит-центр заповедника. Рядом с ним расположен участок береговой полосы, отведенный под пляжную зону. Я представляю, что могло бы стать с Иткулем, если бы к нему в свое время не был запрещен подъезд на автомобилях и мотоциклах. Я помню из того своего розового детства, что вода в озере, несмотря на конец июля, была недружелюбно холодной. Но не только поэтому не рекомендуется (раньше и теперь) на богатырь – озере купаться. Дело в том, что оно является еще и питьевым источником для курорта «Озеро Шира». Вот почему, благодаря принятым охранным мерам, вода в Иткуле остается хрустально-прозрачной, и в ней, как когда-то я и видел, все так же много рыбы и питательных для нее зеленых водорослей.

А идея использовать воду Иткуля для водоснабжения курорта «Озеро Шира» возникла еще до революции, когда ее доставляли туда в бочках. Впервые, еще в 1902 году, санитарная комиссия курорта указывала на желательность устройства водопровода из Иткуля самотеком, хотя бы по деревянным (лиственничным) трубам в курорт Шира». И первый водопровод провели от Иткуля до Ширы уже в 1913 году. Правда, он, понятно, действовал лишь в летнее время. Современная нитка этого водопровода, как сказано в брошюре «Живая вода Ширы», была проложена в 1968 году...

Дела сугубо хозяйские, связанные с озером, – они ведь заключаются не только в прокладке водопровода! Гораздо раньше 1968 года, при-

чем на целых одиннадцать лет, в Иткуль был запущен судак, а спустя десять лет – еще и пелядь. И та, и другая рыба хорошо прижились здесь!

Сейчас вот пишу об этом, а сам думаю: а не повторить ли мне ту рыбалку из детства? Отец, мой родной отец, уже умер, а еще раньше его – и дядя Миша, что хитро и весело когда-то улыбался мне... Он тоже ушел из этого мира, где есть озеро Иткуль... Интересно, много ли я поймал бы, приехав сюда на зорьке, как тогда, в любопытном и впечатлительном детстве? Ведь сейчас здесь, на Иткуле, как я слышан, насчитывают уже семнадцать видов рыб! Поймаешь разведенных пришельцев ты или нет, но вот улову окуня – в нем будь уверен, ему и рад всегда будешь, как и любой другой рыбак, приехавший на берега Иткуля позакидывать удочку или поблеснить. Это озеро, как было, так и остается, слава Богу, окуневым прежде всего. И эта, к слову сказать, его похвальная «консервативность» вызывает – не может не вызывать во мне! – чувство надежности, неизменности того, с чем впервые встретился я на берегах этого гордого озера в таком далеком уже и неповторимом детстве.

Да! будучи студентом Абаканского пединститута и работая в стройотряде «Данко» (в поселке Шира мы строили районную больницу), я один раз взял, да и уехал себе на мотоцикле с новым моим другом (из местных) на Иткуль. Так тянуло, так тянуло меня вновь увидеть то, уже где-то забытое озеро из моего детства! И даже будучи бригадиром, я бросил ведь свои обязанности на три-четыре часа, и был таков!

... Долго стоял я на взгорке перед развернувшимся передо мной богатень – озером. Мать моя! Слезы (от ветерка ли, или от нахлынувших чувств), непрошенные эти слезы мои, чуть не выступили у меня из глаз!.. Да выступили, выступили, хотя я не подал и виду Василию, что привез меня на свидание с моим дорогим Иткулем. А потом... потом, успокоившись, я несколько удивился тому, что спуск к воде тут был обрывистым, неудобным для рыбалки, да и достаточно высоким... А по моим понятиям, я находился ведь сейчас почти там, куда подъехали тогда мы с отцом и дядей Мишей на мотоцикле... Значит, не сюда подъезжали, не здесь были? Хм-э... А, может, мы были чуть, наверное, правее на этом южном, значит, берегу, иначе где тот красивый, омываемый ленивыми волнами, гравий и белый песок? Где-е?

Я, раздумывая, невольно поднял голову: какое высокое небо-то над богатень – озером! И скромные по объему не то холмы, не то горы – они лишь подчеркивают это властно светящееся, в пышных белых

облаках, зависших над всем водным пространством Иткуля, – властно светящееся небо. Ага! Вон кружит, медленно снижаясь круг за кругом, орел-могильник. Я узнал его, потому что в студенческой библиотеке главного корпуса института читал перед этим о животных и птицах, что водятся в этих краях, и занесенных уже в Красную книгу. Но вот сапсана и журавля-красавку – их увидеть не привелось. Я, вспоминая цветные фото в книге, лишь домысливал присутствие этих редких птиц над богатырь-озером. Они, конечно, обитают здесь, только на глаза вот не попались. Ведь орел-могильник – вот он, царствует себе тут в небе над нами и всем озером!

Я, уже мысленно прощаясь со своими детскими воспоминаниями об Иткуле и тем, что увидел сейчас, устремил свой взгляд на гористый, покрытый лесом, юго-западный берег озера...

– Захочешь порыбачить – вот и приедешь ко мне, – донесся до меня голос спокойного Василия. – А что, ты ведь после стройотряда в Сону у бабушки отдыхать будешь, я так понял?

– Да-а, – протянул я, не отрывая взгляда от просторов могучего в своем спокойствии и такого глубокого, степного, по сути, озера. Где-то там, среди донных каменных глыб, видно, до сих пор теснится, не могущий вырваться на свободу, Дух Воды. Наверное, так. Иначе Иткуль не назывался бы сейчас Иткулем, а как-нибудь иначе. Ита – богатырь все так же, значит, пребывает в силе.

– Вон, смотри туда, – вновь прервал мои короткие, как минутка, молчаливые не то размышления, не то воспоминания, Василий, все не выпуская из рук свой мотоциклетный шлем. – Так вот... если приедешь, рыбачить будем вон там, где, видишь, заболоченные берега чуть. Ну, там речка-другая – они там впадают в озеро. Вот там рыбу и будем ловить-тягать. Окунь – он клюет у нас тут здоровенски!..

Иткуль... Сейчас осень, и на твоих берегах затишье, которое ты даешь летом всем, кто приходит к тебе с рюкзаком за спиной, кто устал от городской суеты. Я представляю сейчас твои серые, с теплой желтизной, где лес на холмах, береговые пространства, потемневшую суровую воду, и на меня словно нисходит от этой внутренней сосредоточенной созерцательности, состояние какого-то посланного свыше покоя и... вдохновения.

Наверное, я просто рад и спокоен за то, что берега твои, свет-озеро, и прозрачные волны, в день солнечный напоминающие блеск алмаза, теперь заповедны, и чуждый твоему здоровью человек никогда уже не нарушит этой твоей затаившейся красоты.

Лунная ночь над Тусом

... Кто-то движущейся точкой среди ковылей бежал в полночь под лунной и кричал, размахивая платочком: «Ах, зачем эта ночь...» А за этой движущейся точкой, за волнистыми ковылями слышались шлепотки соленых волн. Я, тоже бродя с прутиком под зеленой луной, овладевшей теплой темной степью, улыбнулся про себя чьему-то счастью.

Такое высокое ночное небо! А то, что оно высокое, понятно было по маленьким звездочкам, хранящим, казалось мне, ночной покой степного приволья. Где-то раздался, отдаленный расстоянием, едва слышный женский беззаботный хохоток. Где-то из транзистора доносилась по степи музыка. А я шел к соленому озеру. Оно лежало там, за ковыльным пригорочком, где уютно виднелась в лунном свете беседка. Узкая травяная тропиночка вела мимо.

Вот это да! Влажный берег, черная в темноте шепчется вода. А там, за перевернутыми вверх дном лодками – белая под луной полоса... снега. Ну как в октябре! Но теплынь! И комары. Пока не зачерпнул рукой соленую роскошную пену – не поверил, что она – не снег. Присел на сухой киль лодки и понял название лесковской повести «Очарованный странник». И тоже захотелось, как кому-то, куда-то бежать, что-то радостное выкрикивать!

Тус... Что я знаю о нем? Раньше, века два назад, его звали Минусинским – наверное, потому, что купцы из-за реки Абакан – они варили здесь озерную соль. Пожалуй, чаще всего, когда ее мало вываривалось на близлежащем с Минусинском озере Тагарском. Я не раз бывал на Тусе и сам нащупывал пальцами ног, да и всей ступней, пластики соли под донной грязью. Ну и ну-у! Впрочем, что удивляться? Это, в принципе, и является отличительной особенностью озера. Да само название – оно говорит за себя! Ведь слово «тус» в переводе с тюркского как раз и означает «соль». Не удивительно поэтому, что от тех же красноярцев я слышал однажды, как они называли Тус Мертвым морем Хакасии. И то сказать: по своему составу вода в озере приближена к воде знаменитого Мертвого моря. Вот вам и какой-то якобы там Тус!..

Смотрю по-над водой вдаль... На противоположной стороне Соленого озера – слегка размытые, почти без очертаний, горы. Сам я там не был, но слышал, что именно на том, северном берегу, – там вообще встречались целые пласты донной соли! Впрочем, почему бы и нет? Ну да что сейчас об этом... Вокруг такая ночь! Поздним вечером, вспоминая, когда усилился зуд комаров, луна взошла из-за гор багрово-

красная. Выше, к звездам мерцающим всплыла – побледнела. А сейчас вот, когда за полночь – зеленая... На том, противоположном берегу, горит шесть или семь безмолвных от водяного волнистого простора костров.

И вдруг, как неожиданная радость, – на том, далеком берегу, раздался аккордеон! По-моему, звуков аккордеона под этими высокими звездами, среди теплой степи и тихо плещущих волн, не хватало, чтобы в душе установилось «курортное» настроение. Почему-то только сейчас подумалось о том, как прекрасна все-таки жизнь, как роскошна цикадная июльская ночь! И захотелось читать стихи – никому, а прямо ночным звездам, этому легкому ветерку, который отгоняет комаров. И в который раз я вспомнил бегущую «точку».

«Это, такое уникальное в своем роде озеро, – оно совсем ведь рядом с Шира! – почему-то радостно подумалось. – Всего каких-то тридцать с небольшим километров ехали...» Я, к тому же, как-то прочитал, что площадь Туса – она составляет примерно полтора квадратных километра (не так уж много, однако). А глубина – ну, самая наибольшая, – четыре с половиной метра! Это уже кое-что... Дно почти везде – песчаное. Озерная вода – еще та, как говорится. Она с высокой минерализацией. Помню, указывались даже какие-то внушительные цифры. Но мне почему-то больше всего запомнилось то, что длина береговой линии Туса – восемь километров. И не так вроде много, но оббежать озеро почему-то никогда не хотелось: слишком зигзагообразный и кочковатый, в пикулях, а где и заболоченный неровный берег-то. Смотреть – оно как-то лучше!

... Ночь всесильна, ночь тиха. Но, казалось, никто не спал на Тусе в эту полную луну. Очарованные ее влиянием, проглядывали редкие парочки на длинном берегу у плещущихся волн. Где-то раздалась и смолкла музыка – видимо, из окна коттеджа, темневшего на взгорке. Ночной Тус жил! Двое мальчишек, оба в панамках и цветных трусиках, считали, перебивая друг друга, то и дело сбиваясь и отмахиваясь от комаров, звезды на высоком небе...

Да, озеро Тус – это особенный, замечательный отдых для всех: пап и мам, дедушек и бабушек, детей и внуков... Им, детям, тут ой как легко научиться плавать! Соленая вода словно на вытянутых бережных ладонях держит твое ставшее вдруг легким загорелое на полуденном солнце тело...

Возвращаясь от озера, я набрел на костер. В костре пылали ящики пунцово-синим пламенем. Рядом, в отблеске огня, то вырастали на

глазах, то уменьшались в размере три бледно-голубые лодки. Прямо под небом, звездами, луной, в широкой бескрайней степи стоял вкопанный в землю, среди цветов, столик, а вокруг сидели взрослые и дети. Они слушали костер, слушали ночь. Это был для них прощальный костер! Завтра все эти семьи разъезжались по домам. Как же им не хотелось уезжать от ночного Туса и бесконечной лунной ночи!

Что сказать? Десятилетиями озеро было словно позабытым людьми. К его берегам приезжали лишь местные жители – из Соленоозерного, Шира, иногда – Копьево... Тогда людям, занятым огородами и сенокосом, некогда было купаться, а тем более ехать за десяток-другой километров к какому-то соленому озеру, чтобы пробкой покачаться на горько-соленоватых волнах. Да и купаться было все равно где: на пресном озере или соленом. Подумаешь!.. Сперва, к тому же, допекали трудодни, потом – социалистическое соревнование, такие же обязательства... О здоровье ли было думать, а тем более – об отдыхе?!

Но к концу XX века чаще горожане, чем сельчане, прознав пользу солевой минеральной воды, стали помаленьку оккупировать жарким летом берег Туса. Дальше – больше. Появился пляж, катамараны, лодки, чаще можно было видеть на берегу измазанных минеральной грязью пожилых дамочек из числа медиков, преподавателей вузов, а потом и предпринимателей с семьями... Приток туристов увеличился (Абакан, Красноярск, Кемерово, Новосибирск), и сейчас в июле – начале августа сюда приехать и найти место под солнцем – как вытянуть на экзамене счастливый билетик! Москвичи – и те тут греют свои белесые тела...

Свободный отдых на пляже сочетается на Тусе с целебными свойствами донной грязи. Люди прознали, что за здорово живешь здесь можно подлечить остеохондроз, некоторые заболевания опорно-двигательного аппарата, дыхательной, сердечно-сосудистой систем. Оказалось, что лечебная озерная грязь «глушит» и гинекологические, нервные заболевания, выправляет нарушение обмена веществ, снимает кожные проблемы, подходит для профилактики и простудных заболеваний. Сам с семьей не раз использовал эту грязь, пахнущую, как в Сочинской мацесте, сероводородом. Загорали, что называется, до корки! Было время – даже с собой в Абакан привозил илистую эту грязь и обмазывался перед душем на даче...

Что интересно: если мужчины мажутся «до негра», как говорится, про запас, то женщины – они используют эту минерализованную грязь (или голубую глину, которая тоже здесь есть по берегам) в ка-

честве масок для лица, да и всего тела. Это, действительно, помогает выводить шлаки из организма, различные токсины. Наблюдал: следом за женщинами и мужчины, смотришь, начинают мазать себе шею, локти, бедра... Да, вот еще что! Удивительный, я бы сказал, будто просоленный, с запахом ковылей и степных цветов, словно морской воздух Туса благотворно влияет на ваше настроение, вызывает чувство полета, рождает сказочную мечтательность.

Господи, почему мы все не можем найти день-другой, чтобы вот так отдохнуть хоть одну лунную ночь!.. Вдох прервал визг и хохот: кто-то купался... Да... До чего же тут соленая вода! На том берегу, говорят, пласты соли выступают прямо из воды. А вода тут, действительно, – раствор. Идешь, погружаясь по грудь, и вокруг тебя – волокнистые водяные линии. С голубым Шира – никакого сравнения! И держит тебя этот раствор, как пробку вода. Пальцы ног вытянешь из воды, руки поднимешь над волнами к звездам – и ничего, качаешься, как бочонок. Вот чудо-то для детей! Говорят, ученые выявили, что в озерной воде обязательно стоит их купать, особенно если они страдают рахитом, а также испытывают чувство слабости, истощения... Ну да что-то (и слава Богу!) я таких-то детей здесь ни разу и не видел. Может, раньше их привозили на эти берега на телеге там или шли они своим ходом, держа за руку отца или мать? После революции много подобного было!..

Между тем на циферблате – уже час ночи. Но так же доносит ветерок с того берега аккордеон в чьих-то умелых руках, все так же хохочут у костра уезжающие завтра...

Где-то притаился сероватый заяц, которого видели мы, подъезжая вечером закатным, к озеру? И где уже тот человечек, что бежал под лунной среди ковылей и пел: «Ах, зачем эта ночь...»?

Лунная девушка это была, раз с зеленым платочком...

Синие стрекозы Тагарского

Впечатление о лете у меня непременно связано и с Тагарским. Когда плывешь в горьковато-соленой воде и слышишь отдаленный веселый гомон пляжа, то пронзительно остро чувствуешь: вот оно, роскошное лето! В звонко-голубой день с марлевыми облаками от верхового ветра нигде, как над этим удивительным озером, и не видел, кажется, такого высокого-высокого неба.

С этим озером связано у меня воспоминание об одном безрассуд-

ном поступке. Впрочем, его можно списать на юность. После выпускного вечера мы, чтобы напоследок побыть вместе, классом приехали с ночевкой на это солнечное озеро. Купались, купались и решили переплыть его! Какой-то километр или меньше, да по теплой мелкой воде. Подумаешь! Но на середине пути уже поняли: сделали что-то не то. На противоположный берег выскочили синюшные, дрожащие, зуб на зуб не попадал...

Тагарское озеро. Что я, собственно, знаю о нем? А ведь купаюсь каждое лето! Сколько тут народу из Абакана наезжает, Шушенского, Черногорска, даже Норильска! Одни считают озеро целебным, другие (кто сюда не заглядывает) – вонючим болотом. Какова же его история, жизнь?

Ученые утверждают, что здесь можно проследить все периоды жизни человечества, начиная с каменного века. Меня всегда останавливают названия: откуда, какого происхождения? По озеру Тагарскому существует три версии, и все они по-своему убедительны. Вот посудите. Тогыр – то, что лежит поперек пути. Можно предположить, что раньше озеро лежало на пути Урянхайского тракта, проходящего среди отрогов Саянских гор. Тагыр – снежный, то есть снег скапливается в низине, где и тает весной. Третья версия связана с племенем тохаров, которое в начале тагарской культуры пришло из Средней Азии на берега Верхнего Енисея.

Группа томских ученых под руководством профессора М.Г.Курлова в 1926 году отмечала, что, «по сообщению старожилов, глубина озера непостоянна, его можно было переходить раньше вброд». Надо же! А мы в 1972 году с одноклассниками чуть не утонули, переплывая его! Размеры и глубина озера, оказывается, изменяются в зависимости от осадков. Так, в 1828 году его окружность составляла два километра, а в 1876 году оно было таким маленьким, что его можно было, действительно, «переходить вброд». А почти столетие до этого, в 1772 году, немецкий ученый Паллас отмечал: диаметр озера в 400 сажень (1 сажень, напомним, – 4,55 метра). Такие знаменитые ученые бывали на этом озере!

Озеро Тагарское, как и все живое, дышит. В XX столетии отмечены такие данные. В 1910 году зеркальная площадь его составляла 82,37 десятин (1 десятина – 1,9 га). Подъем уровня наблюдался до 1914 года, затем до 1925 года – спад. В 1936 году – снова подъем, вода доходила до дороги Абакан – Кызыл. В войну – спад, после – подъем. Дальше, читая записи ученых в Минусинском краеведческом музее, я улыбнул-

ся: оказывается, в 1972 году, когда мы переплывали Тагарское, озеро имело за всю свою историю наибольшие размеры!

Все ученые труды о Тагарском, в том числе и брошюра доктора Онисимова «Тагарское озеро как минеральный курорт Минусинского уезда», останавливают внимание читателя на том, что здешняя местность – здоровая, с сухим климатом. Уровень над морем – 290 метров. Не горное озеро, но все же. До Енисея тянется семикилометровый сосновый бор (южное побережье). Акация, береза, дикая яблоня, тополь, осина тоже росли и еще растут сейчас кое-где у озера. Слава Богу, сосны пока остались нетронутыми.

В записках ученых от 1926 года сказано, что за лето здесь выдалось 46 солнечных дней и всего двенадцать дождливых. А ветер преобладает юго-западный, в режиме «приятного ветерка». Курортная идиллия! Берега озера были наполнены пресными источниками, а со стороны дороги бил даже теплый ключ. Сейчас он под водой.

Личным и удивительным открытием для меня было то, что на Тагарском, оказывается (приходится часто употреблять это слово), раньше добывалась... соль. С 1874 по 1887 год томский купец Тюфин, занимаясь на берегах озера солеварением, добыл (выработал) 54485 пудов соли. Этим он занимался преимущественно зимой или в недождливое лето. Солеварня была закрыта из-за наводнения. Но к соледобыче на озере прибегали еще раз в 1920 году, когда при нехватке медикаментов пришлось взять здесь два пуда глауберовой соли. Эта добыча, считалось, имела промышленное значение: в горько-соленых водах озера растворены натрий, калий, магний, кальций, алюминий...

Но больше всего меня интересовало, как были открыты целебные свойства Тагарского. И я, роясь с любопытством в брошюрах, ученых записках, книгах начала XX века, имеющихся в Минусинском краеведческом музее, сполна удовлетворил свой интерес. Пионерами, испытывавшими целебные свойства озера, были владелец местного винокуренного завода Данилов и фельдшер Ярошинский – уже чуть позже. Это в 1886 году. А два года спустя, после наводнения, владелец солеварни Корженевский (запомним это имя) построил первые три дома и открыл «курорт». Он, правда, просуществовал недолго, всего два года, и сгорел. Бывает... Но начало курортному делу было положено.

В сборнике «Курорты Западно-Сибирского края», выпущенном в 1930 году, правомерно говорится, что целебные свойства открыты, собственно, не врачами (за исключением Ярошинского и Онисимова). Да и больные почти сорок лет лечились здесь без наблюдения вра-

чей, так называемым романтическим «египетским» (термин, между прочим, и научный) способом лечения: обмазывались грязью, лежали под солнцем, а потом купались.

Так солеварение на озере Тагарском в XX веке помогло людям установить целебные свойства воды и грязи. Ведь они были «открыты» чисто эмпирически, во время солеварения: ревматизм, кожные болезни (экзема, золотуха) излечивались после обтирания грязью, купания. Уже потом «приезжие больные появились на берегах озера. Они жили, а точнее сказать, ютились в соляных амбарах, заводских избах и даже шалашах.

Современные сибирские (и не только) ученые установили, что, помимо минеральной воды, озерная грязь содержит радиоактивные минералы, особенно на северо-западном берегу (современная территория санатория «Озеро Тагарское»). По своему химическому составу она – одна из лучших для лечения в стране, уступает только Тамбуканскому озеру.

Так-то вот. А мы все рвемся в дальние страны...

В 1920 году глубина озера была 3,5 метра, считая 1,3 метра – пласт минеральной грязи. Грязь эта черная или черно-серая, с сильным запахом сероводорода, который неосведомленные люди считают болотным. Напрасно! С 1985 года уровень воды в Тагарском медленно снижается. Озеро в очередной раз, надо думать, «выдыхает»... Вода же, как пишут в ученых книжках, «желтая, с черным матерчатым переливом».

Все, кто хоть раз купался в Тагарском, хорошо знают об этом. Впрочем, как и о том, что здесь много «противных» водорослей, всяких жучков, блошек. Что это за водный мир? Стал листать книжки... В холодном донном иле тоже есть жизнь. Здесь живут диатомовые водоросли, моллюски, саммариус. Растет на иле водяной хвощ, помогающий от ревматизма (вот тебе и «противные» водоросли!), а также нитевидные водоросли, водяная сосенка, пузырчатка, уроть – всего восемь видов.

Удивителен и мир фауны Тагарского: в зависимости от месяца лета в воде обитают, сменяя друг друга, красноватый рачок (водяной клещ), жук-плавунец, известный нам со школы, еще красные циклопы, дафнии.

Пока жив этот подводный мир, живо будет и озеро.

По профессору Шмидту, горько-соленая вода Тагарского произошла от выветривания гипса и соды прибрежных Саянских отрогов, а вкус ее – от глауберовой соли и других минеральных добавок. Примеча-

тельно и обнадеживающе, что вода «имеет тенденцию к повышению концентрации солей». Значит, ее лечебные свойства не ослабевают. И то: два процента ценных солей в воде! Вот почему Татарское занимает видное место среди бальнеологических курортов Сибири. И оно для нас рядом!

В 1908, 1909 и 1914 годах на Татарском лечились, считай, «диким» способом 52 человека. В 1910 году земли вокруг озера были сданы в аренду, и озеро стало называться курортом. Открыты были одна – четыре ванны (по разным источникам) В годы перед Первой мировой войной по праздникам и выходным на «курорт» стали ездить врачи из Минусинска для оказания лечебной помощи живущим на озере.

Как курорт в собственном понимании этого слова Тагарское начало действовать в 1920 году. Здесь появились врач, фельдшер, массажист, шесть сестер милосердия. Для больных были открыты ванный корпус, три купальни, аптека. «Больные лежали на солнцепеке после купания, обливались рапой». Грязелечение как таковое появилось только в 1925 году. Интересно читать, что грязь подвозилась на лодке, перекладывалась в вагонетку и уж потом поступала в ванны. Два солярия были открыты на курорте спустя несколько лет. Увы, было здесь и кумысолечение! Увы – потому что о кумысе в Хакасии мы стали забывать где-то с конца семидесятых годов XX века, когда его не стало в продаже в магазинах.

Так кто же лечился в начале века на Татарском? Для интереса я выпи-сал контингент тех больных. Преобладают (64,5 процента) ревматики, потом (14 процентов) идут гинекологические больные. А уж затем, по убывающей, – больные ишиасом, нервами, тифозными параличами, туберкулезом костей, суставов. Не буду утомлять цифрами, но две из них важны. Самый высокий процент успешности лечения ревматиков – 72 – 95, затем идут женские болезни и невриты – 67 процентов...

Еще одно удивительное свойство у вод Тагарского: порок сердца не препятствует лечению грязью и минеральными солями озера. Это достаточно редкое качество воды, замечают ученые Томского университета. В те далекие уже годы авторами научных брошюр читались больным, бывало, лекции, причем не только о целебности озера, но и о... невидимом мире. Было и такое, что над отдельными больными-самовольниками устраивались санитарные суды. Ну, в духе того времени.

Курорт «Озеро Тагарское» развивался, и дело дошло до того, что в 1947 году решено было перевести сюда костно-туберкулезный санаторий из Шира, где не менее ценное озеро. Только решением край-

здравица перевод этот был закрыт: ведь неизвестно, вынесло бы озеро эту нагрузку или нет.

А вот любопытная страничка из истории Тагарского. До 1930 года, оказывается, здесь был и Дом отдыха. Всего на 60 человек, но все же. Аллеи, представьте, посыпались песочком, были установлены даже скульптуры. Был садовник. Это на Тагарском-то! «Отдыхающие лечение не проходили, только развлекались». А развлекались они до того, что «нарушали курс лечения больных». И Дом отдыха был закрыт.

Теперь, когда узнал я многое из истории Тагарского, смотрю на него с уважением. Радостно за отдыхающих здесь, но и горестно сердцу, как, наверное, горестно бывает перед старостью. Неужели жизнь озера Тагарского позади? Нет, запасов воды здесь хватает. Да и минеральной грязи (по данным 1976 года) достаточно: 300 тысяч кубометров. Толща ее залегания на дне – 0,7 – 1,5 метра.

На базе прежнего курорта действует краевая больница «Озеро Тагарское». Здесь 11 врачей, 40 медсестер. Лечатся больные из Тувы, Алтая, Иркутска, Владивостока, Новосибирска... Больницу (или санаторий) курирует Московский научно-исследовательский институт туберкулеза. Замечательно. Это ведь не соляные амбары да шалаши.

Но! К озеру с юга подступают минусинские дачи, карьер. Рядом – корпуса электрокомплекса, пиковая ТЭЦ, приозерная долина распахивается местным хозяйством «Тагарское»... Канализационные бытовые стоки санатория (больницы), профилактория «Сосновый бор», самого поселка на берегу Тагарского поступают прямоком... в природную лечебную ванну, коей является уникальное озеро.

Кто, кто защитит озеро? Я не хочу (да и кто хочет!), чтобы над озером вместо синих стрекоз из сказки когда-нибудь стали летать зловонные мухи...

Субальпийское блюдо для хариусов

Это – Ойское озеро.

Откуда название? Ходит легенда. Первопроходец Усинской тропы вышел на взгорок, неожиданно увидел в горно-таежной низине поблескивающее на солнце блюдо водной глади и воскликнул: «Ой! Озеро!».

Ойское озеро находится на высоте 1600 метров, по другим данным – 1416, 2 метра над уровнем моря. Если ехать от Абакана в Кызыл по новому тракту, озеро увидишь по правую руку, а раньше, вплоть до

конца семидесятых годов XX века, когда еще жила и пульсировала сначала колесная, а потом асфальтовая дорога, Ойское озеро виднелось слева от проезжающих. Но в наши дни старая дорога заброшена, и на берегу озера, в устье Оленьей речки, осталась стоять только крохотная станция метеорологов, которую поглотили еловые, лиственные леса и редкий березовый подлесок.

В «Очерках Урянхайского края» (выпуск XXIV издания Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог за 1910 год) правомерно упомянуто об этом месте: «Кругом теснятся вершины Арадана с залежами снега, слева тропы виден цирк (круг – авт.) и в нем – озерко, ключ из которого образует красивый водопад».

Этот Араданский ключ и есть исток Малой Ои, протяженность которой всего-то четырнадцать километров. Здесь, на северо-западном берегу озера, царствует горно-таежная долина Малой Ои длиной семь-восемь и шириной до двух километров. В мае-июне в роскошной долине ваш взгляд остановят тучные луга, цветущие сплошь темно-голубыми фиалками, солнечными огоньками, водосборами, генцианами и другими дикими, запашистыми и яркими цветами. Склоны гор покрыты кедровником, пихтой, ельником, лиственницей, чуть ниже – густым осинником, зарослями березы и ольхи.

Я несколько раз ездил в Кызыл, и всегда останавливался у Ойского озера. Спускаешься к его холодным травянистым берегам с круглыми булыжниками, уходящими в ледяную воду (летом – до минус 1 градуса!), и по пути встречаешь то заросли вяло-желтой чемерицы, то зелено-листового глянцевого бадана, то будяка... А как-то в июне, когда в долине сине-красно, буйно цвели луга, я нарвал здесь целую охапку сочной, толстой черемши.

Воздух здесь ароматный, прозрачный и немного разряженный. Если дышать полной грудью, – сразу почувствуешь, как слегка закружится голова.

Ойское озеро – одно из украшений современного тракта, который начали строить в 1910 году, да приостановили из-за войны четырнадцатого года. И до начала строительства, как и сейчас, Усинская тропа (а теперь тракт) была самой оживленной среди остальных – Амыльской, Утинской, Гусевской, Кемчикской... (Изучая источники, с интересом наткнулся на своего однофамильца Адриана Полежаева, своим именем назвавшего заимку, располагавшуюся в долине реки Кемчик).

Но пройдем по Усинской тропе. В старые времена она особенно широко была разрублена от Григорьевки (старое название – Желомы)

до «заимки Князева» на Черной речке. По бокам тропы стеной стояли кедр, пихта, ельник, заросли осинника, березы, ольхи. Из тропы эта просека постепенно превращалась в колесную дорогу, особенно под Усинском, и то не больше, чем на двадцать верст. Сто шестьдесят же остальных горно-таежных верст верховые конные или ездоки на телеге проходили, начиная от двух с половиной до четырех суток. «Конным и вьючным движением» можно было воспользоваться только с мая по октябрь. Зимой же горные тропы неоседлым людям приходилось преодолевать только на широких охотничьих лыжах.

Изучая те же «Очерки Урянхайского края», узнал я интересную подробность. На Усинской тропе служил конный почтарь. Зимой ли, летом ли он два раза в месяц преодолевал туда и обратно эту горно-таежную тропу. В снега – на лыжах с мешком за плечами, летом – с вьючным караваном. Жилых приспособленных ночлегов на тропе в то время не было – лишь редкие, хоть и знакомые почтарю, охотничьи заимки. Но и это не все! В июне-сентябре по рекам Ус, Буйба ходили, оказывается, и плоты с балаганами, которыми тоже при случае пользовался почтарь XIX и начала XX веков. Жаль, история не сохранила, сколько я не доискивался, фамилии хоть одного конного ли, пешего или водного почтаря, выступающего всегда в одном лице. Вполне возможно, что в каких-то ведомственных записях эти фамилии все-таки есть.

Конечно, ни почтарь, ни вьючные караваны не могли миновать на своем пути Ойское озеро. Здесь, на Ойском перевале старой дороги, в устье Оленьей речки, они оставались на ночлег или передохнуть, перекусить, дать передых лошадям после изнуряющего тяжелого пути. Сейчас в долине Малой Ои, как и в прежние годы, можно встретить в подлеске рябину и кусты жимолости, среди кашкарника и мха – заросли ольхи, а выше идет голец, где семействами растет бадан, а на субальпийских еланях – стелющиеся кусты можжевельника с ароматно-пряными сизыми шишками, сладкими на вкус.

Мне довелось один лишь раз, не в 1975 ли году, проехать вместе с моим одноклассником, водителем КамАЗа Володией Корытиным, по старой еще Усинской дороге. В районе Оленьей речки остановились. Стоял теплый июльский вечер, горел костер. Мы ждали уху. А до этого я бродил по ближайшим окрестностям Ойского озера и любовался терпко,пряно пахнущим папоротником по грудь, розовым пионом, кудреватými лилиями и, конечно, знакомыми с детства цветами аконита фиолетового. Эти цветы все лето синели на речном болоте у нас в Сону, где я родился, и над их венчиками постоянно жужжали бес-

покойные лохматые пчелы. Здесь, в прохладе, пчел не было, зато как ощутимо жил, какими звуками был наполнен таежный горный воздух! Редкая птица клест-еловик с малиновой грудкой выдавала свое неизменное «кле-кле», кукуша (кукса) тянула, чем-то напоминая кукушку, свою постоянную песню: «куу-ку...». А над головой прыгала и перелетала с дерева на дерево непоседливая кедровка, и где-то стучал в изобилии водящийся здесь трехпалый, а, возможно, и черный дятел – желна...

На противоположной стороне озера поднимались поднебесные склоны Ергаков, таящие за темно-зелеными и дальше синими волнами леса свои острые скалы мощной горной гряды. Уже несколько позже, в «Енисейском энциклопедическом словаре» (1998 г.), я нашел-таки этимологическое объяснение этому загадочному слову «Ергаки»: острые труднодоступные вершины, пики которых достигают двух километров над уровнем моря. В горной же тундре – это каменные столбы, иначе – скалы-останцы, напоминающие растопыренные кверху пальцы. Как раз наш случай. Отсюда и название. С древнетюркского языка Ергаки и переводятся, как Пальцы. А вокруг горной гряды – зелено-синее море Саянской тайги, уводящей взгляд за горизонт.

... Прошлым летом, уже вооруженный некоторыми знаниями об Ойском озере, я снова приехал сюда и, стоя на его берегу, с удовольствием кидал в рот сизые крупные ягоды жимолости, сорванные с куста, росшего среди бурелома чуть ниже дороги. От воды, несмотря на конец яркого июня, наносило прохладным сырым ветерком. Зябко, совсем не думалось о том, чтобы искупаться. Ойская вода, когда спустился к прибрежным булыжникам, заросшим зеленой травой, напомнила мне неприветливую и ледяную воду Байкала. А сейчас здесь, передо мной, десятилетний мальчишка в белой кепке под присмотром отца запускал вверх, ловя попутный ветер, воздушного змея.

Площадь водного зеркала горно-таежного озера – один квадратный километр. Его происхождение, как сходятся ученые в своем мнении, – ледниково-эрозийное, то есть – каровое. Таких озер в Саянской горной тайге – сто. Вода в Ойском озере чистая, светлая, ее минерализация не превышает 300 миллиграммов на литр. Озеро молодое, бедное водорослями и планктонами. Тем не менее оно – место зимовки редкого, глубинного, с черным отливом, хариуса. Когда я это прочитал в «Енисейском энциклопедическом словаре», сразу и назвал для себя Ойское озеро «блюдцем для хариусов»: вот его природное назначение!

Увы, цивилизация добралась еще в прошлом веке и до этих мест. В

конце семидесятых годов, когда заканчивалось здесь строительство нового Кебежского обводного участка вдоль теперь уже правого берега озера, да и спустя еще два-три десятка лет на водной глади, проезжая, вряд ли можно было увидеть лодку рыбака. Этот участок дороги строили, как мне рассказал один из старожилов здешних мест, строители-ремонтники и взрывных дел мастера двух Новосибирских ДРСУ. Они взрывали, расчищая новый путь для тракта, не только горную породу, но и глубинную воду Ойского озера... Оглошенная, рыба всплывала на поверхность, в руки ушлых строителей-ремонтников. Но не вся: часть ее оседала на прибрежное дно, где, так большей частью и не ожив, погибала, портилась. Об этом я узнал тоже у местного рыбака, из Арадана. Здоровый, любящий прозрачно-ледяную, чистую воду хариус ушел, скатился по Малой Ое вниз, и только теперь, спустя тридцать с лишним лет, на берегу красивого «горного блюдца» вновь можно увидеть рыбаков... И в самый жаркий июль здесь прохладно у воды, и мужики одеты в брезентовые куртки, а то и плащи. Я ни разу не рыбачил на этом отдаленном озере, но мечтаю.

Ойское озеро – центр одноименного заказника, площадь которого – 56 гектаров. Какова же, интересно, глубина этого «блюдца для хариусов»? Я спрашивал об этом у бывалых водителей трассы Абакан-Кызыл, местных дорожных ремонтников, рылся, в поисках цифры, в энциклопедиях, словарях, хранящихся в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартынова, в Хакасской республиканской библиотеке – бес-по-лез-но! А как без знания-то загадочной глубины?! Это-то, невидимое, как раз и интересно! И какое же было искреннее мое «исследовательское» счастье, когда я буквально (наконец-то!) отрыл в одной из старых потрепанных географических книг эту долгожданную цифру: двадцать пять метров!

И высокое, и глубокое ты, Ойское озеро: с целым морем Каспийским можешь по глубине поспорить! Да, из Ойского озера, спадая вниз по камням, вытекает кроткая горно-таежная речка Малая Оя – здесь, в районе прохождения Усинского тракта. Большая же Оя, ее старшая сестра, берет начало в одном из распадков хребта центральной части Западного Саяна, и впадает в седой, могучий Енисей, промыв скалы и таежные дебри, изрыв лесные прогалины и выйдя, наконец, на лесостепной простор, преодолев на своем пути целых 254 километра. Путаница в определении начала истока горно-таежной красавицы – Ои как раз и кроется в том, что река образуется из двух рукавов, а не из одного. Но об реке Ое, соединяющей одноименное озеро с Енисеем, – рассказ совсем другой.

6. Древнее, заповедное...

Сулекская писаница

... Когда-то в этих подтаежных, лесисто-гористых местах, где окончательно теряет свои просторные полномочия большая хакасская степь, у реки Печище, под скалистой горой, располагался родовой аал Сулековых. Отсюда и пошло ее название: Сулекская гора. Будущий известный и великий народный сказитель-хайджи Хакасии Петр Васильевич Курбижеков, родился недалеко от этих мест, в аале Итименев Орджоникидзевского района. С установлением Советской власти вскоре, в 1928 году, аал Итименев перенесли на другую, правую сторону Черного Июса, который тогда был полноводным и затруднял итименевцам сообщение с другим миром. Это и послужило причиной переноса аала... Так жители аала оказались вблизи Сулекской горы, то есть на месте нынешнего аала Устинкино.

Петр Васильевич, народный сказитель героических эпосов хакасского народа, был еще и ясновидящим... Напевно, под струны звонкого

чатхана, передающего звуки степи, ветра и гнущегося под ветром ковыля, он, былинно ведя сказ о боевых доблестях легендарных (фольклорных) героев, часами мог слагать и петь уводящие слушателей в древность, будящие их воображение, свои поразительные по силе поэзии нымахи. Источником вдохновения для народного сказителя и ясновидящего были они, родные хакасские горы, в том числе и священная сакральная гора Сулек... На высоте своего поэтического полета, закрыв глаза, он сердцем пронизал время, реальную и ушедшую в прошлое действительность, и в своем виртуальном, как сейчас бы сказали, мире, видел своим внутренним зрением хозяина горы Сулек.

... Об этом мне рассказывала тахпахчи наших дней Альбина Васильевна Курбижекова – да, она, талантливая продолжательница рода Курбижековых. Ее мать, Евдокия Васильевна, была (и остается, конечно, хоть окончила уже свой жизненный путь), – она была младшей родной сестрой Петра Васильевича. Алевтина Васильевна теперь не только собирательница, но и сказительница устного фольклора, недавно издала и свою первую серьезную работу – поэтический сборник тахпахов...

Она-то, наряженная в ярко-атласную, с огненным отливом, национальную женскую одежду, и встретила нас в Дни празднования тюркской письменности и культуры в середине сентября 2012 года. И где бы вы думали? Конечно – там, у горы Сулек, где в свое время общался в своем поэтическом полете с хозяином этой горы ее недавний предок, ясновидящий, сказитель и тахпахчи, Петр Васильевич Курбижеков. Под солнечным и звездным небом, среди степных ковылей и цветущей нынче, как никогда, степной клубники, среди трелей жаворонков и сурового предвечернего полета орлов-могильников, она прожила здесь, работая все лето – прожила в юрте, рядом с которой установлена другая – более обширная и высокая. В ней-то, этой представительной юрте, украшенной ярким оранжевым, зеленым и желтым узорчатым национальным орнаментом, расположилась экспозиция народного сказителя Петра Васильевича Курбижекова. Его художественный портрет, представленный на стенде, установленном при входе – после, как пройдешь деревянные, в два резных столба с повязанными чалама, открытые просторные ворота, гостеприимно встречает вас, глазами словно приглашая пройти внутрь красавицы-юрты.

– Я здесь обитаю, работаю, встречаю и провожаю экскурсии, просто свободных туристов, решивших посетить Сулекскую писаницу, со всей Хакасии – да что! – даже из многих городов Сибири, и не только! –

по - доброму (такая у нее душа) и широко, дружески улыбаясь, встречает писательскую делегацию – ну да проще сказать, своих коллег и друзей, этими первыми словами Альбина Васильевна.

– И с какого же времени ты, Аля, здесь живешь-работаешь, вдали от дома-то? – спрашиваю я, приветствуя ее и при этом фотографируя...

– Этот музей под открытым небом, можешь записать точную дату, начал работать здесь, у Сулекской писаницы, 24 июня 2012 года. С тех пор я почти безвыездно здесь и нахожусь.

А как же, и вправду, иначе? Ведь теперь Альбина Васильевна – директор филиала (вот такой степной филиал!) Копьевского музея-заповедника под открытым небом «Сулекская писаница». Далеко же она находится от Абакана! Не пять ли часов кряду ехали мы сюда на празднование Дней тюркской письменности и культуры, которые «сделал» в свое время уникальным государственным праздником в Республике Хакасия Юрий Николаевич Забелин!..

Я направился туда, на ковыльный взгорок, с которого прекрасно была видна вся Сулекская гора, венчающаяся камнеписной, гранитного цвета, скальной грядой. До нее, прикинул, с дороги где-то метров триста пятьдесят, не более. И подъем не такой уж крутой. Самая старшая из нас, Валентина Евгеньевна Майногашева, кандидат филологических наук, в недавнем прошлом заведующая сектором фольклора ХакНИИЯЛи, его старейшая сотрудница, подумал, - и та наравне с нами, людьми гораздо моложе ее, без труда и сейчас сможет подняться на знакомую ей Сулекскую вершину. Еще бы! Ведь почти пятьдесят лет назад, в 1964 году, в этих краях – а точнее, в аале Устинкино, она работала рука об руку с самим сказителем Петром Васильевичем Курбижековым! И как работала! Записала от руки, часами слушая ныхахи, два героических эпоса: «Алтын-Арыг» и «Ай-Хуучын». Иными словами, подарила фольклорному миру драгоценный подарок, тем самым обессмертив имя и самого народного сказителя, и свое! А ведь была тогда Валентина Евгеньевна совсем молодой женщиной, а не кандидатом наук, как сейчас. Ей бы тогда собой заниматься, а не часами, порой и ночными, прослушивать (и записывать!) словесное пение старого хайджи... Но уже тогда она просто не мыслила себя вне науки, вне фольклора, вне былинной истории своего древнего народа. И хотя теперь она уже давно кандидат филологических наук, а не доктор, как можно было бы ожидать – она больше, чем уверен, заткнет за пояс своей эрудицией, знанием поэтической истории своего народа любого, даже столичного доктора! Между прочим здесь, в кругу ува-

жающих ее коллег и друзей на вопрос, почему она не защитила до сих пор докторскую диссертацию-то (одних, допустим, только записанных ею героических сказаний хватило бы с избытком для этой докторской диссертации!), она, лукаво обведя своим остреньким, знающим себе цену взглядом, нашу творческую группу, весело, даже с вызовом, сказала: «Доктора-а... Хватит нам докторов! Кому-то надо быть и простым рабочим кандидатом!..»

Валентина Евгеньевна – человек, тем не менее, непростой. Да вообще вряд ли есть в мире так называемые простые люди! В писательской организации Хакасии она, я бы сказал, считается не только эрудитом от фольклора, но и совестью многих наших поступков и предложений. И если что происходит не так, не по правде, которая и является совестью, она молчать не будет, причем скажет свое слово так горячо, что после этого над головами собравшихся зависнет оно, нравственное согласие-молчание...

Раз уж я сказал несколько слов о нашей самой старшей из делегации на Сулекскую писаницу, то следует еще добавить, что В.Е. Майногашева – она плоть от плоти и кровь от крови яркое явление Хакасии, ее фольклорной истории. Родилась будущая ученая в Аскизском районе, аале Большие Сыры, где находилось поместье ее бабушки. Это степное поместье, в свою очередь, располагалось у подножья горы Сорах – Тура. Здесь, среди карагача и белесых ковылей, до сих пор видны останки древней крепости под названием, сохранившимся во времени, - «Таптан – тура».

– Что это значит? – само собой заинтересовался я у Валентины Евгеньевны.

– Тура – это значит город, а слово Таптан – оно не имеет в нашем языке перевода... – был короткий ответ.

Дул (сейчас только заметил) по сентябрьски прохладный и настоящий на прибрежных пойменных просторах, подтаежных распадах и степных синеватых далях легкий ветерок...

Между тем делегация, возглавляемая председателем Союза писателей Республики Хакасия Людмилой Костяковой, собравшись, тронулась на сакральную гору, чтобы под комментарии Альбины Васильевны тщательно, с понятным интересом, осмотреть знаменитую на весь научный мир Сулекскую писаницу. Ведь в свое время с ученой дошностью и скрупулезностью описал ее, причем чуть ли не первый в наше время, профессор Московского университета Леонид Романович Кызласов, имя которого в Хакасии, да и всем научном мире стра-

ны не требует особых пояснений. Я на ходу перехватил у Валентины Евгеньевны ее весомую дорожную сумочку, и мы зашагали рядом...

– Вот видите, - на ходу, нисколько не задыхаясь от подъема, а лишь время от времени поправляя свой неизменный берет на голове, произнесла Валентина Евгеньевна. – Видите, как по крови передается талант, склонность к сохранению народной поэзии... Я имею ввиду, конечно, Альбину Васильевну. Теперь она здесь директор – можно сказать, защитница древней писанины. Ее родственник – ну, Петр Васильевич Курбижеков, в этих вот местах, как вы уже знаете, под чатхан наговаривал мне героические поэмы нашего народа. Между прочим, в этих потрясающих памятниках хакасского фольклора – «Алтын Арыг» и «Ай-Хуучын» - многосложное содержание! В них седая древность сочетается с более поздним периодом – Средневековьем (VI – XII в.в. н.э.), когда развилось Древнехакасское государство, еще до монгольского ига.

... Может быть, Валентина Евгеньевна и дальше поведала бы мне что-то интересное из древнего фольклора (ученый человек – он живет этим даже вот и во время экскурсионного выезда!), но тут, переполненная чувством любви к своей родной земле, уважением к своим друзьям-коллегам, нас невольно перебила, рассказывая всем по пути о месте, куда мы идем, Алевтина Курбижекова:

– Сулекская гора, - живо произнесла она, – не только сакральное место Хакасии. Посмотрите, какая красотища здесь даже в сентябре! Вон шелестят желтизной, как монетками золота, белые березы, а вон там – видите? – отсвечивает уже багрянцем осинник... А летом... летом здесь стояла такая жара – аж за тридцать! Краснощекой пахучей клубники наросло – некуда было и ногой-то ступить! Ребятишки-школьники, приезжавшие сюда на экскурсии, по пути, как замороженные, собирали эту красавицу-клубнику, их просто было никак не отнять от ягоды...

Я и до этого, неторопливо шагая по зеленой еще траве, заметил, конечно, сколько здесь на каждом, почти, сантиметре встречается клубничных листков-то – звездочек! Э-эх, жаль, что не привелось побывать здесь летом! Ведь я – тоже любитель полакомиться этой запашистой красной, нежно в траве прячущейся ягодой!

– Нынче, наверное, выдался грибной год, - продолжала, между тем, завораживать нас своей любовью к родным местам Альбина Васильевна. – Там, на северной стороне горы, в березовых колках, что разбежались по логам, наросло в августе-то – ой, сколько белянок! Рви

– не хочу... Следующий раз приезжайте даже не в августе, а июле. На склонах Сулека так красиво цветет в это время розовый Иван-чай: его еще зовут в народе коневником. И то! А каким тут зеленым ковром, с малюсенькими розоватыми цветочками, стелется-то ирбен трава!.. Ну, богородская, кто не знает. Одно загляденье! Прямо босиком бы походила по этому изумрудному ковру!.. Да что! Тут одной полыни, представьте, – и то произрастает целых десять видов! Представляете? И нет, не думайте, что это некрасивая трава: она, между прочим, так серебрится под полной светлой луной! А пахнет как!? То-то... А вот белая ромашка, – понизила вдруг голос наша чичероне, – она нынче поздно зацвела. Я ее тоже люблю...

Я, слушая Альбину Васильевну, невольно подумал: по одному этому рассказу ее уже можно вполне судить, какая у нее возвышенная, равнодушная к живому миру душа. Прямо-таки поэтическая. Впрочем, есть в кого!

Меду тем четверть километра, не больше, что пролегли сюда к вершине от юрт, были пройдены, и перед нами предстала она, Сулекская писаница. Для меня, который уже год в одном только ее названии заключается какая-то волнующая седая древняя тайна, до конца не разнесенная за столетия степным вольным ветром, – тайна терпкая, как настой золотого корня, и поэтическая, закрытая и суровая...

Я, поднявшись к вершине, как пишут в таких случаях, осмотрелся окрест. Слева, далеко внизу, пролегла дорога из Копьева в Саралу – ну та, по которой мы приехали. Напротив Сулекской горы, почти на вершине которой мы теперь стояли, эта дорога прямо перпендикулярно, серой лентой, уходила в дальнее лесистое межгорье: вглубь северной части Хакасии. Там, над далекими лесными вершинами, клубились, меняя сказочные очертания, осенние свинцовые тучи – с лохматыми, как летом, краями. Осенние, но не дождливые. Солнце (уже стоял полдень), теперь освещало своими прямыми сентябрьскими лучами всю эту лицевую и горделивую, сторону Сулекской горы. «Если на вершине Сулека постоять тридцать минут под ярким степным солнцем, – услышу я потом от неунывающей Альбины Курбижековой, – то можно вылечиться от всех болезней! Гора-то, не забывайте, – сакральная...»

Вдруг снизу нас окликнули: к юртам подъехали неприхотливые автобусы-«пазики» со школьниками со станции и деревни Копьево, из Устинкинской средней школы. Думаете, чему я неожиданно удивился? Звуку! Он был так явственно, отчетливо слышен, как будто этот оклик сделан был нашей группе в тридцати метрах от нас – до того близко

сказанными показались всем нам, не только мне, произнесенные под горой звуки... Вершина Сулека оказалась словно ареной древнегреческого амфитеатра под открытым небом, звонко отражающая голоса, несущиеся сюда с просторной, насколько хватает глаз, хакасской степи, что распласталась во всей своей осенней красе под горой...

Вверху, близко-близко, что я аж голову задрал, пролетел сероватобурый, с темными пестринами, певчий жаворонок. Его трепещущий полет с песней, словно одарившей нежностью свежий горный воздух и невольно попутно мое сердце, заставил меня улыбнуться... Опустив долу глаза, я остановился и тут вдруг замер: передо мной была она, Сулекская писаница – рукой уже дотянуться только!

Что, что я знаю о ней, Сулекской писанице, датируемой Средневековьем? Три сулекских холма (мы находились на главном) называются Писаная (наша), Соляная и Озерная. Петроглифы, между тем, обнаружены были не только на главной, но и на остальных двух горах. Как говорится в наследственной книге «Сокровища культуры Хакасии», сулекские петроглифы впервые обнаружил еще в 1847 году финский ученый М.А. Кастрен. Он отметил, что они выполнены техникой «выбивки и резьбы». Сначала были сделаны изображения человека, затем – зверей. При этом резные рисунки более тщательные и искусные.

Спустя сорок лет, в 1887 году, эта уникальная писаница была абсолютно точно срисована опять же финской археологической экспедицией, только теперь уже под руководством И.Р. Аспелина. Плоскость горы, что примечательно, обращенная фронтом на юг, покрыта здесь прекрасными гравюрами, которые относятся, судя по тамгам (геральдическим знакам), в основном аж к IX – X векам. Эти древние наскальные рисунки создавались к определенным праздникам древних хакасов, и готовились, без сомнения, заранее. Л. Р. Кызласов высказал вполне обоснованную догадку, что к этой скале приезжали люди даже с северной и южной областей Руси. Об этом свидетельствуют две надписи, начертанные над рисунками енисейскими рунами (!). «Бенгю хая» (северное наречие) и «Менгю хая» (южное наречие) – т. е. «Вечная скала».

Альбина Васильевна, смотрю, подвела группу к одной гранитной плоскости и, нагнувшись над ней, «расшифровывает» нам представленное изображение:

– Смотрите, посередине плоскости изображены экзотические животные: шесть гладких длиннотелых гепардов. Они – явно привозные! Три этих зверя окружены медведями, стоящими на задних лапах, один

из них – с палицей. И хотя гепарды явно огрызаются, это все же, как пишет Леонид Романович, постановочный, почти цирковой номер. Спереди же за зверями наблюдает ставший на колено стрелок с луком в руках, готовый в любой момент спустить стрелу...

А тут – видите? – слева от нижнего гепарда показан еще один праздничный поединок: два хряка-кабана изготовились броситься друг на друга.

Мы следуем дальше по плоским камням, словно ступеням, ведущим к тайне Сулекских гор, среди зарослей сизой волчьей ягоды и внезапно ускользающих от нас серо-зеленых юрких ящериц, вылезших из своих каменных нор погреться, видать, на полуденном солнце. И вот перед нами – новые изображения, выбитые на скале. Со слов нашего заинтересованного гида А.В. Курбижековой, перед нами – в центре нижней плоскости, – пеший стрелок из лука, став на одно колено, торопливо обстреливает стадо из семи коз... Покрытая изображениями нижняя (третья) плоскость, словно заканчивает «повествовательное пространство» «Вечной скалы». На левом ее конце, друг под другом, уносящиеся вскачь бык и лошадь, правее – жестокая схватка самцов верблюдов, а над ними два конных стрелка спешат, состязаясь, сразить убегающего марала...

... Я отстал от группы, делая снимки Сулекской писаницы. Поражает здесь многое, в том числе и то, что это место по праву называют еще скалой ристалищ. Здесь, как утверждают ученые, не раз исследовавшие это сакральное место, проходили (там, под горой, где стоят сейчас школьные автобусы), поединки не только животных и диких зверей, но и средневековых хакасских рыцарей, лучников-охотников, всадников!.. Что ж, надо будет, отмечаю про себя, детальнее изучить научную литературу на эту интересную историческую (археологическую, этническую – как хотите!) тему.

Судя по справочным данным, на Сулекской писанице изображено, в общей сложности, 125 антропоморфных фигур, в числе которых 37 изображений козлов, 49 всадников, 45 оленей, 29 до конца не расшифрованных знаков, а также 23 коня, 16 верблюдов, 11 хищников, столько же птиц, 5 кабанов, 5 собак, 2 змеи, и по одному всего изображению быка, зайца, черепахи, человека и колесницы. Словом, помимо букв и чисел всего представлено 458 фигур... Узнав об этом, я невольно задумываюсь над тем, что в те, такие древние времена, а все равно вот существовало людское сообщество! Иначе как бы на земле древней Хакасии – по крайней мере, здесь, на Сулке, объявились гепарды

или, наоборот, – северные олени? И душа древних наскальных художников – она тоже ведь, как и их мастерство, жила и просила выхода – в выбитых, вырезанных ли рисунках!.. Иначе мы сейчас бы не видели всего этого наскального изобразительного пиршества, дошедшего до нас обычным временным историческим путем.

... Да, как верно заметил в свое время ученый с мировым именем Л.Р. Кызласов, «Сулекская писаница – поистине художественная галерея под открытым небом. Создавалась и дополнялась, должно быть, она по календарным праздникам. Средневековые художники-хронисты, очевидно, через определенные промежутки времени, наносили на плоскость скалы сцены состязаний – те поединки людей и животных, которые, по представлениям средневекового человека, оказались достойными бессмертной памяти. Героями этой своеобразной хроники зрелищ становились и богатыри-воины, и обладатели зверей-победителей турнирных боев».

Уже при спуске с горы, срывая на ходу стебельки засохшей белой ромашки, так ею любимой, Альбина Курбижекова раздумчиво и горестно, как о своем, кровно наболевшем, стала говорить о том, что этим летом особенно ее угнетало, и сейчас все продолжает угнетать. Это – о приезжих вандалах, которые тем или иным способом, оставшись без пригляда или минуя рамки экскурсии, пытаются, как варвары, оставить на Сулекской писанице свою черную метку...

– Чуть ли не все, из невоспитанных, а значит и некультурных людей, стараются здесь, на сакральных скалах, оставить свои хотя бы, представьте, никому не нужные инициалы, а по дороге на гору и обратно бросают в траву окурки, бутылки, остатки еды... А посмотришь потом им в глаза – вроде бы нормальные, обычные люди... Как, как все-таки обманчива внешность!

К сожалению – да, именно к сожалению! – сегодня вот, оказывается, нельзя еще сказать, что за сохранность Сулекской писаницы, этой галереи средневековых рыцарских турниров, можно не тревожиться. Рядом со скалой проходит асфальтовая дорога, и случайным посетителям не стоит особого труда подняться к наскальным рисункам. По сравнению с тем, что увидел в XIX веке первооткрыватель этих петроглифов М. А. Кастрен, сегодня (хочется схватиться за голову!) сохранилось не более трети древних бесценных изображений! Всего лишь треть... Если так и дальше дело пойдет, то бессмысленными эгоистическими надписями можно окончательно уничтожить выдающийся памятник древнехакасского искусства.

Я видел, конечно, видел эти «изыски» современных, и не очень, «художников». Особенно почему-то хватает выбитых инициалов, имен и фамилий, относящихся к 1932 -1939 годам XX века. «А.И.И – 1932 г.», «Чернышев Петя, 1935 г.», «Кипоров П.П, Лис – 1938 г.», «А.И. Писчасов», рядом – «Шура»: обе выбивки образца 1939 года... В то репрессивное время сюда – что, был настоящий наплыв людей, невольно подумаешь, - ну, тех, которым грозила или тюрьма, или ссылка, или расстрел? И они, выходит, таким вот образом – безобразным образом! – решили увековечить себя? Как бы там ни было, это и благоглупость, и злостное непонимание ценности древнего наскального искусства! Ну что ему, тому же какому-то Пете (или А.И.И.) в том, что вот он оставил по себе грязный, без всяких оговорок, след? Неужели эти и другие случайные на Сулеке люди не догадывались, что если о них в будущем и станут упоминать, то только в резко отрицательном смысле?

Причем, что интересно: все эти пети, кипоровы, чернышевы и иже с ними – они заранее, надо полагать, готовились к варварству на священной сакральной горе. Ведь все их инициалы и фамилии – они выдолблены на глубину камня от 0, 3 миллиметра до 0, 5 миллиметра! Сам измерял...

Дурная привычка, однако, заразительна! Уже в наши годы, совсем недавние, тут где царапаньем по камню, а где чуть ли не половой краской оставлены, например, такие «древние петроглифы»: «Г.В.Я.» (крупно, без даты), «Т.В.А., 95 г.», «З.В.О. + Витя, 2010 г.», «Наташа + Борис, Армения, 2011 г.», и самая последняя, наверное: «Рита!, 2012 г.»

... А может, это вовсе не Риты, не Наташи, не Борисы или там Чернышевы или Кипоровы, а просто-напросто бездумные бараны, на которых охотились в этих местах еще древние лучники да всадники? Я так полагаю, что стрелы тех древних воинов и охотников – они рано или поздно сразят-таки своих обидчиков!.. Из глубокой старины сразят. Ведь правомерно говорится: если ты плюнешь в будущее, прошлое тебя окатит подземной водой, только уже мертвой водой...

– Первое лето, проведенное мною здесь, вместе с двумя охранниками этого музея под открытым небом, показали, что Сулекскую писаницу действительно нужно спасать, - говорит между тем озадаченно и серьезно Альбина Васильевна Курбижекова. – Собственно, на то мы и приставлены теперь с охранниками сюда. Но, я так думаю и считаю, что просто нужно, позарез нужно еще и решение Устинкинского сельсовета ли, Орджоникидзевого ли райсовета о том, чтобы сюда, на территорию сакрального места, без организованных экскурсий лю-

дей просто не пускать, и все. Для этого потребуются, конечно, дополнительные для охраны люди – по крайней мере, на летний сезон... Сюда... - Альбина немного задумалась, - приезжают, конечно, ученые из Омска, Томска, Новосибирска, других городов. Они – да, отслеживают состояние Сулекской писаницы, своими методами и способами борются с неистребимыми «художествами» недостойных современников, портящих саму матушку - историю. Но их усилий маловато, сами понимаете!..

– Права, тысячу раз ты права, Альбина Васильевна! – сказала с сердцем председатель правления Союза писателей Хакасии Людмила Костякова, когда наша творческая группа уже приближалась к главной юрте, посвященной народному сказителю П.В. Курбижекову, где нам предстояла сейчас добрая встреча со школьниками Орджоникидзевского района, за это время тоже успевшими уже посетить «Вечную скалу». Глядя на юных, Людмила добавила:

– Нельзя допустить, чтобы вот этим мальчишкам и девчонкам мы оставили на родной земле порушенные памятники нашей древности.

Встреча со школьниками, как и предполагалось, была интересной, и даже, понятно, чуть подзатынувшейся. Там, среди национальных предметов быта и костюмов, различных национальных сувениров как нельзя кстати прозвучало обращение В.Е. Майногашевой к школьникам района. В частности, она сказала:

– Дорогие ребята! Вам, молодому поколению, необходимо развивать историческое мировоззрение, любить дорогого стоящее просвещение! С детства надо взращивать в себе человека с большой буквы, без национальной и любой другой надменности к людям, окружающим вас. А наука... она делает много полезного в жизни общества, его развитию. Любите свой край. Любите и берегите его!..

... Мини-автобус («Газель») увозил нас все дальше и дальше от Сулекской писаницы – обратно, домой. Кто молча обдумывал произошедшее культурное событие, кто жарко обсуждал увиденное и услышанное на Сулекской писанице. Я же, по своей уже теперь давней привычке, что-то еще дописывал в свой журналистский блокнот, не успев это сделать во время экскурсии – там, на сакральной горе, и потом в юрте, где проходило заключительное мероприятие. Много было положительных эмоций в душе у каждого, хоть и несколько раненные современными вандалами... Но необычайно верилось, и все: теперь, с открытием здесь, у подножия сакральной горы, филиала Копьевского музея-заповедника (наконец-то!) Сулекская писаница будет в долж-

ной безопасности от каких-нибудь случайных (или неорганизованных) туристов. И если что-то теперь и будет утрачено Сулекской горой при ее посещении людьми – так это разве что несколько десятков спелых ягод «краснощечкой» клубники, сладко тающей в детском рту...

Город юный, город древний, или Абаканский некрополь

Некрополь... В переводе с греческого это слово означает «мертвый город». Еще: в древние времена – кладбище, в наше время – кладбище, на котором похоронены знаменитые люди. Так вот: наш местный некрополь находится у нас, абаканцев, прямо под ногами: ведь немалая часть города расположена на древних могильниках. Эти захоронения, обозначенные стелами, пережили века, и только последнее столетие XX века подверглись нашествию цивилизации: в лучшем случае были раскопаны, в худшем – разграблены или застроены уже в наше время многоэтажными домами. Стелы опрокинуты бульдозерами, а на месте древних захоронений поднялись фундаменты жилых домов. И неважно, на костях знаменитых или простых людей мы теперь живем – важно, что это сделано не по-человечески, а тем более – не по Божьи. Земли у нас мало, что ли, чтобы юный город отстраивать на городе мертвых? К кому обратишь теперь этот вопрос?..

В свое время я встречался с Эрой Антоновной Севастьяновой, которая хорошо осведомлена о прошлом, далеком прошлом нашего Абакана. Тогда она была преподавателем дополнительного образования Центра детского творчества, вела кружок «Археологическое краеведение», а до этого, работая в Хакасском краеведческом музее, заведовала отделом «досоветского периода». Словом, грамотный специалист по археологии, равнодушный к тому, чтобы в нашем городе, настоящем музее под открытым небом, была сохранена вечно живая история. Увы, многие ее страницы уже стерты строителями будущего, но еще есть, есть за что бороться! Хватит ли сил у защитников прошлого, и понимания у сегодняшних архитекторов, строителей Абакана? Ведь не нами сказано: семь раз отмерь!..

Абакан... Откуда, с какого места он начинался? Наверное, это знает каждый школьник, любящий историю, археологию: с горы Ах-Тигей, что в переводе с хакасского означает «Белая вершина». Сейчас здесь возвышается Никольская церковь, рядом – здание винзаводика, современные хоромы, возведенные на стенах первой абаканской шко-

лы... А раньше, с незапамятных времен, селились тут пастухи-скотоводы. Они жили на этом высоком сухом месте в берестяных юртах. Отсюда и название – Белая вершина. А внизу, на берегах реки Абакан и заливных озер, расплескивалось цветочное разнотравье. Легко себе представить пастуха-скотовода, вечером отдыхающего на косогоре и, куря трубку, любующегося этим спокойным и красивым миром, раскинувшимся внизу, насколько глаз хватает... Путешественники, оказываясь в Хакасии в те времена, не зря восторгались морем синих пикуль, ковром огненных жарков, белыми волнами качающихся ветрениц.

Здесь, на вершине Ах-Тигея, сплошь и рядом стояли насыпные курганы древних захоронений, увенчанные на века каменными стелами. Время этих захоронений – от каменного века и дальше... Но уже в XIX веке уникальные стелы, как знаки загробного мира, местные жители стали выкапывать и использовать – где и когда бы вы думали? – при строительстве жилых домов в качестве фундаментов! А что? Нынешние последователи прежних вандалов сдают же в металлолом металлические надгробия! И здесь речь бы вести уже не столько о невежестве людей, сколько об их опасном бездушии. Все эти качества – невежество и неуважение к предкам – повсеместные страшные враги человеческой истории.

Сейчас на самой вершине Белой горы расположена станция РВС, под ней – огромное количество древних захоронений! Получается, никто при строительстве станции не обратил на это ровно никакого внимания. Скорее всего, ответственным людям думалось о выгодном расположении будущей станции, дававшей возможность бесперебойной работы РВС. А мертвых – мертвых что бояться?! Бояться надо живых – тем же мертвым, допустим: как раз наш случай! Да, думать о потустороннем тогда не нужно было ни руководству, ни строителям. Сметы составлялись лишь на ликвидацию курганов, но никак не на их раскопки. Так бесценные страницы древней истории нынешнего юного Абакана были бездумно (и бездушно) попорчены передовыми строителями наступающей цивилизации.

Подобным «беспамятством» в свое время возмущался знаменитый исследователь Хакасско-Минусинской котловины А.В. Адрианов. Не лишне знать, что Императорское археологическое общество выделяло Александру Васильевичу деньги на раскопки древних хакасских курганов, в том числе Ташебинского чаатаса, находящегося сейчас под боком могущественной Абаканской ТЭЦ... (Попутно справедли-

во замечу, что руководство ТЭЦ бережно относится к этому древнему памятнику, находящемуся чуть ли не у стен этого котлового предприятия). Так вот. Все, что находил исследователь, он передавал в хранилища Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова: кинжалы, украшения, хозяйственную утварь... Ташебинский чаатас, расположенный сейчас в черте города, – не единственный могильник, на стелах которого изображены космические божества, дошедшие до нас в каменных рисунках и во многих лицах.

Личность А.В. Адрианова для истории Абакана – уникальна. Именно он, Александр Васильевич, проводил в свое время раскопки в районе нынешнего детского парка «Орленок». На этом месте, определил он, вплоть до XIX века, существовало Кривое озеро: Игир-Обаа-Куль. Оно имело берега в рамках нынешнего центрального рынка, аптеки № 33 и республиканского Дома культуры. По сути озеро являлось остатком старицы реки Абакан, которая в прошлые времена часто меняла свое русло. В окрестностях Игир-Обаа-Куль находилось много более мелких, но родниковых целебных озер, которые со временем были завалены мусором... Сохранись они до наших дней – вот было бы замечательное, неповторимое место отдохновения! А чем мы заменили их сейчас? Искусственным фонтанчиком...

Возьмем другой наш городской парк – Черногорский. (Говорят, свое название он получил оттого, что тополя высаживали здесь шахтеры одноименного города). Так вот этот парк тоже стоит на могильниках, как, допустим, и улица Советская. Кстати, в наше время в парке тоже ведь стоят – монумент воинам-освободителям, памятные плиты, отдаленно напоминающие стелы, героям Советского Союза, России, полным кавалерам орденов Славы... Мне показался любопытным такой вот факт, о котором рассказала тогда мне Эра Антоновна. Будущий ученый-археолог с мировым именем Леонид Романович Кызласов, когда учился в девятом классе школы №1, принимал участие в раскопках, которые проводила в этом месте археолог из Москвы, временно вынужденно проживавшая в Минусинске, Варвара Павловна Левашова. Это было еще до войны. Именно она и дала толчок развитию археологического таланта Кызласова, именно она и обнаружила в Черногорском парке в ту пору массу древних захоронений.

Пройдемся по городу дальше... У аптеки №33 стоит недавно отстроенное элитного вида здание. При закладке его фундамента (каких-то

10-15 лет назад) было разрушено несколько древних курганов. По сути этот дом, как и многие предыдущие, построен на костях. Поговаривают, и не без оснований, что сами строители нашли в этом месте древние бронзовые предметы. Разве нельзя было провести сперва раскопки курганов, потом уж их сравнять с землей, вырыть котлован под будущее здание? Да ну, план же, сроки!.. Но, видать, сердце виновников – разрушителей древней истории города все-таки екнуло, хоть и с опозданием. Как бы там ни было, а рядом с построенным домом вырос памятник в честь древних изваяний, но почему-то необъяснимо схожий с фаллосом, символизирующим мужское начало в тюркской, а значит, и хакасской мифологии. Что подобное означает? Утверждение: мы наш, мы новый город построим, или – да положили мы на все это древнее – ну, сами знаете, что?! Словом, ломайте, мол, голову, кому это хочется...

Тогда же, не в 2003-ем ли году, из уст Эры Антоновны я узнал еще об одном вопиющем факте добровольной потери исторической памяти. Такие же массовые древние захоронения располагались и в районе нынешних улиц Щетинкина и Кирова. При возведении здесь многоэтажных домов тогдашние городские власти, руководители строительной отрасли отмахнулись рукой от встречи с археологами Абакана по определению места установки будущих жилых (!) объектов. А ведь шли уже 80-ые перестроечные годы XX столетия. А впрочем... В той политической неразберихе самое время было ловить рыбку в мутной воде! И ее ловили. В результате большая часть курганов ушла под фундаменты современных зданий, составляющих сейчас названные улицы и, само собой, являющихся строительной гордостью Абакана, в чем-то олицетворением его внешнего вида. Так-то оно так, но вот приходит же в голову: а не наступит ли время, когда на могилах и нынешних поколений абаканцев взбалмошные наши потомки тоже возьмут, да и возведут себе на радость роскошные особняки?

Именно в этой части города в свое время проводил первые археологические раскопки наш местный, но теперь уже с именем, ученый А.И. Готлиб, а затем кандидат археологических наук В.С. Зубков. Но работы осталось – непочатый край! Недаром, недаром при закладке фундамента высотного дома, что стоит сейчас напротив редакции республиканской газеты «Хакасия», строители находили тогда в земле глиняные сосуды, другую керамику, которая укладывалась в захоро-

нение вместе с усопшим, – находили и приносили в музей. Недаром! Рабочие оказались заботливее своих «без роду, без племени» руководителей. В раскопанной земле тут же находили и человеческие останки – кости, черепа. Они попросту складывались у строительного вагончика. Чужое – оно и есть чужое. Но находились же люди – да нет, скорее нелюди, которые этими черепами... играли в футбол! Ой, не у каждого поднимется нога пнуть такой череп, зияющий глазницами! Нога, нога отнимется! О чем же тогда-то думали пустоголовые «футболисты»? Наверное, что они цари природы. Мертвые, мол, бойтесь живых!.. Мы к вам в гости пришли, что ли? Сегодняшние юные вандалы, крушащие памятники на городских кладбищах, не те ли самые «футболисты»? Те, родимые, те.

Другое, по утверждению археологов, аномальное место в Абакане – это район нынешнего института искусств ХГУ им. Н.Ф. Катанова, бывшего музыкального училища на улице Вяткина. Здание, считай, тоже стоит на древнем некрополе. Здешние захоронения ведут свое летоисчисление от Таштыкской эпохи (I – V вв. нашей эры), другие – от эпохи Тагарской (VII-I вв. до нашей эры). Представляю даже я, далеко не любитель археологии, сколько нового можно было бы узнать современным людям, раскопай ученые эти курганы перед тем, как здесь начали возводить местный «небоскреб»?! Поздно...

Взберемся на гору Ир-Таг, самое высокое место в городе. В переводе с хакасского оно означает – Богатырская гора. И здесь есть захоронения не только глубокой древности, но даже и крепость с давно осыпавшимися стенами. Летом здесь в горячих расщелинах ползают вездесущие ящерицы... У Богатырской горы есть своя легенда.

...Богатырь полюбил дочку пастуха. Хан, у которого работал ее отец, поставил богатырю условие: если, мол, ты на коне перепрыгнешь Ир-Таг, только тогда красавица-пастушка станет твоей невестой. Богатырь не смог перепрыгнуть гору и упал, упал, бедный, в бурные воды Енисея. Он, конечно, мог бы со своим сказочным конем преодолеть Ир-Таг, но хитрый и подлый хан на пути его верного и надежного гнедого положил большой камень, и конь споткнулся... Сейчас, в наше время, Ир-Таг зовут иначе – Самохвал. Догадываетесь, почему? Про хана (хан – он и есть хан) последующие поколения почему-то забыли, а вот про то, что богатырь похвалился, но так и не преодолел горы, – помнят! Таково свойство человеческой памяти. Потому-то в названии горы Са-

мохвал и чувствуется явная усмешка.

Прошедшим летом я впервые рыбачил под Самохвалом, на красивых в этом месте берегах Енисея, и глядел на воду, стараясь пронзить взглядом глубину каменного плеса, в котором нашел свой конец бедный влюбленный богатырь... Казалось, из глубин медленно, сурово текущей воды на меня смотрела сама легенда – история.

Много можно рассказывать о древнейшей истории родного города. Еще ведь почти тридцать лет назад вместе со своими воспитанниками Э.А. Севастьянова составила подробную археологическую карту Абакана. Она была передана тогда в городской отдел архитектуры и строительства, копия – в местное общество охраны памятников культуры. Сохранился ли этот дорогой человеческий документ? Другая копия карты, по-моему, до сих пор находится у Эры Антоновны. Кто когда-нибудь хоть раз заглянет из архитекторов-строителей в эту ценную в любом отношении карту прежнего древнего города, приступая к строительству, дальнейшему обновлению такого юного, современного Абакана?

Кто нам с вами ответит на этот вопрос?

«За такой находкой стоило проехать несколько тысяч верст...»

Какой мы ни возьмем язык и век, -
Всегда стремился к знанью человек,
А мудрые, чтоб каждый услышал их,
Хваленье знанью высекли на скалах.
Рудаки, X век.

1. Открытие в степях Хакасии

Почти 300 лет назад, в Сибирь неведомую, за письменами таинственными, в июне 1720 года из Москвы отправилась созданная Петром I сибирская экспедиция. Руководил ею 32-летний доктор наук Даниил Готлиб Мессершмидт (1685-1735). Он был специально приглашен в 1717 году из Данцига царем Петром I и отправлен 1 марта 1719 года сначала в Москву, а затем в Тобольск со свитой ехавшего в Китай русского посла. Указ о сибирской экспедиции был издан Петром I в 1718

году. В нем было сказано, что экспедиция посылается «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей» с тем, чтобы все найденное присылать «в Санктпитебурх, в Главнейшую аптеку».

Д.Г. Мессершмидт был врачом, географом и натуралистом, знавшим и восточные языки. Именно такой специалист лучше всего мог заняться в то время изучением «страноведения» Сибири: изучать ее природу и коренное население, исследовать археологические памятники и собирать факты древней истории.

Целых шесть лет в трудных условиях изучал Мессершмидт сибирские просторы. По возвращении в марте 1727 года в Санкт – Петербург он сдал в только что образованную Российскую Академию наук 23 тома своих трудов, написанных в глубинах Сибири (из них 5 томов занимают тщательно составленные дневники путешествия), громадный гербарий, карты, атлас рисунков (36 таблиц) и собранную им большую коллекцию древних предметов.

Сам Мессершмидт – ученый, открывший для науки неведомые до толе памятники письменности средневековых хакасов – так называемой енисейской письменности, – хотя и стал членом Российской Академии наук, но вскоре был забыт и скончался в нищете в Петербурге спустя десять лет после смерти Петра I, в 1735 году.

По Л.Р. Кызласову, добровольное присоединение Хакасии к России было осуществлено в 1707 году, когда на правом берегу Енисея, у горы Туран, был построен первый в здешних местах русский острог, названный Абаканским. Он находился на месте бывшего села Краснотуранское. После основания острога, ставшего административным центром по управлению «инородническими» племенами, выше по Енисею были построены Саянский острог (1718 г.) и пограничные караульные посты. Граница Российского государства прошла по хребту Западного Саяна. Неудивительно, что Мессершмидт поставил своей задачей обследовать прежде всего территорию недавней «Киргизской земли», т.е. современную Хакаско – Минусинскую котловину. Это было осуществлено им в 1721 – 1722 годах.

... Из Кузнецкого острога экспедиции немецкого ученого предстояло пройти наиболее трудный участок пути: переход через «Белые горы» – хребет Кузнецкого Алатау, где сейчас проходит железнодорожная ветка Абакан-Новокузнецк. Вверх по реке Томь, до устья реки Балыксу, экспедиция поднималась на небольших шорских челноках. Преодолев затем высокий перевал, Мессершмидт попал к истоку хакасской реки Уйбат. Далее путники спустились по ее долине в «Субур-

ган-Уйбатскую степь». Именно этим путем, а проще – конскими тропами через горную тайгу – Мессершмидт и его соратники проехали в западную часть современной Хакасии.

Уже на спуске с гор в извилистой долине реки Уйбат Мессершмидта и его спутников поразили невиданные ими ранее в Сибири большие земляные курганы, обставленные четырехугольными оградами из крупных плит гранита или девонского песчаника. По углам, а иногда и серединам сторон таких оград возвышались высокие узкие плиты, врытые некогда в землю в вертикальном положении. Курганы эти, как теперь установлено, относились к VII – III вв. до н.э. Культура населения того времени условно названа тагарской.

Интерес к этим необычным памятникам был так велик, что Мессершмидт решился раскопать несколько подобных курганов. Кроме этого экспедиция изучала выбитые на каменных плитах и скалах древние рисунки и многочисленные каменные скульптуры людей, баранов, львов и т.д. Первые из этих изваяний были увидены Мессершмидтом уже в устье реки Бюрь, впадающей в Уйбат.

И вот на северном берегу бурливой реки Уйбат путешественники увидели на небольшом холме высокий одинокий камень, изогнутый «в виде венгерской сабли», как записал в дневнике ученый. На узкой грани столба рельефно выделялась антропоморфная личина.

По древнему изваянию снизу вверх шли ровные строчки загадочных знаков. Они были вырезаны каким-то острым инструментом, но кое-где уже поистерлись под тысячелетним воздействием дождей, ветров, стужи и солнца. Надписи! 13 строк на четырех плоскостях гладкого каменного столба обрывались, так как верхушка оказалась сбитой... Это была целая каменная книга! Но что за письменность? На первый взгляд, похожа на скандинавские руны. Значит, здесь жили цивилизованные люди, имевшие свою самобытную письменность и умевшие читать? Это они вырезали для потомков вечную надпись на каменном столбе!

В своем научно-художественном очерке под названием «В Сибирю неведомую за письменами таинственными», опубликованную в книге «Путешествия в древность» (издательство МГУ), хакасский ученый Л.Р. Кызласов пишет далее: «Переводчик Кратц подтолкнул к каменной стеле проводников-хакасов. «Что это? – спросил он и услышал в ответ: «Пичигтиг тас!», т.е. «Камень с надписью». Художник Шульман стал тут же зарисовывать камень, а Мессершмидт радостно подумал: «Да, за такой находкой стоило проехать несколько тысяч верст по скверным

дорогам, перенося многие лишения!...». И в своей описи он далее записал о стеле: «Уйбатский памятник, вырезанный руническими письменами».

Так родилось мировое открытие в степях Хакасии.

2. По следам Мессершмидта

... Эту книгу вручил мне для работы старший научный сотрудник Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова Н.В. Леонтьев. На ней – надпись, сделанная 3 декабря 1983 года рукой Леонида Романовича: «Глубокоуважаемому Николаю Владимировичу Леонтьеву в надежде читать его новые сочинения, посвященные открытиям древних культур в земле моей Родины!». И роспись.

У Н.В. Леонтьева мы были в гостях с председателем общественного движения «Национальная память» Ю.Н. Забелиным. Ведь встретивший нас Николай Владимирович, являясь членом-корреспондентом Германского археологического института, немало написал об археологических находках, сделанных в Хакасии, в том числе и о камне Мессершмидта. Да, к тому же, этот легендарный камень теперь установлен здесь, в павильоне Минусинского краеведческого музея! Как было не приехать сюда?

– На территории Хакасии древних памятников с руническими надписями мало – можно по пальцам одной руки пересчитать, – поделился своими соображениями Николай Владимирович, ведя нас в павильон. – Поэтому камень Мессершмидта был перевезен в музей: так сохраннее! Другое дело – Тува: там десятки таких рунических памятников. Вывод напрашивается сам собой: здесь когда-то была цивилизация!

Кто же и когда доставил знаменитую стелу в музей? Это сделал в 1886 году ученый, революционер-народник Дмитрий Александрович Клеменц. Он был сослан в Сибирь и здесь являлся внештатным сотрудником Мартыановского музея. Его перу принадлежит книга, описывающая музейные коллекции того времени. Дмитрий Александрович, прознав про уникальный рунический памятник, съездил в Уйбатскую степь и с левого берега реки Уйбат привез его на подводах в музей.

Камень Мессершмидта... Вместе с Николаем Владимировичем мы подходим к нему вплотную.

– Вот видите, – обращается к нам наш гид, – стела за тысячелетие с лишним потеряла часть своих знаков, причем на уровне высоты человеческого роста. О камень в степи терся скот, и это сказалось на

его сохранности. А выше знаки сохранились, их можно спокойно разглядеть и сейчас. И все это – благодаря истинному первооткрывателю письменности древних хакасов Мессершмидту.

Да, хотя текст Уйбатского обелиска сильно пострадал от времени, не пощадившего поверхности древнего изваяния, высеченного из девонского песчаника, очевидно, тем не менее, что это – эпитафия, посвященная погибшему на войне знатному человеку. Имя его установлено – Сабык Басар. Он был тарханом и сангуном, т.е. феодалом и генералом, начальником войска. О чем же гласит текст? От его имени в рунах сказано: «В шесть моих лет я лишился отца. Я не сознавал этого. Я, говорю, отделился от моих трех старших братьев... Я не наслаждался ни моим государством, ни моим ханом... Я, видя любовь, не наслаждался, так и умер». Надпись эта высечена в VIII веке и, очевидно, является уже поминальной.

Енисейская письменность была расшифрована спустя 172 года после находки ее памятников, первым из которых был именно камень Мессершмидта. А скопировала и составила план окружающей местности несколько лет до этого финская экспедиция академика И.Р. Аспелина (1886-1887 г.г.). И лишь в начале XIX века многие ученые предположили, что найденная письменность принадлежала некогда древним хакасам. В конечном счете ключ к расшифровке этой таинственной письменности нашел в 1893 году профессор Копенгагенского университета Вильгельм Томсен, и первые переводы енисейских текстов были опубликованы вскоре русским академиком В.В. Радловым в 1895 году. Расшифровка доказала, что этой собственной письменностью пользовались тюркоязычные народы Южной Сибири, создавшие в VI веке Древнехакасское государство. Ныне уже выяснено, что письменность, названная Д.Г. Мессершмидтом рунической, существовала с конца VII до XIII в., т.е. на протяжении свыше 500 лет!

– По легенде, – рассказал далее Н.В. Леонтьев, – на этих землях до хакасов жил здесь народ чудь – беловолосый и голубоглазый. Метой (или символом) посланников Белого царя была береза. Кыргызы, данники алтын-ханов, и кыштымы, данники, в свою очередь, кыргызов, из-за боязни белых людей заживо хоронили себя и своих сородичей в курганах. В одном из таких холмов-захоронений было погребено до сотни человек... А начало всем этим дальнейшим расследованиям положило оно, открытие Д.Г. Мессершмидта, сделанное им на левом берегу реки Уйбат в 1721 году.

3. Уйбату нужен музей

... Еще весной 2009 года Юрий Николаевич Забелин, инициатор проекта открытия международного музея имени Мессершмидта на месте, где некогда стояла найденная немецким ученым – путешественником руническая стела, отправился с группой заинтересованных лиц на берег реки Уйбат, в аал Чарков Усть-Абаканского района. Мы сошли с автобуса, – и вот он, перед нами, этот холм, над которым когда-то возвышался одинокий камень. Извилистые берега реки Уйбат, теплый ветерок и солнце как будто приветствовали нас на древней земле. «Это символично, – заметила одна из участниц поездки, – ведь все важные события, которые происходят на земле, первым видит Солнце».

– Непременно нужно вернуть камень Мессершмидта сюда, на родовое место, где он простоял века, – сказала директор ХакНИИЯЛи, доктор исторических наук, профессор Валентина Николаевна Тугужева. – Ведь прецедент у нас уже есть: стела Хуртуях-Тас из Хакасского краеведческого музея вернулась-таки в Аскизский район, на берега своего Абакана! Камень Мессершмидта тоже должен быть доставлен из Минусинского музея обратно сюда, в долину реки Уйбат, на свое законное место.

– Я думаю, хакасская общественность скажет свое веское слово в защиту своей древней истории, – подключился к разговору член Совета общественной палаты Республики Хакасия, председатель комиссии по межнациональным отношениям, толерантности и сохранению культурного наследия Владимир Граф. – Ведь на этом историческом месте должен появиться уникальный, как и находка Мессершмидта, музей под открытым небом.

Здесь, на предположительном месте бывшего нахождения рунической стелы, заслуженный работник культуры России, народная артистка Республики Хакасия и заслуженная артистка Республики Тыва Клара Ефимовна Сунчугашева провела обряд поклонения археологическому символу, и все мы три раза, по солнцу, обошли кругом это священное место... Клара Ефимовна еще раз повторила, что нужно обязательно вернуть историческую стелу на ее родовое место. «Не она к людям, а мы к ней должны идти на поклон!», – были ее слова.

– Этот памятник является знаковым для всего тюркского мира, – подчеркнул, выступая перед общественностью аала Чарков, Юрий Николаевич Забелин. – Накануне приближающегося 300-летия открытия мирового значения – камня Мессершмидта – первого руни-

ческого памятника, найденного на Земле, просто сама собой назрела необходимость поднять вопрос о создании на его месте уникального музея. И Хакасия здесь не будет одинокой. Ведь на этом удивительном открытии сошлись такие страны, как Германия, Дания, Швеция, Финляндия, Монголия – не говоря уже о России. Я верю: наступит время, когда, как сказал поэт, «все флаги в гости будут к нам».

... С тех пор прошло три года.

– Будет, непременно будет и музей имени Мессершмидта в Хакасии, – убежденно говорит Ю.Н. Забелин. – Наш земляк, ученый-археолог, доктор исторических наук из Москвы Игорь Леонидович Кызласов тоже помогает продвижению этой идеи в жизнь. Он принял активное участие в составлении каталога Центрально-Азиатской орхоно-енисейской письменности, где камню Мессершмидта отводится значимая роль, как, например, и эпическому сказанию о войне-богатыре Кюльтегине, широко распространенному в Монголии, да и во всем тюркском мире. На родовом месте камнеписной стелы должен быть заложен не только музей, но и архитектурно-природный ансамбль, наконец – парк, где каждая побывавшая тут представительная делегация должна посадить свою аллею.

Будущее, в этом смысле, действительно вселяет уверенность: ведь инициатива по созданию единственного в своем роде памятного места нашла понимание и в правительстве Республики Хакасия, где есть люди, которым не безразлично культурное наследие древней земли, какой является Хакасия.

– Я предполагаю, что со временем этот будущий музей имени Мессершмидта должен стать музеем ХГУ им. Н.Ф. Катанова, – подытожил Юрий Николаевич. – Скажу даже больше: он должен находиться под эгидой Всероссийского географического общества.

Для этого есть все исторические и научные основания.

Серьезная, обнадеживающая идея. Она получила отклик и у Генерального консула Германии в России, чье ведомство находится в Новосибирске, господина Михаэля Кантцлера, который на министерство культуры РФ прислал такое послание: «Вклад Д.Г. Мессершмидта в российскую науку трудно переоценить. Создание российско-германского музея, который стал бы носить имя Д.Г. Мессершмидта, является еще одним доказательством тому. Я желаю музею успешного развития и много заинтересованных личностей».

Михаил Кильчичаков: «Чтоб было где остановить коней»

Есть в Аскизском районе удивительной красоты место. Здесь встречаются бескрайняя хакасская степь и древние, морщинистые, как щеки мудреца, горы. Здесь колокольцами звучат струи Серебряного ручья. И, насколько глаз хватает, волнуются под порывами ветра ковыли, ковыли... А высоко в небе трепещет крыльями залетный жаворонок и далеко окрест раздаются его звонкие трели. А с темных от времени менгиров важно взирают на мир могучие орлы, и слышно ржание вольного табуна, которое словно уходит в небо – бездонное и чистое – столь же чистое, как и души людей, с давних пор поселившихся в этом удивительном крае.

Это – хутор Отты. Здесь почти 90 лет назад родился классик хакасской литературы Михаил Еремеевич Кильчичаков. До сих пор сохранился дом, где он провел свое детство, а чуть подальше в родовой юрте, поставленной еще в 1898 году, проживает его двоюродная сестра. И родовой менгир Кильчичаковых – по рассказам, из метеоритного железа, хотя и врос в землю, но не исчез, и до сих пор хранит память о бесчисленных поколениях рода Кильчичаковых, многие из которых упокоились на родовом же кладбище близь менгира...

Еще ранней осенью 2008 года я лишний раз убедился в этом, побывав в Отты вместе с участниками научно-практической конференции, посвященной известному хакасскому писателю. Ее возглавлял руководитель движения «Национальная память» Юрий Николаевич Забелин, ставший инициатором создания на аскизской земле музея-усадьбы Михаила Еремеевича Кильчичакова. Ведь Отты – особое место! Источник вдохновения и любви Михаила Еремеевича. Здесь, на хуторе, зарождались его первые стихи. Но став зрелым, известным поэтом и драматургом, он нет-нет, да и возвращался в родные места, нередко с друзьями-литераторами, в том числе Владимиром Солоухиным, чтобы напитаться живительной силой здешних родников, перелесков и таежного воздуха: не зря говорят, что нет ничего на свете слаще молока матери и воздуха родины. Малой родины...

Встреча с земляками Михаила Еремеевича проходила в двухэтажной школе хутора Отты. После традиционных хлеба-соли и айрана глава администрации местного сельсовета Николай Николаевич Боргояков сказал, что родовое место Кильчичаковых, прославленное Михаилом Еремеевичем, необходимо увековечить.

– Да, это требование времени и нашей совести, – подчеркнул руководитель движения «Национальная память» Юрий Николаевич Забелин. – Нужно не только сохранить дом детства писателя, но и создать на его основе музей-усадьбу Михаила Еремеевича. Вместе со знаменитой своими менгирами и наскальными рисунками Казановкой, музеем под открытым небом, Отты тоже должны стать местом притяжения для туристов, приезжающих в Хакасию.

С этой целью сотрудники Хакасской национальной библиотеки им. Н. Г. Доможакова в будущий музей-усадьбу готовы предоставить литературную карту Хакасии, информацию о других литературных местах республики, книги с автографами писателей, прославивших своим творчеством родную землю.

Аскизский район по праву считается «поставщиком» талантливых поэтов и прозаиков республики. Михаил Еремеевич – лишнее тому подтверждение. И нынешний (в те годы) председатель Союза писателей Хакасии Галина Григорьевна Казачинова родом отсюда же, из аала Аев. Она не без улыбки рассказала: «В годы, когда я опубликовала свои первые стихи, мне за них заплатили 2 рубля 97 копеек. И это тогда, когда пенсия у многих была всего 20 рублей. Глядя на это, мои земляки тоже начали строчить стихотворения! Но, увы, их никто не публиковал... Вот почему мы должны дорожить настоящими талантами, и хранить о них благодарную память».

Еще на торжественном заседании, посвященном 55-летию создания Союза писателей Хакасии, в конце 2004 года, тогдашний первый заместитель главы нашего правительства заявил во всеуслышание о том, что правительство республики приняло решение о создании музея-усадьбы великого хакасского поэта на территории хутора Отты. Очень хотелось бы, чтобы эти слова не остались словами, а все-таки воплотились в дело, и правительство, пусть и в новом составе, не забыло в суете и повседневных заботах об этом обещании, не отказалось от принятого решения.

Думается, это держит на своем контроле и глава администрации Аскизского района. Ведь создание музея-усадьбы М. Е. Кильчичакова крайне важно не просто для народа Хакасии, но и, в первую очередь, будущих его поколений. Дети и внуки не должны вырасти Иванами, не помнящими родства. Они должны научиться ценить и уважать свою малую родину, ее язык, историю и культуру. И для этого нужны такие островки, такие заповедные места, где время словно останавливает свой бег... Творческая интеллигенция Хакасии надеется, что хутор Отты со временем превратится в особое, знаковое место, куда устре-

мятся сотни и сотни поклонников национального искусства Хакасии и ее великого представителя – Михаила Еремеевича Кильчичакова.

– Здесь, на хуторе, куда отправили моего отца учительствовать в местной школе в 1937-1938 –х годах, волею судьбы оказался и я, – вспоминает член совета старейшин хакасского народа Алексей Яковлевич Самрин. – Уже тогда видно было, что Михаил – человек экспрессивный и умеющий добиваться своей цели. Он любил тайгу, горы, народное пение и пляски. Позже сам участвовал в народных гуляньях и как-то в плясовом конкурсе победил всех и выиграл рубашку. В то время это был ощутимый подарок! Прошли годы, и своим искусством танцора он поразил даже зажигательных испанцев!

О необходимости создания музея-усадьбы говорил не только Алексей Яковлевич, но и родственник Михаила Еремеевича – Константин Гаврилович Кильчичаков, врач по образованию и призванию. Он обратил внимание на то, что музей необходим еще и как очаг для сохранения хакасского языка, его дальнейшего развития а не утраты. И это не просто слова: ведь ЮНЕСКО уже занесло хакасский язык в раздел: «умирающие языки мира».

В этом смысле ярко прозвучало перед земляками М. Е. Кильчичакова выступление доктора филологических наук, профессора кафедры хакасской филологии ИСАТа ХГУ им. Н. Ф. Катанова Венедикта Григорьевича Карпова. Он сказал:

– Хакасия – прародина тюрков. Михаил Еремеевич был последовательным приверженцем сохранения древнего языка своего народа. И мы не должны ограничиваться лишь установкой мемориальной доски в его честь. Необходимо поставить памятник Михаилу Еремеевичу. Подобные памятники в положительном смысле заставляют гордиться народом, из недр которого вышел такой человек. В Якутии, например, народ чествует своих знаменитых земляков, создает на месте их рождения музеи-усадьбы. И нам пора последовать этому примеру. Ведь память, как и язык, объединяет людей.

Здесь, в Отты – горы, далеко видать. Музей-усадьба, образно говоря, станет своеобразной горой, которая поможет молодым людям правильно сориентироваться в жизни. Ведь все творчество Михаила Еремеевича, по сути, – это чистый национальный и душевный ориентир!

Свое выступление Венедикт Григорьевич, русский по национальности, начал и закончил на хакасском языке, чем вызвал гром аплодисментов в зале сельского ДК. Одним этим своим примером он напомнил: творец языка – народ, и об этом не стоит забывать.

Проблема сохранения хакасского языка не зря лишний раз была обозначена на родине М. Е. Кильчичакова. Создание музея-усадьбы в Отты – это не только литературная, но и языковая поддержка в развитии исторических мест Хакасии. Пора взглянуть правде в глаза. Если в настоящее время тувинцев на своей исторической родине проживает 64 процента, алтайцев – 31, шорцев – 16, то хакасов всего 11 процентов! При этом, согласно переписи еще 1989 года, 26 процентов хакасов называли своим родным языком не хакасский, а русский язык! Сейчас, надо полагать, ситуация еще более патовая. Это можно судить хотя бы по тому, что на ИСАТе ХГУ им. Н. Ф. Катанова в этом учебном году учится несколько первокурсников, вообще не владеющих хакасским языком, что является нонсенсом для национального института.

В самих Отты тоже демографическая ситуация со школьниками, владеющими хакасским языком, не лучшая. Работы на хуторе нет, родители покидают родные места, увозят с собой и своих детей. Что оставит этот процесс? Отчасти – возвращение к своим корням, своей памяти. Пусть с духовности, но надо начинать возрождать свою малую родину.

В Аскизе районная библиотека носит имя М. Е. Кильчичакова, в Абакане – республиканская – имя Н. Г. Доможакова. И это в чем-то символично. В 50 – 60 годы уже прошлого века на литературном небосклоне Хакасии рядом со звездой Николая Доможакова все ярче разгоралась новая – Михаила Кильчичакова. И хотя Михаил Еремеевич был всего на три года младше своего собрата по перу, но по своему мировоззрению и интересам, внутреннему духовному укладу, творческому стилю почти всецело принадлежал к новой волне, внесшей в литературу свежее дыхание.

В 1936 году Михаил Кильчичаков стал актером Хакасского национального театра. Несколько лет работы в театре, первые стихотворные опыты, но потом – война, тяжелое ранение, госпитали... Фронтовик, театрал с академической базой Литинститута им. М. Горького, талантливый рассказчик с неповторимым артистическим умением, Михаил Еремеевич как раз через театр был близок и понятнее народу. Сразу после института, работая над своими пьесами «Всходы» и «Медвежий лог», он внес в их канву великолепные лирические песни, которые и поныне остаются в числе самых любимых в народе. Именно лирические, народные по духу песни М. Кильчичакова, И. Костякова, В. Майнагашева и других авторов стали в 60-е годы прошлого века важным направлением в хакасской национальной литературе.

Лирическую комедию «Медвежий лог», талантливо переведенную на русский язык известными драматургами Е. Маасом и М. Черницким, поставил Красноярский драматический театр. Вскоре эта постановка была показана в столице. Спектакль получил высокую оценку театральных критиков в Москве, вошел в репертуар советских и некоторых зарубежных театров. Михаил Кильчичаков, поэт и драматург из далекой Хакасии, получил всесоюзное признание.

Если посмотреть хронику деятельности Хакасской писательской организации в 70 – 80 годы, когда ее возглавлял М. Е. Кильчичаков, то она изобилует ежегодными творческими встречами: юбилеи, премьеры, недели литературы и искусства, «Енисейские встречи», конференции и семинары... Писатели Хакасии обменивались делегациями с коллегами из Якутии, Тувы, Горного Алтая, Красноярска и даже Запорожья. Их частыми гостями были московские и ленинградские писатели, литераторы братских республик – Ольга Берггольц, Майя Борисова, Алим Кешоков, Сильва Капутикян, Юлия Друнина, а затем и Егор Исаев, Владимир Солоухин, Юрий Кузнецов, Сергей Михалков – всех не перечислишь!

Такой постоянно действующий институт общения стал доброй школой для писателей Хакасии, особенно для начинающих литераторов. Обаятельный от природы наш Еремеевич за годы учебы сблизился в столице с видными писателями того времени, стал своим человеком в литературной среде Москвы и многих национальных республик. Своеобразной доктриной вожака литераторов Хакасии был призыв создавать произведения, проникнутые неповторимой национальной самобытностью, опирающиеся на многовековые традиции хакасского фольклора. Это позволило местным литераторам печататься в изданиях Красноярска, Новосибирска и Москвы, добиваться всероссийского признания. Так появились на литературной карте Хакасии и России имена Моисея Баинова, Валентины Шулбаевой, Валерия Майнашева...

Как будто о них и новом поколении литераторов Хакасии Михаил Еремеевич писал:

*Пусть в полет устремляются наши птенцы.
Мы в дорогу проводим подросших орлят.
Пусть с высот нашу землю увидят юнцы,
Пусть от края до края ее оглядят...
Пусть они улетают, не будем тужить!
... А для этого стоило, стоило жить!*

– По своей натуре Михаил Еремеевич действительно был большим человеком, – сказала драматург Валентина Шулбаева. – Он был своеобразным защитником нации и ее языка, в своем творчестве сумел показать богатство родной земли. Сейчас его так не хватает нам! Ведь он сближал тюркские народы – в России, Бурятии, Монголии, других странах!

Я видела, как он разбирал юрту своих родителей, чтобы установить ее в Абакане и сделать там музей. Не успел... Поэтому надо тут, в Отты, непременно создать музей – усадьбу княжеского рода Кильчичаковых. Я верю: это будет сделано!..

Отты... Здесь, в горах юности Михаила Кильчичакова, в верховьях его любимой реки Абакан, закончилось его земное существование... Но хочется верить, что душа поэта осталась в милой сердцу Хакасии, на его малой родине. Она живет в его стихах и песнях, и это давно известно: поэты не умирают, они превращаются в птиц, в деревья, в цветы. И верно то, что летает над нашей землей – степями, горами, тайгой и реками – большая, гордая птица. Она кружит над зелеными полями, цветущими еланями и белоснежными тасхылами, и в ее гордом клекоте слышится: » Будь спокойна, моя Хакасия! Пока не перевелись на твоей земле таланты, пока существуют поэты, писатели, музыканты и художники, способные воспеть твою красоту, – ты будешь жить и цвести на радость будущих поколений, что придут на эту землю после нас!».

... Мы уезжали из Отты, после теплой встречи с земляками М. Е. Кильчичакова, с твердой уверенностью в том, что музей-усадьба его имени будет создана в доме его детства. Ведь не только о себе, но и своих собратьях по перу сказал незадолго до смерти Чингиз Айтматов: «Нужны литературные музеи. Иначе где ушедший от нас писатель будет ставить своих степных коней!?».

Обетованное – Иудино – Бондарево

В Абакане, Центре культуры и народного творчества им. С.П. Кадышева, в 2011 году прошел финальный этап IV республиканского конкурса «Лучшее муниципальное образование (поселение) Республики Хакасия – 2010». В числе главных целей конкурса было повышение заинтересованности органов местного самоуправления в социально-экономическом развитии муниципальных образований, стимулирование инновационной деятельности администраций поселений и повышение активности населения.

Я, как бывший деревенский житель, с удовольствием побывал на этом прагматическом, не для «галочки», мероприятии, чтобы лишний раз убедиться: на село – по крайней мере, в нашей Хакасии, стали обращать не показное, а прикладное внимание. Ведь, представляя свои проекты на конкурс грантов, его участники, вышедшие в победители, имели право получить средства и на их реализацию, не говоря уже о том, чтобы обменяться положительным опытом работы в сфере развития муниципальных образований.

Думаете, все это – скучно? Как бы не так!

Мне, по душе и взглядам обреченному приверженцу культуры и туризма в Хакасии, его всестороннего развития, ближе всего была, конечно, номинация № 6, где участники соревновались по тематике «История, культура, спорт», а в ее рамках – конкретный проект Бондаревского сельсовета. Почему? Пожалуй, нет в Хакасии человека, которому не было бы знакомо имя Тимофея Бондарева. Вот только чем он конкретно знаменит уже второе столетие, знает наверняка далеко не каждый.

Я бывал в Бондарево... Улицы с деревянными домами – пятистенками, как линии диаграммы, то поднимаются на лесистые холмы, то спускаются вниз, ожерельем огибая косогоры. В предутреннем тумане синеют леса за околицей, избегающие на невысокие горы, гребнями уходящие в Саянскую тайгу. А с другой, северной стороны, к селу вплотную подступает хакасская степь, словно запнувшаяся здесь за первые холмистые неровности. Удачное место и для земледелия, и для подтаежного промысла! Хотя село Бондарево и относительно молодое (первое упоминание о нем относится к 1829 году), у него богатейшая и действительно интересная история.

Спустимся с высоты нашего времени...

1. Бондарев в Иудино

Первые жители деревни Обетованной (так вначале называлось нынешнее Бондарево) были переселенцами из Воронежской губернии, отправшие от православной веры – так называемые субботинцы. Затем сюда же, через 18 лет, царские власти поселяют (а точнее – ссылают) других иноверцев – молокан. Ни дать, ни взять – Иудино место! Так и называли эту деревню к середине позапрошлого века: Иудино. Исследователи того времени, побывав в новоявленном Иудино, так писали о местных жителях: «Их отличает добропорядочность, отменное трудолюбие и трезвость. Постройки их добротные, лошади хорошей по-

роды, а зерна столько, что девать некуда». Не случайно, значит, именно Иудино – первое село в Сибири, где стали заниматься орошением земель, да, к тому же, здесь был организован и первый сельский кооператив.

Уже одного этого было бы достаточно, чтобы селу стать знаменитым. Но известности ему, и не только в Сибири, но и всей России, а потом и за рубежом весомо прибавило то, что с 1867 по 1898 годы здесь жил и работал сибирский мыслитель, народный философ Тимофей Михайлович Бондарев. Это был крестьянин, сын крепостного, обученный местным дьяконом какой – никакой грамоте. На тридцать аж восьмом году жизни его забрили в солдаты, а через десять лет сослали в Сибирь за отказ от православия и переход в иудейство. Так он оказался на здешних «ссылных» землях, и в деревне Иудино стал единственным грамотным человеком. В свои почти уже 50 лет Тимофей Бондарев открыл в селе школу для крестьянских детей и 30 лет в ней сам учительствовал. Именно он первым на селе стал заниматься орошением полей, выращиванием овощей, а избыток продуктов начал сплавлять по рекам Абакан и Енисей на Север. Получается – открыл будущий Северный морской путь? А, начиная уже с 1870 –х годов, в письменном виде стал излагать свои мысли в отношении, чего бы вы думали? – обогащения российской казны (это он – то, ссылный), и вынес предложения по выходу народа из нищенского состояния. А главное – написал трактат «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца», оказавшийся созвучным идеям великого Льва Толстого!

И вот в 1885 году великий русский писатель Л.Н. Толстой получает рукопись Тимофея Михайловича... «Вот мое мнение, – пишет в ответ Толстой в Сибирь. – Вся русская мысль, с тех пор, как она выражается, не произвела с своими университетами, академиями, книгами и журналами ничего подобного по значительности, силе и ясности тому, что высказали два мужика – Сютаев и Бондарев. Это не шутка и не интересное проявление мужицкой литературы, а это событие в жизни не только русского народа, но и всего человечества». Так между Бондаревым и Толстым завязалась переписка, которая продолжалась аж целых 12 лет! Известно одиннадцать писем Л. Толстого и двадцать три – Т. Бондарева. Остальные ждут своего часа...

Во всех письмах, адресованных Бондареву, великий писатель – гуманист подчеркивал силу, ясность, красоту и искренность убеждений, важность основного труда крестьянского философа. Льву Толстому, человеку с мировым именем, удалось напечатать основной труд

Бондарева в России; в сокращенном виде этот труд чуть позже был опубликован (в 1888 году) в еженедельнике «Русское дело» с послесловием Л. Толстого, а в 1890 году уже издан в переводе на французский и английский языки с его же предисловием. Почему такое высокоочтимое внимание? Да потому, что основная мысль Т. Бондарева состояла в том, что слова Книги Бытия о том, что человек «будет в поте лица своего добывать хлеб свой насущный», подразумевает непосредственное занятие крестьянским трудом как основное условие праведности любого человека – т. е. все, согласно философии его, великого русского писателя.

2. Музей? Да, музей!

Об этом и многом другом я узнал, когда бондаревцы представляли в финале свой проект создания музея имени Т.М. Бондарева в своем одноименном селе. И действительно: такая богатая, известная на всю Сибирь и Россию, не говоря уже о ближнем и дальнем зарубежье, история родного села, не может находиться втуне, погребенной под толщей уже более чем столетия! И вот в перерыве между работой участников конкурса и заседаниями оргкомитета я встретился с начальником отдела молодежи, спорта и туризма УКМСиТ Бейского района Е. Ю. Губиной, активно участвовавшей в разработке и представлении данного проекта. Она охотно поделилась своими взглядами на этот счет:

– Мы создаем музей Тимофея Бондарева с целью, прописанной в Федеральном Законе для всех музеев: осуществление просветительской, научно-исследовательской и образовательной деятельности среди населения. К этому мы, конечно, добавим патриотическое и трудовое воспитание подрастающего поколения. А разве не привлечет это историческое место туристов? Да не-сом-нен-но!

– Чему же будет посвящена центральная экспозиция? – поинтересовался, наперед почти наверняка зная ответ. Но все – таки...

– Конечно же, Тимофею Бондареву, – с приветливой улыбкой ответила собеседница. – Здесь же будет отражена дружба Бондарева и Толстого через их переписку, письма. Кроме того, в нашем музее будут экспозиции, посвященные значимым людям села Бондарево: Кузьме Бодягину, первому мелиоратору Хакасско – Минусинского края, известным сибирским поэтам Георгию Суворову и Ивану Ерошину, ученому, писателю и общественному деятелю Николаю Доможакову...

– Но он же, Елена Юрьевна, не уроженец здешних мест, насколько

мне известно...

– Да, это так. Но вы, наверное, не знаете, что именно Николай Георгиевич в свое время выступил с инициативой переименовать село Иудино в Бондарево, – был готовый ответ.

К слову сказать, мечта о создании музея имени Т.М. Бондарева в местных краях – далеко не новая. В здешней школе не сегодня и не вчера по инициативе учителей сначала был создан «Уголок Тимофея Бондарева», более тридцати лет велась поисковая работа, было собрано большое количество ценного исторического материала. Ощутимое участие во всех этих делах принял бывший учитель Бондаревской школы Юрий Карпович Махно, потом – доцент ХГУ им. Н.Ф. Катанова, историк – методист, краевед, как раз и стоявший у истоков зарождения музея.

В настоящее время для будущего музея огорожена территория в гектар земли, рядом с могилой Т.М. Бондарева, – прямо в центре села, вблизи школы, Дома культуры и местной администрации. Отсюда до трассы Саяногорск – Аскиз всего 500 метров. Это очень удобное расположение будущего музейного центра для посещения его потенциальными туристами из Хакасии, Красноярского края, других регионов России. Сейчас на этой территории уже установлен новый мемориальный памятник, разбит парк, в аллеях высажены вязы, липы, проложены тротуары для пешеходов и приезжих людей...

И это – только начало. На все – про все потребуется 366 тысяч рублей. Эти деньги уйдут на межевание участка, проведение изыскательских работ и изготовление пакета документов для строительства здания музея (бревенчатого дома), глинобитной печи, затем – оформления музейных экспозиций – словом, на осуществление всего генерального плана застройки территории и реализацию концепции развития самого музея. И вот, чтобы эти планы возрождения истории села не легли под сукно, бондаревцы и разработали свой проект для участия в конкурсе грантов на звание «Лучшее муниципальное образование (поселение) РХ – 2010».

Как на это прогрессивное начинание смотрит районная власть? Чтобы узнать ответ на этот вопрос, я обратился с ним к главе Бейской районной администрации Юрию Николаевичу Курлаеву:

– У нас в районе – девять поселений, – сказал он. – Все их руководители присутствуют здесь, на финальном конкурсе. Три поселения, в том числе Бондарево, прошли на защиту своих проектов. Цель, которую я поддерживаю и культивирую в районе, – это везде и всегда уча-

ствовать во всевозможных конкурсах и побеждать. Непременно побеждать! Смотреть, сравнивать, перенимать опыт лучших и избегать ошибок проигравших. Ведь наш район во многих отношениях имеет большой потенциал для будущего развития. Мы – народ, в положительном смысле, – дерзкий. Ведь даже если кто-то не победит – все равно будет осуществлять на своей земле задуманное. Но на победу, конечно, надеемся. Музей имени Тимофея Бондарева – наша козырная визитная карточка.

3. «Поток туристов будет к нам...»

«В основе будущей историко-просветительской деятельности, – сказал, выступая перед участниками конкурса глава Бондаревского сельсовета И. Ф. Сагалаков, – это реализация муниципальной целевой программы «Популяризация культурного наследия и развития культурного туризма и музейного дела в муниципальном образовании на 2011 – 2013 г.г.» Ну, а реальная программа этого – действующий муниципальный музей имени Т.М. Бондарева – с «Музейной педагогикой», одним из направлений реализации задуманного, а также организацией экскурсий, включение музея в маршруты «От каменного века до современности» и «Люди и события». Но это далеко не все. Бондаревцы замахнулись на взятие более солидных высот. В их творческих задумках – сотрудничество с туроператорами Хакасии и России, развитие сельского туризма, а также (и это истинно здорово) – сотрудничество с музеем – усадьбой Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», государственным музеем писателя.

Мне, автору этих строк, в свое время довелось побывать в Ясной Поляне, в каменной комнате двухэтажного жилого здания поместья, где Толстой писал «Войну и мир»; довелось, волнуясь, пройти по лесной тропке в чащу, где на краю оврага, в тени деревьев и украшении опавших августовских листьев, предстал моим остановившимся глазам дерном покрытый холмик могилы Льва Толстого – небольшой такой продолговатый холмик без креста и оградки даже... К чему я это вспоминаю? Даже в своем предсмертном завещании, не говоря уже о характере могилы, Тимофей Бондарев так схож со своим великим адресатом! Судите сами. Отходя в мир иной, он написал: «... нашел хорошее место, посадил тополя, поставил стол с выдвижным ящиком и скамейку. В столе – рукописи, чтобы каждый прохожий мог прочитать и ознакомиться с моим учением. И Завещание потомкам». Свое место погребения сам определил и Лев Толстой – там, где когда-то в детстве

он со своими одногодками искал зеленую волшебную палочку... Так вот инициаторы создания музея имени Т.М. Бондарева, в благодарную память о нем, решили изготовить точную копию «Завещания потомкам», что можно только приветствовать, высеченного еще Бондаревым на двух каменных плитах и имеющего слова: «Я разыскал верное спасение от тяжелой нищеты, и потом оно – легонькое, для каждого человека доступное...»

После этого как не поверить, что долгосрочный проект создания музея – усадьбы Т.М. Бондарева с дальнейшим обустройством его могилы непременно увеличит поток туристов и экскурсантов в Бондарево, дополнительно привлечет финансовые средства в казну Бейского района?!

Я попросил высказать свое мнение о конкурсе грантов среди 18 поселений Республики Хакасия и, в частности, оценить проект бондаревцев, министра национальной и территориальной политики РХ Надежду Перфильевну Балахчину. Она сказала:

– В целом мне понравилась реалистичность всех представленных проектов, их актуальность и социальная направленность, пропаганда здорового образа жизни. Что же касается бейцев, а точнее – бондаревцев, то могу утверждать одно: они эффективно, на мой взгляд, используют свой исторический потенциал. И это можно только приветствовать.

PS: Дорогу, говорят, осилит идущий. Представителей муниципального образования «Бондаревский сельсовет» можно поздравить: их проект по созданию музея – усадьбы Т. М. Бондарева получил грант в размере 250 тысяч рублей. Обнадеживающая победа в начале благородного пути. Потоки туристов, уверен, «будут к ним». Бондарево станет по – настоящему землей Обетованной.

Саянский острог, или присоединение Хакасии к России

Впервые на месте бывшего Саянского острога, ставшего форпостом России в 1718 году в Южной Сибири, я побывал вместе с группой журналистов и писателей еще в конце XX века, в сентябре, когда по инициативе Юрия Николаевича Забелина праздновались Дни тюркской письменности и культуры. Он, собственно, и породил этот праздник, который решением правительства Республики Хакасия вскоре стал календарным, государственным (в рамках республики). Здесь, на

берегу протоки Енисея, был установлен фрагмент заплота острога, православный крест в честь памяти казаков-первопроходцев... Так я впервые узнал о Саянском остроге, этом ярком историческом месте Хакасии.

Теперь здесь, в станице Саянской, каждое лето проходят фестивали казачьей культуры – красочно, с размахом и удалью, в одном из бревенчатых домов открыт краеведческий музей «Саянский острог», над которым шефствуют ученые Красноярского государственного университета им. В.П. Астафьева, создан, по историческим описаниям, макет боевой крепости на Енисее. И теперь не только казаки, журналисты, писатели и работники культуры Хакасии и юга Красноярского края приезжают сюда сердцем соприкоснуться с легендарным прошлым, но и наведываются туристы из Москвы, Новосибирска, Читы, Красноярска...

И это – только начало одного из новых туристических маршрутов Хакасии. Ведь организаторы и создатели музея – впрочем, как и Енисейское казачество, намерено в недалеком будущем один к одному создать на бывшей территории вновь возрожденный Саянский острог! Вот тогда, без сомнения, поток туристов на нашу историческую прародину станет куда как ощутимее!

...Я стою на земле, которую в те давние уже века занимал Саянский острог. Его бывшая территория опажена сейчас тракторным плугом, на борозде цветут чина луговая (мышинный горошек), желтый люпин в подушечках, розоватая чебрец – трава, темно-синий аконит, полевая гвоздичка алого цвета... За спиной шумят июньские тополя с липкой листвой, выбросила первые стручки желтая акация, а внизу, под обрывом, неслышно катит свои воды протока Енисея, где среди цветущего конского щавеля пара рыбаков, переходя с места на место, пробует ловить хариуса... Глядя на все это, трудно увидеть, осознать то, что называется дымкой истории. И все-таки она здесь – полноправная хозяйка! Потомки казаков, кто закладывал и строил Саянский острог в начале XVIII века, уже в наши дни, спустя почти триста лет, возвели здесь памятный знак, символизирующий фрагмент стены старого воинского острога. Рядом, по левую руку, установили большой деревянный православный крест в честь памяти сородичей-первопроходцев... Смотришь долгим взглядом на эти знаковые реликвии, и невольно глаз фокусирует в своем зрачке ближний горизонт приречного раздолья... Там, в березовой чаще, густо, до сумрака даже в солнечный день, разросшейся вплоть до обрывистого берега, – там, среди

стволов и ветвей старых кряжистых берез, сурово и молчаливо царит кладбище станицы Саянской. Не надо долго думать, кто положил начало первым захоронениям своих боевых служилых товарищей. Это были они, основатели острога, кто предавал земле первых погибших, умерших по нездоровью казаков-первопроходцев. Туда даже сейчас, в июне, идти не тянет: слишком там одичало все и время от времени выпархивают из зеленой чащобы вещи сумрачные вороны...

Но живым – им нужно думать о живом. Вот и разместили несколько лет назад потомки первых завоевателей Сибири, а также сосланные в годы репрессий казаки в одном из бревенчатых домов местный музей под названием «Саянский острог». Здесь на видном месте находится макет бывшей боевой крепости. Что он из себя представляет?

Графическая реконструкция внешнего вида Саянского острога все расставляет на свои места: у одной из угловых башен – летний очаг; рядом, в глуби территории, – постройка хозяйственного назначения (для целей рыбообработки); дальше в этом же направлении – продовольственный амбар с погребом; у противоположной стены наискосок – пороховой (амуниционный) погреб; вблизи – коновязи; чуть поодаль, на этой же стороне, – постройка служебно-хозяйственного назначения; затем кузница и дом приказчика острога.

Это – внутреннее расположение крепости, согласно макету, хранящемуся в музее. Но сохранилось реальное описание Саянского острога, чудом пережившее три столетия! В нем говорится, что это было «...одно строение. Вокруг острога заплот, рубленый в лапу. По углам четыре башни, пятая башня – проезжая, к бору, а к Енисею реке – ворота проезжие, вокруг острога выкопан ров, позади рва – надолбы. А в том месте имеется две избы (государев двор), одна из них – изба атамана, да четыре избы под башни, два амбара на берегу Енисея». Острог занимал площадь пятьдесят квадратных сажен, на четырех угловых башнях были установлены пушки, одна медная, две двухфунтовые, две однофунтовые. Гарнизон крепости определили в 100 казаков, которым предписывалось выставять в южном направлении отъезжающие караулы. Однако впоследствии краснорядцы добились того, чтобы число казаков Саянского острога было сокращено до 60 человек. Скорее всего, после некоторого замирения с инородцами.

На казачьем фестивале 2012 года, проходившем в станице, вместе с Николаем Михайловичем Солдатовым, атаманом Минусинского отдела, одетым в парадный мундир, с орденами и медалями, я встретил и его, так сказать, правую руку в Саянской – Павла Александровича Ла-

укса – старосту этой станицы. Он выглядел молодцевато, несмотря на заслуженный возраст, взгляд его был живым, заинтересованным. По всему его внешнему виду чувствовалось, что Павел Александрович, исполняя обязанности старосты Саянской, абсолютно на своем месте и, что называется, горит в своем деле, ему порученном казачьим кругом. Я попросил Павла Александровича рассказать подробнее о Саянском остроге, его внутреннем и внешнем расположении, кое-что детализировать. И получил, на свой успех, желаемые подробности – пусть не такие, чтобы «от и до», уже улетучившиеся за дымкой столетий, но все же!..

– Что вам добавить уже к известному? – не то спросил, не то раздумчиво произнес вслух мой собеседник. – Въездная башня со стороны бора – она была центральной, это так. Ее высота предположительно была не менее двенадцати метров. Такая же высота была, мне думается, и у выездной, так называемой караульной башни. Высота же заплота составляла где-то метра три, чтобы нельзя было подпрыгнуть и схватиться за верх заплота. Между стеной и внешними надолбами пролежала ездая дорога – для осмотра и внешней охраны острога. Ну, а на внутренней территории, да, размещался ледник для хранения продуктов, так называемая пороховушка – для хранения оружия и боеприпасов, а также, у коновязей, была расположена хомутарка и конюшни. Вот, пожалуй, и все мое дополнение.

Я остался благодарен старосте Саянской за эти ценные уточнения. Даже в научно-исследовательской литературе – и то сразу не найдешь нужной тебе информации. Нужно просидеть часы и часы, чтобы вычитывать скупое искомое, и то – не у себя в Абакане... Между тем на прощание Павел Александрович, приняв кивком головы мою благодарность, отчеканил, как слова напутствия:

– Помни, брат, что у казаков дружба – обычай, товарищество – традиция, а гостеприимство – закон! – и он, сменив улыбку на добрый отцовский взгляд, протянул мне руку: – Все, до свидания!

О казацкой выправке этого человека, гордости за своих служилых людей лучше ничто так бы не сказало, чем как вот этот, четкий и ладный стиль его общения, – в частности, со мной.

Итак, в чем же заключались стратегические задачи Саянского острога в то «незамирное» время? Они – в следующем. Это:

– окончательное закрепление за русским государством территории Присяянья и обеспечение возможного выхода на территорию собственно Центральной Азии, в ближайший тыл Джунгарии;

- защита присоединенной территории от вторжения джунгар;
- функционирование острога и его постов в качестве опорных пунктов в случае возможного вооруженного конфликта с империей Цин или Джунгарией;
- прекращение самовольных перекочевок ясачного населения за пределы русских границ;
- функционирование острога в качестве торгового пункта на пути в Монголию и Китай;
- обеспечение эффективного управления ее населением и пограничного контроля.

Саянский острог, таким образом, был «укреплением легкого типа». Он рассматривался, прежде всего, как передовой пост, предназначенный для защиты уже присоединенной территории, главным образом, от джунгар. Между тем острог по праву считался оборонительным сооружением. Помимо уже названных задач он служил также для защиты русских владений в Хакасии от вторжения монголов, принявших подданство Китая. Находился, как повествуется в одной из исторических справок, на правом берегу Енисея, у подножия Саян, в 120 верстах южнее Абаканского острога, останки которого, в связи с затоплением тех земель современным Красноярским водохранилищем, ушли под воду. Гарнизон действительно состоял, после Красноярского распоряжения, из 60 казаков-годовальщиков. К концу XVIII века Саянский острог сильно обветшал и был оставлен – в принципе, уже за ненадобностью. В свое время острог – а точнее, его останки, исследовались археологическими раскопками С.Г. Скобелева.

Иными словами, боевая служилая жизнь сохранялась в остроге на протяжении около восьмидесяти лет – самых важных в смысле охраны новых рубежей России. Вот почему в короткие достаточно сроки, ранней весной 1718 года, красноярский дворянин Илья Нашивонков с 300-ми казаками поставил Саянский острог, на несколько верст севернее «Означенного в 1716 – 1717 годах для этих целей места». Именно здесь, у зарождения острога, мы находим первое знаковое упоминание о роде Солдатовых. И какое упоминание! Для строительства острога из Красноярска был направлен отряд казаков под командованием атамана Федора Солдатова – как раз в поддержку Ильи Нашивонкова, который руководил всем строительством. Жаль, что история не сохранила ни подробностей действий атамана Солдатова при возведении острога, ни черт его характера, ни внешних данных. Но, надо полагать, атаман – он и есть атаман, и подчиненные ему служилые

люди, а это – факт, в лучшие сроки сумели-таки построить Саянскую крепость на Енисее. Всего же в строительстве острога, следует добавить, участвовало 946 человек. И. Цицурин в своем донесении в Сибирский приказ подробно описывает острог так: «А тому острогу длина 50 сажень, ширина 33 сажни, высота 2 сажени печатных. По углам четыре башни. Пятая башня – проезжая большая в степь, с верхними и нижними боями, да к реке Енисею ворота створчатые...»

Присяянье, Енисей... Их историческая жизнь началась, конечно, не со строительством Саянского острога! Седые Саяны, могучий батюшка-Енисей хранят многовековую историю. По равнинам и горам Присяянья мчалась когда-то конница Александра Македонского, двигались полчища Чингиз – Хана. Трудно русским давалось освоение берегов Енисея! Последним этапом этого освоения явился выход русских в хакаские степи и предгорья Саян. Русские первопроходцы были встречены хакасами враждебно: они начали нападать на русских. Однако нападение на русские поселения, в конечном итоге, оказались для хакасов губительными. Пока они растрачивали свои силы с русскими, монголы, а с 1667 года и джунгары, стали совершать на хакаские земли опустошительные набеги. Киргизские князья организовали военные набеги на хакасов и на земли Кузнецкого, Красноярского, Томского и Енисейского уездов. Они убивали или уводили в плен людей, истребляли и угоняли их скот. Русские власти придерживались оборонительной тактики, время от времени предпринимая лишь ответные походы.

Хакасы, в конце концов, обратились к сибирским воеводам с просьбой поставить в их земле острог. Со стороны русских был благоприятный отзыв, но князцы расстраивали эти планы. В итоге решение о строительстве острога было принято после 1703 года. На это решение повлиял тот факт, что джунгарам с помощью киргизских князцов удалось увести за Саяны часть хакаского населения. И вот в 1718 году был построен Саянский острог – самый южный форпост Сибири. Он был возведен по указу Петра I. Казаки построили его для укрепления границы Российского государства и защиты хакаского населения от набегов джунгаров. По словам писателя Константина Казанцева, «Хакаско – Минусинский котел исправно работал многие века, переплавляя тюркскую Среднюю Азию и монголоидный Восток с Ведической Русью, выдавая шедевры мирового искусства и изумительные образцы женской красоты».

В 1718 году, таким образом, завершился период вхождения в состав

России Хакаско – Минусинского края. В Киргизской земле воцарилась мирная жизнь.

Это – если рассматривать всю эту историческую ситуацию, что называется, из космоса. Как же происходило все это конкретно на деле и в лицах, что предшествовало, что вызвало к жизни эту историческую проблему и как шло ее разрешение?

...После падения могущества алтын-ханов соперниками русских и гораздо более опасными врагами явились джунгарские хунтайчи, принявшие под свое покровительство киргизских и тубинских инородцев. Как и на верховьях Оби, так и на Енисее продвижение на юг возобновилось лишь в XVIII веке, когда в 1707 году в Тубинской земле был основан Минусинск. Но незадолго до этого русским пришлось силой, и не раз, доказывать свое превосходство, боевыми походами отвечая на повторяющиеся набеги (в целом по Сибири и, в частности, южной ее части)) князца Еренака, а впоследствии и его сыновей – Корчуна и Чогуна.

В январе 1700 года в Сибирском приказе допрашивали приезжих из Сибири служилых людей и собирали сведения о выступлениях киргизов. В марте были уже разосланы грамоты о походе общими силами из Томска, Кузнецка и Красноярска. 20 апреля состоялся и сам поход под началом томского сына боярского Юрия Роецкого. Поход продолжался шесть недель, пока не «захватила бездорожица». Серьезного сопротивления Роецкий нигде не встретил.

В ответ на эти меры русских властей имел место большой, на этот раз последний, набег инородцев на русские уезды. 18 сентября Корчун и Такчий Таип нагрянули на Кузнецк, стояли под городом две недели, приступали вокруг города ко всем воротам, наконец, отступили 25 сентября, сжегши монастырь и много деревень, забрав много скота и пленных. Тогда же, по – видимому, киргизы приходили и под Красноярск.

В начале 1701 года был поэтому снаряжен против киргизов новый поход под начальством сына боярского Семена Лаврова. Поход этот носил характер, скорее, набега, чем серьезного предприятия. Они выслеживали киргизские юрты, громили их, захватывали пленников. Киргизы, застигнутые врасплох, не оказывали сильного сопротивления и, «подсмотря войско», убегали на лошадях, покидая жен и детей. Единственными трофеями были 50 человек убитых киргизов и 75 человек пленных, «больших и малых».

В том же 1701 году из Красноярска на киргизов был послан Конон

Самсонов, «и в том воинском случае были многи бои».

При всей незначительности достигнутых успехов они имели одно реальное значение. В августе того же года киргизские князцы прислали в Красноярск посольных с предложением заключить мир, каковой и был заключен в сентябре при посредничестве представителя Араптан – хунтайчжи Абы-зайсана. Киргизы обязались платить ясак со всех кыштымов. Невозможность для джунгар удержать под своей властью енисейских киргизов, которые вели в это время борьбу с маньчжурами, вызвала в 1703 году со стороны хунтайчжи неожиданную меру. Хунтайчжи решил принудительно выселить всех киргизов из их земли в Монгольские степи. В Киргизскую землю приехали три зайсана с 3500 джунгарами, и «киргиз де к себе загнали всех», «и ныне де в Киргизской земле киргиз никого нет», – сообщали киргизские кыштымы.

Известие об уходе киргизов достигло Томска в октябре 1703 года, а 12 декабря уже послан был сын боярский Михаил Лавров в Киргизскую землю с армией в 500 человек, которая погромила 50 юрт киргизов и шуйских татар, и захватила 150 человек в плен. А в марте 1704 года была снаряжена новая экспедиция, уже во главе с Осипом Качанавым и Савой Цицуриным. Дело шло, очевидно, об истреблении «остальцев», в первую очередь тех племен, которые в качестве кыштымов киргизов участвовали в их походах. Брошенные на произвол судьбы своими сеньёрами, джунгарами и киргизами, киргизские кыштымы, находясь между двумя огнями, спешили привести свои вины и умоляли русских о постройке на их земле острога, если те хотели брать с них ясак. Но только в 1707 году была снаряжена экспедиция соединенными силами Томска, Красноярска, Енисейска и Кузнецка под началом томского сына боярского Савы Цицурина и красноярца Конона Самсонова, которым, наконец, удалось поставить острожек на Абакане и тем осуществить намеченную задолго до того стратегическую задачу. Гарнизон для вновь поставленного города был составлен из 300 человек красноярцев и 100 человек, набранных из томских, енисейских и кузнецких служилых людей. Через несколько лет еще южнее построен был и Саянский острог. Абаканская степь была присоединена к России...

Надо сказать, что на протяжении всего XVII в. хакасские князья из рода кыргызов пытались сохранить свою власть над Хакаско-Минусинской котловиной и ее населением, над кыштымами-данниками, обитавшими в окружающей горной тайге. Они то подчинялись,

то восставали, то лавировали, выбирая для себя наименьшее зло. В конце XVI – первой половине XVII в. с юга постоянно наседали на них конные полчища западно-монгольского Алтын-хана, владевшего Тувой, а с середины XVII в. их сменили войска Джунгарского ханства, захватившего в то время часть Горного Алтая и Туву. С севера из всех трех форпостов русской пограничной линии (Томского, Кузнецкого и Красноярского острогов) воеводы высылали в «Киргизскую степь» свои воинские отряды и требовали признания власти Белого царя и выплаты ясака.

Постоянные военные стычки, ограбления, угоны людей и скота за пределы страны – такова была тяжелая обстановка, ставшая, в конце концов, невыносимой для рядового населения. В начале XVIII в. встал вопрос о жизни или смерти последних остатков хакасского народа. Представители рядовых хакасов видели свое спасение в присоединении к России, воинские силы которой могли оградить своих будущих подданных от губительных угонов населения, которые практиковались джунгарскими ханами. Для коренного населения Хакасско-Минусинской котловины наступил долгожданный период постоянной мирной жизни.

Колесо истории то возвращалось назад, то двигалось вперед...

В 1701 году в походе к Саянам для противодействия увода в Джунгарию и Монголию коренного населения хакасов (киргизов) участвовал отряд казаков в 1243 человека, в том числе 728 человек из Енисейска и Красноярска (с пушками) и 515 томских и кузнецких казаков. Кроме того, еще 200 человек обеспечивали поход. Это переводчики, обозчики, разведчики и другие вспомогательные группы.

Противодействие немирных киргизских князьцов было сломлено в 1701 – 1705 годах походами томских, кузнецких и красноярских казаков. В это время усилились прорусские симпатии у местного населения. Они связывали свои надежды только с Россией, с тем, чтобы жить на родине, а не быть уведенными, и заниматься мирным трудом. Они обратились к русским властям с просьбой построить на их земле острог, «чтобы им жить под великого государя державой безопасно» (Конкноев, «Присоединение Хакасии к России»).

Как это происходило?

В конце июля 1703 г. состоялся угон в Джунгарию части населения Хакасии.

Произведенные розыски из Кузнецка и Томска показали, что джунгарский наместник Аранжама не сумел осуществить угона в Джунга-

рию всего хакасского населения. О количестве уведенных прямых документов пока не обнаружено, но известно со слов беглецов, возвращавшихся в середине XVIII в. из Джунгарии, что хунтайчша «захватил их всего 3000». Это примерно составляло четверть всего населения Хакасии той поры. В числе уведенных упоминаются два ведущих князьца Корчун и Тангыт с некоторыми своими людьми, да малоизвестный князец Кулеген.

Угон был неожиданным и насильственным не только для рядовых хакасов, но и для князьцов. Уводились и так называемые киргизы, и сагайцы, и кызыльцы, то есть хакасы. Избежали выселения на чужбину лишь те, кто сумел организовать сопротивление или убежать в тайгу и горы.

Примерно половина выселенных хакасов в течение последующих двух-трех лет ушла из Джунгарии, вторая половина осталась у хунтайчши в неволе. В 40–50-е годы XVIII в. наблюдается вторая волна побегов угнанных хакасов.

После 1703 г. рядовые хакасы, именуемые официальными источниками «черными людьми» или «киргизскими кыштымами», и начали обращаться к властям с просьбой построить на их земле острог.

Наконец, эта мольба хакасов была удовлетворена. Петр I в 1706 г. подписал указ о сооружении острога на «Киргизской земле». Так называли тогда Хакасию. За неисполнение его указа государь угрожал «быть в смертной казни». Царь знал, что до этого ряд указов правительства о закладке острога в Хакасии были не выполнены. Это и вынуждало его под страхом смертной казни заставить воевод поставить на юге Сибири русскую крепость.

Сибирские воеводы не сильно-то стремились сооружать острог в Хакасии. Почему? Это было для них просто не выгодно. Существовавшая напряженная обстановка во взаимоотношениях между хакасскими князьцами и царскими властями создавала условия для грабежа и собственного обогащения за счет всяких походов и экспедиций, которые для сибирских воевод и казаков составляли доходную статью. Интересы же царя требовали покончить со всеми этими конфликтами, завершить присоединение Хакасии к России для взимания с ее населения максимум *ясака*, чтобы казна его еще больше обогащалась.

Указом царя строительство нового острога предусматривалось в устье р. Абакан. Старшим отряда назначался сын боярский Илья Цицурин из Томска, помощником его – сын боярский Конон Самсонов из Красноярска.

В сооружении острога на р. Абакан должны были принять участие томские, кузнецкие, красноярские и енисейские служилые люди. Намечалось послать на постройку острога 1100 человек, а прибыло 975 человек.

В условленном месте на р. Коксуг, левом притоке Енисея, встретились в конце июля 1707 г. красноярские, томские и кузнецкие служилые люди. Отсюда они пошли к устью р. Абакана искать место для острога. Шли до гор Аглахтаг и, перевалив их, пришли к Абакану. Здесь все было подробно обследовано и рассмотрено, но старшины отряда забраковали устье Абакана под острог. Илья Цицурин решил спуститься вниз по Енисею и найти лучшее место. Казаки стали делать лодки. На 29 дощаниках большая часть отряда переправилась на правый берег Енисея, а меньшая – поплыла вниз по реке искать место для острога.

2-го августа 1707 г. «за камнем Туран», на правом берегу Енисея, нашлось подходящее место. Вскоре сюда же поднялись на лодках енисейцы и вторая часть красноярцев. 4-го августа все 975 человек начали закладывать на месте современного с. Краснотуранска тот острог, который по предписанию Петра I должен был быть построен в устье р. Абакан. Поэтому острог и называли, как намечали, Абаканским.

Во время строительства острога Илья Цицурин пригласил к себе хакасов для переговоров о вхождении их в состав России. Прибыло к Цицурину 20 человек. Они от имени хакасов под стенами нового острога дали последнюю присягу русскому государю о принятии подданства Российского.

Таким образом, сооружением Абаканского острога и присягой 1707 г. завершился длительный процесс присоединения Хакасии к России.

Для окончательного закрепления Хакасии в составе России на ее южной границе построили еще один острог – Саянский.

Местные и Центральные власти с постройкой Абаканского острога не считали край полностью присоединенным, и поэтому там «...на жительство до указа» был назначен значительный, по тем временам, казачий гарнизон в количестве 375 человек. В острог разрешили переселяться всем «охочим казачьим детям и отставным служилым» с семьями.

31 августа 1708 г. Китай выразил протест против постройки русскими Абаканского острога и потребовал его ликвидации. На владение «урочищем Хонгороя» претендовал хотогойтский князь Дзасакту – хановского аймака Монголии Гун Бубэй (Гун Бек). Он был племянником Гендун-Дайчина, последнего правителя государства Алтын ханов. По-

томки Алтын ханов неоднократно пытались отстоять права господства над Хакасией. Гун Бубэй заявил: «Тою де землю Хогорою издавна владел дядя мой Гендун Дайчин, его улскиргизы, уранханя, моторы, они кочевали».

В 1709 г. китайский император «высочайше пожаловал» Гун Бубэю область Кема (т.е. Енисея), куда входили Хоорай и Тува. Русское правительство считало претензии монгольских феодалов безосновательными, ибо Хоорай находился «во владении киргисских князьцов, а и те киргисские князьцы со всеми своими людьми были напред сего под державою Российской». Совсем другого мнения придерживались джунгарские правители, которые «не в давних годах тех киргизов приняли к себе и по ним с оных народов претендуют». То есть контайша, забрав к себе своих подданных кыргызов, стал по праву требовать на себя ясак с оставшихся кыргызских кыштымов. Поредевшее население Хоорая оказалось в тяжелом положении троеданцев. Некоторые роды бывших Тубинского и Алтырского улусов, поддавшись давлению монгольского феодала Гун Бубэя, перекочевали за Саяны. Этому решению способствовала и угроза крещения.

20 августа 1727 г. в результате переговоров на р.Буре, в 20 километрах от Кяхты, между Россией и Китаем был заключен пограничный трактат. Раздел территории прошел по Саянам, от Кяхты до вершин Абакана, вплоть до владений Джунгарии. Все земли и народы, находившиеся по северной стороне Саян, отошли к России, а по южной – к Китайской империи.

После 1727 г. Хакаско – Минусинский край начал обживаться русским населением. Первыми русскими жителями являлись казаки, поэтому до сих пор хакасы русских называют «казах». В 1725 году на «означенном» месте для строительства Саянского острога возникла д.Означенная (по-хакасски Хара тас), одна из первых русских деревень на территории Хакасии. Спустя 40 лет в Хакаско – Минусинском крае насчитывалось около 40 крестьянских поселений (почти все на правобережье Енисея).

Многие русские деревни появились на местах кочевий хакасов. Так, например, д.Курагино (Хурага-тура) была названа в 1730 году по её основателю, кыргызскому князю Кураге. В 1744 году образовалась д.Сенявино (Орешково), в которой поселились потомки Кузнецкого воеводы Б. Сенявина, рожденные от плененной им кыргызской девушки. В конце XVIII в. они приняли фамилию Орешковых. Вероятно, хакаские фамилии легли в основу названия и деревень: Аёшка, Ко-

корево, Батени (Батенево), Пойлово и других. Объектом особого внимания стали богатые недра Хакасии. С 1736 года возникли Майнские, Сырские и Базинские медные рудники. Они до сих пор у хакасов называются «Хазах хасхан», т.е. русские копи.

В 1758 году, когда в связи с разгромом Джунгарии Цинская армия вторглась на Алтай, на хакасском участке русско-китайской границы царское правительство в спешном порядке разместило казачьи гарнизоны. На месте бывших хакасских караулов были образованы станицы и форпосты – Таштып, Арбаты, Монок, Шадат (Каратуз), Кебеж. С 1758 года, когда пограничную службу стали нести казаки, произошло фактическое закрепление Хакасии за Российским государством.

Во второй половине XVIII века среди хакасских селений стали возникать русские деревни. В 1780-х гг. два брата Солдатовы из д. Каптырево поселились по р. Калы и образовали д. Калы. Это были первые потомки атамана Федора Солдатова, который в начале XVIII века прибыл из Красноярска на строительство Саянского острога. Он прибыл как командир отряда казаков. И вот два брата, один из которых звался Евграфом, построили первые два дома в будущей деревне Калы. Недаром их предок возводил Саянский острог, недаром! Забегая вперед, надо сказать, что новое и последующие поколения Солдатовых построили за многие годы десятки домов в основанной своим родом деревне, тем самым подтвердив свою мастеровитость перед всеми своими будущими односельчанами. Но подробнее об этом – в соответствующей главе, посвященной Калам.

Сейчас же стоит только упомянуть о том, как появились братья Солдатовы сперва в Каптырево, а потом вот решили заложить новое поселение и на речке Калы. Дело в том, что после заключения Кяхтинского (Буринского) договора в 1728 году границы России были отнесены за Саянские горы. Набеги инородцев прекратились. Часть казаков были возвращены в Красноярск, а часть распределили как раз по вновь создаваемым деревням. Здесь они несли государеву службу и представляли государственную власть в полном объеме.

Более того: по желанию казакам на новых местах было разрешено рассказывание, и потому многие казаки, до этого люди служилые, получили разрешение на занятия земледелием. Они, как правило, селились по ручьям, в местах, выгодных не только для проживания, но и занятием хлебопашеством и другими видами земледелия, а также охотой на диких животных и птиц.

Между прочим, еще во время службы в Саянском остроге казаки на-

правлялись на службу в форт – посты, а также на добычу дикого зверя, особенно соболей. Это требовалось для пополнения государственной казны. Кальский ручей был одним из самых престижных, как сегодня бы сказали, мест для этих целей. Вот почему в середине XVIII века два брата Солдатовых из деревни Каптырево поселились на этом ручье и в дальнейшем образовали деревню Кальскую, ныне – Калы. Калы, к слову сказать, в переводе с языка местного населения, – бельтыров (Хала), звучит как «Овечий лог». Отсюда есть и пошел разрастаться на сибирской земле род знаменитых Солдатовых, восходящих к атаману Федору, приведшему в начале указанного века отряд казаков для строительства Саянского острога.

В 1825 – 26 гг. было открыто и Сабинское поселение. В 1780 – 90 гг. при хакасских юртах крестьянин И.Я. Байкалов основал д. Бею. В это же время возникает д. Табат. Многие русские деревни, как видно, возникли на месте бывших хакасских аалов, жители которых перешли на оседлый образ жизни. В 1850 г. Н. Костров зафиксировал, что д. Когунек, например, «образовалась из инородцев, перечислившихся в крестьяне», а д. Табат «состоит вся из оседлых инородцев». Согласно статистическим данным, за 1875 год в д. Новомарьясово и д. Означенной полностью проживали оседлые хакасы, а в д. Листвягово, Шунеры, Бородино они составляли лишь около 50 процентов.

В течение XVIII в. русские крестьяне и казаки заняли хлебопахотные земли восточной части Хакаско – Минусинской котловины, а коренные жители были оттеснены в степи левобережья р. Енисей. Только с организацией Степных дум в 1822 году произошло официальное закрепление хакасской территории за коренным населением. На основании § 31 «Устава об управлении сибирских инородцев» русским запрещалось селиться на землях хакасских ведомств. В силу этого положения русское население в Хакасии было одно время незначительным. В пределах своих ведомств хакасы сохраняли мононациональные образования, составляя при этом около 98 процентов всех жителей.

Центральное место занимал, конечно, Саянский форпост, бывший острог, расположенный на самом Енисее. За Енисеем казаки жили вместе с крестьянами в деревне Ое, откуда ходили в далекие восточные караулы, стоявшие вверх по р. Ое, при впадении в нее р. Нарысы (Нарысогойский караул) и р. Кебеж (Ой-Кебежский). Крайним же восточным форпостом абаканского ведомства был караул Шадатский. Первоначально он находился при впадении р. Шадата в р. Амыл, но

после пожара в 1785 г. Пестерев перенес его на р. Каратуз, где и возникла казачья станица Каратузская. Все эти форпосты являлись небольшими крепостцами. Одна-две избы-казармы, окруженные бревенчатым заплотом со сторожевой башенкой над воротами, вал с рвом вокруг, на валу в один-два ряда рогатки поставлены – таков был вид всех этих незамысловатых укреплений. Только Саянский форпост был значительно больше и имел башни по углам. Кроме названных форпостов, кое-где близ границы были раскинута летние караулы в виде «одинок стоящих изб, а может быть редут», куда наезжали дозорные казаки.

Подготовка к строительству острога у Саян, о чем еще не говорилось, была возложена на сына боярского Андрея Еремеева, приказчика Абаканского острога. Да, в 1716 г., таким образом, по указу Петра I, для окончательного укрепления положения России в Хоорае, было решено поставить русский острог у подножия Саян. В 1718 г. он был возведен красноярскими казаками на правом берегу Енисея. Саянский острог (Соян-тура) перекрыл главный путь сообщения с Монголией, т.к. монгольские отряды приходили за сбором албана весной по льду Енисея. Однако официальное закрепление границ Хакасии за Российской империей, как мы уже говорили, произошло почти десять лет спустя.

Сенат неоднократно издавал указы о необходимости строительства в Южной Сибири новых крепостей, и поэтому, кроме строительства Саянского острога, была намечена постройка укреплений по линии: острог Саянский, на реке Уты, реке Бея, реке Табат, реке Сое, в устье реки Монок и острог на реке Таштып. Гарнизоны каждого укрепления должны были состоять из «20 регулярных и 40 нерегулярных служилых людей («казаков»). Зимовья – караулы были поставлены восточнее реки Енисей на реках Шадат, Кебеж, Нарыссы. В связи с обострившимися отношениями с Манчжурией во второй половине XVIII века и начавшимися набегами на ясачных, и были построены Саянский острог, занимавший центральное место в системе охраны границ, и укрепления по линии: Саянский острог – Таштып. Они тоже укреплялись и представляли собой одну – две казармы, окруженные бревенчатым заплотом со сторожевой башенкой над воротами, таков был валом вокруг, по которому в один – два ряда шли рогатки.

Но вернемся, вернемся к главному – Саянскому острогу, являющемуся символом присоединения Хакасии к России. Увы, тут не все было так просто, как может показаться на первый взгляд, хотя поначалу все

вроде бы казалось ясно, как день. Речь на этот раз идет об исторических календарных цифрах. Дата присоединения Хакасско – Минусинского края к России на протяжении XVIII – XIX вв. действительно не вызвала сомнения ни в хакасских исторических преданиях (во времена Поот-хана, т.е. Петра I), ни среди царских чиновников и ученых. К сожалению, данные факты были проигнорированы в советское время.

В ноябре 1957 г. вышло постановление ЦК КПСС о праздновании 250-летия присоединения Хакасии к России, и в июне 1958 г. Хакасская автономная область впервые отмечала эту дату.

На сегодня вопрос о дате присоединения Хакасии к России разделяется на три точки зрения. Первая: август 1707 г. Этой даты придерживался К. Г. Копкоев, серьезно занимающийся проблемой присоединения Хакасии к России. Свою точку зрения он аргументировал следующим образом: «Во время строительства острога Сава Цицурин пригласил к себе представителей местного населения для переговоров о вхождении в состав России. На эти переговоры прибыли 20 человек. Делегация состояла, главным образом, из князьцов и старейшин. От имени хакасов под стенами Абаканского острога они дали присягу государю о принятии русского подданства. Известно, что русские власти считали новую территорию окончательно присоединенной в том случае, если строился острог и местное население присягало русскому Царю на подданство и верность. Исходя из этого, август 1707 г., когда был построен Абаканский острог и местное население дало присягу русскому государю, и считает исследователь датой окончательного присоединения Хакасии к России. Таким образом, сооружением Абаканского острога завершился длительный процесс добровольного присоединения Хакасии к России.

Вторая: осень 1718 г. Л.Р. Кызласов, в свою очередь, связывает дату присоединения со строительством Саянского острога. Он пишет: «Годом окончательного присоединения Хакасии к России справедливо следует считать 1718 год». Его аргументы будут рассмотрены ниже.

Третья: 20 августа 1727 г. Этой даты придерживаются Л.П. Потапов, В.Я. Бутанаев и красноярский историк Г.Ф. Быконя. Л. П. Потапов пишет: «В 1727 году Россия заключила с Китаем Буринский договор о границе. Местное население Минусинской котловины осталось в пределах Русского государства и дальнейшее историческое развитие его и судьбы оказались тесно связанными с русским народом». Как видим, эти исследователи придерживаются той даты, когда территория Хакасско-Минусинской котловины была официально признана за

Россией.

Авторы первых двух позиций пытаются определить даты фактического присоединения. В этом плане наиболее уязвимой является точка зрения К. Г. Копкоева, который связывает даты присоединения со строительством Абаканского острога и присягой 20 представителей местного населения на верность русскому Царю. Надо сказать, что местные жители в течение XVII – начала XVIII вв. неоднократно присягали на верность русским Царям. Например, князь Еренак со многими другими кыргызскими князьями давал присягу на верность в 1677 г. Князья всех четырех улусов в 1683 г. снова присягали Царю. Тем не менее, принятие присяги не означало, что эта территория является присоединенной к России. А в 1707 г. 20 «лутчих людей» от имени 280 человек обещали платить ясак по 6 соболей с мужчины. Но лишь со строительством Абаканского острога только начинается активный процесс присоединения Хакасии к России. Это понимали и русские власти. Так, в марте 1709 г. томские служилые люди совершили поход на кыргызов под начальством О. Кочанова и С. Цицурина. В том же 1709 г. Сава Цицурин получил задание: «... да ему Саве велено Мелеской и Ачинский острог построить вновь и учинить надолбы и окопать рвы со всякою крепостью, чтоб от воинских кыргызских людей в тех острогах жить было безопасно».

Как уже отмечалось, Л. Р. Кызласов связывает окончательное присоединение Хакасии к России со строительством Саянского острога в 1718 г. Он пишет: «По мирному соглашению хакасы стали коллективным кыштымом Белого царя Петра I. Со всеми своими землями и водами они очутились в податном сословии российских ясачных «инородцев». Как говорится в одном историческом исследовании, Л.Р. Кызласов при этом ни на какие источники не ссылается. Не доказав своего утверждения, он продолжает: «Как правовой акт это означало, что российское правительство отныне взяло на себя всю полноту ответственности за жизнь, права, земли, имущество и дальнейшую судьбу хакасского народа». К сожалению, автор держит нас в полном неведении по поводу «мирного соглашения» и вытекающего из него «правового акта», поэтому мы не можем рассматривать это «мирное соглашение» в качестве аргумента. Возражая К. Г. Копкоеву, Л. Р. Кызласов пишет: «Русские власти не считали еще тот край присоединенным, и поэтому ... на житье до указа в Абаканском отроге был оставлен большой гарнизон в количестве 375 человек». Подобное же возражение можно предъявить и самому Л. Р. Кызласову. Возможно, по той же

причине, что территория Хакасии еще не была присоединена, русские власти оставили гарнизон в новопостроенном Саянском остроге».

После присоединения Хакасии к России начинается новый период и в истории Енисейского края. Кончилась пора тревог и опасностей, открылись пути на плодородные южные земли. Еще раньше ослабел поток промышленников в северную тайгу. Центр жизни, в том числе экономической, неуклонно перемещался на юг. Изменилось и административное устройство. Уезды Енисейского края вошли в состав новой Сибирской губернии с центром в Тобольске.

Да, с течением времени вокруг Саянского острога – не буквально рядом, а на расстоянии сотен и сотен километров – стали появляться новые русские поселения. Этот процесс поначалу шел медленно, тем не менее десятилетия сделали свое дело. Несмотря на тяжелое положение районов Красноярского уезда, число русских поселенцев в них в первой половине XVIII в., хотя и не быстро, но все же возрастало. Организованного заселения края крестьянами почти не было: люди тянулись сюда сами, шли исподволь из Красноярской, Енисейской округи, из других мест, привлекаемые выгодами жизни и относительной вольностью. Документы Саянского острога свидетельствуют, что в 1730–50-х годах в Хакаско – Минусинском крае скрывалось немало раскольников и других сектантов. Сюда бежали многочисленные колодники. Грозные приказы «сыскивать» их («всяки сыски накрепко») не имели серьезного значения: беглецы легко терялись в глухомани, а подчас укрывались в хакасских юртах.

Приходили, несомненно, и переселенцы-крестьяне. Нехватка русских женщин, остро ощущавшаяся в Сибири того времени, возмещалась или браками с хакасскими девушками, или приобретением их в рабство, превращением в наложниц. Какая-то часть невольников-хакасов выявилась у русских при проведении первой ревизии. Таким образом на юге Сибири вырастал человек особого склада. Печать его своеобразия проявлялась даже сто лет спустя, в XIX веке, когда А. К. Кузьмин писал о минусинском крестьянине, что он «ловок, смел, хороший наездник, хороший стрелок из винтовки, с которой не разлучается и во время своих полевых работ».

Из-за угрозы джунгарских набегов, да и по близости к ранее обжитым районам, русскими в первую очередь заселялись примыкавшие к Енисею просторы Енисейско – Чулымской котловины, прикрытые с юга Батеневским кряжем и Беллыкским белогорьем. Центром этого района заселения являлся Верхне-Караульный острог. Если в 1720 г. в

его округе насчитывалось только 6 деревень, то в середине XVIII в. их число возросло до 25. Значительно медленнее заселялась пограничная Хакаско – Минусинская котловина. Так, в прилегающем к Абаканскому острогу районе, к четырем деревням, известным в 20-х годах, к 1750 г. прибавилась лишь одна, Ерба, возникшая на енисейском левобережье. В связи со строительством Ирбинского железоделательного завода выросло на р. Тубе и Шелаболино.

Одиноким форпостом продолжал стоять на своем неприютном месте Саянский острог. Все же и к нему потянулись люди: построил свою заимку неутомимый рудоискатель Андрей Соколовский, возникла д. Шуш с населением в четыре мужских души, да в соседних Шунерах насчитывалось 11 душ.

После падения Джунгарского ханства и создания пограничных линий жители Сибири двинулись с севера на юг. Поэтому, если в первой половине века русское население в Северной Сибири значительно преобладало над Южной, то к концу XVIII столетия решительный перевес его оказался в южных округах, которые манили к себе богатством природы. Яркий пример этому – заселение деревни Минусинской – будущего города Минусинска. В 1775-76 гг. сюда переселились крестьяне из Енисейского уезда, жившие в Надпорожской слободе. На новой родине они даже воссоздали церковь Спаса (вместо бывшей у них на севере).

П. С. Паллас, проезжая просторами Хакаско – Минусинского края в начале 1770-х годов, заметил много нового, нам неизвестного для середины столетия. К его времени, вместе с созданием ряда казачьих станиц и форпостов по Абакану и Ое с притоками, осваиваются крестьянами-поселенцами и удобные для земледелия глубинные районы енисейского правобережья в бассейне р. Тубы.

Продвижение русских на левом берегу Енисея шло разными направлениями. Вверх по Абакану расселялись казаки. Абаканом же шли красноярские торговые люди в сагайские, бельтирские и шорские земли, пробирались по Аскизу на Томь. Тем же путем, по Томи и Аскизу, по р. Абакан направлялись торговцы со стороны Кузнецка. В поисках руд закладывали шурфы и рудники, заходили в глубины гористой Сагайской степи рудознатцы. Они проникли Ербою и Тесью к Коксинским горам, где возник Карышский рудник; работавшие на нем ссыльные основали бедную деревушку в 6–7 дворов на р. Теси.

Русское продвижение шло также с севера, с ачинской стороны (д. Чернореченская, Назарова), через кызыльские земли на реках Бере-

ше и Урюпе к заимке Копьевой, возникшей в ту пору близ древнего центра алтысарских князей.

Вместе с появлением новых селений вырастали старые, превращаясь из утлых деревушек в большие села. Ко времени путешествия П. С. Палласа возникшая в первой половине XVIII в. деревня Балахтинская превратилась в широко раскинувшееся село, состоявшее из ряда слившихся деревушек, на несколько верст вытянутое вдоль р. Чулым; деревня Шуш, в которой каких-нибудь 20 лет назад жило всего-навсего 4 души, теперь имела 26 крестьянских и 5 казачьих дворов. Словом, русское население края со второй половины XVIII в. стало возрастать заметно быстрее.

По абаканской границе на 1791 г. числилось всего 142 казака, вместе с причисленными к ним малолетками (с 13-летнего возраста). Из них значились при Абаканском карауле – 31, Таштыпском – 22, Саянском – 36, Кебежском – 30 и Шадатском – 23 человека.

После ликвидации Джунгарского государства пограничная жизнь год от году становилась спокойнее, а вместе с тем абаканское казачество все более занималось своими личными хозяйственными делами, выполняя по службе главным образом полицейские функции. Уже в 1770-х годах в Саянском остроге, имевшем за своими стенами 5 казарм, магазин, пороховой погреб, 6 железных пушек, в гарнизоне состояло только 7 казаков во главе с капралом, которые жили в ближних деревнях, а в остроге оставляли только двух человек для хранения пороха и пушек. Так за считанные шесть десятилетий изменилось распределение служилых и крестьянских людей на инородной земле. Саянский острог, давший своеобразный старт заселению русским людей новых земель, к концу XVIII века превратился, таким образом, в некотором роде в формальную крепость, которая, тем не менее, не сла свою службу, пусть и в лице не сотен, как раньше, казаков, а лишь неполного их десятка...

Да, время неумолимо текло, как Енисей... Разрастались русские поселения, в том числе нередко смешанные с инородцами. Но не только. Заметно стала расти и группа тюркских племен, постепенно консолидировавшихся в XVIII – XIX веках в хакаскую народность. В ее состав вошли качинцы, сагайцы, кызыльцы, койбалы, бельтиры, некоторые группы, родственные тувинцам, алтайцам, шорцам, некоторые самодийскоязычные и кетоязычные родоплеменные группы, принявшие тюркский язык, а также потомки средневековых кыргызов (киргизов).

... Шло время – десятилетиями, столетиями. Потомки завоевателей

Сибири, Енисейские казаки, всегда оставались при деле, т.е. службе Царю и Отечеству. В 1900 году, во время так называемого боксерского восстания в Китае, в минусинском округе для охраны границы и предупреждения вторжения в Енисейскую губернию китайских шаек войсковым старшиною Путинцевым были сформированы три казачьи дружины: Арбатская, Саянская и Каратузская. Из Красноярска была командирована полусотня казаков во главе с командиром сотни и двумя офицерами, потом откомандировали еще двух офицеров. По прибытии полусотни в Минусинск она была там оставлена, где временно и располагалась. Затем по приказу военного министра войсковой старшина Путинцев передал, а командир сотни есаул Мунгалов принял казачьи дружины, и в первых числах августа в составе 127 человек выступил в Усинский пограничный округ. Но это уже – другая история...

Саянская казачья дружина... Она была сформирована из потомков тех казаков-первопроходцев, которые основали Саянский острог и утвердили правление русского Царя на этой инородной земле. И в далекие времена, и в самом начале вот XX века казаки грудью стояли на защите своих пределов и потомков тех бывших инородцев, кто когда-то встал под защитную руку русских служилых людей.

Осень 2012... Я стою у знака, символизирующего теперь бывший Саянский острог. Ветер с каплями сентябрьского дождя колко бьет по коже рук, лицу. Вверху, над обрывистым берегом протоки Енисея, взмывая на волнах холодного ветра, идущего с Саянских гор, грозно, словно выкрикивая прошлое, каркают и каркают время от времени черные вороны. Говорят, они живут более трехсот лет... Я внимательно слежу за их вещим полетом и гласом, и невольно думаю о том, что они (или их вороны предки!) могли ведь видеть первых казаков, строивших Саянский острог и несших потом, после 1718 года, в его стенах круглосуточную сторожевую службу! Ну как, ну как не думать об этом? Ведь со времени строительства крепости на Енисее, а точнее, времени присоединения Хакасии к России, не прошло ведь еще 300 лет. Так что вороны – они еще могут быть те, из восемнадцатого века!..

Я, стоя на месте бывшего форпоста русских на Енисее, смотрю вдоль берега протоки, несущей свои воды вниз по течению. Там, в трехстах – четырехстах метрах отсюда, шумно шелестит оставшейся мокрой листвой березовая – нет, не роща, а настоящая чащоба – как тогда, весной. За березовыми стволами и ветвями, густо стоящими и сплетающимися друг с другом, – покровительственный сумрак, похожий на поздний – сгущающийся, вечерний. Туда, в эту чащобу, сейчас, в мо-

кром и неприятном сентябре, мне, я это чувствую, никак не вздумается идти... Страшно там, кажется, и одиноко, зябко. В этой сумрачной березовой чащобе, там – находится (помните?) кладбище станицы Саянская. Увы, это кладбище – оно, как и Саянский острог, было начато (волей-неволей!) теми казаками – первопроходцами Петра I, которые хоронили здесь первых своих собратьев – погибших или умерших сами по себе – тогда, почти триста лет назад.

...Я ухажу с этого печального места, думая о том, что вскоре, вслед за музеем «Саянский острог», который разместился в одном из бревенчатых зданий современной станицы, все-таки появится, возродится и сам острог в его первоизданном виде, размерах и высоте. Ведь иначе нельзя! Ведь просто нельзя плюнуть в лицо истории – нашей, российской истории! В противном случае она нас смоеет с земли – в данном случае той же енисейской волной, – волной батеньки-Енисея, который служил природной границей от набегов завоевателей всех мастей. Рано или поздно, а Саянскому острогу быть. Ведь он – вечный теперь носитель символа – да что! – сам являющийся символом присоединения Хакасии к России.

Разве можно не уважать такую ИСТОРИЮ?

«Хакасский» – страна заповедная

... В январе 2011 года – как до этого, так и после, любители природы и профессионалы, ее защищающие от браконьеров любых видов и мастей, отметили День заповедников и национальных парков. Этот праздник впервые появился на календаре не так давно, в 1997 году, по инициативе Центра охраны дикой природы и Всемирного фонда дикой природы. 11 января был выбран Днем заповедников и национальных парков в ознаменование годовщины образования первого государственного заповедника России – «Баргузинского», созданного на Байкале в далеком 1916-ом. Время идет, и сегодня на территории России – от Заполярного круга до субтропиков, во всех природных зонах 70 субъектов Федерации действуют уже 101 государственный природный заповедник и 40 национальных парков. Прирост колоссальный, но не окончательный.

Два года спустя после ознаменования экологического праздника России, в сентябре 1999-го, был образован и заповедник «Хакасский» – на базе государственных природных заповедников «Чазы» и «Малый Абакан». Он включает в себя девять кластерных (изолированных) участков в Орджоникидзевском, Ширинском, Боградском, Усть-

Абаканском и Таштыпском районах. «Хакасский» – страна заповедная. Этот государственный заповедник является не только природоохранным, но и научно-исследовательским и эколого-просветительским учреждением федерального значения.

... Мне, как и многим другим, всегда невольно думается об уникальности нашей Хакасии. Если Москва окружена болотами, а Санкт-Петербург водой, то вблизи Абакана и не на таких уж больших расстояниях компактно находятся ну почти нетронутые человеческой деятельностью моря, озера, реки, горы, тайга, степи, низины и болота, смешанные и лиственные леса, горная тундра, лесостепи... Никуда не надо ехать, все – под рукой! Из степи в тайгу или из города на берег Красноярского водохранилища можно попасть всего за два часа, если не меньше. Где такое возможно еще?

И все это природное богатство нужно каждодневно беречь, охранять, оставляя в первозданном виде. А это – немало! Общая площадь заповедника – 267,6 тысячи гектара. Заповедная эта страна – как сердце, которое разносит свою первозданно чистую кровь по капиллярам и сосудам всего огромного и вместе с тем малого ландшафтного тела родной Хакасии. Ведь природа – она всегда живая.

Республика Хакасия расположена в центральной части Азии и входит в состав Саяно-Алтайской горной области. Горные массивы Западного Саяна и Кузнецкого Алатау в сочетании с межгорными котловинами придают нашей земле действительно необычно сказочную мозаичность. На площади 61,9 тысячи квадратных километра сосредоточены природные пояса обширного экорегиона: начиная от степи и кончая высокогорьем. В Красную книгу РСФСР внесено 23 вида растений, произрастающих на нашей территории. Как видите, колокол уже прозвонил – несмотря на то, что на территории Хакасии отмечено в целом более 1670 видов высших сосудистых растений, в том числе и реликтовых. Вроде бы, запас прочности большой... Но пора, пора думать и заботиться о редких и исчезающих – как грибах, так и растениях.

Что охраняется особо в Хакасии? Это степная, луговая, древесно-кустарниковая растительность, водно-болотные угодья, места произрастания редких и эндемических (местных) растений, все горно-таежные ландшафты, особенно кедровые леса, ценные охотничьи виды животных (соболь, марал, лось, норка, глухарь), дикие животные, занесенные в Красную книгу РФ и РХ, – северный олень, снежный барс, кабарга, выдра, а также места нереста хариуса, ленка, тайменя.

Трудно переоценить значение таких участков заповедника, как «Озеро Шира», «Озеро Иткуль» и «Озеро Беле». ...Вот картинка из моего детства. Отец привез меня рыбачить на Иткуль (жили мы близко, на ст. Сон). Я стоял у берега, затаив дыхание: передо мной, как в зеркальном аквариуме, плавали разных размеров полосатые окуни. Прозрачная вода позволяла видеть их на двух – трехметровой глубине! И они не боялись нас, рыбаков, – эти сотни полосатых водных хищников. Оказывается, в Иткуле водится теперь и пелядь и, как и раньше, – серебристый карась, омуль. Сейчас знаю: вода Иткуля действительно считается самой чистой из всех озер Хакасии. А какой здесь в окрестностях качается под ветром красивый перистый ковыль! Благодаря охранной деятельности заповедника, и сегодня тут в степи можно увидеть сокола-сапсана, балобана, журавля-красавку. Одни названия этих диких пернатых завораживают!..

А озеро Шира? Считай, российская здравница. Его вода напоминает мне черноморскую. Недаром летом здесь отдыхающих – видимо-невидимо, тем более сейчас, когда для большинства людей дальние странствия неподъемны... На этом участке имеется несколько раннескифских могильников, на которых можно найти рисунки. Ни дать, ни взять – музей под открытым небом.

Ну и, конечно, озеро Беле... Вода в нем тоже очень близка по солевому составу к морской. Озеро имеет большое значение в период миграции птиц. Здесь в массе останавливаются различные виды уток, гусей, лебедей, отмечаются даже залеты фламинго! А в окрестностях горы Чалпан находится крепость тагаро-таштыкского периода. На ее южном склоне найдены пять писаниц от II в. до н.э. до X в. В пятидесятые-шестидесятые годы теперь уже прошлого столетия здесь были глухие места, и мне рассказывал отец, что на Беле они охотились на лис (у подножия названной горы), а на озере стреляли белых гусей. Сейчас в этих уже заповедных местах, облюбованных летом отдыхающими, трудно даже представить себе человека с ружьем.

То, что эти уникальные места стали заповедными, – более, чем важно. Ведь эти три озера расположены в непосредственной близости от населенных пунктов, дорог, в том числе железнодорожной линии. Тогда, в январе 2011 года, сотрудники заповедника «Хакасский» собрали у себя за круглым столом друзей – журналистов, равнодушных к дальнейшей судьбе родной природы. Во время беседы выяснилось, что летом самый большой наплыв отдыхающих приходится на озеро Беле и Шира. Причем подавляющая часть любителей позагорать и по-

купаться здесь – красноярцы: 53 процента от общего числа отдыхающих. Дальше, по убывающей, идут проживающие в Хакасии (20 процентов), потом кемеровчане (16 процентов), новосибирцы (8 процентов) и т.д. Увы, туристы – не то, что местные жители! Как и следовало ожидать, меньше всего заботятся о сохранности окружающей среды именно они, приезжающие отдыхать на озера издалека. Их практически никак не интересует рекреационная (восстановительная) нагрузка на водные бассейны этих целебных озер! Чужое – оно и есть чужое?

Это чисто потребительское отношение к уникальным озерам Хакасии и пресекают, в меру своих сил и возможностей, сотрудники заповедника. Это – их приоритетная задача. В штате государственной инспекции отдела охраны заповедника созданы две оперативные группы, в задачу которых входит дополнительное усиление охраны на смежных между участками территориях во время массового туризма. Как раз наш случай. Пора и власть употребить!

В более выгодном положении находится участок «Малый Абакан» (Таштыпский район). Он расположен в северной части макросклона Западного Саяна, в междуречье р. Малый Абакан и Она. Горно-таежный пояс занимает до 80 процентов территории. Темнохвойные леса, порожистые речки влекут и сюда, хоть в неизмеримо меньшем количестве, любителей поохотиться на бурого медведя, росомуху, марала или кабаргу, браконьерскими методами половить в речках хариуса, ленка... А ведь большая часть и животного, и растительного мира этого участка заповедника внесены в Красную книгу РСФСР, не говоря уже о Красной книге Республики Хакасия.

В этом же районе находится участок «Заимка Лыковых», названный в честь таежных отшельников-староверов, о которых знает теперь весь читающий мир – благодаря книге известного журналиста «Комсомольской правды» Василия Пескова «Таежный тупик». Увы, сюда еще падают время от времени отработанные ступени ракет, запускаемых с космодрома «Байконур». Падают и отравляют природу, людей соседнего Горного Алтая...

Этот участок образован в мае 2001 года, его животный и растительный мир исследован не в полной мере: место труднодоступное! Может быть поэтому здесь высока численность белки, норки, соболя, марала, медведя, кабарги, встречается и северный олень, и снежный барс. Их заповедная охрана – гарантия долгожительства изначально богатой флоры и фауны этих суровых, но божественных мест, которых на Земле осталось немного.

...На той встрече 2011 года заместитель директора по развитию государственного природного заповедника «Хакасский» Ирина Санникова рассказывала, что на всех участках, в том числе и «Малый Абакан», и «Заимка Лыковых», постоянно ведется фото-видеонаблюдение за дикими животными, их регистрация, учет, выявляются новые места обитания снежного барса, кабарги и т.д. Для этого необходимо и дальше развивать техническую базу заповедника, приобретать легкие летательные аппараты, спутниковые ошейники для отслеживания перемещения диких животных по территориям участка, а в ближайшей перспективе начинать развивать экологический познавательный туризм. Понятие это пока звучит для нашего уха несколько необычно, но уже сейчас ясно, что экологическим туристом вряд ли сможет стать человек, потребительски относящийся к родной природе.

Государственная инспекция, постоянно находясь на заповедных участках, осуществляет не только свои прямые обязанности, но и проводит определенную работу по сбору первичных научных наблюдений в природе, непосредственно участвует в учете численности животных и птиц на территории, а также в мероприятиях по экологическому просвещению населения, проводя профилактические разъяснительные беседы с жителями прилегающих районов и приезжающими на отдых туристами, в том числе и зарубежными.

Вот что любопытно, и о чем нельзя не сказать. Заповедную страну «Хакаского» уже невозможно представить без уникального, в некотором роде даже эксклюзивного музея, созданного в центральном офисе заповедного учреждения в Абакане. Здесь насколько увлекательную, настолько и познавательную экскурсию провела тогда, в январе, для журналистов заместитель директора по экологическому просвещению ГПЗ «Хакасский» Наталья Таирова. Беседуя с ней месяц спустя, я дополнительно узнал, что в заповеднике эколого-просветительской деятельности придается важное значение. Главная задача – сформировать у современного человека неопределимую роль особо охраняемых природных территорий в сохранении биологического и ландшафтного разнообразия природы как основы первозданно здоровой биосферы, а также их места в социально-экономическом развитии региона. Что для этого делается? Это тиражирование буклетов, календарей с изображением заповедных территорий, проведение экскурсий и развитие познавательного экологического туризма, взаимодействие с органами образования и работа со школьниками (организация детских экологических лагерей, проведение экспедиций и

праздничных акций и многое-многое другое).

Важные мероприятия проходят и на базе музея, который был создан около семи лет назад. Экскурсия, в которой мы участвовали, начиналась со знакомства с географическим положением заповедника. Об этом информирует интерактивная карта со световыми индикаторами. Далее – рассказ о 9 участках «Хакасского». Гербарии, коллекции минералов, окаменелости, шкуры животных, другие археологические находки впечатляют. Большой раздел посвящен проживающей на территории заповедника отшельнице Агафье Лыковой. Участок тайги, лабаз для хранения продуктов, ее личные вещи... Но больше всего лично мое внимание привлекло письмо, написанное старообрядческой рукой отшельницы, известной не хуже иных знаменитых актрис. Крупные буквы с «ерами» и «ятями», относительно каллиграфический почерк письма... Уникальный экспонат!

Ну, а завершается любая экскурсия разделом «Угрозы заповедника». На стендах – браконьерские орудия лова животных, информация и фотографии, рассказывающие о самих браконьерах, пожарах в тайге, выброшенном и оставленном туристами мусоре... И сердце невольно проникается чувством уважения к сотрудникам заповедника, его охране, которые каждодневно пресекают все эти угрозы существования дикой природы. К слову сказать – дикой ли? Ведь если раньше природа угрожала человеку, то теперь все наоборот: человек угрожает природе!..

В такой ситуации, приятно отметить, ГПЗ «Хакасский» уверенно смотрит в будущее, и намерен добиваться того, чтобы иметь право называться заповедником биосферным. Таких в нашей стране пока 32. Биосферный – значит, охраняющий и защищающий все на своей территории: от перистого белесого ковыля, сине-фиолетового подснежника и до царственного снежного барса и высокогорных озер с хрустально чистой водой. Ученые сотрудники сейчас как раз заняты подготовкой документов для получения заповедником статуса «биосферный», чтобы представить их в ближайшее время в соответствующий комитет ЮНЕСКО. И за этими документами – будущее страны заповедной. В этом вряд ли у кого может возникнуть сомнение.

Праздник туристический, музыкально-этнический!

«Тун – Пайрам»

Курес, хапчан тас, чарыс...

В 2010 году Тун Пайрам в Хакасии праздновался в тридцатый раз, и посвящен был 20-летию Республики Хакасия. Дословно это – первый, первородный праздник. Он был связан с почитанием скотоводства – основы традиционного хозяйства. На праздник готовились национальные молочные продукты, ставился первый айран, шились новые платья. Из айрана выгоняли первую араку.

Ядро праздника – обряд обхождения костра по солнцу с благосло-

вением неба и земли, пожеланием, чтобы скот и молочные продукты не переводились. Этот обряд дошел до хакасов со времен Тюркского каганата. Первый айран и первая арака считались лекарственными напитками, их нельзя было проливать на землю. По обычаю вся приготовленная первая молочная пища должна быть съедена во время праздника, оставлять ее на следующий день запрещалось.

После ритуальной части устраивались состязания: бега, конные скачки, стрельба из лука, традиционная борьба (курес). Меткость в стрельбе из лука – качество, ценившееся среди хакасов и в мирное, и в военное время. Еще один вид состязания – поднятие камня (хапчан тас). Он весил около 80 килограммов. Нужно было поднять камень до пояса, сделать приседание, выпрямиться в полный рост и перекинуть его через плечо. Самое любимое развлечение – конные состязания (чарыс). У каждого бая имелись свои скаковые лошади. Хозяева скакунов сами в забеге не участвовали, а садили мальчиков-подростков. На празднике звучала музыка различных инструментов: чатхан, пыргы, хомыс, тюр, хобрах...

Этот праздник, пришедший к нам из древности, только в 1980 году, в связи с 50-летием Хакасской автономной области, было решено восстановить и проводить летом. О том, как зарождался первородный праздник, я беседовал тогда с председателем республиканского общественного движения «Национальная память» Ю.Н. Забелиным, стоявшим у истоков «Тун Пайрама».

– Юрий Николаевич, как известно, вы стали «дрожжами» этого праздничного замеса. Как все начиналось-то?

– В то время в воздухе словно носилась идея олицетворить через какой-то праздник ярко выраженные национальные черты хакаского народа. И я вдруг вспомнил, что недавно была передача по телевидению о хакаской свадьбе в селе Аршаново, и шел разговор о древних обычаях, связанных со свадьбой. Семен Константинович Добров, редактор газеты «Ленин чолы», мне говорит: «Знаешь, у меня не раз возникали разговоры с руководящими работниками области о том, что необходимо выявлять и поддерживать сохранившиеся национальные традиции и обычаи хакаского народа. А в ответ я получаю только встречный вопрос, произносимый разве что чуть не через губу: «А зачем?...» Ну, и никакого движения». Этот-то разговор в определенной степени и стал прелюдией ко всем дальнейшим событиям.

– И...

– ...Прошло какое-то время. Приближался 50-летний юбилей Хакаской автономной области. Приходит ко мне Леня Инкижеков (мы вме-

сте с ним работали тогда в областном телерадиокомитете), и говорит мне, что Юрий Пустовойт, редактор ТВ, готовит сценарий фильма для Красноярской студии телевидения. В сценарии не хватало национального колорита, и начальство комитета предложило мне подключиться для создания этого «национального фактора». Я прочитал сценарий. Он был практически готов, профессионально написанный, идеологически, применительно к тому времени, выдержанный... Я понял, что нужен фрагмент, который был бы глубоко национальным, показывающий древний быт и культуру хакасского народа. Так я стал своего рода соавтором Юрия Мефодьевича. И пошел процесс, довольно-таки длительный, поиска этого эпизода. Длительный, несмотря на то, что я был профессионально подготовлен к подобной работе: как-никак, а за плечами – ВГИК.

– Когда же пришло к вам истинное, конкретное озарение?

– Х-хэ... Как-то однажды, как сейчас помню, в раздумьях переходя дорогу по улице Советской от аптеки к «Хакзолоту» (ныне магазин «Власта» и здание МВД РК), меня озарило, или осенило, не знаю, как лучше сказать: в фильме должен быть снят праздник, глубоко национальный праздник хакасского народа. И я помчался к Доброву. Тот говорит: «Да, конечно, были национальные праздники. И много. Но я не слишком большой специалист. Иди в «ХакНИИЯЛИ», к Кузьме Михайловичу Патачакову». Тот сразу назвал мне множество праздников. И среди них – «Тун айран», праздник первого молока. Слово «Тун» он мне расшифровал как первый, первородный. А кочевая жизнь хакасов в древности, естественно, была связана со скотоводством. Наступала весна, за ней лето. Бывали очень суровые зимы, но народ выжил, скот сохранил, появлялось первое молоко у коров от вырастающей зеленой травы... Это был период, когда еще не наступила пора сенокоса, и хакасы ездили друг к другу в гости. И уже появлялось достаточно молока, чтобы сделать айран и даже араку. Это и отмечалось на «Тун айране», празднике первого молока....

– Вам предстояла в дальнейшем реализация задуманного, как сейчас говорят, проекта, который был не совсем ведь партийным!..

– Ну да, ну да... Поскольку Кузьма Михайлович, в связи с солидным возрастом, был несколько ограничен в передвижении, в качестве консультанта потребовался молодой ученый-хакасовед. И мы обрели его тогда в лице сотрудника ХакНИИЯЛИ Виктора Бутанаева, ныне известного хакасского ученого, профессора, доктора исторических наук. Он до этого уже был научным консультантом съемочной группы художественного фильма «Конец императора тайги». А мы же к этому

времени параллельно готовили свой фильм для Центрального телевидения. И Виктор очень быстро подключился к делу. Я вспоминаю, как от него просто шла добрая энергетика, были знания, было, главное, и желание...

Дело, да, осложнялось тем, что до поры до времени в верхних эшелонах власти нас не поддерживали, махали руками: «А, это там Забелин опять придумывает что-то...» Не все, конечно, но было и такое.

– И как, когда все начало разрешаться в вашу пользу?

– Надо сказать, что у инициативной группы, в конечном счете, оказалось много помощников. Очень много. Особенно на первых порах мне помог Саша Котожеков, тогда художник областного театра. Он сразу как-то настроился активно – сердечно помогать, и был к этому, я вскоре увидел, хорошо подготовлен. Однажды, вернувшись из Аскиза, я, как обычно, пошел к Саше, чтобы обсудить с ним накопившиеся вопросы. А у него радость! Не помню сейчас, где он нашел, но показывает мне открытки с изображением праздника кочевников, сделанные еще, представьте, в конце XIX века! Они-то, эти открытки, нам очень и помогли...

– Вам повезло: вас окружали знающие, творческие люди...

– Еще одна важная среди них фигура – Сергей Ефимович Инкижеков. В сороковых годах он был председателем Хакоблсполкома. А на «Тун Пайраме» стал первым каганом, то есть распорядителем во время праздника. После проведения он говорит мне: «Это просто что-то невероятное в жизни хакасского народа – увидеть сразу столько хакасов вместе, в одном месте... Я и не мог себе такое представить! Я хожу, и мне хочется плакать. От радости...»

На высоте был и «Хакоблпотребсоюз», обеспечивший всех желающих напитками и едой. Кстати (улыбается одними морщинками веселых глаз), одна интересная деталь. У моей знакомой в Аскизском районе проживал брат, большой любитель, надо сказать, выпить! И вот она его встретила на Базинской поляне, а он, неожиданно для нее, трезв, как стеклышко... Моя знакомая очень удивилась, а он в ответ: «Галя, да это такой прекрасный праздник – и я еще буду пить? Ну, уж нет! Извини!» И такое было...

...Живописный вид представляла Базинская поляна каждый год в один из июньских дней. Здесь, в Аскизском районе, на курганном поле, где издавна проводились конные состязания, шумел и сверкал всеми красками радуги возрожденный из глубины веков «Тун Пайрам». На поляне близ станции Аскиз, как в древние времена, можно было видеть и березки, и коновязь, и многочисленные юрты. Горит,

горит, не затухая ни на год, радостный огонь праздника, не так давно перенесенный на более выигрышное, обзорное и возвышенное место – Сагайскую поляну. На множестве концертных площадок празднуется яркий и вечно молодой, как само начало горячего знойного лета, «Тун Пайрам», ставший теперь традиционным для всех народов солнечной Хакасии.

«Саянское кольцо»

1. Flashback-2007

(Из записок старшей дочери Лики Краско)

Колечко, колечко, кольцо...

Утром – занятия цигун, тайчи и йогой. Днем – работа «Города мастеров» и всевозможные мастер-классы. Вечером – выступления различных коллективов на стадионе и вручение этномузыкальной премии

Сибири «Золотая Ирия». Ближе к ночи – часовые концерты именитых-знаменитых музыкантов. Таков он схематически – IV Международный фестиваль этнической музыки «Саянское кольцо», прошедший в Шушенском 5-7 июля.

Долгая дорога в дюнах

Первый поздний вечер фестиваля был, как бы парадоксально это ни звучало, солнечным. Сначала в сияющих золотистых одеждах на сцене появились музыканты группы «Инкари».

По мнению критиков, не подходит тягучая андина, стиль, в котором играет коллектив, для зажигательных танцев. Собравшиеся на стадионе люди опровергли это суждение, что называется, налету. В музыке «Инкари» чувствовалось так много солнца знойного юга, что стоять спокойно на одном месте было невозможно.

Уверена, многие с нетерпением ждали выступления знаменитой «Ят-хи» из Тувы. Увы и ах, но дисков этих ассов горлового пения в радиусе проходящего действа замечено не было. А жаль! «Ят-ха», как и всегда, поразила публику тяжелыми ритмами, которые счастливо сочетаются с музыкальной этникой далекого прошлого... Напор, смена внутреннего настроения композиций долго удерживали внимание всех.

Открывая свое выступление, «гуру группы», Альберт Кувезин, сказал: «Пусть теперь заморские гости едут к нам на «Саянское кольцо», а не мы к ним за океан». Слова отнюдь не случайные, ведь большинство концертов коллектива проходит в США и Европе, а не в Москве или родном Сибирском регионе...

Вслед за холодным солнцем древних времен зазвучал психоделический дождь – им одарил нас дуэт из Иркутска «Белый острог». Особенно порастил своим уровнем исполнения и одаренности Артём Якушенко, скрипач. Кажется, слушал бы бесконечно...

Меньше всего, как это ни удивительно, подавляющему большинству зрителей и слушателей стадиона на Острове отдыха понравилось выступление темнокожего Джеффри Ориема (Уганда – Франция). Слышала: многим оно показалось долгим и скучным, как длинная дорога в раскаленных дюнах. Возможно, передачи именно этого эффекта и стремились добиться приезжие этномузыканты?

Губит людей не пиво...

Жара стояла нехилая, и прошедший 6 июля дождь ситуацию не исправил. Поэтому желание испить чего-нибудь шипучего, да похолодней, было логичным и оправданным.

Везти с собой из Абакана в Шушенское бутылки с кока-колой, сами понимаете, глупо. Я была уверена, что с этим напитком проблемы не возникнет. И обескуражена, когда на стадионе – средоточии фестиваля – его не оказалось. «Сокогазировка» – кажется, так называлось то единственное неалкогольное и не особо холодное питье, которым располагали торговцы.

Уж проще было взять банку пива и не мучиться, к тому же ты сразу оказывался «на одной волне» с тысячами людей вокруг.

Да ночью лунною...

«Темнота – друг молодёжи», как знает каждый уважающий себя человек. Памятуя об этой старой доброй истине, организаторы фестиваля, как и всегда, позаботились о музыкально насыщенной ночной программе и пригласили модных ди-джеев из Красноярска. В июльской полуночи таял последний этнический аккорд, и через несколько минут начиналась громкая дискотека.

Странная штука – часам к двум ночи звук нарастал, становясь поистине вездесущим. Вообще, сочетание оглушительной танцевальной музыки и тёплой летней ночи – нечто незабываемое. На измор берёт, особенно если позади – рабочая неделя.

Ромашки спрятались, поникли лютики

В ночь на Ивано Купалу вы бы, ежели захотели, долго и, наверное, безнадежно искали бы цветы в окрестностях Шушенского. Во второй вечер фестиваля многие представительницы прекрасного пола плели душистые венки. А в полночь, как велит ритуал, снимали их и опускали в воду. И плыли по реке Шуше сотни и сотни венков. «На счастье... – возбужденно шептались девушки, – на счастье...».

Побочный эффект

Был у практически у каждого, кто прожил на фестивале все три дня. У кого-то кончились деньги, то-то отравился, кто-то перепил, подхватил насморк, потерял свои вещи или обгорел на солнце. Вот она, сила и энергетика музыки! Не всё так просто...

Сестра моя Ночь, сестра...

Если вы понимаете, знаете, а, главное, чувствуете музыку, но не сподобились приехать в Шушенское 6 июля, дабы услышать и увидеть

Инну Желанную, то я вас не совсем понимаю.

«Здравствуйте, сибиряки!..» – ступив на сцену, сказала хрупкая женщина в белоснежном платье, и, блеснув, качнулись ее длинные серьги. Я думала, грянут аплодисменты, а от свиста заложит уши, ан нет, ошиблась. Реакция на появление известной всему миру певицы была странной: обрывочные хлопки, гул, какой-то сам себя испугавшийся свист...

Народ замялся, народ просто обомлел от встречи. Эффект физического присутствия, что и говорить, был шоковым. Глядя на Инну и слыша ее мелодичный голос, люди поначалу боялись громко хлопать, что уж говорить о приветственных криках.

«Хорошо здесь у вас...» – переступив через невнятное приветствие, продолжила она. И зазвучал в тишине летнего вечера женский голос-плач:

*«Он по горенке всё ходит,
Руки белы свои ломит,
Руки белы свои ломит,
Да сестру свою пытается:
«Каково, сестра, житишко,
Тебе, вдовой сиротинке?...».*

Несколько минут пения в сопровождении нависающего звучания бас-гитары и пронизывающих электронных примочек, и на нас грянуло такое...

«Ой, матушка, тошно...» – эта спетая Желанной строчка в изломах электроники стоит всех вместе взятых попсовых песен с их игрушечными чувствами, соплями и слезами. Древнерусская печаль-тоска, дивно переплетенная с электроникой и альтернативой, накрыла всех девятым валом.

Эта завораживающая музыка – психоделический этно-транс в чистом виде. От звучания одной только электроскрипки можно было реально запутаться в своих ощущениях окружающего, а прибавьте голос, бас-гитару, ударные... Да и не забывайте, что играли московские профессионалы в волшебную купальскую ночь...

Часовое выступление Инны Желанной заканчивалось. «Давай «Блюз»! «Колыбельную»! «Сестру»!..» – кричала публика, уже настроенная на нужный лад. «Кто еще что скажет?» – улыбнулась певица. «Блюз»!.. Давай! Давай, бл*!..» – заорал в ответ какой-то поддатый малый, воспитанность из которого так и пёрла.

Он обломался. Последней песней концерта стала (к моей огромной и нескрываемой радости) всё-таки «Сестра».

Музыка нас связала...

За три дня «Саянское кольцо» обручило с мировой этнической музыкой более семнадцати тысяч гостей из Красноярска, Хакасии, других регионов России и стран зарубежья.

По словам организатора фестиваля, Андрея Катаева, выступления всех коллективов, «звёзд» и ди-джеев записывались. В ближайшее время на телеканале «Культура» пройдет несколько фильмов о состоявшемся фестивале. Будут выпущены диски по трем тематическим разделам – «Сибирские коллективы», «Хедлайнеры» и «Ночная музыка».

2. Новый виток «Саянского кольца»

Я – да, впрочем, как и многие, наверно, ехал на этот раз в Шушенское, на восьмой международный фестиваль этнической музыки «Саянское кольцо», с настроением: «Ну ладно, еще раз, последний!..» Ведь прошлым летом было чувство, что фестиваль выдохся: на сцене много было чуть ли не районного масштаба клубных коллективов художественной самодеятельности, много бродило пьяных, куражливых и матерящихся компаний, понаехавших из близлежащих сел, мало встречалось людей в милицейской форме, бомжи собирали брошенные где попало бутылки... И это – все на свежей памяти еще недавних шоу-сезонов, когда в гости на сибирскую землю приезжали российские и мировые звезды этномузыки, именитые продюсеры, музыковеды, критики.

Но нынешний, восьмой фестиваль, несмотря на прохладную, особенно вечерами, погоду (слава Богу, без дождя хоть!), если не кардинально, то явно изменился в лучшую сторону. Еще не доехав до Шушенского, я уже знал от многих, что первые два дня, по крайней мере, на фестивале не было видно ни одного подвыпившего или пьяного человека. Везде запрещена продажа вина и пива – как на территории стадиона, так и в близлежащих торговых точках. Много милиции (пардон, полиции), да и народу культурно «потусоваться» приехало из Красноярска, Томска, Омска, Новосибирска, Кемерово, Абакана и т.д. не с «перебором». Все спокойно, размеренно, хорошо и красиво. Отдыхай – не хочу!

Так и оказалось. На площади перед музеем, в центре поселка, – палатки, где угощали с пылу, с жару, шашлыками. Тут же подростки и мальчишки постарше устроили уличные танцы, потом с фуражкой

обходили сидящих за столиками зрителей. Их охотно субсидировали, даже сотенными.

На аллеях острова отдыха – полицейские патрули, семейные пары с детьми, молоденькие девчушки с венками на головах, временной татуировкой на открытых частях тела, музыканты на зеленой траве у тропы с баяном, балалайкой, флейтой, ряженные под русскую старину женщины и бабушки, звонкие, напевные песни, продажа сувениров, женских украшений... Идешь – и словно окунаешься в добрый древнеславянский мир, который окружал наших недавних предков на этих сибирских землях.

Преобразился и стадион: здесь больше нет по его закругленной оконечности продажи шашлыков и газводы, плова и пирожных, других торговых лавок: все они вынесены за территорию спортивного сооружения, и тянутся теперь вдоль асфальтовой дороги, среди берез и тополей, вплоть до самого моста через речку Шушь. Чего тут только нет! Азиатские горбатые верблюды и курсирующий детский поезд, исполнители из Южной Америки песни «Индейца Джо» и зазывалы на горячий плов и шашлык, продавцы мумия и «Книги гаданий», лавки с соками и коктейлями, детские игровые площадки, тенты, под которыми торгуют сборами трав от всевозможных болезней, звенящие от прикосновения палочки и чаши из Индии, стенд для кидания дротиков... Целый мир развлечений для взрослых и детей!

Но вернемся на стадион. Здесь чистота и порядок, нет разгульных компаний, целый (северный) сектор поля обнесен железной сборно-разборной оградой, за которой установлены скамьи для тех, кто слушает выступления музыкантов на главной сцене фестиваля. Есть, кто сидит в креслах-качалках или, как раньше, прямо на пледах, расстеленных на траве стадиона. Рядом, за тополями (кстати, «обутыми» в здоровенные русские лапти, на которых могут сидеть и отдыхать сразу по нескольку человек), – малая сцена, где идет мастер-класс по танцам. Нынче этих малых сцен – несколько: на самом стадионе, в «Городе мастеров», за пределами спортивного поля. Выбирай, зритель, действо по вкусу!

В «Городе мастеров» мне, например, да и сотням других зрителей, понравилось выступление минусинского театра лицедеев «Фрикадельки». Здесь же – изделия и товары на любой вкус и цвет: бумеранги, цветные валенки, колокольчики из меди, картины, красные выпелы советских времен «За ударный труд», варежки для модниц, эликсиры и настои из полезных для здоровья трав, дорогие платки, резьба по

дереву... Народ течет плавной рекой, прибываясь к тому или иному прилавку, приценивается к понравившейся вещице... Все как всегда! Приятно было таким образом освежить воспоминания прошлых лет. Правда, знакомая рассказала: ночью некоторых владельцев товаров ограбили неизвестные: разрезали платяные стенки ограждения и похитили сумки, диски, сувениры – не на десятки ли тысяч рублей! Утром сторожа нашли в стельку пьяным...

На третий день, 10 июля, с 22.00 вечера до 1.00 ночи, был грандиозный концерт на главной сцене фестиваля, в котором главную скрипку играли гости праздника под открытым небом. Взлетали в небо надутые гелем цветные шары, яркими красками светились по обе стороны сцены видеоз экраны, раздавались первые аккорды этномузыки. Солидно, не без профессиональной и национальной гордости, выступила группа «Хуун Хуур Ту» из Тувы, воспевавшая в своих композициях древнюю свою родину, неумолчный зов предков, просторы степей, пики гор... Их инструменты звучали пронзительно, сопровождаемые хорошо поставленным горловым пением.

Для меня же открытием было выступление группы из Австралии – Франции во главе с солисткой Саинхо Намчылак, родом из Тувы. Это выступление было восклицательным шедевром всей гостевой программы! Солистка – зрелая, красивая женщина лет пятидесяти, в национальном костюме, с черными, как смоль, волосами, мастерски владеет вокалом, амплитуда которого – от выступления в легковесном варьете до серьезной конкурсной сцены. Западная манера исполнения ловко, виртуозно сочеталась в ее голосе с мастерством природного тувинского хая.

... Когда-то три француза из Бордо пригласили Саинхо на международном конкурсе в Париже, пришли к ней за кулисы и сказали: «Мы хотим с тобой выступить!» И она согласилась. Мастерство гитариста, ударника и электропианиста группы было тоже на большой высоте. Звук, возносящийся в небо, где сгущалась июльская тьма, стонали, рыдали, смеялись. Все это в ритме бликующих фонарей авансцены создавало волшебный мир грез, когда ты забывал уже о своих заботах, печалях и радостях, и весь оказывался во власти не жалеющих себя музыкантов. И неслись над сотнями людей возгласы: «Бра-а-во!», «Давай-й!», «Мо-ло-дец!»...

В этот вечер Саинхо, мастерски владея публикой, доверительно рассказала всем нам, что сегодня у ее дочери – день рождения, а она, мать-путешественница, уже который год не может уделить ей роди-

тельского внимания! «Придется прибегать к помощи «Интернета!» – грустно подытожила она. Эта певица экстра-класса пожелала сибирякам в качестве гостей знаменитых мировых звезд. «Я лет пять – шесть, как услышала о фестивале в Шушенском, и теперь рада, что согрелась у вашего огня!» – заключила она.

Публику дальше разогревала группа «Африканда» во главе с солисткой – настоящей принцессой из Чада – страны, находящейся в центре пустыни Сахара. Ее партнерами по сцене были музыканты из Сенегала, Конго, Мадагаскара, Камеруна, Гвинеи, России... Их выступление шло уже за полночь, когда нам надо было уезжать по ночной дороге в Абакан...

... В пути один из нас воспроизвел не то шутку, не то серьезный проект, услышанный из уст одного из (якобы?) организаторов фестиваля: «Тысячи людей за праздник проходят по мосту через речку Шушь, которая протекает у Острова отдыха. Почему бы не пустить по воде лодку Владимира Ильича? Пусть он с ружьем и зайцами проплывает вниз по течению. А на берегу его будет ждать Надежда Константиновна. «Володя, я приехала к тебе в ссылку!» – крикнет она, завидя на лучине своего ленинца. Тот приветливо помашет ей рукой с кепкой и крикнет в ответ: «Беги, Наденька, на озеро Перово, в шалаш. Там я живу, отдыхаю!» Вот была бы умора! А ведь это, по сути, почти историческая правда, хоть и разыгранная, пока на словах, в стиле фестивального шоу!»

Мы посмеялись, уносясь все дальше и дальше от Шушенского, его стадиона, окруженного старыми тополями, где сейчас только начиналась ночная молодежная дискотека. Увы, время требовало свое.

И неправдой, слава Богу, оказалось то, что этот восьмой фестиваль – последний. Нет! Просто теперь он будет проходить не раз в год, а раз в два года. Только и всего. С этого лета, таким образом, «Саянское кольцо» пошло на свой новый виток – как в прямом, так и переносном смысле. И все мы еще порадуемся романтическим закатам и восходам над Островом отдыха в Шушенском. А это – главное!

3. И это всё о нем...

(Из записок подруги старшей дочери – Яны Потылициной)

Три дня июля 2009 года слились в один единый день под кодовым названием «Международный фестиваль этнической музыки «Саянское кольцо». Этот день по праву можно и нужно назвать днем рождения новой меня. Фестиваль, который навсегда изменил мое отно-

шение к жизни.

Прослушивая в день по две тысячи треков, устав от изобилия музыки, окунуться раз в год в волшебный мир этнической музыки, увидеть звёзд мировой величины – практически непозволительная роскошь для человека со средним заработком в 10 тысяч рублей в месяц. Но душа-то у меня – туристская, значит – вперед!..

2009 год

Фестиваль начинается с въезда в посёлок Шушенское, который встречает тебя маленькими домиками с резными створками, уютными двориками с деревянными лавочками. Автовокзал дышит советским временем, повсюду изображения вождя пролетариата Ленина. Улочки, ведущие к главному месту событий, заполнены людьми, предвкушающими выступление музыкантов.

Обустроившись в лагере, я отправилась к стадиону на главную площадку фестиваля, и не зря! Тут творилось что-то невообразимое, потому что на сцене выступал виртуоз-балалаечник мирового класса Алексей Архиповский. Сюрпризы первого дня фестиваля ещё не закончились. На сцену поднялась англо-пакистанская группа Fun-Da-Mental. Дикая смесь исламского традиционного звучания, хип-хопа, европейской электронной музыки, азиатско-африканского бита вкупе с воинственными текстами исполняется музыкантами Пакистана, Южной Африки и даже Сибири. Эти ребята не боятся экспериментировать со звуком и словом. Выступление Fun-Da-Mental продиктовано экспрессией, разрушением всяческих стереотипов и обретением свободы мысли.

Быт жильцов фестиваля, надо сказать, был весёлым. С утра мы с друзьями отправлялись в посёлок Шушенское на автовокзал – там продают прекрасные пирожки! И вот идём мы утром немытые, лохматые, в драной одежде по посёлку, и местные жители при виде нас останавливаются со словами: «Пропусти хиппарей, это наши гости!».

А ведь в родном Абакане мы себе никогда бы не позволили шастать по улицам в таком виде! Но тут же мы – ту-рис-ты! Это говорит о многом. Нет, мы не были с похмелья, вообще не пили на фестивале, но вид у нас от этого приличнее не стал. Полакомившись пирожками, мы возвращались в лагерь, чтобы наконец-то, вооружившись банными принадлежностями, добраться до душа. Из пожарной машины в душевые кабинки подавалась настоящая ледяная вода. Но вода была спасительной, потому что на улице стояла сорокоградусная жара. Из

душевых кабинок под воздействием живительной прохлады раздавались возгласы типа: «Как же я люблю этническую музыку!», «Да ждет меня сегодня культурный шок!» И культурный шок нас и впрямь ждал этим вечером на большой сцене.

А ведь после выступления Алексея Архиповского и Fun-Da-Mental, музыку которой использовал известный кинорежиссёр Иван Вырыпаев в своём нашумевшем фильме «Кислород», я считала, что лучше выступлений на этом фестивале уже не будет. Как же я ошибалась!.. Меня ждали арфотерапия и невиданной силы международный этно-рок. Дело в том, что на сцене появился венгерский мультиинструменталист Alizbar, и его игра на кельтской арфе унесла всех на сказочных крыльях звуков в далёкие времена легенд и сказаний. Невольно поражаешься возможностям человека: ведь Alizbar овладел в совершенстве игрой на 108 музыкальных инструментах! Поистине, сие гениально-но...

После на сцену вышло семь человек, и эти люди зажгли так, как никто до этого не выступал. Kultur Shock – балканская панк-рок группа. Её участники съехались из таких стран, как Босния, США, Индонезия, Болгария, Япония... Стиль музыки нельзя определить чётко: это, скорее, смесь балканского фолка, панка, румбы, рока и даже нью-металла с лирикой на сербо-хорватском, македонском, итальянском, испанском, японском, цыганском и английском языках. Фу-у-х!

На стадионе творилось что-то непередаваемое: дикий восторг под невероятные ритмы, великолепные голоса и звуки инструментов... И вот могучий дух свободы вселился в каждого! Музыканты на сцене чувствовали себя как дома, а они и были дома – дома у Музыки! А что вытворяла по-хорошему бешеная скрипачка из США?! Она извивалась, словно змея, и при этом играла так чисто, что диву давался буквально каждый от неиссякаемой энергии этой эксклюзивной женщины. Профессиональный уровень музыкантов был, без всяких, очень высок. В результате культурный шок обеспечен был всем без исключения.

Днём на фестивале можно было заниматься различными оздоровляющими практиками, в том числе и ритмотерапией. На малой сцене выступала перкуSSIONистка Биргит Энгель из Шверина – земли Мекленбург (так называемая Передняя Померания), участница этно-группы Kwart. На её ногах были крепления со всевозможными барабанными примочками. Это тоже было нечто! Словом, стоять на одном месте было просто невозможно, и я слилась с ритмом, кото-

рый задавала Биргит. Это же самое происходило со всеми вокруг. Она предложила нам хлопать в ладоши вместе с ней, и эти, я бы сказала, ритмические рисунки, приводили в детский восторг. По крайней мере я настолько увлеклась ритмотерапией, что, когда выступление закончилось, ещё несколько минут вытанцовывала возле сцены и даже не заметила, куда делась «барабанная волшебница». Как бы там ни было, ещё минут пятнадцать я, как малолетняя девчонка, бегала по кругу и во все глаза искала Биргит. Ведь я должна была сказать ей, что та творит с нами чудеса! И чудо произошло: перкуSSIONистка появилась сама. Я понеслась к ней буквально со всех ног. Встретила она меня широкими объятьями и обворожительной улыбкой. Удивительно: мы, на мою радость, минут пять говорили друг с другом, она – на немецком, я – на русском, но, странное дело, стопроцентно, как мне показалось, понимали друг друга! Это тоже было чудо. Музыка – она, действительно, сила, объединяющая людей разных национальностей, способных общаться (и этого достаточно) лишь посредством эмоций.

2010 год

Для меня «Саянское кольцо» стало символом свободы от формальных общественных рамок поведения и общения, от политики, от любых правил, придуманных человечеством. «Саянское кольцо» напомнило мне исповедальный дом. Манящие звуки флейт, скрипок, жалеек и восточного горлового пения приводят к пониманию того, что тебе нужно, а что для тебя – лишнее. Фестивали подобного рода нужны, как воздух, людям, всем сердцем любящим музыку и готовым ехать к ней за многие сотни километров.

Вот почему в 2010 году я вновь отправилась туда. На сей раз меня очень порадовала этно-джаз-лаборатория. Музыканты, включая и почетных гостей, совместно, буквально на глазах, создавали новые песни, делились своим опытом. Для себя отметила несколько музыкальных групп. О каждой – хотя бы в двух словах.

Экспериментальная этногруппа «Много НЁБ» из Степного Алтая. Группа примечательна тем, что создаёт собственные музыкальные инструменты – такие, как флейта пустоты, флейта чистого неба, флейта травы, обертонка, лужайка, искажалка, окаизма, палкострун, струнки. Выступление алтайцев было по-настоящему уникально и неповторимо, ведь нетрадиционная игра на этнических инструментах потрясает

своей новизной любого: и профессионала-музыканта, и любителя.

Арт-фолк-рок группа из Иркутска «Ветер осени». Ребята исполняют восточные и ирландские композиции с элементами тяжёлой музыки, популярные песни в фолковой аранжировке. Подкупает теплая, буквально домашняя обстановка во время их выступления, красивые голоса и отличная музыка.

Инструментальный коллектив Shugarra из Красноярска. В своем творчестве ребята используют музыкальные традиции разных народов – от Балкан до Латинской Америки. Их лёгкие и изящные мелодии цепляют за душу с первых же нот!

Несомненно, порадовали земляки: абаканская группа «Черемша», играющая в стиле этно-фанк-рок с элементами джаза, и фолк-рок группа «Вереск». Если группа «Черемша» исполняет авторские песни, то «Вереск» исполняет народные, причем не меняя исконной структуры песни, то есть у слушателя есть возможность узнать, какие пели песни сто лет назад, и как...

Словом, этно-джаз-лаборатория не отпускала от себя, но и там, на главной сцене, было на кого посмотреть! С нетерпением я ждала выступление Владисвара Надишаны (Сибирь–Берлин) – мультиинструменталиста-виртуоза, композитора, продюсера и дизайнера экспериментальных музыкальных инструментов, новатора в области современной этнической музыки. Ждала не зря! Владисвар выступал совместно с Армином Метцем (шестьструнный безладовый и ладовый бас) и Стивом Шеханом (перкуссия, хэнг драм). Трое людей, родившихся в разных частях планеты, объединили своё мастерство воедино и смогли воссоздать музыку старинного сибирского села Кужебара.

Согласно древним легендам, на юге Красноярского края, нынешних Курагинского и Каратузского районов, когда-то жил род, давший начало народностям, проживающим сегодня на территории южной Сибири. Название «Древний Кужебар» дано по месту обнаружения первых артефактов этой культуры, которые были найдены в с. Нижний Кужебар. В каком-то смысле кужебарцы, по версии представленных музыкантов, – прародители некоторых рас земли. Их музыка – протозтническая, то есть включает в себя традиции индийской музыки, африканской, арабской и русской.

Здорово!

2011 год

В 2011 году я впервые в жизни живьём слушала американский фолк. Певица из США Nina Nastasia вышла на фестивальную площадку с акустической гитарой и запела так, что не у одной меня наворачивались слёзы на глаза от её тоскливых песен. Очень трогательное было выступление! Но после слёз все встрепенулись, потому что на сцену поднялись артистки проекта Las Balkanieras. Три девушки – из России, Хорватии и Боснии – встретились в Германии и с помощью известного дансхолл-продюсера по имени Pionir исполнили турбо-электро-поп-фолк-дансхолл-трэш-поп. Объяснить словами данный стиль невозможно. Главное тут то, что все пускаются в пляс, и остановить их просто нереально! Впервые за всю историю «Саянского кольца» ночью состоялась-таки не обычная дискотека, а этноджем с участием почетных гостей и коллективов-участников фестиваля (именно в стиле этно-фьюжн). И девушки из Las Balkanieras отлично подготовили людей к тому, чтобы танцы не прекращались до самого утра!

Следующий вечер прошел под эгидой мэтра русского фолка Сергея Старостина и проекта «Этносфера» (Россия–Молдова). Музыканты вдохнули в каждого слушателя частичку русского фольклора.

Вдохновлённая музыкой, я отправилась в лагерь «Журавленок», где по соседству со мной жили музыканты из разных уголков мира. Мне не нужен был мир, я разбудила этой ночью только наших русских женщин – правда, позже мы перебудили многих... Мы попросту отправились на сцену лагеря и пели – распевали русские народные песни, да не один час!

Международный фестиваль этнической музыки «Саянское кольцо» уникален для меня, музыкальной туристки по натуре, потому, что соединяет в себе культуры различных народов не только Сибири, но и мира. Не надо путешествовать в далё-о-кие страны! На несколько дней люди из разных уголков России и мира объединяются вместе для того, чтобы рассказать о себе, как о носителе культуры, и поделиться своим музыкальным творчеством, опытом с другими.

Хочется пожелать фестивалю долгой и счастливой жизни! В 2012 году фестиваль пройдёт под другим форматом и именем – «Мир Сибири», что, к счастью для нас, зрителей, не меняет сути самого действия.

«Саянского кольца» больше не будет...

Значит, до встречи в «МИРе Сибири»!

4. «МИР Сибири» – 2012: аккорды «МИРА»

(Из записок старшей дочери Лики Краско)

Будучи натурой крайне любознательной и до бескрайности музыкальной, тусоваться в городе 13–15 июля я посчитала непростительным, а потому собрала в пятницу вечером свой рюкзак и отправилась навстречу солнцу, новым встречам и свежим впечатлениям. Мой путь лежал в поселок Шушенское, на Международный фестиваль этнической музыки и ремесел «МИР Сибири». Выходные, оправдайте мои ожидания!

Тусовки для?

Впрочем, оговорюсь сразу – радужных надежд я не питала, поскольку прекрасно понимала, что двигателем когда-то электронно-аутентичного действа под названием «Саянское Кольцо» стала коммерция, о чем красноречиво сигналили фестивали последних лет.

Именно этот факт, а также неизбывное наличие по вечерам на стадионе и близ него бухих, простите, людей пару лет назад резко оттолкнули меня, знающую «Кольцо» с самого его рождения в 2003 году, когда в Шушенское приезжали действительно «за музыкой», а не просто тусовки для. И разбивали палатки не за тысячу рублей. В общем, о щепетильных моментах развития фестиваля можно накатать отдельную статью, поэтому вернемся к музыке и ремеслам.

Коси, коса!

Жизнь «МИРА» пульсировала в пяти основных точках. Работали сразу три концертные площадки – большая, малая и свободная сцены, а также выставка-ярмарка «Город мастеров» и «Этноинтерактив», где на мастер-классах умельцы из России и стран зарубежья учили любителей декоративно-прикладного искусства лепить из глины, делать кукол или украшения из ткани, бисера и прочее.

Демократичная свободная сцена была открыта для тех, кто не попал в число конкурсантов или номинантов. Здесь же работал «ЭтноКино-Клуб» – площадка для презентации художественных и анимационных фильмов. Здесь же проходил мастер-класс по игре на африканских барабанах.

Без обряда тоже не обошлось, правда, нынче привычное пускание

венков по ночной реке Шушь сменило действо, которое одобрил бы всякий старожил деревни – в прохладе утра люди косили траву.

Чисто русский африканец

Меня, как магнит, тянул «Город мастеров» со всеми его матрешками, бубнами, самоцветами, пуховыми варежками и свистульками. Право дело, неспешно гулять по рядам с этническими «вещицами» крайне интересно! Самое главное – все мы, потенциальные покупатели, вели себя не как на базаре. Я часто замечала восхищенные взгляды людей, рассматривающих чудеса и красоты декоративно-прикладного искусства.

Нынче в Шушенском изделия художественных промыслов и ремесел представили умельцы не только из городов России, но и из стран ближнего и дальнего зарубежья. Тщетно пытаюсь найти среди разнообразия, созданного человеческими руками, миниатюрный сувенир для своей коллекции, я оказываюсь у прилавка с ремнями, сумками etc. И, когда вижу продавца, желание заговорить с ним появляется молниеносно – на меня, равно как и на всех вокруг, улыбаясь, смотрит чернокожий молодой мужчина.

Пока соображаю, как мы будем общаться, попутно вспоминая свой разговорный английский, экзотичный продавец отвечает подошедшей барышне на чистом русском. В мыслях проносится «Ого!», и я достаю диктофон.

Алан Куджи, уроженец Камеруна, уже несколько лет живет в Москве. *«Меня пригласили сюда второй раз, – говорит он. – Весь ассортимент изделий из кожи крокодила и питона делает моя фирма в Камеруне, и они распространяются через филиал в Москве». «Ваша продукция пользуется спросом, я права?» «Да, большим спросом, – улыбается Алан, – ведь для вас это экзотика, в России такого нет. А цены у меня антикризисные, тех людей, которые понимают красоту изделий, не пугают».*

В этом я убеждаюсь незамедлительно, поскользнувшись пальцами большую сумку из кожи питона и узнав цену – 15 тысяч – одна из женщин, толкущихся у прилавка, протягивает продавцу деньги. Улыбаясь, напоследок я спрашиваю у Алана, мол, как вам наша зима с морозами и снегом? *«У вас здесь бывает очень холодно, а у нас бывает очень жарко. Жить можно, просто надо привыкнуть»*, – пожимая плечами, улыбается он в ответ.

Индия по кайфу

Несколько лет назад синтезом крутой электроники и этнической музыки можно было по полной программе насладиться на стадионе ночью, когда разворачивалась дискотека, и шипучее звучание девятым валом сметало всё на своем бесконечном пути. Году в 2005 виртуозы из Лондона отожгли так, что ощущение дикого восторга помнится до сих пор. В тот момент казалось, небо над танцующими нами просто расплавится.

В нынешнем году такой «экспериментальной» площадкой стала малая сцена, где в рамках нового проекта «Лада мира» за три дня выступили примечательные молодые коллективы. Многие мои друзья уже на рабочей неделе, вспоминая фестиваль, хвалили Atlantida Project и Varga Sound SVstem. Не впадая в казуистику, просто скажу, что меня не тронуло. Зато крайне понравилась группа DiggadgV с ее вдохновенными индийскими интерпретациями. Небо во время выступления электронщиков не плавилось, но было, как говорится, по кайфу.

Убейся звуком

В пятницу я оказываюсь на стадионе – главной площадке фестиваля – около девяти вечера. На удивление мало людей. Кажется, оживление осталось за пределами огороженной территории, среди шашлыков, мороженого, батутов и сладкой ваты. Однако чем плотнее наползает холодная ночь, тем больше народу вокруг.

Нигерийский блюзовый гитарист Bombino, открывший звёздный перфоманс фестиваля, невольно притягивает взгляд. Красивый смуглый музыкант в лазоревом одеянии отдается игре всей душой. Прохладное звучание струн постепенно увлекает меня, равно как и многих других, в свои пространства. А Bombino выплескивает со сцены эмоциональные аккорды, то создавая мелодии тоньше волоса, то сгущая их до запилов гениального Нила Янга.

Слушая долгие проигрыши, понимаешь, как правы были критики, назвав все это «музыкой пустыни», и даже не верится, что вдохновенный Bombino провел сегодня день в дороге, причем до Шушенского он со своими музыкантами шесть часов добирался на автобусе.

Вырулившие на сцену чумачечие американцы с огромной трубой – Hazmat Modine – по-настоящему разогрели тушевавшуюся публику. Самые веселые зрители взялись за руки и начали, подпрыгивая, водить хоровод. Кто-то свистел или смеялся, кто-то хлопал – в общем,

появилась чисто фестивальная неугомонная атмосфера, наипаче уже стемнело.

В ста метрах от сцены звук пробивал до пяток, испытано на себе. Абсолютно не зараженная громким позитивом, под конец программы я терпеливо ждала лишь одну звезду – Инну Желанную.

Поэтому и драйв Hazmat Modine, и голосище Анны Пингиной, ставшей музыкальным событием этого вечера, меня затронули чисто физически. Во-первых, я уже замерзла и, во-вторых, обалдела от звука. А уходить от сцены была не судьба – Инну мне хотелось увидеть не на огромном экране, сидя невдалеке, а вживую, почувствовав ее энергетику. Я и не ждала, что ночной сейшн певицы – лишь intro моих самых незабываемых впечатлений от фестиваля.

Огурцы так огурцы!

«МИР Сибири», за три дня собрав более тридцати тысяч человек из разных регионов России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья, действительно стал масштабным летним праздником. Поскольку все три ночи я вращалась между делами в Абакане и фестивалем в Шушенском, многих прелестей «походной жизни» я была благополучно лишена.

Впрочем, пончиками и дорогими для своего качества и количества шашлыками была сыта по горло, поэтому, приехав в воскресенье днем в поселок, я предложила своим спутникам пообедать цивилизованно. Мы остановили машину у кафе «Бостон». И ничуть не прогадали! Охочая до «местного колорита», который присущ только столовым и кафе «далеких деревень», я была рада песням Гулькиной, Державина и группы «Комбинация», звучащим в заведении. Словно в свое детство попала, честное слово! Улыбчивый владелец кафе, Илья, организовал нам обед минут за десять. И огурцы на столе пахли огурцами, и стакан чая стоил не 25 рублей, и рядом со столом не дымили мангалы – в общем, красота!

«Все такие родные...»

План последнего вечера фестиваля был предельно прост: никакой беготни, досматриваю конкурсную программу, слушаю прекрасную и давно мной почитаемую этно-группу «Айархаан» из Якутии, узнаю итоги и – уезжаю домой. Однако...

Уже идя по стадиону, я краем уха услышала слова «жюри» и «в этих

палатках». Понимание того, что сегодня не усижу на месте и постараюсь пообщаться с Инной Желанной, которая входила в жюри нынешнего фестиваля, пришло внезапно и уже не отпускало меня.

В десятом часу вечера, в разгар выступления Альбины Дегтярёвой и группы «Айархаан», я приблизилась к палаткам, огороженным небольшим забором из жердей. С краю территории стоял полицейский, пропиливающий меня пристальным взглядом, а у входа в одну из палаток – именитый фольклорист и председатель жюри Сергей Старостин.

«Извините...» – слегка повышаю голос я. И объясняю подошедшему музыканту, «чьих буду» и чего, собственно, здесь маячу. *«Журналистка? Подождите немного, скоро Инна освободится».*

Чувствую, как радость заполняет меня. Инну Желанную я слушаю уже около десяти лет, душа черпает в ее прекрасном голосе что-то неведомое, светлое и чистое. Ее сугубо женские песни, сколько бы их не слушал, чаруют. Поэтому, когда она появляется, искренне благодарю исполнительницу. И мы начинаем разговор.

– Инна, какие эмоции вы получаете от выступления здесь, на сибирской земле?

– Прежде всего хочу сказать, что это мой любимый фестиваль из всех этнических российских, на которых мы побывали. Здесь самая теплая публика, люди принимают очень горячо, и это общение со зрителем, когда ты чувствуешь отдачу, дорогого стоит. Тут всё так здорово, все свои, все такие родные...

– Ваши творческие планы? Ждать ли в ближайшее время новую пластинку?

– Да, сейчас мы пишем в студии новый альбом. Потом я собираюсь сесть и сделать сольник. Хочется идти вперед.

– Насчет идти вперед... В 2006-м вы записали с группой Malaria электронный аутентичный альбом. У вас больше ничего подобного не намечается?

– Пока нет времени для подобных проектов. Своими бы делами заниматься, разгрести.

– Скажите, вы много выступаете за рубежом, в Европе или Америке? Как воспринимают русскую аутентичную музыку там?

– Нет, к сожалению, сейчас редко. Ой, да отлично воспринимают! Ведь неважно, откуда музыка, потому что это – особый язык, на котором можно разговаривать людям всего мира. Даже не зная каких-то музыкантов – здесь выступали нигерийцы, например, или испанцы –

мы музыкально можем общаться с ними. И это самое главное.

– С кем из российских музыкантов интересно общаться лично вам?

– У меня есть, конечно, любимые коллективы, выдающиеся, я бы сказала, но среди них попадаются и нефольклорные. Группа Zorge (созданная бывшим участником группы Tequilajazzz Евгением Федоровым), «Вежливый отказ», «Маша и медведи», московский проект SafetV Magic. Я их всех очень люблю, а SafetV Magic, пожалуй, вообще самые близкие наши друзья.

– Что может вас впечатлить очень сильно? Тронуть ваше сердце?

– Музыка и любовь.

– Ваши пожелания сибирякам?

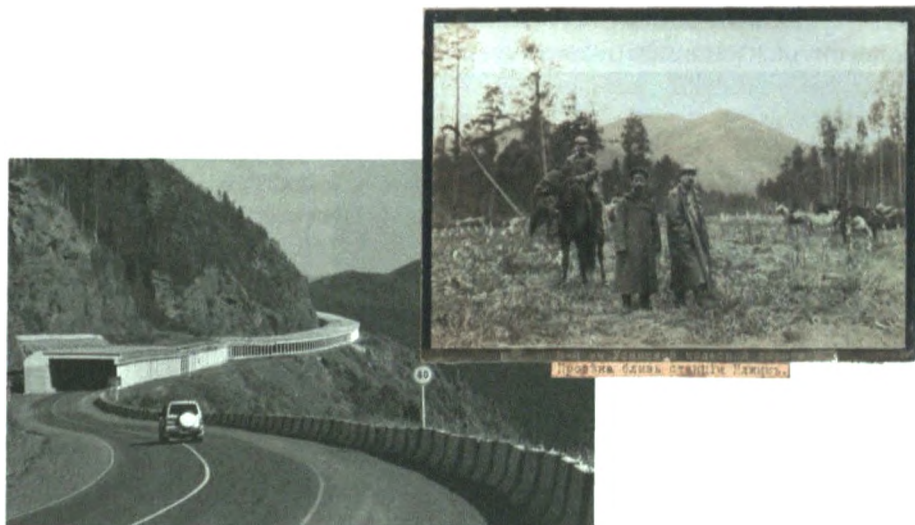
– Солнца вам побольше, радости, музыки! Мне кажется, здесь такое идеальное место... Приеду к вам еще с удовольствием!

P.S. «Достойных на этот раз было очень много, члены жюри сидели и обсуждали до хрипоты. Тем не менее, обошлось без войны и без драки», – сказал на церемонии закрытия фестиваля Сергей Старостин. Самые достойные – вокально-инструментальный ансамбль «Чиргилчин» из Тывы – увезли домой премию «МИРА», сделанную в виде братины из бронзы.

II. Земное ожерелье судьбоносной Хакасии

(Тува, Горный Алтай, Горная Шория)

Усинская тропа

Она, эта тропа, пешая и тележная, проложенная через горы и дебри, а ныне трасса Абакан – Кызыл, соединяет Хакасию с Тувой, из которой свободно можно попасть в Горный Алтай, а оттуда и в Горную Шорию, до которой, кстати, строится сейчас тракт Абакан – Таштагол... Круг дружеских республик однокоренных народов, таким образом, закольцовывается. И это натолкнуло меня на мысль в книге, посвященной судьбоносной для нас Хакасии, которая скоро станет, на мой взгляд, своеобразным (в различных отношениях) центром малых республик нашего этнорегиона, – уделить в этой книге толику места и ее ближайшим родственникам: одному брату (Алтаю) и двум сестрам (Тuve и Шории). Где, если не в семейном кругу, куда как интереснее и надежнее жить близким по духу, обычаям и культуре народам! Почему бы это и не отразить в краеведческой и туристической направленности книге? То-то!..

А все ведь началось когда-то с нее, Усинской тропы!..

И то: дорога – как книга. Ее километры – страницы многое могут рассказать любопытному путнику! Не исключением является и Усинский тракт. Начинаясь в хакасских степях, от Енисея, он заканчивается в Кызыле, где установлена памятная стела «Центр Азии». Дорога длиною в сотни километров пролегла через Саяны – величественную, горную

тайгу. День и ночь, в любое время года, эта трасса оживленна. По ней, как по животворной артерии, везут работяги-машины грузы, так необходимые народному хозяйству Тувы.

Если обратиться к недавней истории Усинского тракта, то узнаешь, что, например, партизаны армии Кравченко – Щетинкина, ведя освободительную борьбу, в годы Гражданской войны проходили этим путем в Кызыл – Красный город. Бойцы партизанской армии видели цепи, кандалы, полусгнившие тачки, почти развалившиеся землянки с нарами из жердей. Все это – яркие свидетельства о нелегкой жизни каторжан, что строили горно-таежную дорогу.

Путь через Саяны длинный, но он не утомляет, особенно осенью, когда горы, покрытые кедрачом, пихтой, елью, рябиной, березой, осинником, расцвечены в радужные цвета. И такой здесь воздух, что надышаться нельзя, и такая кругом тишина, что кажется, будто ее хранят века.

...Над могучим потоком, по – горному буйным и своенравным, отвесной стеной высотой в несколько десятков метров, навис мрачный утес. Здесь мы решили остановиться. Взгляд мой скользнул по расщелинам... Осень обрывала с пышных деревьев, подернутых прощальным увяданием, последние листья. Как в замедленной киносъемке, они плавно спускались с вершины утеса и, подхваченные холодной, резвой волной, неслись вниз по течению.

А дорога бежит все дальше, раскрывая перед нами свои новые тайны и красоты. Вот и завораживающий своей величавой и холодной красотой так называемый Каменный городок. Здесь – главный перевал через Саяны. На острые каменные пики пятиглавой вершины уже упал снег. Головокружительное по своей отвесности ущелье – в утреннем белесом тумане, а наверху – синева неба и ослепительный блеск снежного покрова. Человеку, не могу не верить, все-таки не дано разрушить эту первозданную хрустальную чистоту утра в горах.

У Ойского озера, откуда начинается свой путь река Оя, – очередная остановка. Солнце уже высоко, оно не цепляется за ветки деревьев. День выдался ясный, ласковый. А кругом – острова свежего снега. Играем, как в детстве, в снежки. А потом – в лес, за черникой. На зеленых проталинах, обрызганных солнцем, ее здесь хватает. А вот и голубика – да какая рясная! Где-то за опушкой разносится птичий свист. Ни дать ни взять – весна. Но впечатление обманчиво, на календаре – конец сентября.

Памятный знак, извещающий о том, что здесь проходит граница

между Красноярским краем и Республикой Тыва, появляется неожиданно, при спуске в Туранскую степь.

Долгий спуск со старой Веселой – и вот она, лента Енисея, с которым мы, помните, расстались в Абакане. Путешествие по Усинскому тракту закончилось. И, словно прочитанные страницы хорошей книги, немножко жаль оставленные позади прекрасные километры родной земли, которая стала ближе, дороже.

Пройдем их не торопясь, пешком?

1. Правнук «Таёжного волка»

Из рассказа Вячеслава Шишкова «Таежный волк»: «Я познакомился с ним в предгорьях Арадана, на верхнем Енисее.

Звать его Леонтий Моисеевич Бакланов. Он среднего роста, мускулистый, коренастый, ему шестьдесят два года, но седины мало. Борода большая, нечесаная, в крупных кольцах.

– Я гребень не ношу с собой: бороду мою хвоя чешет.

Его знают кругом на сотни верст. Одни уважают в нем человека справедливого, верного, искателя правды, другие, в особенности женщины, чтут его как вещающего старца, колдуна. Его зелено-голубые глаза с мудрым лесным огоньком светятся из-под густых бровей весело и лукаво. Впрочем, иногда они становятся сосредоточенны, строги, и если он в упор взглянет на человека, вдруг почему-то делается неловко, жутковато. Он, видимо, обладает большой гипнотической силой. Говорят, ежели он положит человеку руку на плечо да поглубже уставится в глаза, – человек уснет».

В рассказе писатель спрашивает своего героя, как тот попал на Енисей. «Долго рассказывать, – отвечает Леонтий Моисеич. – А впрочем... Отдал меня батька, донской казак, по обещанью в монахи, в Старый Афон, место свято. Одначе, как подрос там, бежал оттуда, через Турцию в Персию пробрался, из Персии на Кавказ. На Кавказе с горцами в дружбу вошел, охотой промышлял с ними. На двадцать шестом году оженился, а как стукнуло двадцать шесть, сказал жене: «Пойдем в Сибирь – землю слушать, как тайга шумит, усматривать, как дикий зверь рыщет». И перебрались мы сюда, к великой Енисей-реке».

«Однажды, много лет назад, – рассказывает дальше Вячеслав Шишков, – к его таежному жилищу подъехали верхами знатные люди: это экспедиция Академии наук. Его наняли проводником: да кого же еще и нанять, раз Бакланов знает всю округу на большие сотни верст? Недаром его зовут – таежный волк».

Ну теперь, наверное, уже ясен характер, внешний облик таежного волка. Одноименный рассказ Вячеслава Шишкова я прочитал на днях, в конце января. Вернее, перечитал, ибо вспомнил, что это мною было читано, и как бы не в десятом ли еще классе. А до этого повторного чтения было, лето, июль. Я отдыхал, и с братом жены, его зятем мы поехали попроведать старый покос, где столько потов было пролито из-за коровы Мани!.. Но умер тесть, после зарубили корову, и вот уже второй год мы не косим в селе Разъезжем Ермаковского района. Но тянет, тянет к плачущим в жару тальникам, шумливым на голубом небе березам, что окаймляют покос по склонам, к ярко-красным цветам татарского мыла, рдеющим, как маки, в сумраке чащи, тянет к дикой, горячей на солнце, бордовой малине, кочковатому болотцу, где иногда показывают гибкие спины козы... Ну, тянет!

И поехали мы. По дороге прихватили сидящего на лавочке Петьку Воронина, дальнего родственника моей родни по жене. Да и не Петька он – Петр Николаевич. Работает главным электриком в колхозе «Саяны» (шёл 1996 год). Рослый, «тягловый», но худущий! Щуплый даже. Служил где-то под Барнаулом, из всех мужских радостей, как и все мы, грешные, не откажется выпить иногда с родственниками ли, друзьями. И запылили мы через сухое подсолнуховое поле к покосу.

У-ух, жара какая! Чего греха таить: было у нас с собой три белогловки, огромный, чуть не с голову человечью, помидор, взятый нами у бабы Кати по кличке Староста. А в планах было – после покоса спуститься по березовым уклонам, где среди солнечного клевера стоят улы местных пчеловодов, – спуститься по такой же пыльной дороге к Божьему озеру-пруду. Место это исключительно живописное! У ручья, вытекающего из озера, растёт смородина, чуть повыше – малина, а дальше – кущи рясной черемухи. И какое-то это место еще колдовское, ведьминское. Озеро плещет желто-медной волной в крутолобую гору, а на другой стороне его, прямо в воде, стоят огрызки сухих берез, шлепает в вечерней комариной тишине жука, да кто-то ухает в прибрежном непроходимом лесу. Тут и русалкам плавать, и водяным под утро показываться, и ведьмам объявляться.

Но нехорошим это место я бы не назвал, скорее – заброшенным. Сюда мы и прикатили помянуть тестя да «пожурчать» по душам, как говорит Петька. Да и покупаться.

...Где-то час спустя от воспоминаний о нашем уважаемом тесте мы перешли вообще к разговору о мужиках «не нашего времени и размаха», о долголетию «тех» стариков, их силе и красоте. И тут наш как-то

сразу подопьяневший Петро возьми, да и скажи:

– Это чо!... Вот мой прадед – тот был человек! Леонтий Моисеич его звали. Да!

Я, закусывая, пропустил его слова мимо ушей. Тогда брат жены, озорно сыграв глазами в «мои ворота», будто желающий сейчас сказать что-то важное, выдал: «А тебе это, писарь, будет – ну, интересно. Гарантирую!» И вправду сказал за Петьку для меня сверхважное, сверхинтересное:

– А ты знаешь, что вот этого Петрухи прадед водил по Усинской тропе твоего писателя Шишкова?! А? – И, встав, сразу с крутого берега ушел с головой в воду – для произведения на меня пущего, видать, эффекта. Я сразу чуть ли не отрезвел и по-новому взглянул, повернувшись, на давно мне знакомого, такого простого, деревенского Петьку. «Выходит, вот он, – поджал я губу, – действительно правнук? Это он-то, Петька?!»

А Виктор Владимирович как ни в чем не бывало шлепался в освежающей воде: он любит, давно заметил, эффекты. А Петро между тем вовсю пьяно засиял. Я, чуя «материал», весело уставился на него:

– Действительно, вот ты – правнук этого... Леонтия Моисеевича?

– А то... тоже мне! Шишков и рассказ о моем прадеде написал. Аха. «Таежный волк», если хочешь.

Тут я понял, что никто из них не шутит, и даже забыл спросить у шурина, почему он писателя Шишкова назвал «моим». Мне выпал, я почувствовал, редкий случай, и я уже осмысленно стал расспрашивать (вот те на!) Петра Николаевича о том, что меня теперь намертво заинтересовало.

– Так что, баба Маруся (я так зову Петькину мать) – внучка того самого Леонтия Моисеевича?

– Аха, – равнодушно ответил разморенный солнцем Петька. – Только фамилия ее не Бакланова, а Воронина. По мужу. А ее мать ведь тоже была замужем. Мусихина ее была фамилия. Вот она-то и была дочкой моего прадеда... Ну, ладно, я пошел, – сразу, без перехода, продолжил Петро и боком прыгнул в воду.

...Петр Николаевич живет в селе Разъезжем в одном доме с матерью Марией Алексеевной Ворониной. Она сама – ермаковская, а муж у нее был местный. Это добрая, мягкая бабушка семидесяти с лишним лет. Полная, по улице ходит тихо, с тросточкой. Она была и на похоронах тестя, и почти двадцать лет назад – на моей свадьбе в этом же

селе, куда мы приехали после праздничного городского застолья вместе с друзьями-японцами...

Давно знакомые люди, а поди ж ты!

Я решил во что бы то ни стало поговорить с ней. Но... закрутили летние заботы-радости, потом выпала редчайшая по моим возможностям поездка в Турцию, и с бабой Марией посидел-поговорил я на лавочке уже в сентябре, когда выше палисада красовались цветы золотые шары. Баба Мария (в этот день были поминки тестя – год, как он лежал в земле) – она тросточкой что-то задумчиво чертила на земле и, не торопясь, скупно, о чем я посожалел, рассказала мне о своем деде. Рассказала то, что знала от своей матери:

– Дед мой был охотником, из Ермаков. И зиму, и лето – всегда в тайге. У него жила большая семья, человек восемь. В тайге он и познакомился с Шишковым. Тот топографию Усинского тракта делал, что ли. Так Лаврентий Моисеевич (она сказала – Лаврентий, не Леонтий. Или забыла за давностью лет, или просто оговорилась) – он был провожатым тому писателю по Усинской тропе. Часто они вместе в тайге и ночевали. Да. Где-то около Усинска. Или Ойского озера. Но не того, которое сейчас у дороги, когда в Кызыл-то ехать. Еще одно такое озеро есть.

Так они в походе-то и познакомились. Дед мой пушшиной все промышлял – соболями, белками.

Баба Маруся помолчала, а потом, вдруг вспомнив еще, добавила:

– Мама мне рассказывала. Она его, деда, в тайгу иногда зимой на санях завозила, на лошади. По моему, Белая Бурка ее звали. На прощание Леонтий Моисеевич наказывал все ей: «Никого на обратном пути к себе в сани не сажай!» Боялся за нее, небось.

– А вы сами, баба Маруся, когда впервые узнали, что таежный волк – это ваш родной дед?

– А в школе. Мать увидела, что я читаю этот рассказ, и сказала мне, что он – об моем родном деде.

– С кем-то делились об этом?

– Нет, никому как-то не говорила. Только в школе, подружкам.

В конце января (уже 1997 года), я снова был в Разъезжем. Иду по заснеженной улице, навстречу с тросточкой – баба Маруся. Тепло поздоровались. Поговорили о том, о сем. Я спросил, как Петро. Оказалось, лежит, болеет гриппом. «Да, – спохватившись, остановилась баба Маруся, когда мы уже было попрощались. – О деде моем упоминается и в «Хребтах Саянских» Сергея Сартакова. Вот как. А снимок его

есть на стенде, в музее Мартыанова в Минусинске, на втором этаже».

Я шел и невольно думал: какой, стало быть, колоритный мужик был этот Леонтий Моисеевич Бакланов!.. «Не то что нынешнее племя». И вспомнил из рассказа «Таежный волк» строчки о том, как он относился к самому Вячеславу Шишкову: «Он видел во мне человека хотя и хорошего, но городского, для таежной жизни никудышного, не смекалистого, темного и, пожалуй, глуповатого. Над таким чудачком не грех и подшутить, и даже слегка поиздеваться: ничего-то он не знает, ничего не подмечает, ни во что не верит, ни в таежные приметы, ни в леших, может заблудиться в трех соснах, может ни за нюх табаку погибнуть. Да разве это человек?

...Искося взглянув на меня и улыбнувшись, однажды он сказал:

– Это очень хорошо, что у тебя шляпа белая и новая. Пусть медведи да олени подивуются на настоящего питерского франта.

Я не мог в данной фразе подметить желание обидеть меня, поиздеваться, нет. Это была просто приятельская шутка».

Матерый был человечеще, что говорить! А вот как Шишков описывает часть их предутренного пути по Усинской тропе: «Под нашими ногами бурно пенилась река. Ревом ревели пороги, но на нашу высоту звук не долетал. И сквозь неподвижную тишь воздуха, ежели взглянуть влево, вниз, можно видеть: верстах в пяти от нас врезано в горы зеркальное альпийское озеро». Это сказано о нем, Ойском озере.

В своем рассказе, написанном в 1926 году, Вячеслав Шишков признается, что до этого несколько лет не получал от старика вестей и готов был с горечью вычеркнуть имя его из списка живых своих знакомцев, как вдруг – и совершенно неожиданно – пришло от Леонтия Моисеевича нацарапанное порыжелыми каракулями письмо. Оно было вложено в самодельный конверт, неумело заклеенный жеваным черным хлебом.

Вот это письмо:

«Милай живой ли ты приеждяй в гости много расскажу обо всем. Богу угодно было таежную правду чрез меня выполнить. Левоу рученьки не стало глаз выколот стариком исделался чрез то а за правое дело стоймя стоял сначала за Колчака по глупости ишел опосля тово супротив Колчака повел дружину партизанскую все по горам да по лесам. Много было делов и я по ся пору не в полный толк беру где настоящее место мое промежду людей. Приеждяй.

А писал в 1923 году в марте самоличный Левонтий Бакланов одно-

рукой».

Не о партизанской ли жизни Бакланова написал Сергей Сартаков?.. Пока не знаю.

Сейчас-то, именно от бабы Маруси, внучки «Левонтия», спустя ровно восемьдесят лет после того, как Вячеслав Шишков написал «Таежного волка», я узнал, что Бакланов умер в 1924 году. Увы, во время написания рассказа писатель об этом не знал и знать, по-видимому, не мог.

– Погиб мой дедушка тогда, в 1924 году, – рассказала мне еще на осенней лавочке, под золотыми шарами, Мария Алексеевна. – Никто не видал, где погиб, когда, никто его не хоронил. В тот-то год я и родилась...

Я, конечно же, побывал в Минусинском краеведческом музее имени Н.М. Мартыанова, долго смотрел на фотографию легендарного Леонтия Моисеевича Бакланова, который в свое время водил по Усинской тропе писателя Вячеслава Шишкова, занимавшегося топографическими работами, а больше охотясь, путешествуя. Теперь по тропе, которой ходил Бакланов, давно проложена, с некоторыми отклонениями-выпрямлениями, автотрасса от Абакана до Кызыла.

2. Альбом из 1913-го...

Но моему посещению музея предшествовало другое событие. Я, например, верю в судьбу, и раз уж мне так удивительно повезло с открытием Леонтия Бакланова, который, получается, очень далекий, бескровный, но все же родственник мне (по жениной линии), то почему бы не повезти и второй раз? И мне повезло, причем там и тогда, где и когда я вообще не ожидал. Случай, равный случаю с Петькой Ворониным, и в этом же селе Разъездье. Попробуй после этого не стань фаталистом! Видать, одна удача ведет за собой и другую.

Случилось (действительно случилось) это не год и не два спустя. Я приехал в село опять с братом моей жены Виктором Владимировичем Ворониным. На крышах – полуметровый слой снега, стайки трещат от его тяжести. Сугробы в ограде – по грудь. Словом, снежное бедствие. Баню всю замело. А тут сосед, директор школы, скидывая в тещин огород снег с крыши, пригласил нас попариться к себе. И мы согласились.

После жаркой бани в морозный звездный вечер, как водится... И за столом я поделился новостью о Бакланове, о том, как он водил по будущему тракту Абакан – Кызыл сибирского писателя, жившего, правда, и печатавшегося в Петербурге. И тогда хозяин дома – приветливый, интеллигентный Анатолий Георгиевич Замараев (был он в селе

директором школы, председателем сельсовета) – неожиданно для меня обрадованно заявил:

– А у нас в сундуке хранится альбом с фотографиями. И знаете какими? На них снят Усинский тракт в 1913 году!

Тут перестал жевать не только я, но и Виктор Владимирович Воронин, любящий эффекты. Теперь не он удивил меня – сосед удивил нас обоих. «А ну, а ну!»

Анатолий Георгиевич минут пять-шесть копался в комнатном сундуке и, наконец, вынес нам потертый по краям темно-коричневый альбом, который мы начали рассматривать, мешая друг другу. Какие уникальные снимки! На одном – густая зимняя тайга, через речку переброшен бревенчатый мосток. На нем – два человека с ружьями. Они пристально глядят в фотокамеру. Еще бы: тринадцатый год! Это сейчас видеокамерой, и то не удивишь, а тогда... А вот снят начальственный осмотр работ на 26-й версте... Тут – долина реки Тепсель... Деревянные высокие ворота на границе с Тувой. Под скрещенными вверху копиями и щитом, на котором что-то написано с ерами и ятями, стоят люди в военной форме... Минуты любопытного перелистывания альбома перешли потом в два часа небезынтересного разговора вокруг дороги Абакан – Кызыл, по которой тот же Виктор Владимирович более пятнадцати лет возил грузы в Туву.

Вот это да, у соседа – такая уникальная вещь! Это было не слабее Петькиного прадеда, согласитесь. Откуда тогда альбом-то? И я устал в ожидании ответа на Анатолия Георгиевича.

– Альбом перешел мне в руки от отца, Георгия Александровича, – раздумчиво ответил он. – Тот работал в 1937 году в Мигне зоотехником. Отсюда до Мигны – рукой подать. А отцу, в свою очередь, достался альбом по наследству от двоюродной сестры Елизаветы Поликши. Вот извините, отчество ее не помню. А та жила в Красноярске в двадцатых годах. Словом, семейная это реликвия – альбом. Я, в свою очередь, его вот сыну Володе передам, – и он не без улыбки посмотрел на нынешнего директора Разъезженской средней школы.

– Где же альбом появился на свет? – не унялся я.

– Это знаю: в Красноярске, в 1913 году. Знаю даже больше. Таких модельных альбомов с фотографиями строительства Усинского тракта всего было тогда сделано тринадцать. – И Анатолий Георгиевич, обладатель уникальной вещицы, умолк с гордостью.

... Спустя несколько дней после этого я и переступил порог Минусинского краеведческого музея. Предполагал удивить и озадачить его

сотрудников тем, что видел редкостный альбом, держал его в руках. Но оказалось, что такой же точно альбом о трассе есть и в музее! Вот те на! Тем не менее сотрудники искренне порадовались, что найден второй экземпляр уникального самоиздания. Никто, кроме меня с 1913 года не сообщал им, оказывается, о находке второго экземпляра хранящегося в музее альбома. Не слабо!

3. По горам и дебрям...

Как же Усинская тропа превратилась в Урянхайский тракт? Ведь миллионы людей, поди, за прошедшие десятилетия проехали по дороге Абакан – Кызыл! Проехал и зимой, и летом, и весной, и осенью много раз по этой трассе и я, причем последние годы – сам за рулем. И когда начал подсобирать материал, перед глазами все стояли снимки из альбома, которым уже более восьмидесяти лет.

И опять меня ждало любопытное совпадение: в том, 1996 году, исполнилось сто лет дороге Абакан – Кызыл и 250 лет – дорожной службе России. Лишнее подтверждение, что случайного ничего не бывает, даже если начало положил случай.

В конце XIX – начале XX веков в Туве появились первые русские промышленники и купцы – Медведевы, Сафьяновы, Вавилины и другие. В верховьях Енисея (Бий-Хема) предприниматели Сафьянов и Железнов проложили дерзкие маршруты, открыли крупные золотые прииски, которые разрабатывались с использованием дражного оборудования. Отсутствие дороги затрудняло освоение этого края.

Минусинские купцы Георгий Павлович Сафьянов, Николай Павлович Пашенных и Николай Федорович Веселков подали ходатайство Иркутскому генерал-губернатору о проведении колесно-гужевого пути через Усинский пограничный округ. Он должен был связать монгольский город Улясутая с нашей станицей Иджим. Через каждые 25 верст предполагалось строить поселки-станции. Меня раньше удивляло: железной дороги и близко нет, а поселки называются станциями. В этих местах просто жила обслуга дороги, были дом, ограда, амбар, баня. Так они и следовали по порядку: станция Буйба, Арадан, Медвежья, Иджим...

Начало строительству трассы было положено действительно чуть более ста лет назад, когда Иркутский генерал-губернатор направил в Усинский округ для исследования местности инженера Сикорского. Его вывод был следующий: строительство дороги обойдется минимум в пятьсот тысяч золотых рублей. (Для сравнения: годовой доход са-

мого богатого купца в Минусинске был сто тысяч рублей).

Дело приостановилось. Только спустя десять лет, по настоянию начальника Усинского пограничного округа Александровича, для проектировки и составления сметы строительства дороги был прислан отряд инженеров и других специалистов. В 1909 году, после их работы, в Иркутске прошло совещание, где был обсужден готовый проект будущего тракта. Не буду говорить о перипетиях совещания, скажу лишь: вся бумажная документация, представленная генерал-губернатору, весила шестнадцать килограммов!

4. Царская дорога

Так под нажимом промышленников Минусинска царское правительство начало строительство гужевого тракта через Саяны, дебри тайги. Как это и сейчас стало модно, а тогда тем более, работы начались с молебна в селе Григорьевка. Случилось это 26 августа 1910 года.

Вся дорога была разделена на три участка. Поначалу подрядчиками являлись крестьяне, переселенцы, а с 1912 года на строительство прибыла первая партия каторжан. За речкой Буйба, например, растет четыре аккуратных раскидистых елки, образующие квадрат. Здесь захоронено четверо каторжан, умерших от непосильного труда. До сих пор нет у нас своего Некрасова, чтобы воспеть людское самопожертвование, как воспел поэт это человеческое качество в своем стихотворении «Железная дорога», посвященном строительству линии Москва – Петербург: «А по краям-то все косточки русские!..» Кто воспет в стихах наш Усинский тракт?

Ведь таких памятных мест на тракте – множество. Ценой многих человеческих жизней заплачено за его строительство! Бойцы партизанской армии Кравченко – Щетинкина проходили этим путем в годы Гражданской войны в Красный город. Они видели цепи, кандалы, полусгнившие тачки, почти развалившиеся землянки с нарами из жердей. Горно-таежная дорога по многим судьбам прошла жестоким Молохом!

В 1913 году первый участок дороги протяженностью в 30 верст (одна верста – 1,6 километра) был сдан в эксплуатацию. Именно тогда и в честь, наверное, этого были сделаны снимки, представленные в альбоме.

Начало Первой мировой войны остановило все работы на трассе.

Спустя лишь два года сюда прибыла первая партия политссыльных (нет, не со Сталина начались трудовые репрессии!) Ссылных было

около тысячи. А вот были военнопленные или нет – неизвестно. Не знают об этом и в Минусинском музее.

В следующем, 1917-м, году политссыльных на строительство тракта пригнали уже две тысячи человек.

В революцию строительство дороги вновь остановилось, она вновь осталась недостроенной. Тем не менее и по такой дороге в 1919 году прошел белогвардейский отряд есаула Белоногова и партизанская армия Кравченко– Щетинкина до Белоцарска...

Над могучим потоком, по – горному буйным и своенравным, отвесной стеной навис мрачный утес. Оказывается, прошлым летом я стоял на историческом в своем роде месте. Именно тут красных партизан поджидали колчаковцы с пулеметами. Засада расположилась в очень удобном для этой цели месте: с утеса легко простреливалась вся дорога. Партизаны обошли засаду таежными дебрями и смогли нанести белогвардейцам удар с тыла. Противнику ничего не оставалось, как, побросав оружие, кидаться с утеса прямо в реку...

Гражданская война нанесла строительству дороги значительный урон. Было сожжено шестнадцать мостов, разрушены во многих местах полотно дороги, гражданские сооружения.

Ближе к тридцатым годам вновь началось восстановление и продолжение строительства трассы. Крестьяне работали за трудовой гужевой налог, и только некоторое время спустя дорога перешла в руки государства. В 1935 году она попала в ведение НКВД, и работали на ее прокладке уже исключительно заключенные «Сиблага». Через два года строительство было практически закончено. Ну, а если уж быть буквально точным, то последний участок трассы (Барбакхан – Кызыл) был принят в эксплуатацию в 1944 году, и приурочено это событие было к присоединению Тувы к России. Остается добавить, что в 1971 году была произведена реконструкция тракта Абакан – Кызыл, который начал так называться еще в пятидесятых годах. Сейчас трасса находится в ведении управления автомобильных дорог общего пользования Республики Тыва.

***

Вот и вся история.

И если бы не случай, подаренный мне судьбой на Божьем озере, я бы, наверное, еще долго не знал, откуда есть и пошла так всем хорошо знакомая визуально дорога Абакан – Кызыл. А если она вам незнакома, вы обязательно еще проедете по ней и, быть может, вспомните

моего «Левонтия» Бакланова, который был одним из тех, кто своими ногами протапывал в начале XX века Усинскую тропу.

Вспомните, обязательно вспомните, потому что сегодня нынешней трассой Абакан – Кызыл пользуется огромное число людей с рюкзаками за спиной, для которых главное – путешествовать.

8. Один брат, две сестры

Единый супер-этнос

У Хакасии, которая становится центром Саяно-Алтайского туризма, есть один брат, две сестры. Это Горный Алтай, Тува (Тыва, еще древнее – Тва) и Горная Шория. Саяно-Алтайское нагорье, где живут хакасы, тувинцы, шорцы и алтайцы, является прародиной древнетюркской письменности. Есть и еще более глубокие, в том числе языковые, исторические и этнографические корни, которые роднят эти четыре народа, считающихся малочисленными. Ведь в прошлом это был единый суперэтнос!

Саяно-Алтайское нагорье – одно из трех мест на Земле, где изначально зародилась человеческая жизнь. 400 – 500 тысяч лет назад древний человек начал овладевать устной речью. Письменная же появилась у него сравнительно недавно – две-три тысячи лет назад. Необходимо было сохранить мысль на расстоянии, во времени!

Об этом говорил в одной из историко-этнографических экспедиций доктор филологических наук В.Г.Карпов, преподаватель ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Он напомнил, что сперва у древнего человека письменная речь была развита на уровне образа-символа. Например, стрела означала войну. Затем появилась так называемая рисуночная словесность: фигура охотника означала «я пошел на охоту» и так далее. И только потом, при передаче абстрактной мысли, появилось словесное (звуковое) письмо.

Эти этапы развития письменности более-менее характерны для всех народов Саяно-Алтайского нагорья. Найденные здесь камнеписные памятники орхоно-енисейской письменности восходят к восточным языкам.

Известно: Петр I не раз посылал в Сибирь экспедиции, чтобы знать, какими землями он владеет на востоке. Так впервые посетил Сибирь в 1721 году Даниил Готлиб Мессершмидт. Это был первый в истории ученый, который побывал и в Хакасии. А Страленберг, пленный офи-

цер из экспедиции Мессершмидта, первый заметил рисунки, надписи на камнях. Но возник вопрос: язык какого народа запечатлели изваяния?

Так было положено начало науки тюркологии.

В 1893 году датский ученый Вильгельм Томсен сделал дешифровку рунических надписей: определил, какие знаки обозначают какие звуки. Следом китайцы установили, что это тюркский язык. Ученый же путешественник В.В.Радлов перевел древнетюркские письма на русский язык.

На территории современной Хакасии, а также Тувы найдено и расшифровано более 150 эпитафий, начертанных на каменных изваяниях. Все они принадлежат к орхоно-енисейской письменности. Но у современных языков тувинского и хакасского народов не только тюркская основа. Например, слово «Аскиз» (районный центр в Хакасии) совсем не принадлежит к названиям местного языкового происхождения, и имеет три варианта перевода на русский язык. Если первоначальным было словосочетание «Ах хыс», то оно означало «белая девушка». Если же «Асхыс» – «голодная девушка». Ну а третий вариант «Аз-хыс» можно толковать буквально как «мало девушек»!

А кому в той же Хакасии не знакомы такие названия рек и селений, как Оя, Тея, Коя, Бея, Сея и так далее? Эти слова тоже не восходят к древнетюркскому праязыку. Они – из семейства финно-угорских языков. Видать, как сказал тот же ученый-филолог В.Г.Карпов, этими названиями наследили в Хакасии в свое время динлины (в западном понимании – скифы, то есть варвары).

Как связаны языком, историей народы Саяно-Алтайского нагорья! Река Оя, допустим, не течет по землям современной Хакасии, хотя она впадает в Енисей. Ну а вот легенда о происхождении этой горной реки создана народом тувинским. Об этом мне рассказала по дороге в Горную Шорию Ольга Михайловна Дамчай, ректор Тувинского республиканского института педагогического образования. А, казалось бы, это предание легче можно было бы отыскать среди людей, проживавших и проживающих на берегах самой Ои, на юге Красноярского края.

Динлины, по образному выражению Венедикта Григорьевича, «наследили» не только в Хакасии и не только в сфере языка. Та же Ольга Михайловна, когда экспедиция наша находилась в Саяногорске, рассказала, что в Туране, считающимся воротами Тувы, археологами было найдено бронзовое зеркало III века до нашей эры. И что вы думаете? На прекрасно сохранившемся зеркале – гунские и скифские

(читай – динлинские) орнаменты!

Русские же впервые поселились в Туве, по историческим меркам, совсем недавно, добавила тогда Ольга Михайловна, в 1628 году... Сейчас в республике их проживает 28 процентов (коренного населения – 62). Перетекают друг в друга реки – перетекают и народы. Иногда эти процессы происходят естественным путем, иногда насильственно. В Хакасии, к примеру, есть священное озеро Алтын-Коль. (Между прочим, так на Алтае называется и Телецкое озеро, но сейчас речь не об этом). Так вот, под горой у Алтын-Коля в прежние времена проходила дорога, по которой завоеватели угоняли хакасских князей в Джунгарию.

Сейчас на этом месте, у села Маткечик, установлен памятный знак.

Юрий Николаевич Забелин, инициатор всех историко-этнографических экспедиций по республикам Саяно-Алтайского нагорья, краевед-просветитель, сказал как-то, что в Японии любой исторический камень имеет государственный номер. Мы у себя, на родине, до этого еще не дошли, но историю, запечатленную в камне посредством рисунков и рунической письменности, уже учимся уважать. Одно из свидетельств тому – Означенский памятник Енисейской (древнетюркской) письменности, найденный академиком П.С.Палласом в 1786 году.

Этому камню – 1400 лет! В 1880 году он (подлинник) был перевезен Н.М.Мартьяновым в Минусинский краеведческий музей. А совсем недавно, в 1996 году, благодаря установке макета подлинника на берегу Енисея, в Хакасии, да и всей России, впервые были проведены Дни тюркской письменности и культуры. Теперь ставится вопрос о придании Дням тюркской письменности и культуры государственного статуса: чтобы их можно было отмечать на международном уровне, как отмечаются в России, например, Дни славянской письменности и культуры. (Сейчас это – уже свершившийся исторический факт. Неоценимая заслуга в этом – его же, инициатора и, добавим, учредителя! – Дней тюркской письменности и культуры в Хакасии Ю.Н. Забелина – авт.) Остается добавить, что перевод рунической надписи, обнаруженной на Означенском памятнике, сделал на русский язык еще в 1895 году ученый В.В.Радлов...

Да, у Хакасии один брат, две сестры. И то, что эти народы – кровная родня, говорит еще один факт. Шорцев называют кузнецкими татарами. Тувинцы, между прочим, называют хакасов, знаете, как? Тоже татарлар! Но это попутное свидетельство, как и то, что алтайцы, по сло-

вам академика А.П.Окладникова, – древнейший народ, чьи «предки (на землях Алтая) проходили свое подлинное детство»... Главное же в том, что недавно американские ученые наконец-то доказали, что на генном уровне кровь индейцев племен сиу, майи и дакоты схожа с кровью тувинцев, хакасов, алтайцев и бурятов!

Это лишний раз свидетельствует как о кровных узах народов, проживающих на Саяно-Алтайском нагорье, так и о том, что это место на Земле – одно из тех редких, где предки человека вообще появились несколько раньше, чем те же, допустим, питекантропы на острове Ява...

Я не ученый, и если где-то влез по-дилетантски в эту область, то лишь потому, что мною двигало и движет одно чувство – попытаться понять, осознать быль родной земли, историю людей, ее населяющих. Может (это моя скромная задача), подобный шаг подвигнет кого-нибудь полюбить краеведение, в том числе и туристическое, а может, и стать впоследствии ученым?

1. Тува

В стране голубых гор

Голубая Тува... Такой увидел ее руководитель нашей историко-археологической и этно-просветительской экспедиции Юрий Николаевич Забелин, директор бюро пропаганды художественной литературы при Союзе писателей Хакасии. Да он, собственно, выше этой официальной должности, скорее – краевед-просветитель. Без его организаторских способностей, неутомимой подвижнической натуры не состоялась бы эта очередная экспедиция, на этот раз-за голубые Саяны.

Да, такими мы их увидели в солнечный полдень звенящего июня на перевале под Шевелигом – границе между Тувой и Красноярским краем. Нас провожали представители Пий-Хемского кожууна (района) во главе с Валентином Байкараевичем Ховенмейем. Провожали за накрытым столом прямо на траве у трассы Кызыл – Абакан, среди цветущего розового кипрея, при горячем запахе настоянных вершинных кедровников, щебетании птиц, рассеянных в ветвях сосен, елей, кедра...

Валентин Байкараевич подарил нам каждому значок с символом Турана, где мы жили-были три дня. Прощаясь, говорили по переменке с той и другой стороны слова от чистого сердца, и зарождалась уже в эти минуты идея очередной экспедиции, теперь уже совместно с тувинцами, в Республику Горный Алтай, возможно, на конях – на будущее лето...

А три дня тому назад на этом же самом вершинном месте нас встречала целая делегация Пий – Хемского района. В национальном наряде хлеб-соль преподнесла гостям из Хакасии прекрасная юная тувинка. Не обошлось и без айрана, само собой разумеется. На перевале уже холодил ранний дождливый вечер, но это никого не смущало: мы, наоборот, так боялись жары!

Обмен дружественными приветствиями, крепкие пожатия рук – и хозяева нас везут к себе, в Туран.

...День спустя, уже плывя на пароме через полноводный Енисей в Кызыле (мост, ведущий в город, из-за крена одного из бетонных быков был закрыт), я тепло вспоминал вчерашний вечер встречи в Туранском доме культуры, носящем имя заслуженного деятеля культуры Республики Тыва Марка Оюна. А он, подвижный и неутомимый, прихрамывающий на одну ногу, чье имя при жизни подарили Дому культуры второго по значению города Тувы, шел чуть впереди нас на правах всезнающего хозяина, улыбочиво оглядываясь.

Вместе с ним сопровождала нашу делегацию известная в Туве и Хакасии, в Красноярском крае хранительница Туранского музея краеведения стройная, статная Татьяна Верещагина. Она и вела вечер знакомства в ДК, читала стихи тувинских поэтов, и как! Кстати, рассказала и о том, что в Туране несколько месяцев жил знаменитый писатель Василий Ян, автор трилогии о Чингисхане. Теперь понятно, откуда взял он древневосточный колорит для своих книг.

Вот и настало время, когда каждый народ ощутил себя неповторимым, своеобразным. С виду суровая, даже дикая, жестковатая природа земли древних аратов (чабанов) таит в себе неповторимую первозданность. Не забудешь каменистых сопок и жестких солончаков, пахучего ветра вершинных кедровников и плесов, перекатов великого Енисея, зеленой величественной Тоджи. И недаром здесь говорят: кто не видел Тоджи, тот не видел Тувы.

Да, как мягкий Горный Алтай отличается от горно-степной Хакасии, так Хакасия отличается от суровой резко-континентальной Тувы. Отличны, в зависимости от климата, и характеры наших таких схожих и в

то же время таких разных народов.

Мало кто станет отрицать важность проснувшегося национального самосознания малых народов за годы перестройки. И наша экспедиция явилась как бы очередной ступенькой в восхождении тувинской ли, хакасской нации к собственным вершинам – в истории, этнографии, археологии, литературе, в культуре. Само название научно-практической конференции говорило об этом: «Творчество местных писателей в учебном процессе школ Республик Тыва и Хакасия».

Но это был, конечно, только толчок: разговор на конференции шел куда шире и глубже. С нашей стороны выступали представители ИСАТ ХГУ, ХакНИИЯЛИ, с тувинской – института педагогического образования, возглавляемого О.М. Домчай – человеком добрым, широких взглядов, разносторонних интересов.

Пересказывать содержание конференции – больше забота научных работников. Но за словами «концепция», «аутентичность» и т.д., чем так грешат ученые мужи и жены, легко было увидеть, почувствовать живой опыт воспитания школьников на примере произведений национальных писателей.

И потом, когда на следующий день нашу делегацию направили в Кызыл, где она побывала в государственном лицее, специализирующемся на подготовке национальных интеллектуалов, а затем в общеобразовательную школу № 9, многие поняли, что по некоторым важным моментам в системе образования Республика Тыва опередила нашу Хакасию. Убедиться в этом, уже помимо представителей названных учреждений, довелось и работникам Хакасского республиканского института переподготовки работников образования. Этот факт, считаю, сработает в качестве стимула улучшения педагогической работы в нашей республике.

Об этом, кстати, уже в более тесном кругу говорили хозяева и гости на берегу Енисея «под шашлыки» и дым костра. Что-что, а гостеприимства у наших тувинских друзей было не отнять. Какие любопытные темы для бесед находили между собой педагоги, писатели, ученые, журналисты!..

А мы в это время побывали в гостях с киногруппой – Владимиром Якутовичем и Людмилой Расташеновой – у их друзей с Тувинского ТВ, посмотрели фильм о людях Тувы с верхнего Бий-Хема и Каа-Хема, а затем съездили на кызылское кладбище, где отыскиали могилу Шамиля Седен-оола, признанного ЮНЕСКО лучшим в числе ста кинодокументалистов мира XX столетия.

Стоял сухой, палящий солнцем день. Мы прибрали его могилку, такую рядовую среди других, обмыли свежей водой колышющиеся на ветерке искусственные цветы. И думы были о бесконечности жизни, творчестве тех, кто пришел на землю, чтобы оставить на ней добрый след.

Совсем рядом, в тени зеленых лиственниц, стоял монумент из трех розоватых гранитных камней Солчаку Токе (с его барельефом). Солчак Тока много сделал для Тувы как в государственной, так и общественной, литературной жизни. Он – признанный классик, основоположник тувинской литературы. Как сказал нам при встрече председатель правления Тувинской писательской организации А.А. Даржай, готовится к изданию трехтомник избранных произведений Солчака Токи.

На следующий день в Туране, на студии местного телевидения, состоялась встреча писателей и журналистов с председателем СП Республики Тыва Даржаем, его коллегой Николаем Кууларом. Нам было о чем поговорить: о народном самосознании, дружбе, проблемах творчества и издания книг, вообще «за жизнь». И эта встреча вылилась в практическое резюме: писателям Хакасии было предложено принять самое активное участие в выпуске очередного журнала «Улуг-Хем», опубликовав в нем свои произведения. А на будущее было решено совместными усилиями Республик Хакасия, Тыва и Горный Алтай издавать журнал народов, проживающих на Саяно-Алтайском нагорье. Это уже что-то существенное. Такое решение с двух сторон было встречено невольными аплодисментами.

... Кызыл среди голубых цепей гор и их заоблачных вершин хорошеет, думалось мне, когда возвращались мы в Туран. И дело тут не только в красивых городских площадях и скверах, парке отдыха под плакучими ивами, новыми кварталами домов... Он расцветает своей культурой. Кто хотел, побывал в музее Нади Рушевой, а мы – в музее шестидесяти богатырей «Алдан Маадыр». Знаете, чем он примечателен? Здесь, предварительно заплатив за вход семь рублей, можно повстречаться, опять же по признанию ЮНЕСКО, с одним из «живых сокровищ мира» – шаманом и писателем Кенин-Лопсаном.

Наша экспедиция в Туву удалась. Мы жили насыщенно, разнообразно, интересно. Все это – благодаря приему хозяев, частой смене впечатлений. В последний день, как и было обещано, нас повезли в Уюкскую котловину. Она интересна тем, что здесь идут раскопки (я поразился их чистоте и почти комнатной аккуратности Уюкского кургана). От его центра в радиусе нескольких метров на равном удалении друг

от друга находятся курганы-спутники. Расшифровать их геометрию, историю Уюкского захоронения ученым еще предстоит.

...Солнце пекло. Не охлаждал и веющий с гор приятный ветерок. Цветущая долина царей (как у нас – Салбыкская) простерлась под высоким голубым небом с рассеянными облачками на десятки километров. Глаза слезились, силясь рассмотреть очертания гор, синей цепью обрамляющих Уюкскую котловину на далеком горизонте... А мы стояли чуть ли не в центре ее, и каждому, наверное, думалось, что когда-то здесь текла жизнь прошедших столетий... Может, сходились тут в кровавой сече иноземные племена? А сейчас так безмятежные на каштановой, под зеленым покровом травы, почве цветут здесь белесые ковыли. И где-то, совсем не так уж далеко, под водами Саяно-Шушенского водохранилища, навсегда уснула «дорога Чингисхана»...

На деревянном мосту через реку котловины – Уюк – с полноводными, каштанового цвета берегами, нас встречала купающаяся ребятня. Сюда, после пребывания на раскопках, приехали мы отдохнуть, покупаться. А до этого, на дороге у кургана в долине царей, Валентина Николаевна Тугужекова, директор ХакНИИЯЛИ, измерила у каждого желающего его биополе. В доисторическом месте, освященном предками тувинцев, это было как нельзя кстати.

Купание в Уюке с прозрачно-каштановой водой от июньских дождей, среди ив и осоки, было незабываемым. В небе над нами под солнцем медленно, словно высматривая добычу, кружил степной стервятник, а на лазоревых цветах в сладкой истоме замирали пестрые, с мерцающе-синим отливом, бабочки.

Последнее прощальное дружеское застолье затянулось чуть ли не до захода солнца за гору, напоминающую хребет пребывающего во сне динозавра... А когда мы еще только ехали в Туву, первой была остановка на Ергаках. Холодный ключ, морозящий дождь, непроницаемый туман. Пришлось поколдовать шаману Валерию Топоеву, чтобы туман разошелся и показались Ергаки. И туман... да, рассеялся, оголив зеленые склоны уходящих в небо каменных зубцов.

На обратном пути состоялось-таки купание в прозрачно-ледяной пенистой Буйбе, где было что поснимать фотомастерам Александру Колбасову и Татьяне Немковой. Каждому – свое! Мы вот купались, а поэт Алексей Козловский не без удовольствия наблюдал, как умело вылавливает из прозрачной воды холодных серебристых хариусов заядлый рыбак из Арадана...

Тува... Я не раз бывал в твоих пределах! Страна гор и котловин, кото-

рые занимают почти восемьдесят процентов твоей площади, равной Дании, Голландии, Бельгии и Швейцарии, вместе взятых! Твоя самая высокая вершина, голубеющая на горизонте, – Монгун-Тайга (Серебряная гора).

Находясь на твоих землях, Тува, невольно вспоминаешь слова президента республики Ш.Д. Ооржака, который сказал: «Наши предки, исповедуя культ природы, сохранили ее для нас. Мы, обладатели бесценного наследия, и должны в первозданном виде передать его нашим потомкам». В экспедиции мы не раз убеждались в этом – впрочем, как и в том, что самобытная природа-мать взрастила и самобытный народ со своим мировоззрением, своеобразным национальным характером.

Ты мне будешь теперь сниться в снах голубых, Тува. И будут мне грешиться твои реки и горы...

...И поклониться центру Азии

С детства запали мне слова знаменитого путешественника-исследователя Пржевальского: «Жизнь прекрасна уже тем, что можно путешествовать». И я всегда вспоминаю о них, когда собираюсь в большую или малую дорогу. А в Туву (буду писать по-старому) далеко или близко? Вроде бы близко, каких-нибудь 400 километров по живописной дороге. И далеко – ведь это уже совсем другая сторона, где от большого солнца, солончаковых раскаленных степей, белых или темно-серых верблюдов, диких вековых скал веет началом бескрайней Азии!

Кызыл (Красный город, до 1920 года – Белоцарск) с северо-западной части окаймляет хребет имени Обручева. Академик бывал в этих местах. В сентябре, сквозь желтую листву приенисейских тополей, хребет Обручева уже во власти зимнего снега. Туда, сливаясь, тихо бегут Большой и Малый Енисей, унося воды свои в тайники могучих гор.

Здесь, над вечно бегущей водой, в парке с тополиными аллеями, по которым и в полночь гуляет летом молодежь, возвышается, уносясь в высокое небо, символический памятник «Центр Азии». Молитвенно стоя у него, мысленно представляешь (ориентируясь по глобусу), где ты находишься. Великий материк! Поздним сентябрьским вечером со стороны захода солнца, даже если его нет, гранитная мощь стелы греет даже через куртку спину, когда прислонишься. А со стороны восхода солнца памятник хладен, как неживой. И всему этому почему-то душа придает значение. Какое – просто неизвестно...

Это место на Земле я ставлю на равных – ну, например, с Байкалом, Эрмитажем, Черным морем. Это место надо видеть, знать. За ним – великое понятие. Тут долго стоят люди. Одни задирают голову вверх, другие смотрят на бегущий Енисей. Над этим местом будто «звезда с звездой говорит». И душа, как под светлыми сводами церкви, притихает, восторженно чувствуя Вечность. Ни одна свадьба в Кызыле не обходится без того, чтобы молодые не приехали к памятнику «Центр Азии».. Стреляет пенистое шампанское, бокалы – об угол гранита или мрамора.

На счастье!

А символ восточной Тувы – изящная белоснежная скульптура (автор – Х.К. Тойбухаа) «Косуля с детенышем». При спуске в город, протянувшийся по двум берегам Енисея, она напоминает каждому, кто подъезжает к центру Азии по тракту Абакан – Кызыл, что вы – в столице Тувы. Здесь тоже молодожены пьют шампанское, фотографируются и – за свадебный праздничный стол!

В краеведческом музее я с интересом рассматривал редкий, такой уже давний снимок: 1914 год, царские чиновники определяют место постройки Белоцарска. Следующий снимок – зима 1915-го. Первое двухэтажное здание со стропилами будущей крыши. На снимке 1927 года – первая городская пекарня... Паром через Енисей.. Наводнение в Кызыле в 1937 году... Дома затоплены по крышу. Всадник на коне, вода, которому доходит до шеи... 1945 год – снова наводнение. Глыбы льда возле здания полпредства СССР. 1962-й год. Строительство моста через Енисей. 1966-й: опять на-вод-не-ние!

...В пасмурный день августа рыбачил я за Кызылом в районе старого парома. Он и сейчас передвигается здесь через полноводный и стремительный Енисей. Ну что у нас в Хакасии встретишь у реки? Пасущихся коров, ну – коз, собачек там... А тут обернулся – ба! Мамочки!.. Сам хозяин пустыни – верблюд! Я аж растерялся. Ох, уж эта Азия! А потом, уже ближе к вечеру, я даже чуть разочаровался, когда, возвращаясь с рыбалки, увидел своего двугорбого знакомого с длинной шеей мирно пасущимся среди – да, среди наших обыкновенных коров!

И первый раз я увидел «в натуре» верблюдов здесь же, в Туве. Стоял раскаленный июль. Солончаковая степь. Пыльная-препыльная дорога, без цветов и березок по краям. В машине – зной, от пота рубашка теплая, липкая. И вот вдали, у белых юрт (говорят, в них живут только богатые тувинцы), верблюды.

Дорога вела на Сватиково. Это озеро знают даже во Владивостоке,

в Алма-Ате, в Санкт-Петербурге. А нынче, говорили мне, на Сватикове были люди из... Венгрии. Озеро как озеро. Над ним висит знойное марево. А вот вода – чистая, голубая-голубая. И соленая, как раствор. Я, помню, нырнул – и тут же, как пробка, вылетел на поверхность. На губах – горечь. Открыл глаза – что это? Вся грудь – в марганцевой крови. Я не ударялся носом о дно! Оказывается, соленая вода до того тут «крутая», что вмиг разъедает слизистую носа до крови. Больше я уж не нырял. Зато, подняв навстречу солнцу руки и задрав ноги, поплававком качался на голубых охлаждающих в знойной степи волнах. Волосы мои потом засохли, как замерзшая пена, руки покрылись солью, словно известкой: пришлось повторно купаться в грязном, но пресном соседнем озере, где прямо на песке росли вихри ковылей.

Это она, Азия... Сколько раз бывал я в Кызыле! Выйдешь на взлетную бетонку – жар пышет. И степь тут кажется бескрайней, и небо – выше и светлее. Так оно, наверное, и есть. Ведь заметил же, когда доводилось ездить на Черное море, что где-то у Орла воздух как бы напоен светом, и дальше к югу становится все светлее, светлее, а ночи – темнее, и с крупными каплями звезд...

Но Тува для меня – еще загадочная страна. Давно, уже не первый год, мечтаю я побывать в Тодже. Это дикий край озер и тайги, живописных гор и... комаров. В озерах, чистых как слеза, в изобилии водятся хариусы, другая рыба. За день на удочку даже неопытный рыболов может надергать мешок (!) этой ценной рыбы. Я еще не побывал там (вот и нынче: летел туда самолет, а не получилось!), но заголовок к путевым заметкам уже придуман: «Мечта о Тодже». Да и в Туве говорят: «Кто Тоджи не видал – не видал Тувы».

Ладно, в следующий раз.

...На этот же раз я тоже пришел поклониться «Центру Азии». Тихо, по-осеннему, тек Енисей. На глазах в полутьме проплыла запоздавшая рыбацья лодка – как во сне... Я обернулся к стеле, стреляющей в небо...

Мир тебе, золотая Азия!

«Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса...»

В солнечной Туве (правда, нынче там шло много дождей) очень высокое небо. И где нет гор – плоская сухая, а то и солончаковая степь. При тихом, незаметном слиянии Большого и Малого Енисея (вот уже и река великая!) – простор степной с ароматом диких трав. Даже сен-

тябрьским днем вольные ветры приносят устойчивый аромат редких терпких трав. Азия! На берегу, среди знакомых и обыкновенных для нас коров, можно внезапно и удивленно встретить величественного верблюда. С неописуемым достоинством проводит он человека спокойно – царственным взглядом и снова равнодушно, как сама бескрайняя степь, станет жевать свою жвачку.

Вот здесь-то, рядом с символическим Центром Азии, и вырос первый в Туве буддийский храм. Теперь туристу или просто оказавшемуся в Кызыле человеку из соседней Хакасии не надо ехать в Индию, Японию или Китай, чтобы посмотреть буддийский храм. Охро-оранжевая крыша – купол с загнутыми углами, стройные белые стены. А внутри... О, внутри – восточный колорит «цветастой» религии: бесчисленные статуэтки Будды, на длинных приземистых столах (?) – сутры, звук рожка морской раковины, возникающий в размеренные отрезки времени. Что он символизирует: связь живых с небом? И, конечно, ученики Учителя, одетые в стилизованные буддийские одежды ярко-малинового и желтого цветов. Они, склонив головы, искренне-подобающе молятся Будде, плотно и заученно сложив ладони, и то и дело при наклоне поднося их к лицу...

В центре храма – цветной портрет Далай-ламы XIV, который (это редкость!), приехав из Центрального Тибета по приглашению правительства и президента Тывы, освятил место под буддийский храм. Теперь оно святое – здесь, при слиянии Великого Енисея! Далай-лама освятил и национальный флаг Республики Тыва. Значит, процветать Тыве под покровительством Будды, устанавливать свою государственность. Правительство заботится о развитии религии в национальной республике: на храм были даны деньги. Тут же, под высоким небом, будет строиться еще восемь буддийских храмов. В центре их разместится, как на троне, Центральный храм. Говорят, там будут проходить хуралы тувинского народа. В остальных же храмах, небольших, но картинно красивых, верующие будут поклоняться духу Будды, молиться за здоровье, охрану жизни, за счастье... Все по – земному понятно, и нет неприязни у меня к верующим людям.

Тувинцы – язычники. То есть они верят духу неба, гор, воды... «Но буддизм – не определяющая религия в Туве, – говорил мне главный шаман республики, а в сущности пытливый ученый и народный писатель Монгуш Кенин-Лопсан. – У нас дружно сосуществуют и ислам, и христианство, и буддизм, и шаманство». Для верности я заглянул в книгу-учение Далай – ламы XIV «Буддизм Тибета», и сразу прочитал:

«Для религии не существует национальных границ. Народ или отдельный человек может и должен принять ту религию, которую находит благотворной для себя. Однако принятие другой веры не означает неприятия другой веры»... Недаром, совсем недаром одна из глав называется в этой книжице «Общечеловеческий подход к миру на Земле». Нобелевская премия мира за 1989 год отдана ему, Далай-ламе XIV.

Мы долго стояли в храме, который он освятил...

Ученики буддийского храма, чьими гостями мы были, скоро поедут на долгие восемь лет обучаться буддизму в Центральный Тибет. Это, согласитесь, для них не игра, – Вера...

Но вернемся на тувинскую землю – край магических шаманов. Тувинцы – древние жители центра Азии. Территория эта была заселена древним человеком 100 – 40 тысяч лет назад. Около 201 года н.э., после нашествия гуннов, население Тывы смешалось с пришлыми племенами. Высшим родом шаманов считался тот, что вел свое происхождение от албысов («Из злых духов, которые постоянно вредят людям», – писал Н.Ф. Катанов). Албыс живет по преимуществу в песчаных местах. Мужчине он представляется красавицей, женщине – красавцем. Впереди у него обыкновенный вид, сзади тела нет, и видны все внутренности. Зевота, потягивание, обмороки, припадки падучей, временное помешательство... Это значит, что «злой дух в него (нее) вселился».

Как становятся шаманами? Этот вопрос таинственный, и очень меня притягивал. В книге уже упоминавшегося автора «Магия тувинских шаманов» я нашел -таки один любопытный пример этого. Куулар Чанзан-оол, 1901 года рождения, так говорил о себе: «Я – шаман из рода албысов – «ведьм». Я ходил по гальке, где было быстрое русло. Ко мне навстречу вдруг явились две красавицы, и я незаметно оказался между ними. Я чувствовал, что лежу в объятиях красавиц, крепко спящих. И так мы втроем спали на песчаной косе. Проснувшись, красавицы проводили меня к высокому яру Суг-Бажы. Там стоял большой аал, в котором жила целая группа албысов – «ведьм».

Потом иногда они приходили в наш аал, видели их только мои глаза. Простые смертные не могли увидеть их появления. Я вооружился шаманскими атрибутами и начал камлать. Меня никто не учил слагать шаманские песни, потому что я вышел из племени албысов».

В действиях тувинских шаманов выделяется два типа обрядов: лечебные и культовые. О шамане-враче исследователь Л.П.Потапов писал: «... тувинцы верили, что причиной болезни является либо вре-

менный уход из тела человека одной из его душ, либо вселение в человека злого духа». Культовые же шаманские обряды связаны с анти-мистическим осмыслением мира. Это древние родовые культы: огня, гор, родовых покровителей и т.д.

Как пишет Монгуш Кенин-Лопсан, одно из наиболее загадочных явлений камлания – перевоплощение шаманов в образы зверей и птиц. Шаман Донгак Кайгал зашел в юрту для приезжих и там заночевал. Утром человек, войдя в юрту, увидел большую змею на войлочном ковре и убежал. Тогда другой пошел в юрту, где спал приглашенный шаман, и увидел ... огромного медведя. За это нойон наградил шамана, владеющего такой великой тайной, конем с новой сбруей, коровой и теленком и полным обозом товаров.

По представлениям тувинцев ворона, например, – одна из культовых птиц, с помощью которой шаман лечит больного и предсказывает будущее. В народной пословице говорится: «Хотя ворон внешне черный, но он благосклонен к своим птенчикам». Тот, кто убил черного ворона, непременно заболит и умрет. С вороном связано понятие о страшном, опасном и плохом. То шаманизм... А вспомните русские сказки... Там ворону отводится та же вещая, черная роль! Все мы – христиане, буддисты и т.п. – из одного древнего корня: язычества.

...После беседы с главным шаманом Тывы Монгушем Бораховичем Кенин-Лопсаном, возглавляющим в республике Общество шаманов «Дунгур», я прошелся по улице, остановился у здания этого общества... Здесь шаманы лечат людей. Вечером развернул «Тувинскую правду» и прочитал, что обряды камлания стали, как искусство, переходить на сцену.

Не заснула в нас древняя кровь, и потому – блажен, кто верует.

С живыми говоря...

В Кызыле была настоящая осень. После ветра и дождя на крыльцо Тувинского республиканского краеведческого музея нападало много желтых мокрых листьев. Я поднял голову к вывеске: музей назывался имени шестидесяти богатырей («Алдан Маадыр»). Об этом мне весело рассказали тувинские девочки – лицеистки, проходящие мимо. Совсем юное поколение республики! А там, за стенами музея, меня ждала встреча с прошлым Тувы, которое через документы, фотографии, экспонаты как будто разговаривает с нами, ныне живущими. Поэтому я люблю музеи.

... В зале пожилой седой человек в очках проникновенно рассказывал школьникам (видать, была экскурсия) о прошлом древнего края. Я прошел мимо, а потом пожалел. Это был Кенин-Лопсан Монгуш Борахович – личность в республике уникальная. Он – кандидат исторических наук, народный писатель Тувы, заслуженный работник культуры Республики Тыва и РСФСР, а также (и это показалось мне любопытным особенно) – президент Общества шаманов Тувы «Дунгур», что в переводе на русский означает «Бубен». Это ему, третьему в мире, совсем недавно один из руководителей Европейского отделения американского Фонда изучения мирового шаманства Поль Уккусич вручил знак, подтверждающий получение звания «Живое свидетельство человеческого сокровища».

Как я мог пройти мимо? Но я прошел, потому что только после узнал об этом. А потом... потом он ушел из музея по делам.

На следующий день я таки встретился с Монгушем Бораховичем в его музейной «келье». Послушал его речь, узнал взгляды. Непростой, дотошный человек! Тут же, в музее, приобрел две его книги, рассказывающие о шаманизме в Туве. А напоследок он пошутил:

– В июне 1994 года к нам в республику приезжал президент России Борис Ельцин. Встреча с интеллигенцией города была здесь, в музее. От имени правительства Республики Тыва приветствовал Ельцина я, был его экскурсоводом по музею. Когда я ему рассказывал о буддизме, истоках тувинской мифологии, он оживился. И был очень рад мне, живому шаману! Но главное и забавное – в другом. Когда я, главный шаман Тувы, увидел президента и пожал ему руку – я потерял дар речи! Так подействовал на меня Ельцин: исчезло на миг мое шаманское величие!

Почему я заострил внимание на Кенин-Лопсане? Еще и потому, что во многом именно он организовал в музее две интересные выставки: «80 лет Кызылу» и «50-летие присоединения Тувы к России», а также «Неизвестные страницы истории» – о репрессиях в Туве. Здесь, в музее, оказалась у меня в руках и книжка «Установление покровительства России над Тувой в 1914 году», где собраны теперь ранее секретные архивные документы. Этим изданием Монгуш Борахович правомерно гордится. Ведь за каждой строкой – судьбы людей.

Что правду скрывать? Отношение в республике к 50-летию присоединения Тувы к России – неоднозначно. Для одних – праздник, для других – нет. Но все сходятся в одном: это история Тувы, и ее не вычеркнуть.

– Добровольно ли мы вошли в состав России? – этот вопрос перед

нами уже не стоит, – сказала при встрече заместитель директора краеведческого музея по науке Людмила Монгушевна Салчак. – Это интересует только приезжих. Почему? По документам вроде все это законно. А вот от имени народа было все это сделано или нет – дело историков. Ведь в то советское время референдумов, хуралов не проводилось!

– Людмила Монгушевна, со времени присоединения Тувы к России прошло пятьдесят лет (напомню: шел 1994 г. – авт.) Что за эти годы, на ваш взгляд, не стоило бы делать в Туве?

– Тувинцы, как известно, ведут полукочевой образ жизни. Точнее сказать, вели. У скотоводов были весенние, зимние, осенние стоянки. Вопреки своим вековым традициям с приходом Советской власти тувинцы стали оседлым народом. Этого не стоило делать. Ведь у каждой нации – свои особенности, и не надо их нарушать.

За годы Советской власти в республике меньше, значительно меньше стало скота, больше стало вспаханных земель, но не урожаев. Стали засыхать озера – не такие уж частые в Туве.

Немалый вред здоровью населения нанесли комбинаты «Туваасбест» и «Тувакобальт». Последний расположен в поселке Хову-Аксы. Были вот проведены недавно исследования, и что оказалось? В воздухе витает большой процент аммиака. Если сразу эту дозу ввести в организм человека, он умрет.

После этой беседы ходил я раздумчиво по залу с экспозицией «50 лет присоединения Тувы к России» и наткнулся на газетные номера «За асбест!». Десятилетие, двадцатилетие комбината, праздничные репортажи... А вот цветной снимок «Туваасбеста» 1976 года. Голубые от снега горы, и на них – дымовая копоть из труб комбината. Раньше – да, это преподносилось как развитая индустрия отсталой окраины страны.

А вот и снимок Постановления Совета народных комиссаров СССР от 19 ноября 1944 года «О мерах помощи сельскому хозяйству Тувы», где говорится о поддержке в республике коллективизации, переводе аратов-кочевников на уже известную нам оседлость, оснащение скотоводов... полеводческой техникой... К чему впоследствии это привело, Людмила Монгушевна уже поведала.

Экспозицию же открывает Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 октября 1944 года, подписанный М. Калининным, о принятии Тувинской Народной Республики в состав СССР. Да, вопрос историкам: хотел ли этого народ Тувы? Слово за ними.

Далее с интересом выписал, что в 1945 году в республике было

4069 коммунистов, 1987-м, перед развалом СССР, – 14630. Конечно, в основной массе эти люди, простые грудящиеся, многое сделали для процветания Тувы с помощью России.

Интересная все-таки штука – музей! Десяток раз побывал уже в Туве, столько же, если не больше, прошел по улице Тувинских добровольцев, и только в общих чертах знал о них. А тут – снимок генерал-полковника Ока Ивановича Городовикова. Настоящий кавалерист, с усами! О его кавалерийском эскадроне, ушедшем в 1943 году на фронт (еще до присоединения Тувы к России), инспектор кавалерии Красной Армии писал в донесении: «Самое лучшее впечатление. Люди хорошо натренированы, представляют собой готовую боевую единицу». Вот кто такие были тувинские добровольцы. И Тува стала будто роднее, знакомее.

О! Редкий снимок. В честь первой годовщины присоединения к России – парад в городе Кызыле. Мимо трибун гарцуют всадники на конях (может, кто-то из тувинских добровольцев тут). В седлах некоторых из них – дети. На здании – портреты Сталина, Молотова, других вождей. В те годы люди знали о них только доблестное, хорошее. Сейчас история корректирует наш взгляд на прошлое, его деятелей.

А вот (опять снимок) делегация ТНР в Москве, Кремле, на приеме у М. Калинина. 1945-й год. Этот снимок остановил меня тем, что в группе снимавшихся увидел я во цвете лет легендарного Буденного, с огромными усами, и подумал: «Ну как же, тувинцы – это прежде всего в годы войны кавалерийский эскадрон. Потому с делегацией Тувы и снялся главный кавалерист страны».

В зале музея, который в эти дни посещает много кызылчан и гостей города (ведь 11 октября!), через судьбы людей, интересные фотографии и реликвии истории показан 50-летний путь республики в составе России – вплоть до 31 марта 1992 года, времени подписания, в том числе и президентом Республики Тыва Ооржаком Шериг – оолом Дизижикивичем, Федеративного Договора о согласии в Москве, Кремле.

Тува всегда была немного, как здесь говорят, азиатской страной, не Россией. С приобретением суверенитета тувинский народ не собирается отсоединяться от России. Это наглядно доказал приезд в Республику Тыва Ельцина, подписанные там документы, оказываемая Россией помощь...

И потому мы всегда ездили и, надеюсь, по соседству будем и впредь ездить «за Саяны», к народу, который сейчас, возрождая свою государственность, науку, культуру, поделится с миром своим, а не заемным, обезличенным колоритом, пусть маленькой, но уникальной страны.

2. Горный Алтай

Полет в облаках

Никогда по-детски не устаю удивляться самолету, который считаю чудом. Ну представьте: солнце, жара, а вверх, куда устремишь мечтательный взгляд, – видимые, но неосязаемые облака. Ведь их не трогаешь рукой! И вот с замиранием сердца, затаенным восторгом садишься в самолет и сквозь иллюминатор уже по-другому смотришь на облака: сейчас я буду там! Словом, мечта, месяцами, а то и годами нереальная, вдруг становится явью.

И вот Як-40 (Ан-24, Ту-154), физически ощутимо задрожав, как перед ответственным прыжком, разбегается и... ты не веришь, что уже в воздухе. Остаются позади здание аэровокзала, серебристые, с покатыми крышами, склады, высокая труба «Абаканвагонмаша», уже вьется ниточкой Ташеба, все меньше, как игрушечные, машины (белые, оранжевые, голубые). И вот уже весь город Абакан вмещается в иллюминатор – с кварталами домов, поймой зеленой реки, бурными горами. Легкокрылый самолет, во власти которого находишься ты, делает крен, и весь город тоже враз наклоняется в блюдце иллюминатора. Еще подъем (плечи вдавливают в кресло), и вот уже видишь, крыло самолета из

серебристого стало темным, с отблеском воды.

Где ты? Вроде все вокруг тебя вещественно. Вон молодой коммерсант, не считая полет за чудо, как в автобусе, читает, с интересом перелистывая, многополосную газету. Бросается в глаза притихшая группа туристов, одетых не «по – городскому», а «на природу». Один что-то говорит девушке о Катуне, важно иногда поглядывая по сторонам. А вон женщина с сумочкой под ландыш, с которой бегала по аэровокзалу еще там, на земле... А вон ребенок притих на руках у бабушки, только глазенки тянет вперед, за кресло: что-то заинтересовало его. И в то же время за бортом самолета, – всего каких-то 10-15 сантиметров, – другой мир: сумрачно (и, может, холодно!), сизые, неслышные облачные лоскуты буквально промелькивают мимо, закрывая иногда даже крыло самолета.

Кто ты? И песчинка, если сорвешься отсюда вниз. И человек, с заботами, семьей, друзьями. Но все это осталось на земле. А вот голову, руки можешь потрогать. И уже на высоте шесть тысяч метров ты не чувствуешь себя «венцом природы». Ты просто беззащитен перед этой высотой! Но продолжаешь-таки думать: самолет-то человек изобрел! Потом спохватываешься: это было на земле. А сейчас ты в небе и принадлежишь только Богу.

Обычно на высоте, да при облаках с просинью, дальше как-то неинтересно смотреть вниз: все стушевывается. Ощущение опасности проходит, внизу-горы, лес, – насколько с высоты глаз хватает. Равномерное натруженное гудение моторов убаюкивает. Но стоит ощутить не тот звук в двигателе, легкий толчок корпуса самолета на воздушной колдобине или яме, – и ты резко, как от жуткого сна, откроешь глаза, а сердце забьется учащенной. Дальше летишь... Сколько еще лететь до Алтая?!

А тут открыл глаза – и поразился красоте Божьей, заоблачной. Между прочим, чувство красоты обостряется, когда оно подпитывается затаенным чувством опасности, риска. Душа обрадовалась своему парению. Господи! Вот сейчас же разобьемся: самолет буквально врежется в белую скалу! И вдруг – солнце в глаза, синее космическое небо. Космическим, а не земным оно кажется потому, что зеленых гор, оранжевых ниточек дорог внизу, за пеленой высоты, больше не видно. Облака, пушистые и белые, с искорками. Безмятежные, царящие в восторженной тишине. И я смотрю на них непривычно: не снизу вверх, а сверху – вниз, то есть вижу их со стороны солнца. На земле об этом можно только мечтать.

Вот облако, розоватое от марганцевого солнца, соляным столбом

уходит далеко вниз, и вдруг-провал: на секунду видна далекая земля, темно-зеленая под облаками. А впереди -белоснежная пустыня, не жаркая и не холодная. Пространство такое огромное, что самолет гудит, но, кажется, не движется, словно повис на нитке. А коммерсант все читает газету.

Иллюминатор для меня – что для ныряльщика подводный мир. Все, очарованный, запоминай! Вот впереди слева -дом в куржаке сумрачного зимнего предвечерья. Высокие, с изгибом, тополя под окнами – все в искрящемся инее. И как будто улица. А в конце ее – тьма ночи. А чуть дальше, на краю облачной пустыни, расстилающейся ковром под самолетом, словно замер белый кустистый сноп взрыва. Звuka нет, а взрыв вижу...

Смотрю на часы, такие, кажется, странные в этом мире облаков, что за иллюминатором. Двадцать минут висел, нудя, самолетик над белым миражом! И снова вдруг пустыня закончилась, и последнее облако отвесно, как лед под воду, ушло вниз... И взгляд падает, ему зацепиться больше не за что, падает до самой земли. И сердце, останавливаясь, падает, падает без парашюта.. А-ах!

Все кончилось, самолет начинает снижаться. Земля с желто-золотистыми полями, зелеными живописными холмами, лирическими, – даже видно! – шелестящими на ветру березами с белыми стволами, сразу становится реальной, приближающейся.

Алтай!

...Легкая усталость в голове. Привычно выходят из кабины летчики. Было ли небо? А тебя со всех сторон обступают тоже привычные текущие заботы. И о полете думаешь: обычное, в сущности, дело. Но почему так волновалась душа? Глядишь с удивлением, как после сна, на небо. Уже снова с земли. Оно, недоступное, хранит молчание. И ладно! Меня ждут теперь земные красоты, похожие на миражи – Алтайские миражи!..

Эдельвейс бирюзовой Катунь

Не видал ничего живописнее поймы Катунь. Вот самолет (опять самолет!), ибо на Алтай – только самолетом, с гор вылетает, как на свободу, к бескрайним хлебным алтайским полям. Они холмистые, с островками березовых колок, зеленеющих в солнечном золотом море. Вот уже проносится под крылом (земля близко) темно-зеленый пушистый сосновый бор и... зажмуряешь глаза. Солнце, зеркальной вспышкой отражаясь в Катунь, оттуда, снизу, ослепляет тебя как

огненной сваркой. Зеленые кущи берез, тальника, тополей щедро опушили степное русло и множество широких и узких рукавов бирюзовой Катунь. Вода до того изумрудно-красиво поблескивает, что кажется неестественной, нарисованной. Нигде больше не доводилось видеть такой пронзительно бирюзово-слюдяной воды.

Чуйский тракт – единственная значительная на Алтае дорога. Многие десятки километров она идет вдоль Катунь. За Маймой справа от дороги скрывается турбаза «Юность»... Где цветут жарки, синенькая медуница, а где уже поднялись пахнущие горячим ароматным сеном стожки... Но самое красивое место, пожалуй, перед Усть-Семой. На горячем солнце краснеют высокоствольные сосны, пахнущие смолистой хвоей. Сосны растут меж скал-валунов, а вдали переливается зелеными искорками полоска реки.

Навесной мост через бурную, часто порожистую Катунь – редкость. Но именно такой мост, покачивающийся, скрипучий, ведет вас поперек реки на берег, сразу круто поднимающийся к живописно-горному озеру Ая. Кипит и шумит река, урчит, как дикий зверь. Посередине, на острие течения, – скалистый остров с березами и соснами, серые валуны, выступающие из ревущей, завихряющейся воды, которые здесь зовутся лбами.

Сумерки. Зудят редкие комары. И чем больше наполняется темнотой воздух, тем слышнее громыкает, переливается говорливая река. Вот уже совсем темно, что на берегу не различить деревьев. А река алюминиево белеет, и если смотреть вдоль нее, то увидишь поднимающийся вечерний парок над поймой. Взгляд достигает видимых верховьев реки, где она чудится с ниточки. А там встают гребнями горы, за которыми тухнет лимонная вечерняя заря. За сотни километров отсюда – там, в верховьях коварной Катунь, где находят неожиданную смерть в ее ледяных струях смельчаки-пловцы, белоснежной вершиной к космическому небу поднимается Белуха. В Усть-Коксе, что расположена на изумрудно зеленой траве приречных луговин, рисовал свои азиатские картины легендарный Рерих. Глядишь на просыпающееся искорками ночное небо Алтая, и начинаешь верить в слова поэта, что «...звезда с звездой говорит». И так явственно в эту минуту чувствуешь неведомого Бога.

Но вот приходит утро. Пустынная, тем и сказочная тропинка бежит вдоль берега хохочущей реки. Тонкие березки хранят под листвой се-

ребряные от росы цветочки ландыша. Пахнет мятой, а на скошенной полянке уже золотятся пуговики подорожника. Тропинка ползет вверх, через оголенные корневища сосен.

Позади утренний лес. Покатый взлобок горы доводит до испарины на лбу. И уж солнце припекает вовсю. Срываю под ногой стрелки дикого пахучего чеснока. Стрелки зеленые, с сизым налетом. Горько!

Впереди, на взлобке, заросли, да такие густые, какого-то кустарника. Он весь – в белом кипении. Ба! Да это же белый шиповник! Так как я его никогда раньше не видел, то первое, что приходит на ум, – это слышанная рок-опера А. Рыбникова «Юнона и Авось», а точнее, – слова, написанные для нее Андреем Вознесенским: «Белый шиповник – страсти виновник...». Потом уж пристально разглядываю я звездочки-цветочки тонкого аромата шиповника. А ведь многие с детства привыкли к розовому шиповнику. Я даже стихи такие помню:

*Цветущий шиповник прекрасен,
Он льет аромат во тьму...
Он, словно как розовый ангел,
Забредший случайно в траву.*

...А зеленая жилка петляющей Катунь отсюда, с высоты орлиного полета – вся как на ладони. А над ней – нагромождение гор, как мебели на сцене театра. Только горы живые, как и облака над ними с летящим (едва звук слышен) самолетом.

Начался и тут же кончился мелкий соснячок, вот небольшой подъем на скалу. А за ней – волнуется под ветром шелковистая трава. Над ее согнутыми зелененькими спинками одиноко – то тут, то там колышутся белесые, с пепельно-зеленоватым оттенком головки незнакомых мне цветов. Сорвал один, покрутил в пальцах: ни дать, ни взять – белый, даже как бы чуть поблеклый лютик. Запах терпкий, но глубинный, едва уловимый.

Спрятал цветок этот в книжку, а когда потом показал его знающему человеку, тот не глядя на меня, а только на цветок, удивленный такой неожиданностью, сказал: «Так это же эдельвейс!» И я, не веря еще услышанному, тупо уставился на сорванный цветок: «Это? Эдельвейс?!».

Его зовут на Алтае цветком мужества. Считается, кто нашел эдельвейс, тот нашел свою судьбу. Так и звучит во мне музыкой ушедшего лета, перекатами бирюзовой Катунь имя сказочного цветка.

Золотая слеза Алтая

Передо мной лежит книга «Алтайский край», изданная на прекрасной глянцевой бумаге. С изумительными по качеству цветными фотографиями. Именно она стала в числе первых, выпущенных под серией «Туристские районы страны». Алтай – удивительно живописный, нежный край – заслуживает того, чтобы с него открылась эта серия книг, которая интересна не только для туристов.

По одной из версий, Алтай – слово монгольского происхождения. Означает оно – «золотоносный». Ох, много здесь мест, из которых бы не уезжал! Но среди них едва ли не первое займет Телецкое озеро. Его называют еще «маленький Байкал». Оно и так. Ширина доходит до полутора-двух километров, длина – свыше 77 километров! Названо было так озеро по племени телеши, которое когда-то жило в этих краях – далеких, горных. А истинное название озера – «Алтын-Коль», или «Золотое озеро». Смотришь на географическую карту, и сразу бросается в глаза голубой Байкал, Иссык-Куль. А где же Телецкое? Вот оно, чуть ли не под боком Хакасии! Почему бы не побывать?

...И вот – костер, картошка, гитара, новые друзья из Барнаула и Новосибирска. Июль – теплая, тихая здесь пора. Над озером, на березовом пригорке, в темноте ярко вспыхивает костер – и снова успокаивается. И поднимаются к березовой листве задушевные, задумчивые слова:

*И в каждый вечер,
в час назначенный –
Иль это только
Снится мне?..*

Над костром – белоствольная, с величавым изгибом береза. Свела сережки, как женские украшения. А сквозь них синим пламенем просачивается свет полной луны. Она поднялась далеко – там, над отвесными хвойными горами, что резко спадают к берегу озера на его противоположной стороне, и проложила по глади Телецкого ослепительную в темноте дорожку. Только угадываются в этом лунном сумраке, разлитом над озером, его очертания. Все загадочно и первозданно, как и тысячу лет назад.

Начальница турбазы «Золотое озеро» Татьяна Белова – душа всех, кто отдыхает здесь. Туристка, если можно так сказать, прожженная. Прошла Памир, Тянь-Шань, Белуху, Домбай... Про нее тут шутят: «В Телецком четырнадцать видов рыб. Татьяна – пятнадцатая». А Татьяна – уже под пятьдесят. Теперь она прочно прописалась на Телецком.

– Не понимаю городских людей, – говорила она. – Ходят по Эрмитажу или Русскому музею и, глядя на картины природы, заламывают руки: «Ах, чудесно, ах, великолепно!»... Да ничего лучше самой природы нет! Ночь в горах ли, в тайге не заменит мне даже самой гениальной картины.

Палаточный турлагерь был открыт на Телецком еще в 1928 году. Потом на его месте и была создана первая турбаза на Алтае – «Золотое озеро». Доехать сюда из Горно-Алтайска на автобусе – не шуточное дело. 160 километров – и каких! Асфальт чередуется с грязью, грязь – с сухими рытвинами. Шесть часов наш автобус мотало-изматывало в тот знойный день. На градуснике было 34 жары, а в автобусе и того больше. Остановка. Все гурьбой бегут к колонке с ледяной водой, из банок льют ее себе на грудь, не голову... Визг, уханье, фыркание... Хорошо!

...Из Телецкого вытекает всего одна река – Бия, и этим оно тоже похоже на Байкал, который отпускает от себя одну только Ангару. Озеро ровное – и вдруг земля как бы опускается, и вода широким могучим потоком, прыгая через валуны, закручиваясь в бурунах, устремляется меж скалистых полуостровов с хвойными деревьями, крутых гор – вниз, к далекой Оби. Дорога над Бией – высокая, опасная. Не один автобус, грузовая машина срывались, прямо в зеленую глубину, безвозвратно с этой удалой дороги. Зеленые лужайки, верхушки сосен, песчаные косы среди высоких каменных гряд – такой вид открывается с высоты дороги на неукротимую Бию.

От турбазы вдоль озера тянется, порой между палаточных городков – цветных и нарядных, – тележная дорога. Зеленый решетчатый забор. На нем – надпись: «Исследовательский центр Академии наук». Какой только растительности нет на территории исследовательского центра! Здесь сошлись сибирский кедр и вяз, резной дуб и игольчатая сосна... Целый дендрарий! Жесткие, четко очерченные листья дуба сорвал на память, для закладки в книги. Сказали, будто за зеленой решеткой цветут и олеандры – южные, прихотливые растения. Уникальны, видать, возможности алтайской земли.

Дня через три, как мы поселились на «Золотом озере», сюда нагрянули (буквально так!) экстрасенсы: 460 человек. Прибывали они ночью. Отряды человек по двадцать безмолвно шагали под лунным сумраком к зданию начальника турбазы, молчаливо ожидали ее указаний, молчаливо покидали наше расположение. Все происходило словно во сне. И потом свои занятия – порой шумные (поход «гусе-

ницей» в горное ущелье, омовение в озере и т. д.) тоже почему-то они проводили ночью. Программа регионального семинаре экстрасенсов (от Москвы до Хабаровска) была сжатой. Но не в этом причина. На Алтае, оказывается, особенно на Телецком озере, – уникальное место, где можно заряжаться космической энергией. Эффективнее, по мнению экстрасенсов, это происходит под звездным небом. Потому и мы не спали вместе с ними.

За соснами, у пристани, покачивался на волнах (они тут как на море), старый теплоход «Пионер Алтая». С новыми друзьями мы решили прокатиться на теплоходе по всей длине Телецкого. Это заняло целый день. Начиналось плавание в утреннем тумане (кругом горы), а закончилось вечером с предзакатным солнцем. Больше всего на маршруте запомнилась тридцатиминутная остановка у водопада Корбу. Галечный берег, чуть ли не таежные заросли и валуны, а над ними – мокрый от росы и вчерашнего дождя мостик. Он выводит прямо к водопаду. Между прочим, здесь поблизости находится самое теплое место на Алтае.

Вверху каменистой горы, меж двух валунов размером с деревянный дом каждый, обрывается вниз на двенадцать метров водопад Корбу. Уже на расстоянии пятидесяти метров чувствуется его «дыхание» – сплошная водяная пыльца, которая, неприметно оседая на одежде, делает ее почти влажной. Упавшая с высоты вода зигзагами, словно напуганная, уходит между рассыпанных, как попало, валунов к Телецкому озеру. Сфотографировавшись, подростки возвращаются к теплоходу и успевают искупаться в ледяной воде. Когда отплыли – этот чудесный горный водопад своим шумом все напоминал о себе. А еще выше, где в горе растут кедровые ели, витиевато, в белой пене, спускалась вода, закрытая лапами хвойных деревьев, к бурному водопаду.

Зимой этот водопад – достопримечательность Телецкого озера – нередко превращается в сплошную глыбу льда. Большинство горных рек на Алтае – с бурным течением и порогами. Многие имеют водопады. Узнал, что река Корбу имеет длину всего 8 километров, и водопадами она стремится к озеру. Самый мощный из них – в ста метрах от устья реки. Его мы и рассмотрели. А самый живописный водопад – Аюкчекес – ждал нас впереди. Многочисленными каскадами он устремляется с высокогорного хребта в озеро. Видно его долго с движущегося теплохода: как на картинке.

Вдруг горы – лесистые, пикообразные или, точнее сказать, пирамидоподобные, расступились, и в иллюминатор все увидели северную

оконечность озера. На песчаном берегу, заросшем соснами и тальником, вразброс, среди обкатанных водой бревен, теплоход с нетерпением ждали туристы-ночевщики. Начинался дождь. Между прочим, с этого края озера не так уж далеко до «таежного тупика», где жили Лыковы, а теперь – одна Агафья: каких-то три горных перевала, а так – около 70 километров. Об этом поведали уставшие, продрогшие туристы. Словом, Хакасия была недалеко. Я посмотрел в ту сторону – и меня потянуло на родину.

...В окрестностях Телецкого озера, за хребтами, один охотник в прошлом году нашел стальной обгоревший лист. Сделал из него большой охотничий нож. Через полгода этот охотник внезапно умер. Как потом выяснили, сталь эта была радиоактивной. С чего бы? Оказывается, за Телецким озером от космических ракет, стартующих с космодрома Байконур в Казахстане, отрываются их ступени и падают в тайгу. Еще довелось услышать, уже в Абакане, что такие куски металла непонятного происхождения можно найти в междуречье Большого и Малого Абакана. Это – в том же краю, к слову сказать. Да, места тут и там – глухие, отдаленные, и вполне возможно, что их таким образом втихомолку и использовали – а может, и сейчас используют. Ведь до сих пор многого мы не знаем. Вот тебе и дикие, первозданные пределы!

К этому могу только добавить следующее. Вечерами на крыльце коттеджа, где мы жили, на свет летели красивые голубые бабочки. Никакие – только голубенькие! Это, говорили бывалые люди, подтверждает то, что на Телецком высокий радиоактивный фон. Но кто его здесь когда проверял? Между тем – туристические кругом места.

Нигде, кроме как на Байкале, не встречал такой холодной, ледяной воды: как будто только растаял лед. У озера одна особенность: вода здесь – «тяжелая», со свинцовыми примесями, что ли. Поэтому трудно найти того, кто утонул. Старожилы близлежащей деревни Иогачи рассказывали, что на дне озера сохранились трупы людей, убитых здесь в боях еще в гражданскую войну. Сохранились, потому что в глубине – нетерпимая вода: как из проруби зимой.

Вот такое оно – Телецкое озеро. Красивое, загадочное и коварное – впрочем, как почти все озера и реки на Алтае. Здесь действительно ощущается близкое родство с космосом – так тихо и загадочно кругом, а звездное небо – подать рукой.

До свидания, золотая слеза Алтая!

3. Горная Шория

Сарчын – знак единения

От Верх-Таштыпа до Хайгазинского перевала (название он получил от одноименной речки) где-то двадцать пять километров. Именно здесь проходит водораздел, и здесь же – граница между Хакасией и Горной Шорией. На самом гребешке перевала наша экспедиция установила у огромной (шаманской) ели лиственничный памятный столб – сарчын. Он является теперь не только пограничным символом, но и знаком единения дружественных малых народов.

Здесь и прошли ритуальные действия, которые провел сотрудник ХакНИИЯЛИ В. Топоев, шаман и шаманист. Был совершен обряд возжигания огня, поклонения ему, обряд освящения и окропления земли, коновязи, а также повязывания на священную березу «Пай Хазын» трехцветных ленточек – чалама...

С перевала вездеходы устремились вниз, слева стеной стояла уже шорская Куль-тайга (озерная)... Еще тридцать пять километров по трудной и живописной горно-таежной дороге – и мы в селении Кичи. Здесь нашу экспедицию встречал Г. Челбогашев, заместитель главы администрации Таштагола. Дружеские рукопожатия, восклицания, видеосъемка, обед (а скорее, уже ужин), и мы, пересев на мощный

«Урал», еще преодолеваем на нем сто километров уже по грунтовой дороге до Таштагола.

Этот городок расположен среди гор и лесов. Он встретил нас поздним вечером накрапывающим дождем. Зато гостеприимные таштагольцы, заждавшиеся экспедиции, – хлебом-солью, улыбками, цветами, кедровыми орехами и, конечно, национальным напитком араке... Праздник встречи завершился в ДК «Горняк», где на видном месте вывешен портрет известного шорского писателя С. Торбокова, которому мы привезли поклон от аксакала хакасской литературы Г. Сысолятина – по его личной просьбе.

Семинар-симпозиум открылся на следующий день. С приветственным словом к его участникам обратился мэр Таштагола В. Макута. Основная мысль его выступления: коренные дружественные народы должны у себя, на малой родине, развивать и укреплять у молодежи тягу к родному языку и литературе, истории и археологии, краеведению. «Подобные экспедиции, посвященные Дням тюркской письменности и культуры, – далее заметил он, – лучше всего способствуют нашему взаимообогащению».

Большую роль в поддержке экспедиции, проведении на шорской земле семинара-симпозиума сыграли председатель правительства РХ Алексей Лебедь и губернатор Кемеровской области Аман Тулеев, находившиеся в курсе всех наших дел. Губернатор области приветствовал участников и гостей семинара-симпозиума личным посланием.

«... В 1993 году общественность России, ведущих тюркологических стран, тюркского мира торжественно отметила 100-летие дешифровки орхоно-енисейской (древнетюркской) письменности, родиной открытия которой является Хакасия.

Этот знаменательный юбилей способствовал повышенному интересу, особенно в России, к тюркскому прошлому: созданию конгресса тюркских народов, изданию новых уникальных книг, проведению серии симпозиумов, конференций, фестивалей и других мероприятий.

Возникшая в эпоху средневековья в государстве енисейских кыргызов орхоно-енисейская письменность была затем использована другими тюркоязычными народами Саяно-Алтайского нагорья. Это обстоятельство до сегодняшних дней сближает народы Тувы, Хакасии, Горного Алтая, Горной Шории и позволяет надеяться на дальнейшее развитие деловых и дружественных связей между нашими регионами...»

Приветствие губернатора перед собравшимися огласил П. Акуляк, председатель комитета малочисленных народов Кузбасса.

Семинар-симпозиум, собравший общественность Таштагола – ученых, педагогов и школьников, – проходил почти целый день. Завершился он на священной для шорцев горе Мустаг, расположенной неподалеку от Таштагола. Обряд шамана у священного костра совершил в присутствии представителей народов Тувы, Хакасии и Горной Шории шаманист В. Топоев... В знак того, чтобы малочисленный шорский народ креп и множился, по национальному обычаю участники ритуального действия, стар и млад, привязали к священной березе миниатюрные детские колыбельки, сделанные из бересты...

Но на этом еще не закончилась официальная программа семинара-симпозиума! Хозяева и гости автобусами доехали до поселка Шерегеш, где местным жителям был дан большой этнофольклорный концерт.

На следующий день для участников семинара-симпозиума и гостей была организована экскурсия по Таштаголу с посещением уникального во многих смыслах музея этнографии и природы Горной Шории.

... Дорога в Новокузнецк протяженностью в двести километров была заключительным аккордом пребывания экспедиции на древней шорской земле.

До свидания, чистый, светлый край, населенный добродушными людьми. Мы не забудем этой поездки дружбы никогда!..

Сердце Шории

Для кого-то сердце Шории – город Таштагол, где проживает большая часть коренного населения, для другого – нескончаемые живописные горы, третьего – лучистые горно-таежные реки... Для меня же сердцем Шории стал... музей этнографии и природы. Здесь тепло душе от увиденного. Такое же мягкое, спокойное впечатление осталось у меня и от шорского народа.

Горная Шория... С незапамятных времен здесь живут потомки енисейско-остяцких племен – те, кто по имени своего самого крупного рода был назван шорцами. Кстати, члены нашей научно-культурной экспедиции из Хакасии немало были удивлены, увидев при входе в музей портрет ученого-путешественника В.В. Радлова, который и ввел в научный оборот термин «шорцы». А удивились потому, что, оказывается, многие из нас впервые (!) увидели его портрет. До этого не приходилось... Труды ученого – путешественника (как, например, «Из Сибири») остались, а вот запечатленного облика, думалось, нет – и вдруг... Ведь жил академик, один из крупнейших тюркологов мира,

в XIX, считай, веке. И сразу у нас появилось уважение к заботливым работникам музея.

Первые свидетельства о немногочисленном, но трудолюбивом и очень самобытном народе – шорцах – отмечены в письменных свидетельствах XVII века. Тюркизированные, если можно так сказать, татаро-монголами, пройдя через притеснения сильных соседей-кочевников, испытав зависимость от русского царизма, шорцы все же сумели создать свою неповторимую культуру. Об этом можно прочитать в музейном проспекте, написанном директором Н.А. Сихалевой. Но Надежда Алексеевна сама водила нас по чудесным залам уютного музея, и мы увидели, почувствовали то, о чем говорится в изданном ею проспекте. Да, именно в музее, на мой взгляд, бьется сердце самобытной культуры шорского народа.

Мы были в Таштаголе в год, когда музею исполнилось ровно десять лет. Надежда Алексеевна нам рассказывала, как в 1989 году началась работа по созданию этого первого в России этнографического музея Горной Шории. В его организации активное участие приняли местные краеведы, ученые-историки Кемеровского университета, представители шорской общественности. Запомнились ее слова и о том, что музею, тем не менее, время от времени не везет – то ли в подборе помещения, то ли хранении сотен и сотен экспонатов, то ли еще почему-то... И так она загорелась душой, когда узнала, что среди членов нашей экспедиции есть шаман Валерий Степанович Топоев! Она просила его помочь, пошаманить в стенах музея, умоляла об этом, когда мы уже сидели в автобусе, и долго еще разочарованно стояла, глядя отъезжающему автобусу вслед... Но... но время наше было ограничено, а для соответствующего ритуала, убеждал ее Валерий Степанович, нужны несколько десятков минут. Их не было... Он ей пообещал повторный свой приезд в Таштагол, но директору музея почему-то надо было (хоть чуть-чуть!) пошаманить именно в этот день!..

Вот так умеет болеть за свое детище Надежда Алексеевна. Верим, верим мы в потусторонние силы! И потому (музей-то создавался уже не в однозначно атеистическое время) сердцем его является сейчас зал духовной культуры. В центре его расположена пространственная композиция «Береза и крест», символизирующая равноправное единство двух религиозных воззрений в сознании шорцев – шаманизма и христианства – и как бы призывающая людей к взаимной веротерпимости и более глубокому пониманию мира.

Береза и крест расположены под куполом земной сферы, состоящей

из девяти поясов. Слегка запрокинув голову, можно долго любоваться лучистой красотой этой светящейся сферы. Символом же Вселенной для шорцев является бубен из кожи марала. Медведь же (мокай) символизирует природную силу Шории.

Ну, еще немного о символах. К Русскому государству Кузнецкий край был присоединен в 1618 году. Это дата основания Кузнецкого острога. Всем известен государственный символ России – орел, держащий в когтях скипетр и корону. Орел – хищник в птичьем мире, именно он и взял под свое крыло малочисленные племена малых народностей – в данном случае Сибири. Так понимают шорцы свое вхождение в состав России.

В одном из начальных разделов экспозиции музея рассказывается о научных исследованиях Горной Шории. Здесь представлены портреты В.И. Вербицкого, деятеля Алтайской духовной миссии, много лет отдавшего изучению кузнецких татар, шорского миссионера И. Штыгашева, автора первого шорского букваря, советского этнографа Л. П. Потапова, написавшего известные «Очерки о Горной Шории». В.И. Вербицкий, кстати, – наставник знаменитого на весь мир хакасского ученого Н.Ф. Катанова. Этот факт для меня был открытием, хоть и поздним. Как же духовно, подумалось, взаимосвязаны народы Саяно – Алтая! Даже вот в создании музея в Таштаголе шорцы заимствовали опыт профильных работников музеев Абакана, Горно-Алтайска, Кызыла...

Шорцы, говорила Н.А. Шихалева, на кузнецкой земле обитали еще пять–восемь тысячелетий назад. Они держались в родовых общинах охотников и рыболовов. Но, в отличие от других сородичей – тюрок, грузы перевозили не на лошадях, а быках, ибо издавна в шорском языке не было слов «шлея», «хомут» и т.д.

Еще одна любопытная деталь: нагрудным оберегом шорцев является... ракушка. Не потому ли, что в Шории много рек и речек? Слово «ракушка» по – шорски звучит очень поэтично – «каури». Первая же азбука по обучению грамоте шорских инородческих детей вышла в Томске в 1906 году. Так народ Кузнецкого Алтая обрел свою официальную письменность.

В Шории названия поселков носят имена их первых жителей: например, мы были в небольшом поселке Шерегеш. Его название произошло от фамилии шорца, когда-то нашедшего здесь залежи железной руды. До того, как научиться изготавливать чугунные рукомойки – уже после влияния на хозяйственный уклад шорцев русских пересе-

ленцев, – коренное население изготавливало (варило) из пантов марала действенное лекарство пантокрин и возило его на продажу – знаете, куда? – даже в Бухару, Хорезм, Хиву, Китай! Свой хлеб шорцы пекли «на особинку» – с добавлением трав. Он получался мягким и пряным.

По музею Таштагола ходишь, как по тайге. Вот раскрыла ужасную пасть, подняв когтистую лапу, медведица с медвежонком, вот сквозь кусты крадется волк, в зарослях прячется лиса, немигающими глазами смотрит на тебя хищная рысь, куда-то испуганно торопятся кабарга, косуля... А на поваленном стволе кедра ли, ели замерли перед юрким прыжком соболь, норка. А над ними, в ветвях, гордо затаился черный вещий ворон... У-ух! «Здесь чудеса, здесь леший бродит!»

Лыковская стоянка. Именно тут, в музее, я впервые воочию увидел предметы обихода, взятые из легендарной уже семьи Лыковых. Берестяной короб. Пила. Ловушка для мелких зверей. Веретено. Ножовка. Овечья шерсть. Сапоги... Здорово, особенно для того, кто не побывал в верховьях Абакана, где из всех Лыковых осталась жить-доживать свой век одна Агафья, дочь набожная.

Шорцы, как уже легко заметить, – тоже набожный народ, сочетающий в своем веровании две религии. Для них было и остается, наверное (не уточнил), святым делом жертвоприношение. Своему доброму покровителю – Ульгену – они приносят в жертву жеребенка. На жертвенного жеребенка никогда не надевали узду, не садили всадника...

Обряд жертвоприношения происходил на чистой земле. Жеребенка подвешивали за ноги к четырем столбам распятия и, чтобы не пролилось ни единой капли крови (особенность!), его душили, а не резали... После жертвоприношения начинался другой обряд – кочакан. Это был чисто эротический обряд, но направленный не на увеличение потомства в том или ином шорском роду, а на увеличение численности... соболей в тайге!

Да, самобытно сердце шорского народа. Если бы и дальше, как в советское время, продолжалась переплавка всех наций и народностей (в единую семью – общность «советский народ»), шорцы как один из самых малочисленных этносов, утратив свои корни, могли бы исчезнуть бесследно...

Вот почему современный музей этнографии и природы я воспринял как сердце Шории. Здесь коллектив много делает для того, чтобы в замечательном по красоте уголке Сибири воспитывать в людях любовь к природе Горной Шории и уважение к самобытности характера ее малочисленного, но прекрасного народа,

Саяно-Алтайское нагорье: Эдем... Сибирский эдем?!

(так считает Аджи)

В Хакасию приезжал как-то известный тюрковед с мировым именем Мурат Искандерович Аджи – историк, этнограф, писатель. Москвич. Родителей его отца расстреляли, и тот с братом, сам двенадцати лет от роду, беспризорником оказался в Москве. Тут, в столице, и родился Аджи, приобретший сейчас, благодаря своим трудам, мировую известность.

Так вот, Мурат Искандерович считает, что понятия «Саяно-Алтайское нагорье» не существовало. Наука использует другое словосочетание: «Древний Алтай». Его земли распространялись от Алтая до берегов Байкала. Именно здесь, на юге Сибири, и прорастала тюркская культура. Кстати, Эдем – второе название Древнего Алтая. И выходит, что рай на Земле зарождался здесь, в Сибири. И все-таки тем, кто проживает у Саян, понятие «Саяно-Алтайское нагорье» ближе. И потому мы, как патриоты земли своей, от него не отступим.

ТЮРКИ... Как переводится это слово? Оказывается, «крепкий, сильный». А раз так, пора по-новому взглянуть на роль тюрков в истории становления Европы, да и всей мировой цивилизации. Они жили, помимо других мест, и по берегам Енисея – «Анасу». А это слово в переводе на русский означает «Мать-река». Есть, правда, и другие варианты, но этот очень даже показательный.

В настоящее время пятьдесят восемь народов мира принадлежат к тюркской (степной) культуре. Всего один миллиард человек! Не значит ли это, что в свое историческое время они оказали соответствующее влияние на ход развития земной цивилизации?!

Верой Великой Степи являлось понятие «Тенгри». Сравните: Хан-Тигир (Бог Неба)... Эта вера в свое время и явилась основой буддизма, христианства, ислама... Да-да. Вы знаете, на каком языке написан текст Библии? На тюркском! Эти скрижали были обнаружены в Ватикане. Более того, ученые докопались и до того, что этот древнетюркский текст Библии был привезен – правда, неизвестным казаком, с Дона, города Тана!..

Раз уж зашла речь о Писании, то коснемся и известных сказок Шахерезады «1001 ночь». Сказки эти ...тюркские. Подтверждением этого факта служит найденный в Багдаде их оригинал. Другое дело, что впоследствии эти сказки были переведены на арабский язык, но и то не

полностью. Переводчик XIII века написал по-арабски чуть больше 400 сказок и умер...

Копнем глубже. Оказывается, последний император Римской империи был по происхождению... тюрком. Каждый второй римский папа (Средние века) – тоже. Более того, Римская империя, Византия (это тоже исторический факт) 150 лет платили дань Великой Степи, ежегодно – 200 килограммов золота!.. Заодно скажем, что Кумания – второе название Степи. Это понятие на нее распространялось в пределах Дона и Днепра. А духовным символом Кумании была птица – лебедь.

Между прочим, казаки – это тоже тюрки. И не только потому, что в XVIII веке преподавание, насколько оно тогда было возможным, велось у них на кумыкском языке. Не только! Дело в том, что казаки и сейчас говорят на этом тюркоязычном лексиконе.

Где проживают казаки – тоже известно. Почти в тех местах, где разворачивались события, описанные в «Слове о полку Игореве». А притом до сих пор ученые не знали, кто является автором этого уникального литературного памятника древности. По крайней мере, в советское время об этом не сказано было ни слова, причем даже академиком Дмитрием Лихачевым. Уж кто-кто, а он-то знал об этом, но вот молчал: политика! Оказывается, автором «Слова...» был, и это исторически зафиксированный факт, сын хана Кобяка, то есть тюрк.

И что было официальной науке морочить головы студентам, школьникам, окутывать романтической тайной столетий имя автора «Слова о полку Игореве»?!

Теперь о Тарасе Шевченко, тоже родом из тех днепровско-донских мест. Лингвисты, занимающиеся сравнительным языкознанием, пришли к заключению, предварительно изучив творчество писателя, что 60 процентов слов из произведений великого кобзаря – тюркского происхождения. Да и само слово «кобзарь» восходит к этому языку: кобзарь – кобзе – хобус – хомыс!

А вы когда-нибудь задумывались над этимологией слова «славяне»? След этого названия, оказывается, тянется от слова «слейв», что в переводе «рабы». Так называли в свое время римляне притесняемые ими народы на Севере. Сама фамилия царской династии России – Романовы – между прочим, тоже, однако, восходит к тому времени и переводится как «римские». На самом же деле, до царствования, фамилия у представителей будущей царской династии была чуть ли не... Кошачкины.

Чудеса, да и только, если снять пыль с истории веков. И потому ве-

личие А.С.Пушкина, помимо всего прочего, считает Мурат Искандерович, заключается еще и в том, что он первым среди российских писателей стал создавать свои произведения на чисто русском языке, но... Да, есть и тут одно «но»! Сюжеты, между тем, многих сказок Александра Сергеевича – все-таки тюркские.

О немцах мы еще поговорим чуть ниже, сейчас же лишь скажем, что они не меньше, чем славяне, имеют тюркские корешки. Косвенное подтверждение тому – их отчасти степной образ жизни. Так, в Саксонии до сих пор активно увлекаются коневодством и с удовольствием пьют кобылий кумыс.

А теперь снова углубимся в историю, вплоть до средневековой инквизиции. Она-то по какой причине объявилась? Для этого надо вспомнить, куда вели свои степные войска Батый, а потом и Чингисхан. На Запад. У того и другого полководца был даже один и тот же клич: «Иди вперед, на Запад, до последнего тюрка!» Средневековая инквизиция явилась впоследствии ответом на этот татаро-монгольский вызов. В кострах инквизиции сжигались преимущественно тюркоязычные люди, их книги, написанные на восточном языке. Если короче – инквизиция стирала следы прошлого нашествия тюрков.

В это время как раз и появились иезуиты. А это кто такие? Это были сами... тюрки. Их действия были похожи на самурайские. Они сами стали уничтожать... себя и свою литературу (не все, конечно). Почему же? Чтобы таким образом приспособиться к Европе, чтобы не допустить до полного уничтожения свой народ!

Впечатляет?..

А теперь скажем несколько слов об обещанных немцах...

Поразительно следующее: многие древние фамилии великих военачальников Германии, коснемся их этимологии, тоже тюркского происхождения. Но если учесть, что до XV века тюркский язык был основным языком общения в Центральной Европе, то ничего поразительного в этом нет. Сама тюркская культура, распространяясь, со временем достигла и берегов туманного Альбиона. В Англии вплоть до нашего времени сохранились, представляете, древние курганы.

Это, если посмотреть на север. А на юг? Та же, допустим, Венеция стоит в воде на... сибирской лиственнице!

Получается, что на определенном этапе развития истории тюрки действительно явились корнем как европейской, так и мировой цивилизации. Это подтверждает и архитектура многих современных европейских городов.

А знаете, почему была построена Великая Китайская стена? Чтобы китайцы не убегали на север, где жили тюрки (и жили весело, как утверждают летописи). Между прочим, китайцы и сейчас в поисках лучшей жизни бегут сюда же, в бывший сибирский Эдем.

Остается добавить, что эта Великая Китайская стена была построена как раз на границе с государством тюрков.

Можно верить этому или не верить, но все выводы М.И. Аджи основаны на строгих исторических фактах – по крайней мере, так он утверждает... Взгляд, согласитесь, интересный, хотя и спорный. Но почему бы его не привести в качестве хотя бы разминки для будущих горячих дискуссий?

Саяно-Алтайское нагорье – великая прародина хакасов, тувинцев, шорцев и алтайцев. Это, в отличие экстраординарных заявлений Аджи, – аксиома. Недаром в истории эти народы связаны кровными узами, которые не исчезли с течением времени.

Потомки должны помнить своих великих предков.

Индустрия туризма – новая отрасль

(послесловие)

На рынке труда давно и прочно завоевали себе место не только так называемые престижные профессии (экономист, юрист, бухгалтер, менеджер и т. д.), но возросла необходимость и в профессиях инженеров, техников, специалистах среднего звена, постоянно требуются квалифицированные токари, слесари, механики... Но сейчас, в том числе и у нас, в Хакасии, быстро начинает развиваться новая и во многом специфическая отрасль: индустрия туризма, музееведения. Это требует специалистов нового профиля, ранее вообще не готовившихся по государственным или частным специальным программам. В беседе с директором Абаканского Центра занятости населения Д.О. Гаеком мы говорили именно об этой специфике современного рынка труда, который (и это тоже важно), ждет не одних только женщин...

– Дмитрий Олегович, насколько осведомлены о возможности получить совершенно новую профессию в сфере, на которую раньше почти не обращалось никакого внимания, клиенты Центра занятости населения? И какое официальное (государственное или частное) учреждение инициирует, если можно так сказать, это направление, предлагает новые виды деятельности для желающих попробовать себя в сфере, допустим, туризма?

– Начну с последнего вопроса. Совсем недавно от государственного комитета по занятости населения Республики Хакасия пришло нам, как и другим Центрам занятости, действующим в районах, сообщение о том, что на базе ГОУ высшего профессионального образования «ХГУ им. Н.Ф. Катанова» формируется группа «Организация туризма в Республике Хакасия». Набор групп идет. Думаю, наша с вами беседа подтолкнет желающих посвятить себя туризму и музееведению, к принятию должного решения.

– Вы можете уже сейчас потенциальным слушателям в двух – трех словах рассказать, например, о продолжительности, форме обучения, режиме занятий и т. д? Ведь это позволит молодым людям меньше потратить времени на обивание порогов того или иного учреждения в поисках полезной информации.

– Этой информацией я располагаю. Так вот, в категорию слушателей (или студентов) входят безработные граждане, и не только молодого возраста. Форма обучения планируется очная, по 8 часов аудиторных занятий в день. Продолжительность обучения – 144 часа, или 5 недель. Думаю, это вполне приемлемые условия для получения новой,

интересной специальности и в достаточно короткие сроки.

– Скажите, Дмитрий Олегович, какова, в общих чертах, цель обучения по указанному направлению?

– Она сформулирована согласно учебному плану программы «Организация индустрии туризма в Республике Хакасия». Если коротко, – это изучение особенностей организации и ведения туристского бизнеса, деятельности по продвижению туристских услуг с использованием рекламы, основ маркетинговой деятельности предприятий и организаций в этой области, практическое применение знаний по историческому и культурному наследию, а также по подготовке и проведению экскурсий, маршрутов по природным и историко – археологическим объектам нашего региона. Думаю, старательный слушатель, пожелавший изучить этот перспективный бизнес, возьмет очень многое из аудиторных занятий на темы, которые только что были озвучены. Ведь в их изучении – его будущий успех, его будущая зарплата, его, наконец, профессиональный имидж, который в наше рыночное время имеет первостепенное значение.

– Скажите, пожалуйста, какая форма обучения слушателей будет превалировать на занятиях? Ведь будущим специалистам в этой сфере надо будет активно и, что не менее важно, интересно общаться с людьми!

– Это, на мой взгляд, особенно учтено в программе. Помимо лекций, равное с ними значение будет иметь такая форма обучения, как собеседование. Ведь слушатель должен быть эрудирован, коммуникабелен, и эти качества при собеседовании раскрываются в полной мере. Темы собеседований тоже заставят слушателей держать свой интеллект в хорошей рабочей форме. Посудите сами, какие темы предстоит им «застолбить» в голове. Это «Международный туристский маркетинг», «Правовое регулирование туризма», «Публичная организация туризма», «Методика подготовки и проведения экскурсий по природным и историко – археологическим объектам»...

– Извините, что перебиваю, но эти серьезные направления туристского бизнеса не отпугнут ли в самом начале некоторых неподготовленных слушателей?

– Думаю, эффект будет обратный. Ведь обучаться люди идут по желанию, и они как губка воду, будут охотно впитывать знания, которые пригодятся им в последующей работе. А иначе и не стоит начинать. К тому же туризм – индустрия действительно интересная, не только сложная. Помимо уже названных тем слушателям будет преподаны и основы проводничества, спелеоподготовки, горной подготовки, диг-

герства, наконец, способы оказания первой медицинской помощи. А работа с компасом, картой, навигатором, рацией? Разве это не нужно, разве это не интересно? Ведь все мы, в сущности, в душе путешественники.

– Дмитрий Олегович, вот возьмем, к примеру, тему организации экскурсий по природным и историко – археологическим объектам региона. Она, я так понимаю, должна подразумевать, помимо теории, и выезд на места, в том числе и сакральные, почитающиеся в Хакасии как святыне...

– Сумма на обучение каждого слушателя – студента заложена немалая, где – то 15 000 рублей, и она во многом подразумевает расходы именно на реализацию поездок по Хакасии. Люди, выразившие желание заняться бизнес – туризмом, совершат прикладные экскурсии: «Древняя обсерватория на Сундуках» (с выездом в Орджоникидзевский район, село Июс), «Пещера Бородинская» и «Грот «Двуглазка» (Богградский район, село Толчая), «Туимский провал», «Шахты Туима» и «Туим – кольцо», а также «Тропа шамана» (Ширинский район, поселок Туим, село Ефремкино), «Гора Куня», где обнаружены древняя крепость и Подкунинская писаница (Усть – Абаканский район), «Сулекская писаница» (Орджоникидзевский район)... Я специально, как вы заметили, так конкретно останавливаюсь на этих природных и историко – археологических ценностях Хакасии. Пусть и у будущих слушателей, да и у тех, кто будет потом путешествовать под их началом, дух захватит от одних только этих действительно сакральных названий! Словом, есть смысл обучаться для всех, кто понимает толк в искусстве туристского бизнеса, его выгоду. Оговорюсь лишь, что эти так называемые выездные объекты могут быть изменены в зависимости от потребностей районов Республики Хакасия.

– Мы вплотную подошли к тому, чтобы вкратце рассказать о втором направлении обучения по развитию индустрии туризма в Хакасии. Это – музееведение. Тут нужны, я бы сказал, более усидчивые люди, причем с научной, этнографической начинкой, любящие не только копаться в специальной литературе, но и почитающие обряды, костюмы, праздники, игры коренного населения нашей республики.

– Это действительно так. Ведь, помимо изучения истории музейного дела в России, характеристики 15 государственных и основных частных музеев в Хакасии, слушателям предстоит изучить юрту – традиционное жилище хакасов, особенности национального костюма, хакасской кухни, а также национальные праздники, игры и т. д.

Существует и своя методика подготовки музейных экскурсий, те-

перь с учетом особенностей тех или иных категорий туристов – детей, студентов, иностранцев, пожилых людей... А чтобы, допустим, знать, как свои пять пальцев, туристские ресурсы Абакана ли, Саяногорска или Черногорска, юга Красноярского края и соседних республик, а также большинства районов нашей Хакасии, слушателям нужно будет познакомиться с приличным объемом специальной литературы, и не просто познакомиться, а многие познавательные и интересные факты знать просто наизусть!

– Я думаю, и в музееведении есть своя интрига. Ведь нельзя заключить работу в стенах только стационарных – пусть государственных или частных – музеев, потому что в Хакасии в последнее время активно развивается музейное дело под открытым небом.

– Это, конечно, хороший «конек» в деле обучения музееведению, хотя пытливый слушатель найдет свое профессиональное удовольствие исключительно и в музейных стенах. Тем не менее у нас действительно есть широко известные в туристско – музейной историографии России, да и западной части Европы, так называемые музеи под открытым небом. Это Салбыкский курган, Казановка, «Сулекская писаница», легендарная Хуртуях – Тас... Да мало ли!

Заклячая беседу, скажу главное: у индустрии туризма Хакасии – хорошие перспективы, большое будущее. И кто посвятит уже сейчас этому делу свои профессиональные пристрастия и устремления, в выборе своего жизненного пути вряд ли ошибется.

* * *

PS: В Хакасии сотни, если не больше, памятников историко-археологического и этнического наследия – то есть знаковых сакральных мест, с древности окруженных ореолом загадочности и тайны. Между тем до сегодняшнего времени в республике на должном уровне не развиты центры по их представлению в современной форме туристам как из России, так и многих стран мира.

На сегодня, увы, в Хакасии существует лишь одна база отдыха в этническом стиле – «Кюг», что не скажешь о других, расположенных в заповедных местах. Более того: из 104 зарегистрированных туристских маршрутов только 14 (!) могут быть отнесены к экотуризму...

Многие памятники культурного наследия, о которых рассказано в этой книге, еще ждут своего часа, чтобы достойно явиться пред глаза просвещенному миру. Пусть же это издание (есть у автора такая скромная надежда), тоже внесет свою лепту в продвижение, всестороннее развитие индустрии туризма на древней земле Хакасии – заповедной и таинственной.

Содержание

Его кочевая звезда (вместо предисловия)	6
I. Хакасия: древняя, заповедная, таинственная...	10
1. Хакасия таинственная	10
Нечто	10
Горные мифы	13
Хакасия – Мекка для археологов, или Тайны священной горы	18
Каменная книга доисторического бытия.....	20
Ожившие камни	23
«Х–Т», мать всех матерей.....	26
О князьях, балбах и... самогоне.....	31
2. Курганы	34
Хранители вечности	34
Салбыкский курган.....	35
1. Под вечным небом	35
2. С: раскопанная тайна?	42
Казановка нашей эры.....	48
1. Камни-образы, камни-могилы... ..	48
2. К: близкая и далекая.....	58
Ташебинский чаатас	63
1. Раньше Киевской Руси... ..	63
2. Праздник у камня войны.....	67
3. Горы	70
Там, в Караташско-Инейском заказнике... ..	70
1. Восхождение.....	70
2. В обнимку с облаками	72
Млечный путь над Борусом.....	75
Синий Самбыл, или Восхождение к Шамбале.....	80
Ергаки	95
1. Известные.....	95
2. ... и неизвестные	97
Позарымская трагедия	99
4. Пещеры	105
Провал, однако!.....	105
Тайна Кошкулакского подземелья	108
Спуск к ... смерти.....	112
5. Озера	118
Солнечные ванны Шира и немного... северного сияния.....	118
Голубые глаза Беле... ..	125
Иткуля блеск алмазный... ..	131
Лунная ночь над Тусом	136
Синие стрекозы Тагарского	139
Субальпийское блюдо для хариусов	144
6. Древнее, заповедное	149
Сулекская писаница	149
Город юный, город древний, или Абаканский некрополь	160

«За такой находкой стоило проехать несколько тысяч верст...»	165
1. Открытие в степях Хакасии.....	165
2. По следам Мессершмидта	168
3. Уйбату нужен музей	170
Михаил Кильчицаков: «Чтоб было где остановить коней».....	172
Обетованное – Иудино – Бондарево	177
1. Бондарев в Иудино	178
2. Музей? Да, музей!.....	180
3. «Поток туристов будет к нам...».....	182
Саянский острог, или Присоединение Хакасии к России.....	183
«Хакасский» – страна заповедная.....	204
7. Праздник туристический, музыкально-этнический!	210
«Тун – Пайрам»: Курес, хапчан тас, чарыс	210
«Саянское кольцо».....	214
1. Flashback-2007	214
2. Новый виток «Саянского кольца»	218
3. И это все о нем... ..	221
4. «Мир Сибири» – 2012: аккорды «МИРА».....	227
II. Земное ожерелье судьбоносной Хакасии	
(Тува, Горный Алтай, Горная Шория)	233
Усинская тропа	234
1. Правнук «Таёжного волка»	236
2. Альбом из 1913-го... ..	241
3. По горам и дебрям... ..	243
4. Царская дорога.....	244
8. Один брат, две сестры	246
Единый супер-этнос	246
1. Тува	250
В стране голубых гор	250
...И поклониться центру Азии	255
«Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса...»	257
С живыми говоря... ..	260
2. Горный Алтай	264
Полет в облаках.....	264
Эдельвейс бирюзовой Катунь	266
Золотая слеза Алтая	269
3. Горная Шория	273
Сарчын – знак единения	273
Сердце Шории	275

* * *

Саяно-Алтайское нагорье:	
Эдем... Сибирский эдем?!	279

* * *

Индустрия туризма – новая отрасль (послесловие)	283

